

14

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

**АНДРЕ
НОРТОН**

**ВЕДЬМЫ
ИЗ ЭСТКАРПА**

Перевод с английского

МОСКВА

1 9 9 2

ББК 85.7 США
Н83

Составитель А.Белевцева

Нортон А.

Н83 **Ведьмы из Эсткаппа: Сб. фантаст. произведений; Пер. с англ. /Сост. А.Белевцева. - М.: ФЕЯ, 1992. - 381 с. - (Клуб любителей фантаст.)**

ISBN 5-86740-017-4

В книгу известной американской писательницы-фантастки вошли произведения из серии "Мир ведьм", написанный в жанре фэнтези.

ББК 84.7 США

ISBN 5-86740-017-4

- © состав., Белевцева А.Г., 1992
- © внутреннее оформление, Иванова Н.Е., Любешкина Н.В., 1992
- © внешнее оформление, Зубков Н., 1992

От издателя

Отнюдь не тайна, что широко известный и популярный автор почти ста приключенческих, научно-фантастических, фантастических романов и сборников рассказов, который пишет под псевдонимом Андре Нортон, на самом деле бывшая библиотекарь из Кливленда (штат Огайо), чье имя Элис Мэри Нортон.

Мисс Нортон родилась в 1912 году. В двадцать лет она переступила порог детской библиотеки в качестве библиотекаря и двадцать лет отдала этому благородному труду. За эти годы ей довелось работать не только в юношеских библиотеках, но и в Библиотеке Конгресса США.

Свой первый роман мисс Нортон написала в 22 года, он назывался «Принц приказывает» и был опубликован в 1934 году. С тех пор из-под пера писательницы один за другим выходят юношеские романы — приключенческие и исторические, фантастические и реалистические, а также вестерны, повести о пиратах и о Гражданской войне в США и даже детективный роман.

В 1947 году увидел свет первый научно-фантастический рассказ Андре Нортон — «Люди кратера». Считается, что он положил начало ее увлечению этим жанром. Среди множества произведений тех лет особое признание читателей и внимание критики завоевал роман «Рассвет: 2250 н.э.»

В 50-е годы мисс Нортон приступает к серии научно-фантастических романов о приключениях команды межзвездного корабля «Королева Солнца». Это блистательный по взлету авторской фантазии и литературному воплощению цикл. Он состоит из книг «Саргассы в космосе» (1955), «Зачумленный корабль» (1956), «Планета Вуду» (1959), «Галактический почтовый...» (1969).

Однако особую популярность писательнице принесли романы о Мире ведьм. Книги этого цикла — лучшие произведе-

дения мисс Нортон. Они написаны рукой зрелого мастера; их персонажи выписаны тщательнее и, если можно так выразиться, они «взрослее», чем герои других произведений Андре Нортон. Это романы «Мир ведьм» (1963), «Паутина Мира ведьм» (1964), «Год Единорога» (1965), «Трое против Мира ведьм» (1965), «Колдун из Мира ведьм» (1967), «Волшебница из Мира ведьм» (1968), «Мир ведьм-7» (1972), «Кристалльный грифон» (1972) и, наконец, «Мир ведьм-9» (1974).

«Мир ведьм» ввел мисс Нортон в Гильдию Меченосцев и Колдунов Америки — клуб американских писателей, работающих в жанре «фэнтэзи», и долгое время она оставалась там единственной колдуньей и меченосицей.

В 70—80-е годы писательница практически почти ежегодно выпускает по роману, это главным образом «фэнтэзи». Среди них наиболее любопытны «Поиски предтеч», «Зеркало Мерлина», «Магия зеленой лаванды».

Творчество мисс Нортон было отмечено многими престижными литературными премиями — премией Гендельфа, призом Жюль Верна, в 1983 году она стала Великим магистром премии «Небьюла».

Сегодня мисс Нортон живет в Мейтленде (штат Флорида), где продолжает упорно трудиться. Это седовласая женщина без возраста, с неизменной приветливой улыбкой, неисполненная энергии и энтузиазма.

Чтобы в рамках одного тома дать наиболее полное представление о сериале «Мир ведьм», в настоящую книгу включены роман «Ведьмы из Эсткарпа» (так назван перевод первой книги «Мира ведьм») и повести «Драконья чаша», «Кузнец видений» и «Янтарь из Крейса» (они составили книгу «Мир ведьм-7»), а также наполненное особой поэтичностью сказание «Лягушки Гиблого дола».

Приятных вам встреч с героями, рожденными неуемной фантазией писательницы.

ВЕДЬМЫ ИЗ ЭСТКАРПА

Перевод
Ю. Соколова

© перевод на русский
язык, Соколов Ю.Р., 1992

Andre Norton
WITCH WORLD
New York 1963

1. СУЛКАРСКИЕ СОБЫТИЯ

1. Погибельное сиденье

Косой дождь сек замусоренную улицу, смывая грязь с темных стен, вкус сажи с металлом опускался во рту высокого худощавого мужчины, что размашисто выпативал вдоль домов, не отрывая прищуренных глаз от дверей и уходящих в стороны улиц.

Саймон Трегарт вышел с вокзала два, а может, и три часа назад. Он уже не следил за временем. Оно теперь ровно ничего не значило для него... Идти было некуда. Преследуемый, бегущий, затравленный... Нет, уж затравленным-то он не был. Он и не думал прятаться и шел открыто, готовый к бою, с гордо поднятой головой, расправив плечи.

Он бежал тогда, в те первые отчаянные дни, когда у него еще оставалась тень надежды и с какой-то звериной хитростью петлял, скрывая и пряча следы всеми известными ему способами и уловками... Тогда он еще считал часы и минуты. А теперь он просто шел и будет идти так, пока из-за какой-нибудь двери или из темного переулочка не шагнет ему навстречу смерть. Но и тогда он умрет, огрызаясь, оскалив клыки. Правая ладонь во влажном кармане промокшего пальто поглаживала оружие: гладкий, увесистый, смертоносный пистолет, он словно прирастал в нужный момент к его шершавой ладони.

Кричащие желтые и красные неоновые огни плясали в лужах на мостовой. Все знакомство его с этим городом ограничивалось парой гостиниц, горсткой ресторанов, магазинам, словом, всем, что можно увидеть в городе за два-три случайных визита, да еще разделенных дюжиной лет. Он должен был идти по улице, необходимость гнала его вперед, он был уверен, что конец и ему и всей травле придет ночью или к утру.

Саймон понимал, что устает — без сна, постоянно насто- роже, все вперед и вперед. Он остановился перед освещенной

дверью, с вывески над нею текло. Швейцар отворил сразу, промокший скиталец молча принял вежливое приглашение, и его охватило тепло и аромат пищи.

Похоже, непогода начинала тревожить владельцев, должно быть, поэтому к нему так быстро подошел метрдотель. Или причиной тому явился его респектабельный костюм, прикрытый от непогоды промокшим пальто, а может быть, легкое, но заметное высокомерие — понятное у человека, который командовал людьми и которому повиновались с охотой, обеспечило ему удобный стол и внимательного официанта.

Сухо усмехнувшись, Саймон в полглаза пробежал меню, отдавая должное некоторой комичности ситуации. Приговоренный к смерти имеет право плотно пообедать. Отражение в круглом полированном боку сахарницы улыбнулось ему в ответ. Удлиненное тонкое лицо, морщинки в уголках глаз, глубокие борозды у рта. Лицо загорелое, обветренное, словно не имеющее возраста. Таким он был уже в двадцать пять и таким же остался бы до шестидесяти.

Ел Трегарт медленно, наслаждаясь каждым глотком, чтобы спокойный уют зала и тщательно выбранное вино сняли напряжение, пусть не с нервов и разума, а хотя бы с тела. Он и не думал храбриться. Ему теперь крышка, он знал это... и вынужден был примириться с грядущим концом.

— Пardon...

Выдержки его хватило, чтобы поднести ко рту кусок подрумяненного мяса. Только веко дрогнуло, послушавшись железной воли Саймона. Он проглотил и ответил ровным голосом:

— Да?

Человек, вежливо склонивший голову у стола, мог быть биржевым маклером, адвокатом, врачом. Его внешний вид вселял в окружающих чувство уверенности. Не такого ожидал Саймон; слишком респектабельным, корректным, слишком вежливым он был, чтобы стать смертью. Впрочем, организации служили люди из разных слоев общества.

— Полковник Саймон Трегарт, полагаю?

Саймон разломил сдобу пополам и намазал маслом.

— Просто Саймон Трегарт, не полковник, — поправил он и сделал контрвыпад: — Вы прекрасно знаете это.

Его собеседник как будто несколько удивился, а потом лицо

его озарила ровная успокаивающая профессиональная улыбка.

— Какая бестактность с моей стороны, Трегарт. Впрочем, должен прямо предупредить вас — я не из этой вашей организации. Напротив, если вы позволите, я ваш друг. Разрешите представиться. Я — доктор Джордже Петрониус. И предлагаю вам свои услуги, и следует добавить, предложение мое весьма серьезно...

Саймон заморгал. Он уже решил, что оставшийся ему клочок будущего точно отмерен, и на подобную встречу уже не рассчитывал. И впервые за эти горькие дни почувствовал он, как в душе шевельнулось нечто родственное надежде.

Ему даже в голову не пришло усомниться в имени, которым назвался этот небольшого роста человечек, внимательно разглядывавший его теперь сквозь курьезно толстые линзы очков, заключенные в столь массивную оправу, что казалось, будто на Петрониусе полумаска какого-нибудь там восемнадцатого столетия. Имя доктора Джорджа Петрониуса было широко известно в тех, так сказать, «кругах», где среди алчности и насилия Трегарт прожил последние годы. Если ты понимал, что спеся, но был еще при деньгах, надо было идти к Петрониусу. Тех, кто обращался к нему, не находил никто — ни закон, ни месть соучастников.

— Сэмми уже в городе, — продолжал с легким акцентом этот человек.

Саймон задумчиво потягивал вино.

— Сэмми? — задумчиво взвесил он слова своего собеседника. — Я польщен.

— Да, вы пользуетесь известной репутацией, Трегарт. По вашему следу организация пустила своих лучших псов, и когда вы столь эффектно разделились с Котчевом и Лэмпсоном, оставался только Сэмми. А он все-таки скроен совсем из другого материала... А вы, если вам будет угодно простить мое вмешательство в личные дела, в бегах уже давно; это не укрепляет меч в руке.

Саймон расхохотался. Он наслаждался и вкусной едой и вином, даже лукавыми намеками доктора Петрониуса. Но он все еще оборонялся.

— Значит, следует укрепить меч в моей руке? Какое лекарство вы, доктор, можете предложить мне для этого?

— Есть и лекарство... собственного изготовления.

Саймон поставил бокал, капля вина отделилась от ободка и красным пятном впиталась в скатерть.

— Мне говорили, что ваши услуги, Петрониус, обходятся недорого.

Человечек пожал плечами.

— Естественно. Ведь я обеспечиваю полное спасение. Доверившиеся мне потом не жалеют о своих долларах. Жалоб у меня нет.

— К несчастью, ваши услуги могут оказаться мне не по карману.

— Неужели ваши скитания проделали такую брешь в вашем бюджете? Впрочем, возможно. Однако в Сан-Педро у вас было двадцать тысяч. Такую сумму просто невозможно растратить за это время. А если вы все-таки повстречаете Сэмми, остаток просто вернут Хансену.

Губы Саймона сжались. На мгновение он стал самим собой — смертельно опасным противником, таким его увидит Сэмми, когда они сойдутся лицом к лицу.

— Откуда вы все это знаете? — бросил он.

— Откуда? — Петрониус вновь пожал плечами. — Это вы поймете потом. Я некоторым образом — ученый, исследователь и экспериментатор. Что же касается того, откуда мне известно о вашем появлении в городе, и о том, что вам необходимы мои услуги... Трегарт, разве вы не знаете, как быстро теперь распространяются слухи. Вы заметный и очень опасный человек. Такие всегда на виду. К тому же вам мешает ваша честность.

Правая рука Саймона сжалась в кулак.

— И после всего, чем я занимался последние семь лет, вы считаете возможным применять это слово ко мне?

Теперь рассмеялся уже Петрониус. Тихий смехок словно намекал собеседнику на комичность ситуации:

— Трегарт, иногда честность имеет очень мало общего с требованиями закона. Если бы вы не были именно честным человеком... да еще с идеалами... вы никогда не восстали бы против Хансена. И только потому, что вы именно таковы, вы годитесь для меня. Итак, идем?

Тут Саймон внезапно обнаружил, что оплачивает счет и следует за доктором. У тротуара ждала машина, не говоря ни слова, они сели, и водитель с места рванул прочь — в ночь и неизвестность.

— Саймон Трегарт, — без выражения произнес Петрониус, словно повторяя что-то вслух для себя. — Предки родом из Корнуолла. Призван в армию США десятого марта 1939 года. За отличие на поле боя из сержантов произведен в лейтенанты и далее в подполковники. Служил в оккупационных войсках, пока не был разжалован и заключен в тюрьму... За что же, полковник? Ах да, за скандальную спекуляцию на черном рынке. К большому сожалению, храбрый полковник слишком поздно узнал, что совершает незаконную сделку. Не это ли, Трегарт, поссорило вас с законом? И раз вас называли преступником, вы решили оправдать это имя.

После Берлина вы занимались кое-какими сомнительными делами, пока по недоразумению не встали на пути Хансена. И опять вы вляпались в это дело без собственного ведома. Похоже, вы неудачник, Трегарт. Будем надеяться, что сегодня ночью ваша судьба переменится.

— И куда же мы едем, на причал?

Ответом ему был все тот же сочный смехок:

— Мы едем в город, не в гавань. Мои клиенты отправляются в странствие, но только не по морю, воздуху или по суше. Что вы знаете, полковник, о традициях своего отчества?

— В Метачене, штат Пенсильвания, ... помнится, о традициях не было и речи...

— Я говорю не о грубом горнячком городишке в Новом Свете. Я имею в виду Корнуолл, а он старше, чем время... наше время.

— Мои дед и бабка были из Корнуолла. Но, кроме этого, я ничего не знаю.

— В вашей семье сохранилась чистая кровь, а Корнуолл стар, очень стар. В легендах он связан с Уэльсом. Там знавали короля Артура, и британские римляне пытались укрыться в его тесных границах, прежде чем топоры саксонцев отправили их в лимбу*. А до римлян там были другие, много, много других... А кое-кто владел странными познаниями. Вы доставите мне весьма большое удовольствие, Трегарт... — тут он замолк, словно ожидая ответа, но Саймон молчал, и

* Лимба — преддверие ада, где пребывают невинные, но не просвещенные благодатью христианской веры души, свободные от наказаний (см. Библию, а также «Божественную комедию» Данте). — *Прим. ред.*

он продолжил: — Трегарт, я познакомлю вас с одной из традиций земли ваших предков. Весьма интересный эксперимент. Ну, приехали наконец!

Машина остановилась перед узким проулком. Петрониус открыл дверцу.

— Перед вами единственный недочет в моих владениях. Проезд здесь слишком узок для машины, придется пройти пешком.

Перед открывшейся взору Саймона черной щелью в его голове на мгновение мелькнула мысль: что если доктор просто привез его к назначенному месту убийства. Быть может, Сэмми уже поджидает его? Но шедший впереди Петрониус призывно посвечивал фонариком.

— Буквально ярд или два, следуйте за мной.

Улочка действительно оказалась короткой, и они вышли на обрамленную домами площадку. Меж окружающих громадин ютился домишко.

— Совершенный анахронизм, Трегарт, — доктор вставил ключ в замок, — деревенский дом конца семнадцатого столетия посреди города двадцатого века. И поскольку в его древности сомневаются, в этом столетии он существует как материальный призрак былого. Входите, прошу вас.

Потом уже, дымаясь перед очагом, крепко стиснув стакан с какой-то смесью, что сунул ему в руку хозяин, Саймон подумал, что именно призрачным в сущности и следовало бы назвать этот дом. Остроконечную шляпу на голову доктору да меч к его собственному бедру — и иллюзия того, что он переступил из века в век, стала бы полной.

— Так куда же и когда я уйду отсюда? — спросил он. Петрониус поворошил дрова кочергой. — Вы, полковник, уйдете отсюда на рассвете, уйдете на волю и без «хвоста» — это я вам обещаю, а вот куда, — он улыбнулся, — куда, это мы посмотрим.

— Зачем ждать до рассвета?

Неохотно, словно против воли, Петрониус положил кочергу и долго вытирал руки платком, прежде чем глянуть клиенту в глаза.

— Потому что ваша дверь откроется лишь на рассвете... Та дверь, что пригодна только для вас. Есть такая вещь, Трегарт... быть может, вы будете смеяться, пока сами не увидите доказательства. Что вы знаете о менгирах?

С нелепым удовлетворением от того, что *она* все-таки может дать ответ на вопрос, Саймон произнес:

— Это камни... Древние люди ставили их кругами... как в Стоунхедже...

— Да, иногда и кругами. Но использовали их и иначе. — Теперь в голосе Петрониуса чувствовалась глубокая убежденность, требующая серьезного внимания от слушателя. — В старых легендах упоминалось о камнях, обладавших великой силой. Например, Лиа Файл ирландских Туата Де Дананн. Когда на камень наступал законный король, тот громким голосом славил владыку. Он был коронационным камнем этого народа, одним из трех великих его сокровищ. А разве короли Англии не поклоняются до сих пор Сконскому камню, на котором стоит их престол?

— Но в Корнуолле был и еще один исполненный могущества камень... Сиденье Погибельное. Рассказывали, что оно умело судить человека и, взвесив его достоинства, потом предоставляло судьбе. Силу этого камня с помощью ясновидца Мерлина обнаружил Артур и поставил его сиденьем у Круглого стола. Шестеро его рыцарей дерзнули сесть на это сиденье. Попробовали... и исчезли. А потом явились двое, что знали его секрет, и остались: Персеваль и Галахад.

— Ну, — в голосе Саймона слышалось разочарование, тем более горькое теперь, когда вновь забрезжил огонек надежды, — Артур и Круглый стол — это же детские сказки... Вы говорите так, словно это...

— ...Словно это истинная история, — перебил его Петрониус. — Ах, разве можно быть уверенным, где история, а где сказки? Любое слово, донесшееся к нам из прошлого, искажено... Познания, предрассудки, да, наконец, физическое состояние историка, записавшего это слово для последующих поколений. Традиция — вот мать истории. А что есть традиция? — Произнесенное слово. Ведь даже за одно поколение можно перевернуть абсолютно все. Вот ведь и вас, да и всю вашу жизнь изменил несправедливый приговор. И этот приговор уже вписан в аниалы, стал историей... при всей его ошибочности. Так разве можно сказать: вот это легенда, а вот это факт, и быть уверенным в справедливости своих слов? Историю пишут люди... и этот длинный свиток заляпан пятнами всех ошибок, свойственных людскому роду. И в

легендах есть крупинцы истины, а в общепринятой истории довольно лжи. Я знаю это... Ведь Сиденье Погибельное существует!

— Иные из исторических теорий полностью отрицают историю, которая известна нам со школы. Вы слышали когда-нибудь об альтернативных мирах, ветвящихся в зависимости от секундных решений, принимаемых нами. В одном из таких миров, полковник Трегарт, вы, быть может, были внимательнее тогда, там в Берлине, а в каком-то другом мы с вами не встретились час назад, и там вас уже поджидает Сэмми!

Доктор раскачивался, переступая с носков на пятки, словно убежденность в своей правоте кипела в нем. И несмотря на сомнения, Саймон почувствовал, что и его захватывает эта пламенная уверенность.

— А какую же из этих теорий вы используете для разрешения моей проблемы?

Петрониус вновь с облегчением расхохотался:

— Давайте-ка просто выслушайте меня... Не надо считать меня сумасшедшим... и вы все поймете. — Переведя взгляд с запястья на настенные часы за спиной, он заметил: — Несколько часов у нас еще есть...

Пока этот коротышка выкладывал свою дикую дребедень, Саймон покорно слушал. Тепло, выпивка и отдых — вот что было главным сейчас. А потом — придется встретиться лицом к лицу с Сэмми, но это будет потом, а пока он старался сосредоточить все мысли на словах Петрониуса.

Когда доктор наконец окончил свою речь, древние часы пробили три раза. Трегарт вздохнул, быть может, просто устав от долгих речей. Но если в них была истина... Кроме того, у Петрониуса было имя. Саймон расстегнул рубашку и вытянул из-под нее пояс с деньгами.

— Я знаю, что с тех пор как Сакарси и Вальверштейн обратились к вам, о них более никто не слышал, — заключил он.

— Конечно, ведь оба они прошли через открывшиеся им двери в те миры, которые неосознанно искали. Все происходит именно так, как я уже говорил. Надо сесть на сиденье, и перед тобой открывается мир, где твой дух, ум — душа, если хотите, — обретают свой дом. А потом — вы свободны, идите, ищите свое счастье.

— А почему вы сами не испробовали этот путь? — С точки зрения Саймона, здесь крылась слабость в рассказе доктора. Если у Петрониуса был ключ к подобной двери, почему же он еще не воспользовался им сам?

— Почему? — доктор глянул на покоящиеся на коленях пухлые ладони. — Потому что оттуда нет возврата, только окончательно отчаявшийся выберет неотвратимое будущее. В нашем мире мы привыкли считать, что сами решаем свою судьбу и самостоятельно принимаем решения. А этот выбор изменить нельзя. То, что вы слышали, — это слова, много слов, и сейчас я не могу подобрать нужных... Хранителей сиденья было много, но лишь немногие сами воспользовались им. Быть может... когда-нибудь... но пока у меня не хватает смелости.

— Итак, вы предлагаете свои услуги гонимым? Ну что же, зарабатывать на жизнь можно и так, интересно было бы ознакомиться со списком ваших клиентов.

— Совершенно верно! Моей помощи искали весьма знаменитые люди. Особенно перед концом войны. Вы даже не поверите, если я назову тех, кто обращались ко мне, когда колесо фортуны закрутилось для них в обратную сторону.

Саймон кивнул.

— Да, в списке военных преступников оказались значительные пробелы, — заметил он, — и должно быть, ваш камень послал их в довольно страшные миры. — Он встал и потянулся. Потом подошел к столу и отсчитал деньги, извлеченные им из пояса. Купюры были в основном не новые, замусоленные, словно бы грязь, за которую были они получены, испачкала и сами деньги. А потом в его руке осталась последняя монетка. Саймон подбросил ее в воздух, и она звякнула о полированную поверхность стола. Орлом вверх. Он поглядел на нее, а потом подобрал.

— Возьму с собой.

— На счастье? — Доктор возился с банкнотами, складывал их в аккуратную стопку. — Тогда храните ее, храните, человеку всегда не хватает счастья, а теперь пора, хотя я и не люблю торопить отбывающего гостя. Но сила Сиденья не безгранична. Все должно происходить вовремя. Прошу вас, сюда.

«Ему бы в кресло к дантисту приглашать или на заседание какой-нибудь там подкомиссии, — кисло подумал Саймон, — быть может, я делаю глупость?»

Дождь прекратился, но в коробке двора за старинным домом было темно. Петрониус щелкнул выключателем, и из двери брызнул свет. Три грубых камня были сложены в виде портала, его перекладина находилась выше головы Саймона. А перед ними лежал четвертый камень, столь же угловатый, грубый и неотесанный, как и остальные. Через арку виднелся высокий деревянный забор, некрашенный, подгнивший, залепленный уличной грязью, да пара футов замусоренной земли — и ничего больше.

Саймон постоял, усмехаясь и упрекая себя за минутное полуверие. Теперь пришла пора появиться и Сэмми, а Петрониусу заработать свою истинную плату.

Но доктор стал рядом со стоявшими сбоку часами и показал на них пальцем.

— Вы не забыли про Погибельное Сиденье, полковник. Пора садиться.

Легкая улыбка издевки над собственной доверчивостью искривила тонкие губы Саймона, он шагнул к камню и на мгновение, прежде чем сесть, задержался под аркой. В камне было округлое углубление. С любопытством, заранее ожидая, он потянулся руками. Да, там были и еще две неглубокие ямки — для ладоней, как и обещал Петрониус.

Ничего не происходило. Деревянный забор, полоска замусоренной земли... Он уже готов был встать, когда...

— Теперь! — и голос Петрониуса пропел не слово, какой-то призыв.

Воздух под каменной аркой закружился, поплыл...

Перед Саймоном было болото под низким пасмурным небом. Свежий ветер, несущий какой-то странный бодрящий запах, ворошил волосы. Что-то в душе его шевельнулось, словно спущенная с поводка собака, он захотел встать и бежать по болоту, отыскать место, откуда дует ветер.

— Вот и ваш мир, полковник, желаю удачи в нем!

Саймон отстраненно кивнул — коротышка, что обращался к нему, уже не интересовал его. Быть может, это была иллюзия, но она звала так, как ничто в его жизни. Не попрощавшись, Саймон встал и вошел под арку.

И вдруг его охватил жуткий страх... Он и не предполагал, что такой может существовать, он был сильнее любой боли, словно вся вселенная разорвалась в клочья, а он падал в ужасную бездну. А потом он зарылся лицом в сырой мох.

2. Травля на болоте

Забрезжил рассвет, но солнца не было видно, вокруг висел густой туман. Саймон вскочил на ноги и глянул через плечо назад. Там высились два грубых столба из красноватого камня, и в просвете меж ними виднелся не городской двор... за ними тянулась тоже серо-зеленая болотистая равнина, уходящая в стену тумана. Петрониус не обманул, это был совершенно незнакомый ему мир.

Он дрожал от холода. Пальто он прихватил с собой, но шляпу забыл, влажные волосы липли к черепу, капли стекали с них на щеки и шею. Теперь у него была цель — отыскать какое-то укрытие. Саймон медленно огляделся. Никаких признаков жилья. Пожав плечами, он повернулся спиной к столбам и пошел — надо было куда-то идти, а ни одно направление ничуть не лучше остальных.

Он шлепал вперед по волглому дерну... Светлело, туман рассеивался, окрестности тоже переменились: появились красноватые скалы, крутые подъемы сменялись обрывистыми спусками. Изломанный контур горного хребта вдаль — сколько до него миль, он пока не мог судить — обещал стать преградой на пути. Да и со времени последнего ужина прошло уже столько часов. Мимоходом он сорвал с куста лист, пожевал его, тот оказался терпким, но вкусным. И тут он услышал вдаль звуки охоты.

Трубному визгу рога вторили залиvistый лай и неразборчивые крики. Саймон перешел на бег. Выбежав на край оврага, он понял, что звуки близятся с другой стороны. С настороженностью бывалого солдата он припал к земле между двумя глыбами.

Первой из кустов на той стороне показалась женщина. Она бежала, мелькали длинные ноги, но было ясно, что преследование длится уже давно и она рассчитывает силы, чтобы хватило и на дальнейший путь. Оказавшись на краю оврага, она неуверенно глянула вниз. На фоне серо-зеленой листвы слоновая кость худощавого тела желтела, словно лучик зари, — истрепанные лохмотья почти не прикрывали ее. Она нетерпеливо отбросила длинные черные волосы, провела по лицу рукой. А потом припустилась вдоль края оврага, выискивая путь вниз.

Рог настойчиво затрубил, ему поддакнуло тявканье. Она

непроизвольно вздрогнула, и Саймон даже привстал, сообразив, что она-то и есть объект мрачной травли.

И он вновь опустился на одно колено, пока она отрывала от терновника один из лоскутьев своего бывшего платья. Рывок ее был столь силен, что женщина, не рассчитав, полетела вниз с обрыва. Она и тогда падала молча, только судорожно вцепилась в ветви и постаралась отыскать опору ногами. И тут показались борзые.

Это были тощие белые звери, гибкие тела которых не мчались, текли к обрыву. Носы их были обращены к женщине, они заливались победным лаем.

Тело женщины изгибалось, отчаянно раскачивалось, она пыталась дотянуться до узкого выступа справа, по которому можно было бы опуститься вниз. И, быть может, она осилила бы и это, но как раз в этот момент появились охотники.

Оба они были верхом, всадник с рогом на перевязи через плечо остался в седле, спутник его спешил и размашисто зашагал к обрыву, пинками и шлепками отбрасывая собак с дороги. Когда он завидел женщину, рука его потянулась к поясу за оружием.

В свой черед увидев его, женщина оставила свои напрасные усилия и, поблуднев, повисла на ветвях, подняв к убийце бесстрастное лицо. Ухмыляясь, он медленно доставал оружие, наслаждаясь беспомощностью жертвы.

Посланная Саймоном пуля попала ему прямо в грудь, вскрикнув, он дернулся, шагнул вперед и свалился с кручи.

Еще не смолкнул грохот выстрела и крик, как второй охотник, спрыгнув с седла, скрылся из виду, и Саймон понял, что у противника есть опыт. Собаки бесились, метались из стороны в сторону, заливаясь громким лаем.

В последней попытке женщина дотянулась до выступа и соскользнула по нему на дно ущелья, укрываясь среди камней и кустов. В воздухе что-то мелькнуло. Дюймах в двух от щеки в дерне подрагивала тонкая стрела. Второй охотник начал бой.

Десять лет назад Саймону приходилось играть в такие игры почти ежедневно, а, как он уже знал, если тело и мускулы что-нибудь усвоили, выученный урок забывается не скоро. Он забился поглубже, чтобы переждать... Собаки уже стали уставать, некоторые улеглись, тяжело дыша. Теперь все решало терпение, а его у Саймона было в избытке.

Заметив трепет листвы, он сразу же выстрелил, ответом ему был крик.

Буквально через мгновение внизу затрещали кусты. Он подполз к обрыву, и перед ним оказалось лицо женщины. Темные, слегка раскосые глаза на треугольном лице с узким подбородком глядели на него с такой пронизательностью, что Саймону стало слегка не по себе. Чтобы помочь ей забраться поглубже в его укрытие, он обнял тонкие плечи и вдруг его охватило чувство опасности и сознание, что надо возвращаться обратно на равнину. Безопасность была там, откуда он шел.

И столь сильной была возникшая в нем уверенность, что Саймон пополз среди камней назад, а потом поднялся и припустил следом за женщиной. Лай борзых за спиной все больше и больше удалялся.

И хотя женщина только что пробежала явно не одну милю, ему приходилось все время догонять ее. Наконец равнина стала уступать место неглубоким озерцам, обрамленным высокой, по грудь, травой. И тогда спустившийся ветер снова донес до них дальний отзвук рога. Услышав его, женщина рассмеялась, глянула на Саймона, словно предлагая разделить какую-то шутку. А потом показала рукой на озерки и стало ясно — там, за ними лежит безопасность.

Где-то через четверть мили впереди за клубился, задымился туман, он сгушался, перекрывал им путь, и Саймон внимательно всмотрелся в него. Под этим покровом они смогут почувствовать себя в безопасности, но могут и затеряться в нем. Но странным было то, что туман, похоже, собирался из какого-то места.

Женщина подняла вверх правую руку. Луч света из широкой металлической полосы на запястье ударил в пелену тумана. Другой рукой она махнула Саймону, чтобы тот не шевелился. Он все бросал косые взгляды на завесу, ему показалось, что под покровом тумана движутся темные тени.

Спереди раздался громкий крик, слова были не понятны Саймону, но едва ли можно было сомневаться в том, что это был зов. Его спутница ответила одной или двумя певучими фразами. Когда раздался ответ, она лошатнулась, но быстро взяла себя в руки и, глянув на Саймона, почти просяще протянула к нему руку. Он поймал ее, обхватил теплой ладонью, догадавшись, что в помощи им отказано.

— Что же теперь? — спросил он. Если сами слова были ей незнакомы, значение их, он знал, она понимала прекрасно.

Она деликатно лизнула палец и подняла вверх, порыв ветра отбросил ее волосы назад, открыв лицо с пурпурным синяком на щеке, над высокими скулами сгустились черные тени. Не выпуская руки Саймона, женщина рванулась влево, в одно из дурно пахнувших озерц, зеленая слезь хлюпала внизу, липла к ее босым ногам и к ее промокшим брюкам.

Так обошли они озерцо по краю, а закрывавший его середину туман двигался вместе с ними, не давая заглянуть внутрь. Голод Саймона стал грызущей болью. Промокшие ботинки натерли мозоли на пятках. Но звуков речи уже не было слышно, быть может, они обманули собак.

В гуще трав спутница его нашла путь наверх и вывела их на что-то вроде дороги, утопанной, но не шире пешеходной тропы. На ней они могли уже прибавить шаг.

Должно быть, уже наступил день, хотя пасмурная погода не позволяла точнее определить время. Дорога устремилась вверх. Впереди показались красные скалы, действительно напоминавшие грубые стены какого-то бастиона, в расщелину между ними вползала дорога.

Они почти добрались до новой преграды, когда счастье им отказало. Из травы через тропу метнулся какой-то маленький зверек, прямо под ноги женщины. Она споткнулась и упала на утопанную глину. Тут он услышал ее первый возглас — стон боли. Она ухватила за правую лодыжку. Саймон поспешно развел ее ладони и попытался оказать помощь, вспоминая все, чему научился на поле боя. Перелома не было, только под рукой его она резко вдохнула, и стало ясно, что идти дальше она не может. И тут неподалеку протрубил рог.

— Это меняет все! — сказал Саймон скорее себе, чем женщине. Он метнулся вперед к расщелине в скалах. Дорога за ней поворачивала по равнине к реке. Иного укрытия, кроме скалистых ворот, не было видно впереди на несколько миль. Он повернулся к скальному редуту и внимательно разглядел его. Сбросив пальто с плеч и промокшие ботинки с ног, попробовал влезть наверх. Через несколько секунд он добрался до карниза, почти незаметного с дороги, за которым, однако, можно было укрыться.

Спустившись вниз к подножию скал, Саймон увидел, что женщина подползает навстречу на локтях и коленях. совме-

стными усилиями они смогли вскарабкаться вверх, в небольшую пещерку в источенной ветром скале. Чтобы уместиться там вместе, им пришлось так прижаться друг к другу, что, выглядывая наружу, он даже ощущал щекой ее теплое и быстрое дыхание.

Когда повеял холодный ветер, Саймон увидел, что ее полунагое тело сотрясает крупная дрожь. Неуклюже стянув с себя все еще сырое пальто, он набросил его ей на плечи. Она улыбнулась в ответ, хотя улыбку и портила разбитая ударом губа. Хороша, но не красотка, решил он: слишком худа, бледна и устала. И хотя тело ее достаточно откровенно просвечивало сквозь дыры, никакого мужского интереса к ней он не испытывал. Но почему-то Саймон понял, что она смутила его чувства, и сама удивлена тем, что понравилась ему.

Она тоже нагнулась вперед, теперь они лежали плечом к плечу. Потом потянула вверх рукав его пальто, уперев руку с широким браслетом на запястье в колено. Время от времени она потирала пальцами вправленный в браслет овальный кристалл.

Завывание ветра не в силах было более заглушать звуков рога и лая собак. Саймон извлек автоматический пистолет. Пальцы незнакомки моментально метнулись от браслета к оружию, словно одним прикосновением она могла определить его природу. А потом она кивнула, увидев появившиеся на дороге из-за деревьев белые точки. Это были собаки, за ними следовало четверо конных.

Они ехали открыто, не таясь, и, значит, не ожидали беды. Быть может, они и не знали, что произошло с двумя их собратьями у оврага, и полагали, что преследуют все ту же беззащитную жертву. Он надеялся, что так оно и есть.

На головах всадников были металлические шлемы с зазубренным гребнем, глаза и скулы защищали забрала сложной формы. Все были облачены то ли в куртки, то ли в рубашки со шнуровкой снизу доверху. Пояса были шириной почти в десять дюймов. На них были навешаны разные боеприпасы, ножи в ножнах, назначение иных кисетов и карманов он не мог определить даже приблизительно. Брюки плотно обтягивали ноги, внешние края сапог были много выше внутренних. Все это явно походило на военную форму. Одежда их была скроена из одного и того же сине-зеленого

материала, на правой стороне груди у всех четверых был нашит одинаковый символ.

Гибкие борзые со змеинными головками закрутились на дороге, кинулись к подножию скалы и, вставая на задние лапы, стали бросаться вверх на камни. Помня про бесшумную стрелу, Саймон выстрелил первым.

Со звуком, похожим на кашель, предводитель охотников откинулся на спину и полетел из седла навзничь. Сапог его застрял в стремях, и перепуганная лошадь повлекла недвижимое тело назад по дороге. После второго выстрела Саймона раздался крик. Схватившийся за руку человек метнулся с коня... А первая лошадь тем временем уносила мертвого все дальше и дальше.

Собаки умолкли. Сопя, они бросались на скалу, глаза светились желтым огнем. Саймон глядел на них вниз со все большей опаской. Он-то знал боевых собак, видел, как они охраняют полевой лагерь. Эти же крупные твари были убийцами, это было видно по всему: и по тому, как они следили за жертвами, и по тому, как ждали. Он мог бы перешелкать их по одной, но предпочел пока побережь патроны.

Начинало вечереть, он понимал, что ночью, в полной темноте, положение их станет хуже. Смеркалось. Влажный знобкий ветер с болот забирался в убежище.

Саймон шевельнулся, одна из собак немедленно вскочила, встала на задние лапы, и со стоном, предупреждая, завывала. Твердые пальцы легли поверху кисти Саймона, притянув его назад, в безопасность. И вновь прикосновение этой ладони несло весть. Хотя их дело и казалось безнадежным, женщина не сдавалась, он понял, что она ожидала чего-то.

А не забраться ли повыше, на вершину скалы? В сумерках он заметил, что она отрицательно качнула лохматой головой, словно бы прочитав его мысли.

Собаки вновь затихли у подножия утеса, все внимание их было устремлено лишь на дичь, засевшую в скалах. Саймон безуспешно пытался увидеть, где засели хозяева этих зверей. Они ждали, готовились к нападению. Как стрелок Саймон знал себе цену, но наступившая темнота быстро меняла условия не в его пользу.

Он был готов стрелять на малейший шум и крепко сжимал пистолет. Вздвогнув и подавив восклицание, женщина вдруг

шевелинулась. Он глянул в ее сторону, не дожидаясь, пока она позовет его жестом.

В сумраке на краю карниза шевельнулась какая-то тень. Саймон изумленно замер. Воспользовавшись мигом растерянности, женщина внезапно выхватила пистолет и с отчаянной силой обрушила его рукоятку на перевалившуюся через край камня тварь. Та взвизгнула и умолкла. Саймон выхватил свое оружие из руки женщины, и лишь когда кулак его вновь надежно обхватил рукоятку, вновь поглядел на корчившееся с перебитым хребтом существо. Белые иглы зубов, плоская головка на мохнатом теле, красные глаза, горящие — он вздрогнул от удивления — разумом, неожиданным для животного. Странный зверь умирал, но полз, извиваясь и тихо шипя, к женщине и оскаленные клыки, и отвратительное тело — все говорило о мерзкой и злобной твари.

Саймон с отвращением ударил ее носком в самый бок и услышал, как она плюхнулась на землю в стае собак.

Те немедленно разбежались в разные стороны, словно он подбросил к ним живую гранату. За их жалобным визгом он расслышал куда более ободряющий звук — женщина рядом рассмеялась. Он обернулся, глаза ее горели победным огнем. Она кивнула ему и снова рассмеялась, когда он, чуть высунув голову, пытался рассмотреть, что происходит в лужице тени у подножия скалы.

Это мог быть какой-то специально тренированный для охоты на людей зверь, спущенный на них преследователями, но внезапное бегство собак, их испуг, указывали совсем на другое. Раз они боялись и зверя мертвым — это не было случайностью. Словом, к прочим загадкам прибавилась новая, и вляпался он в это по собственной воле. Саймон приготовился провести ночь на страже. Если же это тихое нападение зверя все-таки было частью планов осаждавших, теперь наступал их черед.

Но тьма сгущалась, а снизу не доносилось никаких звуков, которые можно было бы принять за начало атаки. Смутно различимыми в темноте белыми пятнами, собаки широким полукругом окружали скалу, на которой они засели. Трегарт вновь подумал о том, что следует попробовать залезть повыше, быть может, если позволит нога женщины, они даже сумеют перебраться через гребень.

Когда тьма стала почти полной, она шевельнулась. На момент прикоснулась пальцами к его руке, а потом прохладная ладонь ее скользнула вниз, в его руку. И как ни вглядывался и ни вслушивался он во тьму, в мозгу его словно возникла яркая картинка. Нож... ей нужен был нож! Выпустив ее руку, он достал перочинный нож, она буквально выхватила его.

Что было потом, Саймон, собственно, и не понял, но у него хватило разума не вмешиваться. Дымчатый кристалл на ее запястье вспыхнул слабым могильным светом. Потом острием ножа она поцарапала себе большой палец, а показавшуюся на подушечке капельку крови растерла по поверхности кристалла, на мгновение кровь затмила слабый свет.

И вдруг камень засветился сильнее, из него брызнул яркий луч. Спутница удовлетворенно улыбнулась. Через несколько секунд кристалл померк. Она прикоснулась к пистолету, и в этом жесте он прочел весть: оружие больше не понадобится, придет помощь.

В скалах вокруг и над ними выл гнилой болотный ветер. Она снова дрожала, он обнял сгорбленные плечи, чтобы согреть женщину теплом своего тела. Черную ткань неба над их головами пропорол пурпурный иззубренный меч молнии.

3. Саймон поступает на службу

Новый удар грома и яркая молния словно вдребезги разбили небо прямо над скалой. А потом началась такая битва неба и земли, такое бушевание стихий, какого Саймон на своем веку и не видел. Ему случалось ползти под обстрелом на поле боя, но нельзя было и сравнивать рукотворную канонаду с этой... быть может, потому, что ничья рука не направляла эти порывы, удары и вспышки.

Скала под ними дрожала. Словно испуганные зверьки жались они друг к другу, жмуря глаза от внезапного блеска. Обычного грома, собственно, и не было, непрерывный грохот, словно гул гигантского барабана, выбивал свирепый ритм, отдававшийся в крови, ошеломлявший мозг. Женщина уткнулась в него лицом, и Саймон прижимал ее к себе как спасение, последнюю опору в опрокидывающемся мире.

Молнии и раскаты сменяли друг друга, ветер свирепство-

вал, но дождя не было. В дрожи скалы под ними эхом отдавались раскаты грома.

Последний удар был столь силен, что и ослепил и оглушил Саймона. Но секунды шли, становились минутами, и вокруг стало тихо. И когда даже ветер словно выдохся и затих, Трегарт осмелился поднять голову.

Отвратительно пахло горелым мясом. Неподалеку, в кустах, разгорался огонь. Но блаженная тишина продолжалась, и женщина выскользнула из его объятий. И снова он почувствовал ее уверенность, к которой примешивалось чувство победы: какая-то крупная игра завершилась триумфом, было видно ее удовлетворение.

Чтобы увидеть, что случилось внизу, нужен был какой-то свет. Неужели эту грозу пережил хоть один преследователь или собака? Отблески красно-оранжевого пламени уже начинали освещать подножие скал. Внизу кучей валялись неподвижные белые тела. На дороге лежала мертвая лошадь, из-под нее высовывалась человеческая рука.

Женщина наклонилась вперед, внимательно огляделась вокруг. И, прежде чем Саймон успел остановить ее, соскользнула вниз. Он последовал за нею, готовый отразить любую атаку, но вокруг были только мертвые тела.

Огонь разгорался, стало тепло, и это было неплохо — она протянула к горящим кустам обе руки. Саймон обошел трупы собак, скорченных и обутленных поразившим их ударом. Потом подошел к лошади, чтобы забрать оружие всадника, и увидел, что впившиеся в жесткую гриву пальцы шевельнулись.

Скорее всего он был смертельно ранен, а после всей этой травли на равнине и в болоте Саймон не испытывал к нему ни малейшего сочувствия. Но и оставлять его, беспомощного, в такой ловушке было нельзя. Собрав все свои силы, Саймон сумел стащить с него мертвую лошадь, и поволок изломанное тело поближе к огню, чтобы понять, кому или чему оказывает помощь.

В напряженном, окровавленном жестком лице не было признаков жизни, но вдавленная падением грудная клетка с трудом вздымалась, иногда раненый стонал. Саймон не встречал еще людей подобной расы. Очень светлые, почти серебристые волосы были коротко подстрижены. Между широких скул высился крючковатый нос — довольно странное сочетание.

На перевязи через плечо болтался помятый теперь рог. Богатые украшения, усыпанные драгоценными камнями, брошь на горле — все свидетельствовало, что это не простой воин. Тяжелые раны делали бессмысленной всякую помощь, и Саймон занялся широким поясом и оружием.

Нож он тут же заткнул себе за пояс, достал из кобуры что-то вроде странного пистолета. У него был ствол, а на рукоятке выступ, который мог служить только спусковым крючком. Взвесив оружие на руке, он заметил, что рукоятка неудобна и сбалансировано оружие непривычно для него.

Когда он потянулся к тонкому цилиндру, белая рука из-за плеча, опередив его, выхватила тонкий стержень из пояса.

Охотник шевельнулся, словно ошеломленный мозг его ощутил только это легкое прикосновение, а не грубые рывки Саймона. Медленно открылись свирепые глаза, и не было в них света, разве что тусклый огонек, таящийся во тьме звериного взора. И что-то в этих глазах заставило Саймона отшатнуться.

Ему приходилось встречать и весьма опасных людей, которые активно желали его смерти и по-деловому подходили к этому несложному, на их взгляд, процессу. Но этот человек ненавидел их обоих даже перед смертью. И никогда раньше не встречал Саймон столь глущей ненависти, что клубилась в зеленых глазах на изуверческом лице.

И тут Саймон понял, что глаза эти глядели не на него. Раненый смотрел на женщину, она стояла рядом, чуть скобочившись — оберегая поврежденную лодыжку, и вертела в руках стержень, который только что извлекла из-за пояса. По выражению ее лица Саймон силился понять причину пламенной истребляющей ярости, с какой взирал на нее раненый.

Она спокойно и бесстрастно глядела вниз. Рот поверженного дернулся, искривился. С явным усилием приподняв голову — все тело его сотряслось при этом, — он плюнул в ее сторону. А потом его голова стукнулась о дорогу, словно в этот последний жест отвращения ушли все его силы. Освещенное отблесками угасающего огня лицо его внезапно стало странно спокойным, рот открылся. Саймону не нужно было объяснять, что и этот отчаянный жест и откинувшаяся голова означали смерть.

— Ализон... — женщина тщательно выговаривала слово,

переводя глаза то на Саймона, то на тело. Нагнувшись, она прикоснулась к эмблеме на куртке мертвеца и повторила: — Ализон.

— Ализон, — отозвался Саймон, подымаясь на ноги и потеряв интерес к дальнейшему обыску.

Потом она обернулась к расселине, через которую дорога убегала к реке.

— Эсткарп, — еще раз четко выговорила она и показала пальцем на равнину, по которой текла река. — Эсткарп, — повторила она еще раз, прикоснувшись к своей груди.

И словно бы откликаясь на зов, с той стороны скал запела дудка. Ее голос не требовал повиновения, как жесткий рев охотничьих рогов, это был скорее свист, которым человек может подавать сигнал. Женщина в ответ что-то крикнула, а ветер и отзвуки заглушили ее слова.

Саймон услышал стук копыт и позвякивание металла. Его спутница спокойно ждала, обратившись лицом к расщелине, и он решил пока подождать, только покрепче сжал пистолет в кармане, обратив его дуло навстречу приближающимся звукам.

Всадники выезжали по одному. Чуть помедлив у скал, двое первых разъехали по сторонам, взяв оружие наизготовку. Завидев женщину, они дружно окликнули ее — явно это были свои. Четвертый верховой поехал прямо к женщине и Саймону. Высокий конь с широким крупом мог нести могучего воина. Но всадник в седле с высокими дугами сам был столь невысок, что Саймон подумал было, что это мальчик, — пока тот не прыгнул на землю.

Отблески огня подрагивали на его закованном в металл теле. На шлеме и поясе, у горла и на перчатках. Он был невысок, и ширина плеч делала этот недостаток еще более заметным — руки и плечи его словно предназначались человеку повыше его, пожалуй, на треть. Броня его напоминала кольчугу, но охватывала тело так плотно и мешала движениям столь мало, что казалась выкроенной из какой-то ткани. Шлем венчала птица с распростертыми крыльями. Или это и в самом деле живая птица, только застывшая в неподвижности? Саймону показалось, что глаза горделиво поднятой головы с мрачной жестокостью поблескивают в его сторону. Гладкая чаша шлема, на которой сидела птица, переходила как бы в кольчужный шарф, охватывавший шею

воина спереди и сзади. Шагнув к ним, он нетерпеливо потянул его в сторону, открывая полуприкрытое кольчужной сеткой лицо, и Саймон понял, что не так уж и ошибался. Воин в шлеме с ястребом был молод.

Молод-то молод, но и опытен. Не отрывая оценивающего внимательного взгляда с Саймона, он спросил что-то у женщины, речь явно шла о нем. Та отвечала целым потоком слов, даже рукой нарисовала какой-то знак между ним и Трегарт. Выслушав ее, прибывший прикоснулся к голове, явно приветствуя Саймона воинским салютом. Но командовала здесь она, его спутница.

Указав на воина, она продолжила обучение:

— Корис.

Ничем, кроме имени воина, это слово быть не могло. В ответ Саймон ткнул себя в грудь большим пальцем.

— Трегарт. Саймон Трегарт. — Он ожидал, что теперь свое имя назовет она.

Но женщина просто повторила:

— Трегарт, Саймон Трегарт, — словно стараясь запечатлеть эти слова в памяти. И раз она не назвалась, он сам попытался перехватить инициативу.

— Кто? — спросил он, указав на нее.

Воин по имени Корис вздрогнул, рука его потянулась к поясу за оружием. Женщина тоже нахмурилась, и выражение ее лица стало холодным и далеким, и Саймон понял, что сделал грубую ошибку.

— Простите, — извиняясь, он протянул руки вперед, надеясь, что его поймут. Он чем-то обидел ее, но лишь по неведению. Должно быть, женщина поняла это, потому что немедленно объяснила что-то молодому офицеру, однако его взгляд приязни к Саймону более не выражал.

С уважением, отнюдь не соответствовавшим ее лохмотьям, но полностью отвечавшим повелительной манере держаться, Корис подсадил женщину позади себя на круп жеребца. Саймон уцепился за пояс другого гвардейца, держаться приходилось крепко — они неслись в ночной тьме по речной долине чуть не галопом...

Саймон мирно лежал на спине под грудой одеял, уставившись невидящими глазами в завитушку резного балдахина над головой. Только по открытым глазам можно было понять, что он уже не спит. Старая способность мгновенно

сбрасывать с себя даже самый глубокий сон не оставила его и в новом мире. А теперь он перебирал впечатления, пытался что-то понять, хотя бы просто свести воедино факты, сложить цельную картину мира, что окружал эти каменные стены возле массивной кровати.

Эсткарпом называлась не речная долина — вдоль дороги, ведущей к границе, располагались зубчатые форты, готовые отразить врага. В них они меняли коней, ели, чтобы вновь скакать, повинаясь неведомой Саймону срочной нужде. Наконец перед ними предстали круглые башни, серо-зеленые в лучах восходящего солнца: как трава, из которой они вырастали. Сторожевые башни, охватившая город стена и дома гордых и высоких людей, темноволосях и темноглазых, как и он сам, народа с осанкой властителей и странной печатью древности на лицах.

Когда они въезжали в цитадель Эсткарпа, Саймон был утомлен в такой мере, что телом его правила усталость, и в мозгу остались только какие-то обрывки впечатлений. Но главным было ощущение древности, столь давнего прошлого, такой старины, будто и сами башни и стены вырастали из каменного хребта этого мира. Он бывал в старинных городах Европы, ходил по дорогам, что помнили поступь легионов Рима. Но здесь эта чужестранная аура древности сказывалась куда сильнее, и Саймон все не мог смириться с этим.

Его разместили в одной из внутренних башен, массивном каменном сооружении, в котором торжественное величие храма сочеталось с неприступностью форта. Он едва помнил, как приземистый офицер Корис привел его в эту комнату и указал на кровать. А потом... темнота.

Темнота ли?

Саймон слегка нахмурил брови. Корис, комната, кровать... И все же в сплошной резьбе над головой он обнаруживал теперь символы, вдруг ставшие знакомыми, сложное сплетение их теперь словно обрело смысл, понятный ему.

Эсткарп... древняя страна, древний город, древний народ! Саймон вздрогнул. Откуда это известно ему? Но это было истиной, такой же реальной, как и кровать, на которой покоилось истомленное долгой скачкой в седле тело, как резьба над кроватью. Женщина, за которой гнались на болоте, принадлежала к народу Эсткарпа, а мертвый охотник

у скал — к другому, враждебному этим людям народу.

Гвардейцы на границе все были той же крови — высокие, темноволосые, горделивые. Только Корис с его непропорциональным телом отличался от людей, которыми командовал. Но ему повиновались охотно. Только женщина, сидевшая за ним на коне, обладала большей властью.

Саймон моргнул, оперся руками и сел, повернув голову влево. Как ни были тихи шаги за пологом, он услышал их и не удивился, когда кольца, на которых висели шторы, звякнули, толстая синяя ткань поползла вбок и в образовавшемся просвете перед ним предстал тот, о ком он только что думал.

Без брони Корис выглядел еще более странным. Слишком широкие плечи, и свешивавшиеся вниз длинные руки как бы скрадывали все остальное. Он был невысок, и его узкая грудь, стройные ноги словно становились еще меньше по сравнению с верхней частью тела. А на плечах этих была голова красавца, каким был бы Корис, если бы не жестокая шутка природы. Под густой шапкой пшеничных волос было лицо юноши, недавно ставшего взрослым, но не испытывавшего при этом никакой радости. Потрясающе красивое лицо совершенно не подходило к широченным плечам: голова героя на туловище обезьяны!

Саймон словно с горки скользнул вниз ногами с высокой кровати, сожалея только о том, что пришедший вынужден будет снизу заглядывать ему в глаза. Но Корис отступил на шаг и с кошачьей ловкостью вскочил на каменный карниз под узкой прорезью окна, так что глаза его оказались на уровне глаз Трегарта. С изяществом, неожиданным для столь длинной руки, он указал на ближайший сундук и стопку одежды на нем.

Нетрудно было догадаться, его ждал отнюдь не твидовый костюм, который он сбросил, забираясь в кровать. Но небольшая деталь прояснила его положение здесь. Все содержимое его карманов, в том числе и автоматический пистолет, с педантичной аккуратностью было выложено рядом с новой одеждой. Что бы ни ожидало его в дальнейшем, пока он здесь не пленник.

Сперва он натянул на ноги брюки из мягкой кожи, похожие на те, что были на Корисе. Темно-синие брюки обтягивали ноги словно перчатки. За ними последовала пара невысоких, до голени, сапог из какой-то серебристо-серой

кожи... быть может, из шкуры какого-нибудь здешнего крокодила. Одевшись до пояса, он повернулся к молчаливому офицеру и жестами намекнул на желание умыться.

Красиво очерченный рот Кориса впервые тронула улыбка, и он указал в альков. Каким бы древним ни казался замок Эскарпа снаружи, но взгляды его обитателей на сантехнические вопросы, в чем Саймон сразу же убедился, мало отличались от современных. Из торчавшей в стене трубки потекла теплая вода, а в кувшинчике оказалась слабо пахнущая ароматная мазь, удалявшая щетину на лице. Из умывания получился урок языка, и Корис терпеливо повторял слова, пока Саймон не стал выговаривать их правильно.

Офицер гвардии держался подчеркнуто нейтрально и никаких проявлений приязни себе не позволял, разве что кроме обучения языку. Не реагировал он и на попытки Саймона как-нибудь повыспросить его. Едва Трегарт натянул на себя тот предмет одежды, что служил здесь и рубашкой и курткой, как Корис, полуобернувшись к окну, принялся рассматривать дневное небо.

Саймон взвесил пистолет в руке. Похоже, гвардейцу было безразлично, вооружен этот незнакомец или нет. Наконец Трегарт засунул его за пояс поверх стройного теперь и, увы, пустого живота и жестом показал, что готов идти.

За дверью был коридор, а через несколько шагов — в стене лестница, уходящая вниз. Впечатление неизмеримой древности усилилось еще больше, когда Саймон ощутил под ногами в ступеньках углубления, вытертые подошвами спускавшихся, а пальцы его нащупали бороздку, протертую в стене их пальцами, словно не столетия — вечность ходили здесь люди. Бледным светом над головой светились какие-то шары в металлических корзинах, но природа свечения осталась ему неизвестной.

Лестница привела их в широкий зал, где расхаживали люди. Часовые были в чешуйчатой броне, прочие были одеты полегче, как Саймон. Они отсалютовали Корису, а на спутника его поглядывали с любопытством, которое слегка смущало Трегарта, но никто не проронил ни слова. Корис прикоснулся к руке Трегарта, показал на занавешанный дверной проход, отогнул край портьеры, приглашая его пройти.

Там был другой зал. Но здесь голый камень стен был прикрыт драпировками, украшенными теми же знаками, что и полог кровати, а значит, уже наполовину знакомыми ему. Часовой взял на караул, подняв рукоятку меча к губам. Корис сделал ответный жест и поманил Саймона за собой.

Комната казалась больше, чем была на самом деле: вверх над их головами взмывал стрельчатый потолок. Шары здесь светились сильнее и прекрасно освещали зал, оставляя уютные тени.

Там находились две женщины... В крепости он еще не видел женщин. И в той, что стояла, положив правую руку на спинку высокого кресла, где сидела другая, постарше, он едва смог узнать свою спутницу, с которой они бежали от охотников Алисона. Волосы, что свисали тогда длинными влажными прядями, были строго убраны под серебряную сетку, от головы до лодыжек ее покрывало теперь одеяние того же туманного цвета. Единственным украшением на ней был овальный дымчатый кристалл, похожий на тот, в браслете. Но этот свисал на цепочке так, что камень покоился между маленькими холмиками груди.

— Саймон Трегарт! — позвала его сидящая женщина, он глянул на нее и почувствовал, что не смеет отвести взгляд.

У нее было такое же треугольное лицо, те же испытующие глаза, те же черные кудри под сеткой. Но исходящая от нее сила буквально разила наповал. Ее возраст определить было невозможно, казалось, будто это перед ее глазами закладывали первые камни башен и стен Эсткарпа. Легким движением руки она бросила ему какой-то шарик, должно быть, из того же дымчатого камня, что и она и ее помощница носили как украшение.

Саймон поймал его. На ощупь шарик не был прохладен, как следовало бы камню, скорее тепловат. Инстинктивно он охватил его ладонями как чашкой — ведь руки обеих женщин лежали теперь на кристаллах.

Что случилось потом, Трегарт не мог объяснить даже себе. Станным образом ему представилась вся последовательность событий, приведших его в Эсткарп, и он чувствовал, что женщины тоже видят все это и даже в какой-то мере разделяют его чувства. Когда он закончил свой «рассказ», настал их черед делиться информацией.

Он был теперь в главной крепости земли, окруженной со

всех сторон врагами, даже, может быть, уже обреченной. Древней многовековой стране угрожали и с севера, и с юга, и даже с запада, со стороны моря. Только потому, что темноволосые люди ее деревень и городов были наследниками древних таинственных знаний, могли они еще выдерживать постоянный натиск. Быть может, они все уже обречены на смерть, но народ этот будет биться, пока не рухнет под ударами мечей последний гвардеец, пока самострел не выпадет из руки последней женщины Эсткарпа.

И в сердце его вновь пробудилось стремление, что привело его сюда, в этот мир, властно притянувшее Трегарта сюда сквозь грубую каменную арку во дворе Петрониуса. Женщины ни о чем не просили его, гордость этого народа не допускала просьб. Но властительнице, что сидела перед ним, он присягнул всем сердцем с мальчишеским рвением и решимостью. И хотя никто не произнес даже слова, Саймон поступил на службу Эсткарпа.

4. Крепость сулкаров просит о помощи

Саймон поднес тяжелую кружку к губам, глядя вокруг над ободком сосуда. Сперва ему показалось было, что в древней стране царят покой и трезвость, что тяжкий гнет столетий давно раздавил последних потомков умирающей расы Эсткарпа и что живут они лишь снами давно прошедших дней. Но чем дальше, тем больше он убеждался в том, сколь поверхностным и ошибочным было это суждение. Теперь среди обступивших его гвардейцев он с одобрением и не впервые примечал тех, с кем делил обязанности и досуг.

Конечно, их оружие было незнакомо ему. Пришлось учиться владеть мечом в рукопашной, но самострелы с короткими стрелками не так уж отличались от его пистолета. Воинскому умению Кориса он мог только позавидовать, и его уважение к мастерству юноши было безграничным. И все-таки Саймон знал тактику, пусть и иных войн и других армий, так что предложения бывшего полковника Трегарта ценил даже его гордый командир.

Саймону хотелось бы знать, как относятся к нему гвардейцы, ведь страна была в кольце врагов и любой чужеземец мог оказаться предателем, брешью в стене обороны Эсткарпа.

Не знал он обычаев этой страны! На всем континенте лишь Эсткарп охотно принимал на службу любого пришельца, сколь бы диким и невероятным ни оказался его рассказ о себе. Ведь сила этой древней страны зиждилась на... магии!

Смакуя языком и небом вино, Саймон предавался научным размышлениям о магии. В его мире это слово могло прикрывать ловкость рук, могло обозначать полное суеверий мумбо-юмбо... могло быть и намеком на известное могущество. Магия Эсткарпа основывалась на воле, воображении и вере. Конечно, они умели усиливать или фокусировать и то, и другое, и третье. И потому были откровенны в том, что нельзя было увидеть, почувствовать, ощутить.

Так что и причину ненависти и страха соседей следовало искать в том же самом — в магии. И в Ализоне на севере и в Карстене на юге сила Веем Эсткарпа считалась злом. «Да не оставишь ведем среди живых». Сколько раз в его собственном мире звучали эти слова, приговором виноватым и невинным, и уж без таких оснований, как здесь.

Ведь царящий в Эсткарпе матриархат... Женщины, правящие здесь, обладали силой, что выходила за пределы его воображения, и пользовались ею при нужде, не сдерживая всей своей мощи. Он помог ведьме бежать из Ализона, где она была глазами и ушами своего народа.

Ведьма... Саймон приложился к фляжке еще раз. Не каждой женщине Эсткарпа была дарована эта сила. Дар этот произвольно переходил от поколения к поколению, от семьи к семье. Отмеченных им девочек привозили в главную крепость, где была школа, и посвящали в орден. Даже имена их исчезали, ведь знать чье-то имя, значило владеть какой-то частью его личности, а значит, и получить власть над этим человеком. Теперь Саймон прекрасно понимал, сколь немислим был его вопрос об имени женщины, с которой бежал он из Ализона.

Сила к тому же не была постоянной. Превышать допустимые пределы не смела ни одна ведьма. И не всегда силой можно было воспользоваться по желанию. Случалось, она и отказывала в какой-нибудь критический момент. Поэтому вместе со всеми ведьмами и их познаниями Эсткарп хранили и закованные в броню гвардейцы, и цепи фортов по границам... Мечам не приходилось скучать в ножнах.

— Са... — подошедший к нему со стуком отодвинул стул

и уселся. — Слишком жарко сегодня для весны. — Шлем звякнул о стол, длинная рука потянулась к кувшину с вином.

Ястреб на шлеме поглядывал со стола на Саймона стеклянным оком, его металлические перья были сработаны столь искусно, что их трудно было отличить от естественных. Корис пил, а со всех концов стола его забрасывали вопросами, словно стрелками из самострела.

В войсках Эсткарпа знали толк в дисциплине, но вне службы, на отдыхе, кастовых различий не было, а люди за столом нетерпеливо требовали новостей. Командир с силой брякнул кружкой о стол и отрывисто произнес:

— Сигнал сбора вы услышите, еще пока не закроются ворота, Магнис Осберик попросил не препятствовать его проезду по западной дороге, а за ним следовала целая рать в полном боевом облачении. По-моему, неприятности опять лезут из Горма.

Слова отзывались уже в тишине... Все, и Саймон теперь тоже, понимали, что значил Горм для капитана гвардейцев. Ведь именно Корис и был законным властелином Горма, но трагедия его началась не там, она лишь закончилась на этом острове, который Корис покинул один, истекая кровью, на полной воды рыбацкой лодке, отогнанной им от берега.

Хильдер, господин-покровитель Горма, был застигнут ненастьем на болотистых равнинах, ничейной земле между Ализоном и Эсткарпом. Там, отбившись от свиты, он упал с оступившейся лошади, сломал руку и почти без сознания, в лихорадке, попал в земли людей Тора, странного народа, не подпускавшего прочих к своим болотам и неусыпно охранявшего свои проволглые края.

Почему Хильдера не убили тогда или просто не прогнали прочь, навсегда осталось тайной. Но история эта не завершилась, даже когда через несколько месяцев он вернулся домой с молодой женой. Люди Горма — а точнее женщины Горма — не желали признавать ее и шептались, что эта женитьба-то и явилась платой за жизнь их властелина. Ведь женщина, что привез он с собой, была уродлива телом и сам разум ее, как и вообще людей Тора, был чужд им. В должное время, родив ему Кориса, она исчезла... Может быть, умерла, может — бежала к своим. Хильдер-то знал, конечно, только молчал об этом и не вспоминал о ней более. А ведь Горм был настолько рад отделаться от подобной госпожи, что вопросов и не задавали.

Но оставался Корис, росший с головой гормского вельможи на теле обитателя болот, о чем ему никогда не позволяли забыть. А потом Хильдер женился снова, на госпоже Орне, дочери властелина-купца, плававшего далеко, и взял за ней хорошее приданое. Горм шептался и надеялся: уж очень все рассчитывали, что наследником будет объявлен младший сын Уриэн, в жилах которого не было ни капли чуждой крови, о чем свидетельствовало его стройное юное тело.

В должное время Хильдер умер. Но умирал он долго, и шептунны могли подготовиться к его смерти. Те, кто думал воспользоваться Орной и Уриэном в своих целях, просчитались, ведь проникательную госпожу Орну, к тому же дочь купца, не так просто было обвести вокруг пальца, как какую-нибудь домашнюю затворницу. Уриэн — еще ребенок, и она будет регентом при нем... Были и такие, кто противился этому, и переубедить их можно было только силой.

Орна весьма разумно перессорила вельмож Горма между собой, ослабив их и укрепив собственные силы. Но когда она обратилась за поддержкой вовне, то поступила как последняя дура на свете. Ведь именно Орна и навлекла на Горм черную погибель, тайно призвав на помощь себе флот Колдера.

Колдер лежал далеко за морями, на краю света, и лишь один из десяти тысяч моряков знал путь туда. Ведь честные, истинные люди держались подальше от мрачной гавани и не бросали якорь у ее причалов. Все и всюду знали, что колдериты не такие же люди, как все, и общаться с ними — значило навлечь на себя проклятье.

Поэтому день смерти Хильдера закончился в Горме кровавой гибельной ночью. И только сверхчеловеческая сила Кориса позволила ему вырваться из расставленных тенет. А потом была только смерть, смерть и гибель, люди Колдера напали на Горм, и он перестал существовать. Если и жив был еще хоть кто-то из подданных Хильдера, надежды у него не было. Ведь к стране Колдер отошел Горм, да и не только остров Горм — через год гладкие стены и башни поднялись на берегу и назвались городом Илем. И никто из людей Эсткарпа по своей воле не входил в его ворота.

Словно растущая лужа нечистот растекается этот Иль между Эсткарпом и единственным его надежным союзником

на западе Сулкарфортом, крепостью мореходов сулкаров, торговцев и воинов. Разные края и страны знавали их, и по милости Эсткарпа воздвигли они свой оплот на тонком мысе, что носом вдается в море, кругосветную дорогу сулкаров. Не только знатными торговцами были моряки-сулкары, но и отважными воинами, которых не рисковали даже задеть в сотнях гаваней... И солдат Алисона, и щитоносец Карстена не смели дерзить сулкарару, а гвардейцы Эсткарпа считали их братьями по оружию.

— Магнус Осберик не из тех, кто выедет со стрелой сбора, если его воины уже не на стенах крепости, — отозвался Танстон, старший из офицеров, командовавший войском на границе Эсткарпа. Он поднялся и потянулся. — Пора собираться. Если Сулкарфорт зовет, время бросаться за мечи.

Углубившийся в свои мысли, Корис кивнул. Обмакнув палец в кружку, он чертил какие-то линии на струганом столе, рассеянно откусывая от плоского ломтя черного хлеба. Линии были понятны Саймону. Заглянув через плечо капитана, он понял, что Корис рисует карту, похожую на ту, что висела в главном зале крепости.

Тонкий выступ с Сулкарфортом на самом носке словно рукой охватывал широкую бухту, лишь широкая водная гладь многомильным простором отделяла ее от Ализа, главной гавани Алисона. Внутри этой бухты и был остров Горм. На нем Корис поставил точку, обозначив главный город Сиппар.

Как ни странно, Иль располагался не на обращенном к бухте берегу полуострова, а на юго-западном побережье, обращенном в открытое море. Дальше берег ломаной линией уходил на юг, в пределы герцогства Карстен — утесы, скалы, без единой безопасной гавани для любого корабля. Бухта Горма в старину была лучшим выходом Эсткарпа в Западный океан.

Какие-то мгновения капитан гвардии изучал свою работу, а потом нетерпеливым взмахом руки стер все со стола.

— В Сулкарфорт ведет только одна дорога? — спросил Саймон. — Иль — на юге, Горм — на севере, отряды из обоих аванпостов Колдера без особых трудов могут ее перерезать.

Корис расхохотался:

— Дорога одна, старая как мир. Наши предки не ожидали, что Колдер укрепитсЯ в Горме... да и кто в здравом уме мог

бы предложить это. А чтобы дорога стала безопасной, — он ткнул большим пальцем в уцелевшую точку, обозначавшую Сиппар, и прижал его к столетнему дереву, будто хотел раздавить насекомое, — надо поступать только так. Следует лечить причину болезни, а не лихорадку, не симптомы ее в теле. А в нашем случае, — он без выражения глянул на Трегарта, — мы не знаем, с чем бороться.

— Послать шпиона...

И вновь гвардеец расхохотался:

— Двадцать человек отправились из Эсткарпа в Горм. Им изменили внешность, и они охотно пошли на эту муку, не зная даже, придется ли вновь увидеть в зеркале свое лицо; в помощь им были даны все чары, какие по силам нашей тайной науке. И никто не вернулся из Сиппара! Ведь люди Колдера — иные, мы даже не знаем, как они обнаруживают наших, известно только, что ошибок у них не бывает. И потом Хранительница запретила такие попытки: нельзя растрачивать Силу попусту, ничего не получая в ответ. Я сам пытался пробиться туда, но не смог справиться с их ограждающим заговором. Впрочем, высадка на Горм сулит мне смерть, а я пока еще могу послужить Эсткарпу живым. Нет, эту болячку нельзя ковырять до падения Сиппара, а даже на это нет надежды.

— Но ведь Сулкарфорт под угрозой?

Корис потянулся за шлемом.

— А потому, друг Саймон, мы выступаем. У колдеритов есть одна странность — пока они бьются на своей земле, на своих кораблях, победа всегда остается за ними. Но если они покушаются на чистую землю, которую еще не запятнали своей тенью, есть шанс пустить им кровь, помахать мечами. Сулкары помогут — значит, вороны будут сыты. И пока хватит сил, воинов Колдера хватит и для меня.

— Я тоже еду, — Саймон и не думал спрашивать, просто сообщил. До сих пор он терпеливо ждал, учился и учился с терпением, которому научили его прошедшие семь лет, зная, что, пока не овладеет жизненно важными здесь искусствами, не смеет надеяться на независимость. Бывало, в особенности во время ночных дежурств, задавался он мыслью: что если просто заморозили его ведьмы Эсткарпа тогда в зале, раз он принял все без протеста и размышлений. Если это было так, чары, должно быть, начинали рассеиваться, он хотел теперь

узнать весь этот новый мир, не один только город, а потому решил для себя, что если не удастся отправиться с отрядом гвардейцев, то он поедет один.

Капитан внимательно разглядывал его.

— Нас ждет не обычная мелкая стычка.

Саймон сидел, зная, что Корис не любит, когда рядом с ним стоят, надеясь расположить его этой любезностью.

— Разве я чем-нибудь показал, что принадлежу к числу любителей легких побед? — едко спросил он.

— Тогда тебе придется положиться на стрелки. С мечом ты управляешься не лучше, чем конюх в Карстене.

Саймон не стал напрасно возмущаться, понимая, что это истинная правда. Как стрелок из самострела он был здесь среди лучших и частенько мог даже оказаться победителем. А успехи в борьбе и единоборстве, где он использовал приемы дзюдо, принесли ему даже некоторую славу в приграничных фортах. Но когда дело доходило до мечей... Словом, даже неловкий мальчишка-новобранец, едва начавший соскребать со щек пушок, мог одолеть его. А булавой Кориса, которой тот размахивал с кошачьей ловкостью, ему трудно было даже замахнуться.

— Пусть только с самострелом, — с готовностью ответил Саймон, — но я тоже еду.

— Да будет так. Но сперва следует решить, отправляемся мы в путь или нет.

Все решилось на совете, куда приглашены были и подчиненные Корису офицеры, и все находившиеся в крепости ведьмы. И хотя никакой должности Саймон здесь не занимал, он увязался за капитаном, его пропустили, и он пристроился у одного из окон, внимательно оглядывая собравшихся.

Председательствовала Хранительница, безмянная женщина, что правила и крепостью и всей страной, та, что мысленно выпрашивала его когда-то. За ее креслом стояла ведьма, что бежала с ним от псов Алисона. Кроме них присутствовало еще пятеро посвященных, словно не имевших возраста и даже как бы бесполох, но с пронизательным и внимательным взглядом. И Саймон еще раз понял, что скорее станет биться бок о бок с ними, чем против них. Никогда не видел он такой силы в человеческом существе, не встречал подобных им.

Но лицом к ведьмам стоял теперь человек, присутствие которого делало остальных гномами. В любом другом собрании решал бы все именно он. Мужики Эсткарпа были высоки и стройны, но рядом с этим бронзовотелым быком они казались юнцами. Из панциря, котлом охватившего грудь великана, можно было бы выковать не один щит для гвардейцев. Плечи и руки его были под стать Корису, но и все тело соответствовало своей верхней части.

Подбородок его был выбрит, на верхней губе топорщились усы, спускавшиеся на выдубленные непогодой щеки. На шлеме высилась искусно выполненная голова медведя, свирепо оскалившего зубы. Плащом ему служила громадная дубленая медвежья шкура, подбитая шафраново-желтым сукном. Передние лапы с позолоченными когтями были скоты вместе под квадратным подбородком.

— Сулкарфорт хранит мир в торговле. — Он подчеркнуто пытался сдерживать голос в небольшой палате, но могучий бас все равно гулко отдавался под сводами. — И мы обнажаем клинки, только когда нужно. А какие клинки, какая сталь может помочь против сил мрака? Я не против древних познаний, — словно через прилавок обратился он прямо к Хранительнице, — у каждого свои боги и силы, которым поклоняются люди, а Эсткарп никому не навязывал своей веры. Но колдериты не таковы: лишь завидели они добычу, и враги их погибли. Госпожа, я уверен, погибнет наш мир, если совместно не сумеем обуздать прилив зла.

— А видел ты, владыка купцов, — спросила ведьма, — видел ты человека, рожденного женщиной, что способен был обуздать прилив.

— Обуздать — конечно, нет, но оседлать его, мчаться на нем — сколько угодно. В конце концов, это моя собственная магия. — И он ткнул в панцирь большим пальцем. Жест показался бы театральным у любого, но для него он был совершенно естественным. Однако как оседлать силу Колдера? А теперь они собираются напасть на крепость сулкаргов! Тупицы из Алисона решили отсидеться в сторонке, но с ними потом обойдутся, как с Гормом. Сулкарпы не покинут своих стен... они будут биться. И если погибнет наша гавань, этот злобный прилив хлынет, госпожа, прямо к вашему трону. Слухи донесли, что ваша магия властна над ветром и бурей,

над умом и внешностью человека. А против сил Колдера она устоит?

Рука ведьмы потянулась к груди, к камню; прикоснувшись к нему, она произнесла:

— Правду говорю тебе, Магнис Осберик: увы, я не знаю. Колдер закрыт для нас, мы не сумели проникнуть за его стены. А в остальном — я согласна. Настало время совместной битвы. Капитан, — обратилась она к Корису, — что думаешь ты об этом?

Печальные глаза на красивом лице словно осветились:

— Раз от мечей еще может быть польза, пусть будет битва. Если вы разрешите, войско Эсткарпа немедленно отправится в крепость сулкаров.

— Если так решил капитан, пусть едут мечи Эсткарпа, ты командуешь войском, и суждение твое — суждение воина. Но пусть вам сопутствует и другая Сила, мы посылаем с вами все, что имеем.

Она и не шевельнулась, но ведьма, знакомая Саймону по Ализону, шагнула из-за спинки кресла и стала справа от Хранительницы. Темные раскосые глаза ее оглядели комнату, на мгновение задержались на сидевшем в сторонке Саймоне. Неужели на самом деле тень улыбки вдруг возникла в ее глазах, скользнула к губам и исчезла? Он, конечно, не мог поручиться в этом, но глаза как будто не обманули его. И непонятно почему, в этот момент ему показалось, что между ними протянулась хрупкая связь, быть может тончайшая из мыслимых нитей.

И когда после полудня они выступили из города, по какой-то случайности оказалось, что их кони идут бок о бок. Как и все гвардейцы, она была в кольчуге и шлеме с подкольчужником. Внешне разницы между ними не было никакой. Тот же меч у бедра, на поясе самострел.

— Итак, воин иного мира, — тихо сказала она, чтобы слышал лишь Саймон, — снова у нас одна дорога.

Ясное спокойствие ее дразнило Саймона:

— Будем надеяться, что теперь мы станем охотниками, а не дичью.

— Всеу свое время, — бесстрастно отвечала она, — в Ализоне меня предали, и я была безоружна.

— А теперь вы едете с мечом и самострелом...

Она глянула вниз и усмехнулась.

— Да, Саймон Трегарт, и с мечом, и с самострелом, и еще кое с чем, но прав ты в одном — нас ожидает темная сила.

— Это предсказание, госпожа? — нетерпение снесало его. Он еще не слишком-то верил ведьмам, куда проще доверять стали в собственной руке, чем взглядам, намекам и ощущениям.

— Предсказание, Саймон, — в глубине узких глаз ее еще таилась призрачная улыбка. — Это не поручение, иномирянин, не обет для тебя. Но я знаю: нити жизней наших соединены теперь Вышним Хранителем. А что мы хотим и что выйдет из этого, может сложиться надвое. Это я говорю не только тебе, но всему войску... Берегитесь места, где аркою высятся скалы и кричат морские орлы.

В ответ Саймон выдавил улыбку:

— Поверьте мне, госпожа, в этой земле я внимателен так, словно у меня и на затылке еще пара глаз. Это не первый мой рейд.

— Мы знаем это. Иначе ты бы не ехал рядом с Ястребом, — кивком головы она указала на Кориса. — Он бы не потерпел тебя рядом, будь ты из иного металла. Корис рожден предводителем и воспитан воином на благо Эскарпа.

— И эта опасность ждет нас в Сулкарфорте? — настаивал Саймон.

Она покачала головой.

— Ты ведь знаешь, каков наш Дар. Мы видим лишь куски, обрывки... ничего целого. Но я не видела городских стен, а эти скалы как будто ближе к нам, чем к побережью. Доставай самострел, Саймон, да готовь свои знаменитые кулаки. — Насмешки не было, скорее дружеская улыбка. Саймон прекрасно понимал, что должен принимать ее такой, какая она есть.

5. Битва с демонами

Войско Эскарпа торопилось, но когда за плечами скрылся последний приграничный форт и дорога свернула к гавани, оставался еще дневной переход. На придорожных постах отряд постоянно менял коней, а в последнем форту заночевали, старались поддерживать ровную рысь.

Сулкары ездили верхом отнюдь не с легкостью гвар-

дейцев: они мрачно никли в седлах, слишком тесных для этих великанов — Магнис Осберик вовсе не был среди них исключением, — но держались и не отставали с решимостью людей, для которых главным врагом было время.

Утро было ясным, на придорожных кустах в лучах солнца горели пурпурные цветы. Ветерок доносил спереди запах морских волн, и Саймон вдруг почувствовал такое воодушевление, какое не приходило к нему уже много лет... Он уже и не думал, что способен на подобное. И не заметил, что мурлычет что-то под нос, пока знакомый грудной голос слева не произнес:

— Рано пташечка запела...

Легкое ехидство не задело его.

— Не хочется в такое утро прислушиваться к недобрым предчувствиям... Слишком уж хорошо.

Она тронула кольчужный шарф, что окутывал ее плечи и шею, словно желая избавиться от него.

— Море... Как пахнет морем, — взгляд ее устремился вперед, туда, где дорога сливалась с горизонтом. — Капелька моря течет в крови людей Эсткарна. Поэтому кровь сулкаргов может смешиваться с нашей, прежде это случалось. Когда-нибудь я съезжу к морю... Просто так. Шум прибоя так притягивает к себе, знаешь, когда волны откатываются от берега...

Ее певучий шепот еще отдавался в его ушах, но Саймон внезапно насторожился и умолк. Естественно, у него не было дара ведьм Эсткарна, но что-то пробудилось в его сердце, ожило, и, не успев толком что-либо сообразить, он сделал знак рукой, как учили его далеко отсюда.

— Да! — Ее рука взлетела вверх следом за его собственной, люди за ними остановились. Корис рывком обернулся, тоже подал сигнал и отряд встал целиком.

Оставив Тонстона за себя впереди, капитан поехал назад. Аванпосты в потере бдительности упрекнуть было нельзя.

— Что случилось? — требовательно спросил Корис.

— Мы едем в какую-то западню. — Саймон огляделся, дорога перед ними невинно нежилась в лучах солнца. Ничто не шевелилось, только в вышине кружила птица. Но весь его опыт, разум говорили, что перед ними разверстый капкан, ежесекундно готовый захлопнуться.

Удивление Кориса проходило. Он перевел взгляд от Сай-

мона к ведьме. Она перегнулась в седле вперед, ноздри ее раздувались, усиленно втягивая воздух, словно принюхиваясь. Бросив поводья, она начертила в воздухе некие знаки, а потом убежденно и резко кивнула.

— Он прав, перед нами пустое пространство, за которым я ничего не вижу. Может быть, это силовой барьер... укрытие для засады.

— Но он-то как догадался... откуда у него дар? — моментально возмутился Корис. Он бросил на Саймона взгляд, в котором тот не мог прочесть ничего, кроме неодобрения. Потом что-то приказал и умчался готовить фланговую атаку, чтобы вспугнуть чересчур осторожных врагов из укрытия.

Саймон вытаскивал самострел. И в самом деле, откуда он знал, что его ждет опасность. Такое иногда случалось с ним, например, в ту ночь, когда он встретил Петроннуса, но никогда еще предчувствие не было столь ярким и сильным.

Ведьма держалась рядом с ним, как раз позади первой линии гвардейцев, теперь она читала заклинания. Из-под кольчуги она ухитрилась извлечь свой дымчатый кристалл, что был и оружием и знаком ее власти. И потом на вытянутой руке подняла его вверх и громко скомандовала что-то, но не на том языке, который с трудом одолел Саймон.

И тогда перед ними вдруг появились мрачные скалы, вздымавшиеся вверх, словно зубы из челюсти гиганта. А дорога бежала дальше, туда, где в виде арки сходились два утеса. Подножие отвесных скал закрывал кустарник, то бурый и засохший, то живой и зеленый.

Луч света из камня ударил в вершину утеса, что вздымался над остальными. Из нее повалил дым, густым пологом подернувший кустарник, да и сами утесы. И оттуда, из белой пелены в полном молчании повалили вооруженные, закованные в броню люди.

Выступавшие вперед забрала на гладких прилежавших к голове шлемах придавали им вид каких-то клювастых хищных птиц. И только абсолютное молчание — ни криков, ни команд — делало этот натиск словно бы нереальным.

— Сул... Сул... Сул! — мореходы обнажили мечи, под громогласные возгласы выстроились в линию, переломившу-

юся в клин, на острие которого был сам Магнис Осберик.

Гвардия молчала, Корис не отдавал приказов. Стрелки выбрали цели и уже стреляли навстречу, мечники выехали вперед с мечами наготове. У них было преимущество: все были на конях, а молчаливые враги сражались пешими.

Доспехи Эскарпа Саймон уже изучил и прекрасно знал, где их слабые места. Но справедливы ли его наблюдения для брони воинов Колдера? Потому он все же прицелился в подмышку того колдерита, что замахнулся на гвардейца, первым приблизившегося к ошетилившемуся мечами катящему валу вражеской пехоты. Воин Колдера дернулся и упал, зарывшись в землю острым забралом.

— Сул... Сул... Сул! — Боевой клич воинов Сулкара ревом прибоя покрыл звуки начавшейся битвы — воины сходились, расходились, кружились в яростных поединках. В первые мгновения стычки Саймон обращал внимание только на свои действия — целился, стрелял. И только потом удивился воинам, с которыми они бились.

Ведь никто, ни один из них, не сделал даже попытки защититься. Один за одним слепо встречали они смерть, потому что пренебрегали защитой. Не было никаких финтов, ударов они не отбивали ни клинком, ни щитом. Пехота врага билась с тупой свирепостью, но как-то без мысли. Словно механические игрушки, подумал Саймон, — завели и пустили шагать.

И их-то считали в этом мире самыми грозными воинами! Да на его глазах колдеритов косили, как дитя оловянных солдатиков.

Саймон опустил самострел. Ему не хотелось по одному щелкать слепых вояк. Шпорами он повернул скакуна вправо, и вовремя — одна клювастая голова повернулась к нему. Колдерит бросился вперед отрывистой рысью. Но не к Саймону, как тот ожидал, — к ведьме, ехавшей позади.

Умело владея лошадью, она уклонилась от удара и взмахнула мечом, но ее удар пришелся вкось, задел острое забрало воина и не попал по плечу.

Пусть в бою он казался незрячим, но уж работать-то клинком умел. Синяя лента стали сверкнула в его руке, меч ведьмы отлетел в сторону. Потом он отбросил в сторону и

собственный меч, ухватил кольчужной перчаткой ведьму за пояс и, несмотря на все сопротивление, вытащил ее из седла с ловкостью, которой позавидовал бы и Корис.

Но Саймон был уже рядом, а странный недостаток всех воинов Колдера был присущ и этому. Ведьма столь отчаянно билась в его руках, что Саймон даже не посмел воспользоваться мечом. Он вынул ногу из стремя и, подбежав поближе, ударил воина носком сапога, вложив в этот удар все силы.

Удар пришелся прямо в круглый затылок воина и болью отозвался в ноге Саймона. Человек из Колдера споткнулся и рухнул вперед, подмыв под себя ведьму. Саймон выпрыгнул из седла, опасаясь, что подведет ушибленная нога. Кольчужные перчатки скользнули по панцирю на плечах колдерита, но Саймон все же сумел стащить тяжелое тело с задыхающейся женщины. Воин откатился на спину и лежал острым забралом вверх, словно жук шевеля руками и ногами.

Стянув металлические перчатки, женщина склонилась над поверженным и принялась расстегивать пряжки на плече. Саймон тронул ее за плечо.

— В седло! — приказал он, подводя ей своего коня.

Поглощенная делом, она отрицательно покачала головой. Упрямый ремень наконец поддался, и она сорвала шлем. Саймон, собственно, даже не думал, что за лицо ожидает увидеть. Впрочем, его воображение живее, чем хотелось бы ему самому, нарисовало несколько возможных портретов ненавистных чужаков... Но это лицо совершенно не соответствовало ни одному из них.

— Херлуин!

Увенчанный ястребом шлем Кориса заслонил это лицо от Саймона, и капитан гвардии Эскарпа преклонил колена рядом с ведьмой, положив ладони на плечи поверженного, словно обнимая старого друга.

Голубоватые с прозеленью глаза на лице, столь же красивом, как лицо капитана, открылись, но они не глядели ни на гвардейца, ни на ведьму с Саймоном. Ведьма тронула Кориса за плечо. Взяв голову за подбородок, она повернула лицо к себе и заглянула в эти незрячие глаза. И сразу брезгливо отдернулась, выпустила ее, яростно вытирая руки о траву. Корис глядел на нее.

— Херлуин? — теперь это имя звучало скорее вопросом

к ведьме, а не обращением к неподвижному воину в доспехах Колдера.

— Убей! — сказала она, стиснув зубы. Рука Кориса потянулась к мечу, брошенному им на жесткую траву.

— Нельзя же так! — запротестовал Саймон. Воин был безоружен, без сознания, нельзя же убивать его так, спокойной рукой. словно холодная сталь блеснули глаза женщины. Она показала на бесильно катающуюся по траве из стороны в сторону голову.

— Посмотри сюда, иномирнин. — И она потянула его вниз.

Со странной нерешительностью Саймон прикоснулся к голове руками, как только что сделала она. И пожалел в ту же секунду. Не было тепла человеческого тела в этой плоти, и даже не холодом камня или металла отдавала она, а какой-то отвратительной мерзостью.

А заглянув прямо в открытые немигающие глаза, он даже не увидел, почувствовал полную пустоту, которая не могла быть результатом удара, каким бы точным и сильным он ни был. Перед ним лежало то, с чем он еще не встречался... воплощенное безумие в человеческом обличье. Изувеченного, изрубленного калеку можно было бы пожалеть, но это существо отрицало все истинное, так мерзостно нарушало все законы бытия, что Саймон не мог и представить себе подобную тварь разгуливающей под лучами солнца на здоровой земле.

И как только что ведьма, он решил стереть грязь с ладоней, очистить всю мерзость прикосновения. Встав на ноги, он повернулся спиной к взмахнувшему мечом Корису. Тело, которое поразил капитан, было убито... давно... и проклято.

От войска Колдера остались лишь трупы, пало только двое гвардейцев, да тело одного из сулгаров безжизненно свисало с седла. Эта атака оказалась настолько нелепой и безрезультатной, что Саймону оставалось лишь удивляться, зачем ее предприняли. Он набрел на капитана и обнаружил, что тот занят исследованием.

— Снимать с них шлемы! — Гвардейцы передали друг другу его приказ, и под каждым из клювастых шлемов обнаруживались головы со стриженными светлыми волосами и бледными лицами, чем-то напоминавшими Кориса.

— Мидир! — Он остановился у другого тела. Рука лежавшего дрогнула, горло сотрясало предсмертное клокотание. — Добить! — раздался бесстрастный голос капитана, приказ был мгновенно исполнен.

Он осмотрел всех павших, и еще три раза пришлось ему приказывать, чтобы нанесли последний удар. В углу красивого рта трепетала маленькая жилка, и выражение глаз его неизмеримо отличалось от пустоты во взгляде врагов. Обойдя все тела, капитан вернулся к Магнису и ведьме.

— Но они же все из Горма!

— Они были из Горма, — поправила его женщина, — Горм умер, когда открыл ворота для Колдера. И перед нами вовсе не люди, которых ты знал, Корис. Они давно не люди... долгое-долгое время. Это руки и ноги, боевые машины хозяев, в них нет истинной жизни. Когда Сила выгнала их из укрытия, они принялись исполнять приказ, что был дан им: найти и убить. Колдер может воспользоваться так стычками, чтобы ослабить нас перед настоящим ударом.

Минутный тик искривил рот капитана в улыбку, что вовсе не была улыбкой.

— В известной мере это свидетельствует об их слабости. Быть может, у них не хватает людей? — А потом он поправился, звучно бросив меч в ножны: — Впрочем, кто знает, что у Колдера на уме, если им по силам такое, значит, приготовлены для нас и другие сюрпризы.

Саймон был в числе первых, кто покинул вытоптанное теперь поле, где встретили они натиск отряда из Колдера. Выполнять последнее распоряжение ведьмы ему оказалось не под силу, и теперь все мерещились оставшиеся позади безголовые трупы. Трудно было заставить себя примириться с увиденным.

— Мертвые не воюют! — он даже и не заметил, что протестовал вслух, пока не ответил ему Корис.

— Херлуин был словно рожден в море. Я видел, как он с одним ножом охотился на рыбу-копье. А Мидир был тогда новобранцем среди телохранителей и все спотыкался, когда трубили тревогу, в день, когда Колдер напал на Горм. Обоих я знал хорошо. Но эти твари, что позади нас, — это не Херлуин и не Мидир.

— Человек состоит из трех частей, — произнесла ведьма. — Из тела, чтобы действовать; разума, чтобы думать; души,

чтобы чувствовать. А может быть, Саймон, в твоём мире люди устроены иначе? Впрочем, едва ли: ты действуешь, думаешь, чувствуешь. Убивая тело, освобождаешь душу, а если убить разум, тело может просуществовать немного в горьких оковах, вызывая сочувствие людей. Но если убить душу и оставить жить тело, а может быть, и разум... — голос ее дрогнул, — это страшный грех, немыслимый для нас. И именно это и случилось с воинами Горма. И то, что ходит в обличье, не для глаз тех, кто рожден на земле. Лишь кошунственные занятия с вещами запретными полностью могли породить такое...

— Так вот, значит, госпожа, какой смертью умрут сулкары, если воины Колдера ворвутся к нам, как ворвались в Горм, — предводитель купцов подъехал поближе на своем широком жеребце.

— Мы разбили их здесь, но как быть, если легионы этих полумертвецов полезут на наши стены. В крепости немного людей, торговый сезон в разгаре, и девять десятых всех кораблей в море. На стенах нас будет негусто. Человек может рубить головы лишь до поры, потом рука слабеет. И если противник все валит, он может осилить нас просто числом. Ведь у них нет страха, и они рвутся вперед там, где мы подумаем дважды и трижды.

Ни у Кориса, ни у ведьмы на это не было готового ответа. Через несколько часов Саймона несколько успокоил вид этой торговой гавани. Душою сулкары были моряками, но и строить они тоже умели, все неровности скалы были учтены при строительстве. Со стороны суши крепость была обнесена стеной с наблюдательными башнями и множеством бойниц. Но истинную силу цитадели они узнали, лишь когда Магнис Осберик провел их внутрь. Две скалы крабьей клешней выдавались в море, отхватив от него изрядный кусок — гавань. На каждой стороне клешни громоздились стены-башенки, укрепления, соединенные с крепостью подземными ходами. Там, где это было возможно, стены спускались поближе к пенящимся валам, чтобы неоткуда было идти на приступ.

— Сулкары, — заметил Саймон, — строили свою крепость в расчете на войны.

Магнис Осберик в ответ усмехнулся:

— Мастер Трегарт, мир на дорогах нам дан лишь в Эсткарпе и в какой-то мере в Ализоне и Карстене, если не

забыть вовремя позвенеть там золотом перед ушами нужных людей, но повсюду за их пределами мечи мы показываем вместе с товаром, а товар — это сердце нашего королевства. Внизу, в складах, там наша кровь — товары текут по свету, как кровь в жилах сулкаров. Ограбить крепость сулкаров — мечта каждого вельможного отпрыска и пирата!

— И хотя молва называет людей Колдера порождением демонов, добром этой земли они не пренебрегают и тоже, как и иные соседи, хотели бы запустить лапы в наши богатства. Вот почему у нас есть и последняя защита... если крепость падет, одолевший нас не разбогатеет. — Он грохнул кулачищем о камень стены. — Эта крепость построена во времена моих прадедов, уютная гавань, укрытие в бурю... и от ветра и от волн, и в непогоду войны. И сколь же оно необходимо теперь, такое укрытие.

— Три корабля в гавани, — сосчитал Корис. — Круглый грузовой и два длинных военных.

— Грузовой с зарей отправится в Карстен. Он увозит покупки герцога Карстенского, пойдет под его флагом, и экипажу не придется выйти на стены гавани, — заметил Осберик.

— Говорят, герцог собирается жениться. Там внизу, в шкатулке лежит Саминское ожерелье, подстать белой шее Олдис. Может быть, Ивьен наденет браслет не на ее руку, но не сам он будет носить ожерелье.

Ведьма пожала плечами, а Кориса явно более интересовали иные проблемы, чем пересуды соседнего двора.

— А длинные? — спросил он.

— Пока задержатся здесь, — неопределенно сказал господин купцов. — Они будут патрулировать. Хотелось бы иметь глаза и на море.

Обходя посты следом за Корисом, Саймон прикинул, что бомбардировщик превратил бы внешнее кольцо стены крепости сулкаров в щебенку за один-два захода, тяжелая артиллерия смогла бы пробить бреши в толстенных стенах за несколько часов. Но в скалах под стенами, башнями и домами таилась целая сеть погребов и переходов; некоторые из ходов вели к морю, и толстенные двери там были наглухо заперты, и если в Колдере не было иного оружия, кроме того, что видел он в этом мире, торговцы, пожалуй, могли показаться и слишком предусмотрительными. Впрочем, предосторо-

рожности могли казаться излишними, только если накрепко забыть пустоглазого воина из Горма.

Почти все попавшиеся им казармы пустовали, хотя арсеналы были полны оружия — в стойках покоились тяжелые топоры и булавы. Но людей повсюду было немного, все силы были брошены на стены. Крепость сулкаров вмещала тысячи воинов, и для всех нашлось бы в ней оружие, но лишь несколько сотен еле набралось в ней ныне.

Втроем, Корис, ведьма и Саймон, они поднялись на береговую башню, вечерний ветерок охлаждал кольчуги.

— Только из опасения за Эсткарп не решаюсь я бросить сюда все силы, — Корис говорил сердито, словно возражал кому-то. — Это было бы приглашением для Алисона и герцогства немедленно навалиться на нас с севера и юга. Панцирь Осберика не по зубам и Колдеру, только мяса внутри его нет. Он слишком затянул сборы, со всеми силами сулкаров он еще и отбил бы, но с этой горсткой — сомневаюсь.

— Не сомневаешься, Корис, но биться будешь, — в голосе ее не было ни похвалы, ни упрёка, — потому что так надлежит. И вполне может теперь случиться, что эта крепость падет перед Колдером. Ведь они близко... предчувствие не обмануло Магниса.

Капитан резко обернулся к ней:

— Вы снова предсказываете нам, госпожа?

Она покачала головой:

— Не жди, капитан, того, что мне не по силам. Там, перед засадой, я увидела перед собой пустое пятно. И по этому-то признаку я и признала силы Колдера. Но ничего другого я предложить не могу. А ты, Саймон?

Он вздрогнул:

— Я? Но откуда у меня ваша сила... — начал было он, но потом честно поправился, — я ничего не могу сказать: как солдат я вижу, что это сильная крепость, но чувствую себя в ней, как в капкане. — Последние слова он не обдумывал, понимал, что это правда.

— Но Осберика мы ничего не скажем, — решил Корис. И они оставались на башне до захода солнца, и чем ниже садилось оно, тем больше становилась крепость похожей не на убежище, а на клетку.

6. Смерть в тумане

Все началось чуть полночь; с моря поползла туманная полоса, закрывая звезды и волны; от нее расползлся холод, не ветер и не дождь несли его... Он просачивался в людские кости, пятак брони маслянистыми каплями, отдавая на губах солью и тлением.

Туман дотянулся уже до цепочек светящихся шаров, протянувшихся клешней по гребням вдоль укреплений. Одна за одной яркие точки расплывались в желтом тумане. Он понемногу, дюйм за дюймом, фут за футом, закрывал от них мир.

Саймон расхаживал взад и вперед по маленькой наблюдательной площадке средней сторожевой башни. Половину клешни уже поглотил туман. Длинный и узкий корабль на рейде стена тумана уже перерезала пополам. В своем собственном мире он не видел подобных туманов; и знаменитый лондонский туман, и смог заводских городов были другими. Туман напал с запада сплошной стеной, а это значило только одно — за ним движутся атакующие.

Мертвенно и гулко ударили тревогу на стенах — медные гонги на клешне были развешены повсюду. Атака! Он метнулся к двери башни и натолкнулся на ведьму.

— Они атакуют!

— Нет еще. Это штормовое предупреждение, для кораблей, что ищут порт.

— Колдерских кораблей!

— Быть может, и так. Но столетние обычаи за час не изменишь. В туманные дни гонги крепости подают сигнал морякам, лишь приказ Осберика может заставить их замолчать.

— Значит, здесь знают и такие туманы, как этот?

— Туманы здесь знают, но не такие...

Она проскользнула мимо него туда, где он только что стоял и следил, как исчезает из вида гавань.

— Нам, обладающим Силой, в какой-то мере подчиняются и явления природы, хотя окончится удачно ворожба или нет, заранее знать не дано. И моим сестрам по силам вызвать туман, который смутит не только глаза, но и ум непосвященных... на время. Но этот туман — другой.

— Неужели естественный? — настаивал Саймон,

понимая, что это не так. Но он даже понять не мог, в чем причина подобной уверенности.

— Когда горшечник лепит кувшин, он кладет на колесо глину и искусные руки лепят его по-задуманному. Глина — это земля, но форму ее меняет разум... обученный разум. Так и здесь, похоже, что некто — или нечто — зачерпнуло здешней воды и воздуха и придало им нужную форму.

— Чем ответите вы, госпожа? — Корис подошел к паркету и хлопнул руками по усеянному капельками камню. — В таком киселе мы ослепнем!

Она внимательно вглядывалась в туман, как лаборант следит за ходом важного эксперимента.

— Они хотят ослепить нас, но и слепота может быть разной. Раз они воспользовались иллюзией, ею мы и ответим!

— Значит, туман против тумана? — спросил капитан.

— Заговор не отвращают им же самим. Раз они колдовали с воздухом и водой, то и я должна обратиться к тем же стихиям, но по-иному. — Ногтем большого пальца она постукивала по зубам. — Их следует ошеломить, озадачить, — повернувшись к двери она что-то пробормотала. — Надо спуститься к воде. Попросите у Магниса дерева, лучше сухих щепок. Если их нет, прихватите ножи, чтобы можно было их настругать. И кусок ткани. Принесите все к середине гавани.

Глухой звон гонгов гулко отдавался у воды, когда горсточка гвардейцев и сулкаров вышла на причал. Из охапки тонких досок ведьма выбрала самую маленькую. Неловко держа нож, она выстругала грубую лодочку с острым носом и круглой кормой. Саймон взял у нее нож и ложку, и с легкостью принялся снимать стружку. Остальные последовали его примеру — дева не возражала.

Наконец у них появился флот из десяти... двадцати... тридцати лодочек в ладонь величиной, каждая с палочкой-мачтой и привязанным к ней парусом... Ведьма опустилась на колени перед этой цепочкой, низко нагнувшись подула в крошечные паруса, тронула пальцем корму каждого обстружанного кораблика.

— Ветер и вода, ветер и вода, — нараспев проговорила она, — ветру — гнать, воде — не топить, морю — нести, туману — поглотить.

Одну за другой быстро бросала она свой игрушечный флот

в воду гавани. Стена тумана подошла уже вплотную, но пока он был еще не слишком густым, и Саймон успел увидеть в нем нечто удивительное. Крохотные лодочки выстроились в клин, острием обращенный к морю. И когда первая из них нырнула в туманную пелену, она была уже не игрушкой — кораблем, быстрым и прекрасным, стройнее тех кораблей, которые с гордостью показывал Осберик.

Чтобы встать, ведьма ухватила за предложенную Саймоном руку.

— Не верь своим глазам, чужеземец. Мы, владеющие Силой, не творим, лишь обманываем чувства. Но будем надеяться, что эта иллюзия окажется столь же действенной, как туман, и отпугнет нападающих.

— Но это же не настоящие корабли! — он упрямо протестовал, не веря собственным глазам.

— Мы слишком зависим от собственных чувств. Если обмануть сразу глаза, пальцы, нос, — видение станет на время истинным. Скажи мне, Саймон, если ты собираешься атаковать эту гавань и вдруг за пологом тумана увидишь флот, которого там не должно было быть, сколько раз ты подумаешь прежде, чемвязаться в бой. Я хочу выиграть время, иллюзия не реальность, и корабль Колдера, решивший взять один из моих корабликов на бордаж, тут же обнаружит, в чем дело. Но иногда время бесценно.

Должно быть, она оказалась права. И если враги собирались ворваться в гавань под покровом тумана, атаки в ту ночь не последовало. Тревога так и не прозвучала, но и плотная пелена над крепостью в час рассвета так и не собиралась рассеиваться.

Капитаны трех судов, стоявших в гавани, ожидали распоряжений от Осберика, а он мог призвать лишь к терпению, пока не рассеется туман. Следом за Корисом Саймон обходил стражу, на внешних постах у моря приходилось иногда браться за руки, чтобы не потеряться в тумане. Приказано было регулярно бить в гонги, теперь уже не для указания пути затерявшимся корабельщикам, а чтобы сторожевые посты не теряли друг друга из виду. И заслышав приближение смены, суровые люди на постах напряженно оборачивались и обнажали мечи, готовясь вонзить оружие в грудь приближавшемуся, если тот не успеет заранее выкрикнуть нужный пароль.

— Если так пойдет дальше, — произнес Саймон, еле увернувшись от выпада сулгара, которого они не заметили вовремя, едва избежав увечья, если не смерти, — им не придется посылать сюда воинов, мы сами истребим друг друга. Если вдруг в такой мгле кому-нибудь покажется, что на моем шлеме торчит клюв — меня тут же укоротят на целую голову.

— И я так думаю, — коротко ответил капитан, — враги тоже нас морочат, будят страх и терзают воображение. Но что же еще можем сделать мы, помимо уже сделанного?

— Наш пароль может расслышать любой человек с неплохим слухом, — выкладывал свои опасения Саймон. — Поодиночке, пост за постом, они могут захватить и всю стену.

— Мы не знаем даже, ожидать атаку сейчас или нет, — горько посетовал тот. — Иномирнянин, если ты можешь распорядиться лучше, отдавай приказы, и я охотно буду повиноваться тебе. Я — воин, и пути войны знаю хорошо, по крайней мере считал так. И думал раньше, что знаю пути волхвов, — ведь Эсткарпу я служу от чистого сердца. Но с подобным я еще не встречался и могу только надеяться на лучшее.

— С таким способом битвы и я не знаком, — с готовностью согласился Саймон. — Он озадачит кого угодно. Но почему-то мне кажется, что они придут не с моря.

— Раз мы ждем их оттуда, — мгновенно поддержал его Корис. — С берега крепость неприступна. Корабельщики строят отменно. Потребуются осадные машины, а их меньше, чем за неделю, не соберешь.

— Значит, море и суша исключаются... Что же остается?

— Земля и воздух, — отвечал Корис. — Земля! Подземные проходы!!

— Но за всеми ними не уследишь, не хватит людей.

Зеленые как море глаза Кориса горели той же свирепой яростью битвы, как и тогда, при первой их встрече.

— Чтобы уследить за ними, не надо людей. Есть одна штука. Надо побыстрее показать ее Магнису. — Они побежали, на углах коридоров Корис чиркал о камни кончиком меча.

На столе стояли тазы разных размеров и форм. В основном медные. И шары, которые Корис тщательно раскладывал по одному в таз, тоже были из металла. Шар, положенный в таз

над проходом, своими колебаниями выдаст любые попытки взломать дверь далеко вниз.

Итак, подземелья они теперь кое-как защитили. Оставался воздух... Но только ли знакомство с авиацией заставило Саймона до боли в шее задирать голову, вслушиваться и вглядываться в охвативший башни гавани мрак? Ведь цивилизация, в защите и нападении полагавшаяся на примитивные самострелы, мечи, щиты и кольчуги, какими бы тонкостями психики она ни владела, не может и породить воздушной атаки.

Благодаря тазам Кориса о начале приступа они были предупреждены заранее, пусть лишь на несколько мгновений. Но тревога была поднята одновременно во всех пяти точках, где стояли шары. Помещения внизу за несколько часов лихорадочного труда были набиты до отказа всем, что только могло гореть и нашлось на складах. Овечья шерсть, коровьи шкуры, обильно политые маслом и корабельной смолой, повсеместно перемежались с тканями, мешками с зерном и семенами, ручейки масла и спирта сливались на полу.

Когда звякнули тазы, на баррикады забросили факелы, а потом закрыли внутренние двери, отрезав бушующий огонь в нижних коридорах.

— Пусть они теперь только ткнутся сюда своими холодными мерзкими рылами, — громко провозгласил Магнис Осберик, брякнув боевым топором об стол в главном зале. И впервые с тех пор, как туман повис над цитаделью, выражение озабоченности исчезло с его лица. Мореход не может любить туман, а тем более порожденный бесовской силой. Теперь он вновь мог действовать — сила и энергия вернулись к нему.

— А-а-а-а! — По говору в зале мечом полоснул этот вопль. Не в телесной муке вырвался он, только предельный ужас мог вырвать его из горла воина.

Магнис привык, словно собираясь встретить врага лбом; Корис с мечом наготове пригнулся к земле, словно телом гнома черпал из нее силу, остальные в палате на мгновение застыли.

Быть может, лишь потому, что он все время ожидал этого, Саймон первым понял, откуда крик, и ринулся к лестнице, через три этажа выходящей на крышу.

Он не добежал туда. Вопли, крики и лязг мечей наверху были достаточным предупреждением. Замедлив шаг, Саймон приготовил свой самострел. Осторожность спасла его, на полпути ко второму этажу его едва не сбilo с ног тело сулкара, катившееся вниз по лестнице. Из рваной раны на горле еще била кровь, забрызгивая стены и лестницу. В диком смятении Саймон глянул вверх. Там, на следующем этаже, спиной к стене двое гвардейцев и трое корабельщиков еще сдерживали врагов, нападавших с той же бездумной жестокостью и устремленностью, что и их собратья на дороге. Саймон выстрелил раз, другой. Но волна клювастых шлемов катилась сверху... Он понял, что враги действительно явились по воздуху и верхние этажи башни теперь были за ними.

Размышлять о том, как они туда попали, было некогда, хватало того, что они сумели прорваться. Пали еще двое корабельщиков и гвардеец. Мертвые или раненые... свои или чужие... — клювастые шлемы никого не разбирали. Тела убитых падали, но остановить натиск не удавалось. Схватка спускалась все ниже.

Саймон ринулся на первую площадку, пинком растворив обе двери, выходящие на нее. Сулкар предпочитали прочную мебель, но кое-что полегче можно было сдвинуть. Он и не ожидал от себя такой силы, с какой теперь двигал тяжелую мебель, баррикадируя дверь. Клювастая голова просунулась между ножками тяжелого кресла, которым он думал завершить свое сооружение, и острие меча блеснуло перед его лицом. Саймон обрушил на этот шлем кресло. На щеке его свежей кровью засочился порез, но атакующий свалился с баррикады.

— Сул! Сул!

Саймона отодвинуло в сторону, перед ним на мгновение мелькнуло лицо Магниса, почти такое же медное, как и топорщившиеся на нем усы. Купец рубил и крушил первую волну врагов, что прорвались к барьеру и начали перебираться через него.

Прицелиться, выстрелить, прицелиться, снова отбросить в сторону пустой магазин из-под стрелок, вставить новый. Помочь истекающему кровью гвардейцу отойти назад, в относительную безопасность. И снова: Огонь! Огонь!

Каким-то образом, Саймон вновь оказался в зале. А потом

горстка уцелевших, в которой он был, очутились на другой лестнице, дорогой ценой отдавая каждый пролет. Здесь вился легкий дымок... — Неужели туман уже дотянулся сюда? Нет, кислый запах полоснул по ноздрям и горлу, заставив закашляться.

Прицелиться... выстрелить... выхватить из-за пояса убитого гвардейца уже ненужные тому магазины со стрелками.

Позади слышались шаги. Хрипло кричали люди, дым сгушался. Прерывисто дыша, Саймон провел рукой по слезящимся глазам, поправил кольчужный шарф на груди.

Ничего не видя, шел он за своими товарищами, пятидюймовая дверь затворилась за ним, лязгнул засов, щелкнул замок. Первая... вторая... третья... четвертая дверь. Они ввалились в комнату, посреди нее высилась какая-то установка, она была выше стоявшего рядом гиганта. Пробившиеся сюда мореходы и гвардейцы окружили странную машину и стоявшего перед ней с потухшим взглядом правителя.

Магнис Осберик потерял свой шлем с головой медведя, медвежья шкура ключьями свисала с плеч. С его топора, что лежал на установке, стекала на пол красная жидкость. В лице его не было ни кровинки, оно казалось постаревшим. Он озирался дикими глазами, похоже, не замечая никого вокруг.

— Надо же, прилетели! — он взял топор и поглаживал его длинную рукоять своей мозолистой от канатов рукой. — По воздуху, словно крылатые демоны! Против демонов человек бессилен, — он усмехнулся ласково, словно женщине. — Но есть управа и на демонов. Не плодиться им в Сулкарфорте!

Его бычья голова снова качнулась, по одному он выхватывал взглядом воинов Эсткарпа.

— Вы славно бились, сыны страны ведъм. Но последнее испытание не для вас. Сейчас мы освободим энергию, что питает город и гавань, и все здесь взорвем. Выбирайтесь отсюда, быть может, вы и сумеете когда-нибудь расквитаться с летучими колдунами. Только знайте, мы уйдем не одни, заберем и их с собой! Уходите, сыны страны ведъм, а мы, сулкары, встретим свою судьбу!

Повинуясь голосу его и глазам — будто медвежьей лапой

собирал он их в кучу, — оставшиеся гвардейцы собрались вместе. Там был и Корис, у ястреба на его шлеме теперь не хватало крыла, и ведьма — лицо ее оставалось ясным и невозмутимым, но было слышно, как она что-то бормочет, — еще десятка два воинов и Саймон.

Гвардейцы все как один взяли на караул, взметнув окровавленные мечи в салюте тем, кто остается.

— Неплохо, сыны страны ведьм, неплохо, — буркнул Магнис, — но сейчас не до парадов. Выметайтесь!

Они рванулись в узкую дверь, на которую он указал. Выходивший последним Корис захлопнул ее и задвинул засов. Они побежали по коридору — надо было торопиться. К счастью, под потолком еще светили шары, а под ногами был ровный пол.

Звуки прибора становились все громче, наконец они выскочили в пещеру, где на якоре раскачивались лодки.

— Ложись. — Рука Кориса подтолкнула Саймона, и он упал вниз лицом. В лодку прыгивали люди, не давая ему подняться. Стукнула еще одна дверь, или это над ними захлопнулся люк? Свет исчез, воздух тоже. Саймон и не пытался пошевелиться, не зная, что будет дальше.

Лодка раскачивалась, по днищу, толкая его, перекатывались тела людей. Саймон изогнутой рукой прикрыл лицо. Качка не нравилась ему — хорошим моряком он не был никогда. Стараясь подавить тошноту, он никак не ожидал этого грохота, что вдруг разорвал вокруг мир.

Они все еще раскачивались на волнах, когда, подняв голову, Саймон ощутил свежий воздух. Он извивался и отталкивался, не обращал внимания на тех, кто лежал под ним. И перед его ошеломленным взором предстал совсем не ночной туман — его не было, — а светлый день. И море, и небо, и берег позади — все было освещено ярким светом.

Но когда же вззошло это солнце в языках пламени над руинами крепости? Он оглох, огненный шар слепил его. Лодки направлялись в море, оставив позади странное светило.

Одна... две... три... хрупкие, словно скорлупки, лодчонки скользили вперед. Парусов не было, должно быть, их толкал какой-то мотор. В его лодке на корме неподвижно сидел человек — широкие плечи выдавали Кориса. Он держал

руки на румпеле. Остатки отряда Эсткарпа вырвались из ада, которым стала гавань сулкаров, но что их ждет впереди?

Туман исчез, и пожар на берегу ярко освещал беспокойное море. Волны бросали лодчонки из стороны в сторону — должно быть, взрыв, что разрушил крепость, потряс и море. Ветер с берега, словно рукой, вдавливал хрупкие суденышки в воду. И люди в этих скорлупках начали понимать, что, быть может, лишь несколько минут жизни выгадали они, но не спасение.

II. ВЕРЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ

1. Свадьба с топором

Тусклое море серело внизу как лезвие топора, которое не заблестит, три не три его, или стальное зеркало, вдруг затуманившееся изнутри. Плоское небо сливалось с морем, и трудно было даже понять, где сходятся воздух с водой.

Лоис съезжилась на узком выступе под стрельчатым окном. Она боялась высоты — эта крутая башня выступала из стены как раз над клыками злобных утесов, скалившихся в пене волн, — и это не нравилось ей. Но все же ее часто тянуло именно сюда, ведь отсюда, если глядеть в пустоту, которую даже птицы нарушали лишь изредка, можно было увидеть свободу.

Узкие ладони с длинными пальцами были прижаты к стене по обе стороны окна, и при желании она могла бы наклониться вперед на дюйм или два и заставить себя поглядеть на то, чего так боялась, как заставляла она себя делать многое, отчего ежилось тело и содрогался ум. Дочерью Фалка можно быть, лишь вырастив вокруг сердца панцирь из льда и железа, который не сокрушить ни побоями, ни унижениями. А возведением этой внутренней цитадели она и была занята большую часть своей короткой жизни.

В Верлене перебивало много женщин — у Фалка был хороший аппетит. И с детства Лоис холодным взором следила за их появлением и быстрым исчезновением, а потом размышляла. Ни одну из них не назвал он женой, ни одна не принесла ему потомства, к великому его огорчению, но к выгоде Лоис. Ведь Верлен не принадлежал Фалку по праву. Только единственная женитьба его на покойной матери Лоис и лишь до смерти самой Лоис давала ему право владеть Верленом и его богатыми доходами от грабежей и мародерства на море и на берегу. Родственники матери в Карстене тут же заявили бы права на Верлен в случае смерти девушки.

Но заполучи Фалк сына от одной из тех, кого волей или

неволей он затаскивал в огромную баронскую кровать, — и по новым законам герцогства он мог потребовать не только регентства до совершеннолетия наследника. По старинному праву наследовалось все по матери, теперь же стали определять по отцу, и лишь когда наследника мужского пола не оказывалось, обращались к старым законам.

Тоненькой ниточкой власти и безопасности, огоньком надежды тешила себя Лоис: хорошо, если бы Фалка зарубили в одном из пограничных набегов... Ах, если бы это сделал мужчина из обесчещенных Фалком семей, тогда и она и Верлен сразу бы стали свободными! Потом они узнают, на что способна женщина! И что она не празднично проводила эти годы в затворе, как все считали.

Она слезла с выступа, пересекла комнату. От морской сырости здесь всегда было холодно и мрачно от постоянного отсутствия солнца. Но к сумраку и холоду она уже привыкла, они были неизменной частью ее жизни.

Лоис встала перед зеркалом, что висело за кроватью с задернутым пологом. Это было не дамское зеркальце, а граненый щит, отполированный до смутного блеска. Изображение он давал слегка искаженное. А стоять перед ним, глядеть на себя и не отводить глаз тоже было частью ее постоянных занятий.

Лоис была не велика ростом, но лишь этим походила на тех пышных женщин, что удовлетворяли потребности людей отца, и на роскошных — тех, что берегал он для себя. Ее тело было худым и мальчишески стройным, и только небольшие припухлости, едва намекали, что она не юнец. Волосы, прядями ниспадавшие с плеч на грудь, были достаточно густыми, но столь блеклыми и бесцветными, что, кроме как на солнце, она казалась седой каргой. Ресницы и брови — такие же бледные, иначе говоря, полное отсутствие их, на вид делали ее лицо пустым и бездумным. Кожа туго обтягивала тонкие скулы, грудь была гладкой и блеклой. Даже узкие губы не розвели. Выросшая в темноте, она была бледной, но жизненной силы в ней доставало... — так умудренный опытом мечник выбирает легкий клинок, а неопытный — увесистый и грубый.

Вдруг она стиснула кулаки, руки ее на мгновение соприкоснулись, а потом упали вдоль бедер. Там, под руками, кулаки были сжаты и ногти почти вонзались в ладони...

Лоис не обернулась к двери, даже не показала, что слышала стук задвижки. Она прекрасно знала теперь, насколько может выказывать открытую неприязнь к Фалку, и никогда не преступала дозволенного предела. Иногда в отчаянии ей казалось, что отец и не замечает этих признаков ее возмущения.

За спиной хлопнула дверь. Владыка Верлена к любому препятствию относился так, словно штурмовал вражескую крепость. И он топал теперь к ней походкой человека, только что на острие меча принявшего ключи от униженного противника.

Если Лоис была бесцветною дочерью мглы, то Фалк был созданием пламенным и энергичным. Доброе тело его только начинало поддаваться последствиям грубых наклонностей, и он все еще был более чем просто красив и нес свою огненную голову с достоинством принца, только лицо его чуть обрюзгло. В Верлене любили своего господина; его умение искренне благодарить, пусть и недолго бывал он доволен, подкупало, а пороки... что же, такие пороки понимали и разделяли все его люди.

Лоис видела его в зеркале, бравого, яркого, рядом с ним она еще больше съеживалась и блекла. Но оборачиваться не стала.

— Приветствую вас, властитель Фалк, — сказала она безразличным тоном.

— Что значит властитель Фалк? Разве так разговаривают с отцом, девчонка? Стоит проверить, девица, есть ли у тебя в крови что-нибудь кроме льда!

Он положил ей на плечо руку и развернул, стиснув с такой силой, что синяку не пропасть за неделю. Она знала, отец сделал это нарочно, но не подала виду.

— Так, значит, прихожу я с вестью, от которой всякая нормальная девица запрыгает от восторга, а ты встречаешь меня этой своей пресной рыбьей мордой, — деланно пожаловался он. Но из глубины глаз его выглядывал отнюдь не отеческий смех.

— Вы еще не огласили эту весть, господин мой.

Пальцы его впились в плечо еще глубже, словно желая найти и сломать кости.

— Ясно, не огласил! Но от подобной вести подпрыгнет сердце любой девушки. Со свадьбы в кроватку, милая моя, да-да и в кроватку!

Лоис изобразила непонимание, но с незнакомым еще ей страхом.

— Вы берете госпожу для Верлена, господин мой? Да обратится удача лицом к вам в этом случае.

Хватка его не ослабла, и он крепко тряхнул ее, с виду не злобно, игриво, но чтобы причинить ей боль.

— Может быть, ты и впрямь сухарь, а не девушка, но ты не глупа, и не пытайся обмануть меня. В твои годы пора уже быть настоящей женщиной. По крайней мере у тебя теперь будет повелитель, который займется этим. И я не советую тебе шутить с ним. Говорят, он предпочитает в постели сговорчивых!

Наконец настал он, тот миг, которого она долго боялась, и все-таки вовремя не сумела скрыть свои чувства.

— Для свадьбы требуется согласие... — она умолкла, стыдясь явной оплошности.

Он захохотал, услышав вырвавшийся у нее протест. Рука его скользнула вверх по ее шее с силой, от которой она невольно охнула. А потом, словно тряпичную куклу, он повернул ее к зеркалу и, не снимая руки, стал сечь ее словами, как он надеялся, более горькими для нее, чем простое битье.

— Посмотри на эту кислятину, которую ты называешь лицом. Неужели ты думаешь, что мужчина может поцеловать его с открытыми глазами, не пожелав себе оказаться в другом месте. Радуйся, девка, что кроме твоего лица и этих костей, которые ты называешь телом, у тебя есть еще кое-что привлекательное для жениха. Ты дашь согласие любому, кто пожелает тебя. И радуйся, что у тебя есть отец, который устроит сделку повыгоднее. Лучше встала бы ты на колени, на свои негнувшиеся колени, да благодарила бы своего Бога, что Фалк приглядывает за своей собственностью.

Слова его громыали, и в зеркале она уже ничего не видела, разве что какие-то туманные тени, порожденные ее собственным воображением. Какому же мерзавцу из собственной свиты кинет он ее... конечно же, не без выгоды для себя.

— Сам Карстен... — под возбуждением Фалка крылось удивление. — Представь себе, сам Карстен, а эта недопеченная булка еще квакает что-то о согласии. Ты, должно быть, и вправду глупа! — И он отпустил ее, подтолкнув, так что

она врезалась в зеркало, загремевшее о стену. Она изогнулась и устояла на ногах, а потом обернулась лицом к отцу.

— Сам герцог, — она не верила своим ушам, — зачем правителю герцогства дочь берегового барона, пусть даже мать ее была из древней и гордой семьи.

— Да герцог! — Фалк, подпрыгнув, сел на кровати, скрестив перед собой ноги. — И ты говоришь о фортуне! Да, какая-то добрая фея присутствовала при твоём рождении, девочка. Герольд Карстена въехал сегодня и предложил свадьбу с топором.

— Почему?

Фалк перестал качать ногами. Теперь он больше не усмехался, его лицо стало строгим.

— Причин, словно щетины в спине кабана.

Подняв руки, он принялся загибать пальцы на одной руке указательным пальцем другой.

— Первое: герцог, при всем своём нынешнем могуществе был предводителем наемников, когда ухватил власть в Карстене, и я сомневаюсь, что он может точно назвать имя даже собственной матери, не говоря уже об отце. Он раздавил возмущившихся, тех, кто пытался свергнуть его. Но с тех пор минуло уже с полдюжины лет, и ему надоело разъезжать в броне и выкуривать мятежников из замков. Раз герцогство завоевано, теперь он хочет понаслаждаться вволю властью. А взять жену из тех, кто боролся с ним, значит предложить мир. Пусть Верлен и не самое богатое владение в Карстене, кровь его властелинов благородна... Разве не это мне твердили, когда я сватался к твоей матери. А я все-таки не из белых щитов, я — младший сын Фартома с северных гор. — Губы его искривились от неприятных воспоминаний. — И как наследница Верлена ты весьма привлекательна для него.

Лоис рассмеялась.

— Но разве я единственная благородная девица на выданье во всем Карстене?

— Верно. И ему было бы нетрудно найти жену лучше тебя. Но как я уже говорил, драгоценнейшая из дочерей, у тебя есть и другие достоинства. Верлен — береговое владение со столетними привилегиями, а устремления герцога теперь носят мирный характер, он устал размахивать мечом. Что бы ты сказала, Лоис, если бы мы здесь построили гавань для торговли с севером?

— А что будут делать сулкары, если эта гавань появится? Те, кто клянется Сулом, ревностны к своим владениям.

— Те, кто клянется Сулом, быть может, скоро перестанут клясться вообще, — ответил он со спокойной уверенностью, несущей в себе нотку убежденности, — у них беспокойные соседи, которые становятся все беспокойнее. А что такое Эсткарл, у которого они ищут помощи, — пустая скорлупа, разъеденная колдовством. Всего лишь толчок, и эта страна рухнет в грязную пыль, в которой она должна была упокоиться еще много лет назад.

— Значит, учитывая мое происхождение и возможность постройки порта, лорд Ивьен предлагает свадьбу, — настаивала она, не в силах поверить в истинность этих слов. — Но как может этот могущественный господин посылать сюда топор для венчания? Я — девица и веду уединенную жизнь вдали от Карса, но даже я слыхала о некоей Олдис, которая приказывает, а все люди герцога повинуются ей...

Олдис у Ивьена остается, будет и еще с полсотни таких, как она, и это не твое дело, девочка. Роди ему сына — если только в твоей жидкой крови может зародиться мужчина, — в чем я, увы, сомневаюсь! Дай ему сына и сиди тогда гордо за его высоким столом, но не вздумай мяукать, что ждешь от него большего, чем простая любезность. Радуйся оказанной тебе чести, и если сумеешь быть мудрой, то когда-нибудь рассчитаешься с Олдис и прочими. Говорят, что Ивьен нетерпелив и ничего не прощает.

Фалк скользнул вниз с ее высокой кровати и встал, готовясь уйти. Но прежде, отстегнув небольшой ключик с цепочки на поясе, бросил его ей.

— С твоим призрачным лицом, девочка, тебе нельзя идти на свадьбу неприбранной. Я пришлю к тебе Беттрис, она разбирается в тряпках и поможет выбрать, что нужно. Например, вуаль для лица — тебе она просто необходима! И следи, чтобы Беттрис не прихватила себе больше, чем сумеет унести в двух руках.

Лоис столь нетерпеливо подхватила ключ, что он рассмеялся:

— Значит, что-то женское в тебе есть, раз побрякушки ты любишь, как все. Но шторм-другой возместят нам все, что вы обе уволочете.

Он вышел, оставив дверь широко открытой. Закрывая ее, Лоис с вожделением сжимала ключ в руке. Месяцы, годы мечтала она об этом кусочке металла. А теперь отец сам отдал ей ключ, и никто не спросит ее, что, собственно, нужно ей в сокровищнице Верлена.

Право грабить и обирать попавших в кораблекрушение на море и берегу... Замок Верлена вырос на скалах между двумя коварными мысами, и море приносило баронам обильный урожай. А уставленная полками кладовая была настоящей сокровищницей, и двери ее открывались лишь по распоряжению властителя. Фалк должен поверить, что пределом ее мечтаний во всем сватовстве Ивьена является возможность порыться в сокровищнице. Компании Беттрис она не опасалась. Нынешняя наложница Фалка была жадна в той же мере, в какой и прекрасна. Она не станет следить за Лоис, она воспользуется представившейся возможностью обогатиться. Лоис переложила ключ из правой руки в левую, и тонкая улыбка, наконец, коснулась ее бледных губ. Вот удивился бы Фалк, узнав, что нужно ей из всех сокровищ Верлена. И что непроницаемые для него стены скрывают... Взгляд ее на мгновение упал на полированный щит, что служил ей зеркалом.

В дверь торопливо постучали. Лоис улыбнулась вновь и не без удовлетворения. Беттрис не медлила с исполнением распоряжений Фалка. Что же, по-крайней мере она не решается ворваться к дочери своего любовника без приглашения.

— Господин Фалк... — начала было стоявшая снаружи девушка, настолько же пышная и женственная, насколько мужествен был сам Фалк.

Лоис показала ей ключ.

— Он у меня. — Она не стала обращаться к этой девице ни по имени, ни по титулу, только поглядела на округлые плечи, выпиравшие из платья, что обтягивало прочие роскошные округлости, выставленные той на обозрение. Позади Беттрис стояли двое слуг, держа сундук за ручки по сторонам. Лоис подняла брови, та нервно улыбнулась.

— Господин Фалк повелел подобрать вам платье для свадьбы, госпожа. Он сказал, чтобы вы не скромничали.

— Наш господин благороден, — без выражения произнесла Лоис, — идем!

Женщины не пошли большим залом и внешними палатами — сокровищница располагалась в подножии замковой башни, где были личные апартаменты членов семьи. Лоис радовалась этому, она старалась держаться подальше от той жизни, что кипела в замке. И когда они дошли до двери, которая открывалась заветным ключом, Лоис обрадованно заметила, что лишь Беттрис осмелилась последовать за нею внутрь. Слуги втокнули сундучок за ними и вышли.

Три шара на потолке освещали ящики, коробки, тюки и мешки. Беттрис разгладила платье на бедрах, жестом всю расторговавшейся купчихи. Темные глаза ее метались от полки к полке, и, укладывая ключ в кошелек, Лоис подлила масла в огонь:

— Я думаю, что господин Фалк не станет возражать, если вы выберете что-то и для себя. Он сам сказал это мне. Но советую ограничить свои потребности и аппетиты.

Пухлые руки от бедер взметнулись к полной полуприкрытой груди. Наискосок через комнату Лоис прошла к столу, что разделял помещение, и приподняла крышку стоявшего на нем бочонка. И даже она удивленно притихла, увидев, что он скрывает. Она и не подозревала, что прибрежный грабеж так обогатил Верлен. Из кучи цепей и ожерелий они выудила большую брошь, усыпанную красными камнями, совершенно не в ее вкусе, но, на ее взгляд, вполне подходившую к пышным прелестям своей компаньонки.

— Что-нибудь в таком духе, — она протянула вещь девице.

Руки Беттрис поднялись было к броши, но тут же с опаской отдернулись. Кончик языка высунулся меж влажных губ, жадный взор метался от броши к Лоис и обратно. Преодолевая отвращение, наследница приложила массивную брошь к глубокому вырезу платья Беттрис, подавив желание отдернуть руку от мягкого тела.

— Она тебе к лицу, возьми! — в голосе Лоис против ее желания прозвучал приказ. Но женщина была уже на крючке. Не отводя взгляда от драгоценностей, она приблизилась к столу, и Лоис могла теперь какое-то время заняться своими делами.

Что искать она знала, но где? Медленно проходила она между полками. Кое на каких вещах остались пятна соли, раз или два она ощутила незнакомый экзотический запах.

Отгородившись ящиками от Беттрис, она попробовала открыть один из сундуков, показавшийся ей многообещающим.

Хрупкая внешность Лоис была обманчива, не только ум и чувства тренировала она, но и тело. Крышка была тяжелой, но она справилась с нею. И по запаху масла, по блеклым тряпкам сверху поняла, что не ошиблась. Девушка запустила руки глубоко в тряпки, рискуя испачкаться в масле и выдать себя, и достала кольчугу. Примерила — оказалась велика. Может, для ее хрупких плеч подходящего и не найти.

Она попробовала еще раз. Вторая, третья кольчуги — должно быть, оружейник вез их на продажу. И только на самом дне оказалась нужная кольчуга. Не иначе ее сработали для юного сына какого-то властелина — ей она была почти впору. Остальные кольчуги полетели обратно в сундук, а свою добычу она свернула.

Беттрис все еще не могла оторваться от бочонка с драгоценностями, и Лоис не сомневалась, что не одна вещь уже припрятана под одеждой. Но это давало ей надежду на успех — почти не таясь она отнесла свою добычу в сундук и укрыла кусками бархата и шелка, а сверху шапкой положила меха.

Чтобы потешить Беттрис и отвести подозрения, Лоис выбрала и себе кое-что из драгоценностей, а потом приказала слугам отнести сундук в свою палату. Она опасалась, не захочет ли Беттрис посмотреть, что она выбрала. Но подкуп сработал, и женщина страстно хотела лишь одного — поскорее в одиночестве рассмотреть то, что удалось припрятать.

Торопливо, подгоняемая осторожностью и привычкой тщательно планировать свои действия, Лоис принялась за дело. Поспешно подобранная ткань, пакеты с тесьмой и вышивками полетели на постель. Стоя на коленях, она опустошила ящик, где лежал ее гардероб. Некоторые вещи она добыла уже очень давно. С тщательностью, не как дорогие ткани, подбирала она приданое, с которым собиралась покинуть замок, в кошеле, за спиной, в седельных сумках.

Кольчуга, кожаный подкольчужник, оружие, шлем, золотые торговые знаки, горстка драгоценностей. Все это она вновь забросала одеждой, расправила, как домовитая хозяйка. Лоис даже запыхалась, но едва она защелкнула ящик и принялась расправлять и разглаживать ткани на постели, как

за дверями послышалась тяжелая поступь — Фалк шел за своим ключом.

Непонятно зачем она подхватила вуаль, окаймленную серебряной нитью, — паутинку, усеянную росой, — и набросила на голову и плечи, прекрасно понимая, что вещь совсем не идет ей. Однако удовлетворенная, она теперь не боялась колкостей отца и с этой мыслью вновь заглянула в полированный щит.

2. Кораблекрушение

Те самые обстоятельства, которые, как она пока надеялась, должны были принести ей свободу, в ближайшие дни обратились против Лоис. И хотя Ивьен Карстенский не приехал сам в Верлен, чтобы увидеть невесту или приданое, он прислал туда целую свиту, чтобы воздать ей почет. И ей пришлось присутствовать на этом представлении. Ее сердце, под тем самым панцирем из стали и льда, исходило отчаянием и нетерпением.

Наконец все надежды ей пришлось свои отложить на свадебный пир — ведь тогда, наконец, в замке будут нетрезвые головы. Фалк желал удивить вельмож, присланных герцогом, щедростью и хлебосольством. И он выкачает из бочек в подвалах достаточно жидких соковищ... Нет, лучшей возможности ей не представится.

И тогда разразился шторм, — такого натиска ветра и волн Лоис, знавшая побережье от рождения, не видела еще никогда. Брызги прибоя взлетали столь высоко, что пятали даже окна ее комнаты. А Беттрис и служанка, которую прислал Фалк, чтобы помочь ей с платьем, ежились и жались при каждом порыве ветра, сотрясавшем даже стены замка.

Беттрис вскочила, широко открыв глаза, рулон тонкого зеленого шелка скатился на пол. Ее пальцы изобразили заученный с детства в забытой деревне священный знак.

— Ведьмина буря, — тонким голосом сказала она, за бушеванием ветра до Лоис донесся лишь шепот.

— У нас не Эсткарп. — Лоис приложила вышивку к сатину и делала ровные стежки. — Кто здесь властен над волной и ветром? И ведьмы Эсткарпа не покидают своих пределов. Это буря, простая буря. И если ты хочешь пора-

довать господина Фалка, не трясись в шторм — в Верлене они обычны. Ведь откуда, — тут она примолкла, продевая нитку в иголку, — откуда берутся наши богатства?

Беттрис обернулась, губы ее обнажили острые мелкие лисьи зубы.

— И я рождена у моря, штормов я навиделась... Уж я-то вдоволь находилась по берегу со сборщиками. Что это такое, вы и не представляете, госпожа моя! Только такой бури я не видела, да и не слыхала, чтобы рассказывали о чем-то подобном. Зло для тех, кто доверился волнам! — Лоис отложила шитье. Она подошла к окнам, но за темным усеянным брызгами стеклом ничего не было видно.

Служанка и не пыталась работать, она съежилась у очага, где потрескивали ветви морского коралла, и раскачивалась взад и вперед, прижав руки к груди, словно бы там что-то болело. Лоис подошла к ней — обычно она не интересовалась этими девками, — ни Беттрис и ее бессчетными предшественницами, ни какими-нибудь там кухарками-замарашками. Но теперь против желания спросила:

— Девка, тебе плохо?

Девка была поопрятнее прочих. Быть может, ей приказали прибраться, прежде чем послать сюда. Ее лицо, обращенное теперь к Лоис, привлекло внимание дочери Фалка. Это была не деревенская девка, которую прогнали из веселого дома на другую работу. Лицо ее словно маской покрывал страх, казалось, он сросся с ней настолько, что даже изменил ее внешность. Будто глину горшечник. Но под оболочкой страха что-то еще шевелилось.

Беттрис пронзительно рассмеялась:

— Ее гложет не боль в пузе, а память. Когда-то и ее волны выбросили на берег. Не так ли, потаскуха? — Толкнув мягкой кожаной туфлей, она едва не опрокинула девуку в огонь.

— Оставь ее! — скрытый огонь впервые вспыхнул в Лоис. Она всегда старалась держаться подальше от берега после бури, раз ничего не могла поделать с привычками Фалка, а точнее с его нравами... Просто старалась избегать подобных зрелищ.

Беттрис неловко замаялась. В отношении Лоис она не была уверена в своих правах и не рисковала обострять отношения.

— Отошлите эту слабоумную дуру. Пока бушует шторм, она и не прикоснется к работе. Да и какое-то время после

бури тоже. Жаль — она искусная портниха, иначе ее уже давно отправили бы кормить утрей.

Лоис подошла к просторной кровати, на которой уже были разложены готовые вещи. Там была шаль, простая на вид, но из блестящего шелка и драгоценной ткани. Подхватив ее, она подошла к очагу и набросила на плечи дрожавшей служанки. Не обращая внимания на изумление Беттрис, Лоис встала на колени, прикрыла ладонями руки девушки и, глядя в это отрешенное лицо, попыталась забыть злые обычаи Верлена, искалечившие их обеих, пусть и по-разному.

Беттрис потянула ее за рукав.

— Как ты смеешь? — вспыхнула Лоис.

Та выпрямилась, с лукавой усмешкой на полных губах.

— Как бы не опоздать, госпожа. Владетелю Фалку едва ли понравится, что вы нянчитесь с потаскушкой, пока он обсуждает брачный контракт с людьми герцога. Мне сказать ему, почему вы не идете?

Лоис невозмутимо глядела на нее.

— Девка, я выполняю повеления моего господина во всем и в этом тоже. Не вздумай учить меня! — Она нерешительно оторвала руки от девушки.

— Не выходи отсюда. Сюда никто не придет. Понимаешь — никто.

Но разве та поняла? Она раскачивалась взад-вперед, словно старая боль терзала измученный мозг, пусть рубцы и исчезли.

— Я оденусь сама, можешь не помогать мне. — Лоис обернулась к Беттрис, и та покраснела. Она опасалась nasledницы и отдавала себе в этом отчет.

— Но вы можете выглядеть лучше, если воспользуетесь тем малым волшебством, что известно любой из женщин, — резко ответила та. — Я покажу вам, что надо сделать, чтобы мужчина не отводил от вас глаз. Подчеркните брови, чуть-чуть кармина на губы... — раздражение было забыто, проснулся инстинкт. Она оглядела Лоис критически, но без предубеждения, и та, невзирая на свое презрение к Беттрис, ко всему, что она представляла, поняла, что слушает ее.

— Да, если вы прислушаетесь к моим словам, госпожа, быть может, ваше лицо и заставит его отвернуться от Олдис. Но есть и другие способы привлечь мужчину — кончик ее языка появлялся и исчезал между губ, — и этим способам я

могла бы научить вас, госпожа, а это — оружие. — Она подобралась поближе, ярость шторма отсвечивала в ее глазах.

— Ивьена не интересовало, какова я, — ответила Лоис, отвергая предложение Беттрис, отвергая все, что было связано с нею. Пусть будет доволен тем, что есть, — и молча добавила про себя: «Ты ведь не знаешь, что он получит».

Женщина пожала плечами:

— Жизнь ваша и решать вам. Но задолго до ее конца вам придется узнать, что по своему вкусу ее, увы, не переделаешь.

— Придется, так придется, — спокойно согласилась Лоис, — а теперь иди, как ты сказала, уже поздно, а работы у меня еще много.

Церемонии подписания брачного контракта она перенесла с обычным для себя спокойствием. Герцог прислал за невестой из Карса троих очень разных людей, и она с интересом разглядывала их.

Хунолд знал Ивьена еще в кондотьерские времена. Слава этого воина достигла даже такого затхлого омута, как Верлен. Внешность его, как ни странно, не соответствовала ни его занятиям, ни репутации. Лоис ожидала увидеть кого-нибудь вроде сенегаля отца — может быть, лишь более отесанного, — а перед ней был апатичный, вяло тянущий слова, затянутый в шелка царедворец, никогда, казалось, не ощущавший веса брони на своих плечах. Округлый подбородок, глаза с длинными ресницами, гладкие щеки обманчиво придавали ему облик молодого и мягкого человека. Слышавшая о нем кое-что Лоис попыталась сопоставить внешний вид и поступки, но не смогла и несколько испугалась.

Сирик из Храма Фортуны был стар, завтра он произнесет эти слова, когда она скрестит руки на боевом топоре герцога, что сделают ее принадлежащей Ивьену в той же мере, как если бы она уже побывала в его объятиях. Он был краснолиц, поперек низкого лба вздувалась синяя вена. И молчал он или говорил, по-особенному мягко и гулко, все время вблизи был слуга с коробкой лакомств, а под желтым балахоном жреца вздымалось брюшко изрядных размеров.

Владетель Дуарте принадлежал к родовитой знати. И потому не слишком соответствовал своей роли. Он был худощав и невысок, уголок его рта слегка дрожал. Похоже

было, что порученное повелителем дело смущает его, — говорил он только, когда от него требовался ответ. И лишь он один обращал хоть какое-то внимание на Лоис. Она заметила, что он время от времени задумчиво поглядывает на нее, но ни жалости, ни сочувствия, а тем более обещания помощи разглядеть в его взоре не смогла. Напротив, ей показалось, что для него она просто неприятность в карьере.

Лоис радовалась, что обычай позволяет ей не присутствовать на вечернем пирушестве. Завтра-то ей придется сидеть со всеми на свадебном пире, но когда начнут обносить вином... Да, тогда! Ухватившись за эту мысль, она поспешила к себе.

Она почти забыла про портниху и, увидев ее тонкую фигурку в проеме окна, даже вздрогнула. Ветер уже понемногу стихал, шторм начинал выдыхаться. Но она услышала другой стон — безнадежной и страшной потери. Из открытого окна резал соленый ветер.

Сердитая от собственных неприятностей, обеспокоенная тем, что ее ожидало в ближайшие двадцать четыре часа, тем, на что она должна была решиться, Лоис бросилась к раскачивавшемуся окну и потянула за рукав девку, чтобы захлопнуть его. Ветер уже почти утих, но молнии еще полосовали облака. И в свете одной из них Лоис увидела то, за чем та, быть может, уже долго следила.

Прямо на оскаленные клыки мыса ветер нес корабли — один, два, три... корабли, рядом с которыми лодчонками казались те прибрежные купеческие суденышки, которые обычно выбрасывало здесь на берег прибрежное течение, что обогащало Верлен. Такие могли быть лишь во флоте гордого повелителя мореходов. Молнии все еще вспыхивали, и в их мгновенно гаснувшем свете Лоис не видела никакой суеты на борту, словно эти суда были прозрачными и экипажам была безразлична их судьба.

Огоньки грабителей, мусорщиков, цепочкой и кучками уже двигались из высоких ворот Верлена. Ведь в общей суете на месте кораблекрушения можно было припрятать и что-нибудь для себя, правда, тяжелая рука Фалка сулила за это вору удавку, и жульничество было почти сведено на нет. Они забросят сети, выловят все, что плавает, подберут выброшенное на берег. А что до людей, что попадут на берег живыми... Лоис изо всех сил толкнула девушку, захлопнула и заложила окно.

К удивлению ее, лицо той больше не искажал таинственный ужас. В темных глазах девушки светилось теперь возбуждение, крепнущая сила. Склонив голову, она словно бы старалась уловить какой-то звук в медном грохоте волн. И было совершенно ясно, что там, в мире, пока волны не вынесли ее в Верлен, она была кем угодно, только не солдатской девкой.

— Слушай, та, что долго жила здесь, — далеким голосом сказала она, словно черпая из глубины немислимых для Лоис познаний. — Решай, решай и думай. Сегодня ночью решаю судьбы и стран, и людей.

— Кто ты? — вскрикнула Лоис. — Лицо девушки менялось прямо на глазах. Не чудовище, не зверь, не птица — так говорили о ведьмах Эсткарпа. Но то, что недавно глубоко пряталось в ней, уязвленное почти смертельной раной, вновь проснулось, и через шрамы истекало наружу.

— Кто я? Никто... и ничто. Только близится та, что была больше меня, когда я еще была жива. Выбирай и решай, Лоис Верленская, — выберешь добро — будешь жить, выберешь зло — умрешь. Умрешь, как я, не сразу, — день за днем, по кусочку.

— Флот... — Лоис повернулась к окошку. Может быть, какой-нибудь враг, безрассудный и злобный, хочет, пожертвовав кораблями, высадиться на мыс и овладеть замком Верлена. Такая мысль была бы сумасшедшей. Корабли уже обречены... Мало кто из корабельщиков, а быть может, никто, сумеет выйти живым на берег. А там их ждут люди Верлена, приготовив жестокую встречу.

— Флот? — переспросила девушка. — Флота нет... просто жизнь или смерть... В тебе есть что-то от нас, Лоис. Докажи теперь свою суть, побеждай же!

— Что-то от вас? От кого же... или от чего?

— Я ничто и никто. Лучше спроси меня, Лоис Верленская, кем я была, пока ваши люди не вытащили меня из моря.

— Так кем же ты была? — словно послушное дитя переспросила Лоис.

— Я была одной из дев Эсткарпа, из прибрежных селений. Теперь ты понимаешь? Да, у меня была Сила... пока ее не вырвали у меня там, в зале, а мужчины ржали и одобряли содеянное. Ведь этот Дар принадлежит нашим девам лишь, пока неприкосновенными остаются наши тела. А для Верлена

я — только тело, женская плоть и ничего больше. Так потеряла я то, чем жила и дышала, я потеряла себя. Понимаешь ли ты, что значит потерять себя? — она вглядывалась в лицо Лоис. — Похоже, что да — ведь ты собираешься защищаться. Мой дар исчез, сгорел как уголь в огне, только пепел остался. Но я сейчас знаю, что та, какой я даже не надеялась быть, грядет со штормом. И решит она не только наши судьбы!

— Ведьма! — Лоис не дрогнула, словно что-то загорелось внутри. Сила дев Эсткарпа была легендарной. Она подолгу размышляла над рассказами и о них самих, и об их таинственной силе. И только тут поняла она, какую упустила возможность. Почему не узнала вовремя об этой... почему ей никто не сказал.

— Да, ведьма. Так зовут нас те, кто понимает лишь крохи. Но не думай, Лоис, что я могу что-нибудь сделать сейчас. От меня остались только угольки. Волей и умом стремись помочь той, что приходит.

— Волей и умом! — внезапно охрипшим голосом рассмеялась в ответ Лоис. — И ум есть и воля, только власти нет. Ни один солдат не исполнит моего приказа, даже занесенной руки не остановит. Лучше проси у Беттрис. В дни, когда мой отец благоволит к ней, она пользуется у его людей даже некоторым уважением.

— Ты должна лишь использовать возможность, когда она явится тебе, — женщина спустила шаль с плеч, аккуратно сложила и направилась к двери. — Используй же ее, Лоис Верленская, а сегодня спи... спи спокойно, твой час еще не пришел.

И она вышла, прежде чем Лоис успела остановить ее. А комната стала какой-то пустой, словно бы та унесла с собой кусок жизни, что билась и пульсировала в ней до самых потаенных и укромных уголков.

Лоис медленно сняла церемониальное платье, на ощупь расчесала волосы. Почему-то ей не хотелось заглядывать в зеркало, все казалось, что кто-то из-за ее плеча вдруг заглянет в него. Не одно грязное дело свершилось в большом зале Верленского замка, с тех пор как хозяином здесь стал Фалк. И теперь она надеялась, что за всю эту мерзость, за надругательство над бессильной женщиной из Эсткарпа, ему придется дать ответ.

И настолько поглощена была она своими размышлениями, что и думать забыла о том, что сегодня — канун свадьбы. И впервые с того дня, как упрятала все эти вещи, не стала доставать их, чтобы насладиться мыслью о грядущей свободе.

Ветер выль над побережьем, но фонтаны пены стали пониже. И люди, прятавшиеся в камнях, чтобы пожать урожай, несомый ветром на скалы, были наготове. Великолепные корабли, которые видела из своего окошка Лоис, с берега казались еще более роскошными.

Удерживая одной рукой плащ у горла, Хунолд вглядывался во тьму. Корабли не принадлежали Карстену, и их гибель должна была лишь обогатить герцогство. Он твердо верил, что видит последние минуты врагов, желавших напасть на Карстен. Кстати, было неплохо присмотреть за Фалком. По слухам, богатства, которые давал Верлену грабеж, были чрезвычайно велики. И теперь, когда Ивьен женится на этой бледной тощей кукле, он может потребовать сокровища Верлена... как приданое... своей жены. Да, Фортуна улыбнулась ему, и теперь он, Хунолд, стоит на берегу и следит, чтобы доложить обо всем.

Уверившись, что обреченные корабли не смогут миновать скал, грабители из замка расставили фонари вдоль берега. Если какой-нибудь дурак с кораблей вылезет к ним прямо на свет, тем лучше, меньше будет хлопот — не придется разыскивать.

Наконец свет одного из них зацепил нос первого корабля, валы высоко вздымали его. Наблюдатели разразились криками и стали биться об заклад, куда вынесет корабль и где разобьет о берег. Нос его задрался вверх над острыми скалами. Корабль стремительно стал оседать и вдруг... исчез!

Люди на берегу были потрясены. Сперва некоторым, более впечатлительным, показалось, что им привиделось крушение корабля с обломанной кормой и волны уже подгоняют обломки к сетям. Но во взбитой ветром пене ничего не было. Ни корабля, ни обломков.

Никто и не шевельнулся. В первый миг они даже не поверили собственным глазам. Приближался второй горделивый корабль, его несло прямо на камень, где стояли Хунолд с Фалком, так, точно рулевой вел его туда. На палубе было безлюдно, никто не бросался к снастям, не рубил канатов.

И снова волны подняли свою ношу, чтобы обрушить ее на зубастую челюсть рифа. На этот раз корабль был так близко от берега, что Хунолду подумалось, что с пустой палубы еще можно было бы перескочить к ним на камень. Вверх и вверх поднимался нос корабля, фантастический зверь впереди щерился в небо, а потом вниз... Вода закружилась... и ничего.

Хунолд рукой прикоснулся к Фалку, но увидел в его искаженном, побелевшем лице лишь отражение собственного ужаса. А когда прямо на риф пошел третий корабль, люди Верлена бежали, иные даже вопили от страха. Брошенные фонари, догорая, освещали заброшенные в бурлящую воду сети, в которых не было ничего...

Чуть позже за одну из сетей ухватилась рука, ухватилась отчаянно, в последней надежде на жизнь. Тело раскачивал прибой, но сеть была привязана крепко. Крепкой же была и рука. А потом кто-то долго выползал на берег, и наконец избитое, полумертвое тело оказалось на песке и его охватил сон...

3. Пленная ведьма

В конце концов обыватели Верлена решили, что неведомым образом исчезнувший флот, который потому и не удалось ограбить, был бесовским наваждением. Потому Фалк наутро не смог бы выгнать на побережье никого, даже палками. Впрочем, он и не пытался таким образом посеять сомнения в своей власти.

Свадьбу следовало провернуть побыстрее, пока слухи о событии не слетали в Карс и обратно и не дали герцогу законных причин к разрыву с наследницей Верлена. А чтобы рассеять суеверные опасения, способные утнездиться в душах троих посланцев герцога, Фалк отвел их в сокровищницу и щедро одарил, не говоря уже об осыпанном драгоценными камнями мече — знаке его восхищения воинской доблестью герцога. Но сам-то он обливался холодным потом, впрочем, незаметным под рубашкой, и обнаружил в себе неожиданное стремление повнимательнее приглядываться к темным уголкам коридоров и лестниц.

Он заметил, что и никто из гостей не упоминал более о случившемся на рифе, только размышлял, к добру это или

нет. Но лишь за час до свадьбы в комнате, где обычно собирался его личный совет, Хунолд извлек из глубины своей меховой шубы небольшой предмет и осторожно поставил его на ладонь в подрагивающем пятнышке света под большим окном.

Сирик, раздвинув ноги и пыхтя, нагнулся, чтобы рассмотреть.

— Что это, командующий? Что это? Неужели вы отобрали игрушку у деревенского мальчишки.

Находка покачивалась на ладони Хунолда. Хоть и грубая была работа, но на лодочку, на кораблик было похоже — с обломанной палочкой вместо мачты.

— Это «Глас Достопочтенный», — тихо возразил он, — могучий корабль, а точнее один из тех трех великолепных кораблей, что встретили вчера свой конец прямо на наших глазах у стен замка. Это игрушки, да, но с такими игрушками мы не играем. И во имя безопасности Карстена я обязан спросить у вас, владетель Фалк, что за дела ведете вы с этими порождениями тьмы крошечной, с ведьмами Эсткарпа?

Ошеломленный Фалк взирал на лодку. Лицо его сперва побледнело, потом потемнело — кровь бросилась в голову. Он яростно пытался сдержаться. Ошибись он — и все пропаю.

— Зачем же мне тогда посылать сборщиков к утесам? Уж не собирать ли обломки вот этого? — с деланной невинностью он показал на кораблик. — Значит, вы выудили его утром из моря, командующий? Только в чем вы здесь узрели руку Эсткарпа, почему решили, что корабли эти порождены магией?

— Эту вещицу в самом деле мы нашли сегодня на песке, — согласился Хунолд. — А я и без того наслышан о наваждениях, что насылают ведьмы. Но подтверждает все не кораблик, а сокровище, что нашли мы, я и мои люди, на берегу — великое сокровище, быть может, подобного еще не выбрасывало море к подножию Верленского замка — ведь ты показывал их нам. Марк, Джотен!

Он повысил голос и два телохранителя герцога ввели связанного пленника, не решаясь, однако, прикоснуться к нему руками.

— Вот вам часть флота, — Хунолд бросил щепку к ногам Фалка. — А теперь, барон Фалк, я покажу вам ту, что

сделала этот флот, если я не ошибаюсь, конечно. Впрочем, едва ли здесь возможна ошибка.

Фалку было не привыкать к виду пленников в просоленной и мокрой одежде, он обходился с ними решительно и в основном одинаково. Подобная проблема тоже была не нова, и он решил ее однажды по собственному разумению и решил, похоже, неплохо. Так что Хунолд мог смутить его лишь ненадолго. Он снова вполне овладел собой.

— Так, — и он откинулся на спинку кресла с улыбкой посвященного, наблюдающего за смятением невежд, — значит, вы захватили ведьму? Худа, но дух в ней чувствуется... неплохая будет забава. Быть может, сам Хунолд захочет укротить ее. — Все знали, что ведьмы не красотки, а эта была худа и бледна, и казалось, что волны полоскали ее не один месяц.

Фалк пригляделся внимательнее к одежде, прикрывавшей стройные члены. Она была из кожи — такие одеяния надевают под кольчугу! Значит, она была вооружена. Ведьма в броне вместе с призрачным флотом! Неужели Эсткарп двинул полки... и прямо к Верлену? У них были счеты с бароном, но до сих пор северян его деятельность не волновала. Но этим следует заняться попозже, а теперь придется подумать о Хунолде и о том, как не рассориться с Карстеном.

Старательно избегая взгляда ведьмы, он попытался вновь изобразить былое превосходство.

— Разве не все еще знают в Карсе, командующий, что эти ведьмы могут подчинить себе человека одним только взглядом? Я вижу, ваши телохранители не приняли нужных предосторожностей.

— А я вижу, вы знаете о них кое-что.

Теперь осторожнее, подумал Фалк. Хунолд был правой рукой Ивьена и заслужил свое положение не только мечом. Его не следует дразнить, нужно только показать, что в Верлене правит не олух и не предатель.

— Девы Эсткарпа уже попадались на наших рифах, — усмехнулся он.

Увидев эту улыбку, Хунолд резко приказал:

— Марк, плащ ей на голову!

Дева и не шевельнулась, не издала ни звука с тех пор, как ее привели сюда. Словно имели они дело с лишенным души и разума телом. Быть может, она была опеломлена

своим спасением... Быть может, после ударов о скалы еще не пришла в себя. Как бы то ни было, никто из людей Верлена не позволит себе расслабиться, если пленник не кричит, не рвется и не молит о пощаде. А когда складки плаща покрыли ее плечи и голову, Фалк подался в кресле вперед и прознес, обращаясь скорее к ней, чем к мужчинам, чтобы понять ее состояние:

— Разве вы не слышали, командующий, как следует разоружать этих ведьм? Процесс очень прост и бывает приятным. — Далее он намеренно пустился в непристойности.

Сирик расхохотался, придерживая брюхо руками. Хунолд улыбнулся.

— А у вас в Верлене действительно есть свои благородные развлечения, — согласился он.

И только владетель Дуарте безмолвствовал, перебирая пальцами. На его щеках под короткой старикинской щетиной разливалась бурая краска.

Но фигура с завязанной головой не шевельнулась, не издала ни звука протеста.

— Уберите ее, — Фалк попробовал показать власть. — И отдайте сенешалю, чтобы тот сберег ее для последующих увеселений. Всякому удовольствию свое время. — Теперь он вновь был спокойным и уверенным в себе владыкой. — Вернемся же к удовольствиям нашего герцога и ожидающей его невесте.

Фалк ждал. Но никто не сумел бы заметить того напряжения, с которым ожидал он теперь слов Хунолда. Пока Лоис еще не предстала перед алтарем Храма, редко посещаемого в Верлене, и не обхватила рукоять топора, а Сирик не произнес нужных слов, Хунолд может болтать, что угодно. Но как только Лоис станет госпожой герцогиней Карстенской, пусть только по имени, он Фалк, сможет следовать намеченным и выверенным путем.

— Да-да, — Сирик пыхтя поднялся на ноги, все внимание его было уделено складкам на балахоне с капюшоном. — Свадьба... нельзя заставлять даму долго ждать. Эх, владетель Дуарте, кровь молодая... нетерпеливая. Ну что же, господа мои... свадьба! — Такова была его роль во всей этой истории, и пусть недолго — командовал он, а не выскочка солдат с ледяными глазами. Кому как не владетелю Дуарте, главе

благороднейшего в Карстене рода, пристало держать топор вместо отсутствующего властелина. Такова была его собственная мудрая мысль, и Ивьен тепло благодарил его перед отъездом посланников из Карстена. Да, Ивьен поймет... уже понимать начинает, что, опираясь на братьев Храма и древнейшие семьи, он может не прислушиваться к таким смутьянам, как Хунолд. Пусть свершится эта свадьба, и звезда Хунолда начнет клониться к закату!

Было холодно, Лоис торопливо шла по балкону над главным залом — сердцем замка. Она вставала, когда провозглашались тосты, но и не подумала пригубить — пили за ее счастье. Счастье — Лоис и не представляла себе, что это такое. Только свободы она желала.

Она захлопнула за собой дверь, заложила ее на три засова, что вместе выдержали бы даже удар тарана, и приступила к делу. Драгоценности с шеи, головы, ушей и пальцев полетели в кучу. Длинное платье с меховой оторочкой — в сторону. Наконец, не замечая холода, сочащегося из стен, она встала на шаль перед зеркалом, одетая лишь волосами, ниспадавшими ей на грудь и плечи.

Прядь за прядью безжалостно отрезала она ножницами. Сперва до плеч, а потом ступеньками, неровно и коротко. Так, как следует воину, носящему шлем. И то, чему пыталась обучить ее Беттрис, использовала тщательно и с умом. Мазью из сажи осторожно намазала тонкие брови, тронула короткие густые ресницы. И пока занималась деталями, позабыла про целое. А потом, на шаг отступив от полированного щита, внимательно и не без удивления поглядела на себя.

И приободрилась. Теперь она была уверена, что могла бы войти даже в большой зал, стать перед Фалком и остаться неузнанной. Девушка подбежала к постели и принялась торопливо натягивать все, что собрала с таким трудом. Оружейный пояс охватил ее тело, и она потянулась к седельным сумам. Но почему она все еще медлит? Почему не торопится оставить наконец опостылевший Верлен. Весь день словно драгоценность таила она свои намерения, вынесла все церемонии, уповая лишь на грядущий вечер. Она прекрасно понимала, что лучшей возможностью для бегства, чем свадебный пир, ей не представится. Едва ли сегодня хоть один человек в замке или за его пределами станет ревностно относиться к своим обязанностям... и, кроме того, она знала тайный ход.

И все же что-то держало ее, она теряла время... и вдруг почувствовала сильное желание вернуться на балкон и сверху поглядеть на пирующих.

Что говорила девка? Что-то грядет на крыльях бури... и у тебя будет возможность, используй же ее, Лоис Верленская! Да, именно теперь ей открылась эта возможность, и она собиралась использовать ее со всей мудростью, которую воспитала в ней жизнь в доме Фалка...

Но направились она все же не к потайному ходу, а к двери, отодвинула все засовы, несмотря на все внутреннее сопротивление этому безрассудному шагу, и оказалась в зале перед ступенями, которые приведут ее на балкон.

Тепло очага в сердце замка не прогревало эти высоты, и в шуме снизу нельзя было различить голоса. Песни, говор сливались для нее в неразборчивый гул. Мужчины внизу ели и пили, скоро потребуются иные увеселения. Лоис поежилась, но осталась, не отрывая взгляда от сидевших за высоким столом, словно движения их имели значение.

Сирик — в Храме Верлена он выглядел вполне достойно, или же причиной тому были его жреческие одежды, облагородившие расползшееся тело, — Сирик казался теперь одним только брюхом, поглощавшим все новые и новые блюда, хотя сотрапезники его давно уже перешли на вино.

Беттрис, не имевшая права появляться на пиру в присутствии Лоис, — а она знала это: ведь Фалк по ряду соображений приказал, чтобы она не здоровалась, — уже воспользовалась представившейся возможностью и, украсившись безвкусной брошью из сокровищницы, сидела, опершись на гнутую ручку кресла своего повелителя, готовая обратить на себя его внимание. Но Лоис успела подметить — теперь это далось ей легче, ведь она лишь наблюдала за ними, — что время от времени Беттрис бросала искоса расчетливый взгляд на владельца-командующего Хунолда. И этот тайный призыв подкрепляло белое и пухлое плечо, подчеркнуто аппетитное в платье винного цвета.

Владелец Дуарте сгорбился в сторонке, занимая не больше двух третей кресла, устремив свой взор в кубок, словно читая в глубине его весть, которую лучше было бы не знать. Простой сливового цвета костюм, постное старческое лицо делали его похожим на мудреца, задумавшегося среди шум-

ного пира. Он даже и не старался притворяться, что пир доставляет ему удовольствие.

Пора уходить... пора! В броне и коже, в плаще путника, смутная тень в затуманенных вином глазах — она была пока в безопасности. Было так холодно, хуже чем зимой, когда иней выступал на камнях, а ведь вокруг весна! Лоис сделала шаг-другой, но, подчиняясь неслышиму приказу, притянувшей ее в зал, вернулась назад к перилам.

Хунолд наклонился к отцу и что-то произнес. Его знали все, и интерес Беттрис был понятен. Украшенная усами лисья морда полководца излучала такую же неприкрытую мужскую сущность, как и лицо Фалка. Он взмахнул рукой, и Фалк разразился грохочущим смехом, отголоски его докатились и до ушей Лоис.

На лице же Беттрис вдруг появилось отвращение. Она потянула Фалка за правый рукав кафтана и что-то проговорила, но Лоис не могла различить слов. Тот даже не повернул головы и резким разворотом ладони отбросил ее от стола, она неуклюже свалилась с кресла на замусоренный пол.

Владелец Дуарте встал и поставил кубок. Тонкие белые руки с вздувшимися венами потянулись к воротнику, он застегнул его потуже, словно ощущал мороз, сотрясавший ознобом Лоис. Он говорил медленно и явно протестовал. А по тому, как отвернулся он от стола, было ясно, что ни согласия, ни даже вежливого ответа старый владелец и не ждет.

Хунолд расхохотался, Фалк грохнул кулаком по столу и велел виночерпию принести вина, а старейший из послов герцога уже шел между столов пирующих к лестнице наверх, в собственные апартаменты.

У двери в зал поднялась суматоха. Там показались люди в полном вооружении и броне, гости расступились, и между дверью и возвышением появился проход. Шум начал стихать и вовсе умолк, пока стражники топали вперед, ведя с собой пленника. Лоис показалось, что это мужчина со связанными за спиной руками. Но она не понимала, почему его голова покрыта мешком, и он все время оступает, повинуюсь тычкам конвоиров.

Фалк протянул руку, расчистил перед собой и Хунолдом участок стола, толкнув при этом кубок, оставленный Дуарте.

Брызги содержимого попали прямо на Сирика, но на горячие протесты его ни Фалк, ни Хунолд не обратили никакого внимания. Владелец Верленский извлек из кармана пару круглых жребиев, подбросил в воздух, они, звеня, упали на стол и, покружившись, остановились, так что можно было прочесть надпись на верхней стороне, и подвинул их Хунолду, предлагая тому бросить первым.

Владелец-командующий сгреб жребии, хохотнув, разглядел и бросил. Головы обоих мужчин склонились к столу, а потом их взял уже сам Фалк. Беттрис, забыв о его грубости, подобралась поближе и тоже, как и они, не отрывала взгляда от звенящих дисков. И когда они остановились вновь, ухватилась за ручку кресла, словно ободренная результатом броска. Тем временем Фалк расхохотался и игриво отсалютовал гостю.

Хунолд поднялся с места и подошел к концу стола. Окружившие незрячего пленника воины расступились. Владелец-командующий не стал снимать мешка с головы. Ухватившись за застежки запятанной кожаной куртки, он распахнул ее по поясу. Вся компания разразилась одобрительными воплями.

Под ухмыляющимися взглядами мужчин Хунолд ухватил пленницу за плечо. И вдруг с неожиданной для худощавого тела силой перебросил ее через плечо и понес к лестнице. Не один Фалк запротестовал, увидев, что срывается долгожданное развлечение, но Хунолд покачал головой и вышел со своей ношей.

Неужели Фалк отправится следом? Лоис не стала дожидаться. Разве может она справиться с Фалком... даже с Хунолдом? И почему она, Лоис, должна помогать этой неизвестной ей женщине, новой жертве в ряду многочисленных пленниц Фалка, испытавших уже эту участь. И хотя разум ее противился тому, чтобы она вмешивалась в это дело, ноги несли ее сами, не повинаясь рассудку.

Еще раз она поспешила в собственную палату, обнаружив, что в новой одежде двигаться гораздо удобнее, чем в привычной ей женской. Тройные засовы загремели, ложась на место, она сбросила плащ, даже не глянув не отражавшегося в зеркале стройного юнца в кольчуге. А потом изображение искривилось и зеркало стало дверью.

Ее ожидала тьма. Теперь Лоис должна была положиться на

свою память, на результаты трех лет изучения потаенного Верлена, само существование которого трудно было заподозрить.

Ступени — спускаясь, она считала их, проход внизу, резкий поворот. Торопясь, она держалась рукой за стену, пытаясь на ходу представить себе нужный путь.

Снова ступени, теперь вверх, а потом кружок света на стене, — потайное окошко. Значит, это жилая комната. Лоис встала на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь. Да, это была одна из парадных опочивален.

Владелец Дуарте, еще более сморщенный и старый без одеяния с широким меховым воротником, прошел мимо кровати к очагу и встал перед огнем, протянув к нему руки, пожевывая маленьким ртом, будто не смея выплюнуть горькое слово...

Лоис отправилась дальше, следующего светового пятна не было на месте, конечно, здесь квартировал Сирик. Она поспешила вперед, к появившемуся невдалеке золотистому огоньку. И уверенно, даже не заглянув, потянула за ручку тайного входа.

Бормотание... возня. Лоис всем весом навалилась на потайную пружину. Увы, ее не смазывали годами — не было нужды, и она не подалась. Оперевшись руками в противоположную стену узкого коридора, Лоис изо всех сил, спиной, навалилась на дверь и лишь чудом не упала, зацепившись за косяк, когда дверь распахнулась. Она резко обернулась, меч уже был в руке, сказывалась отработанная долгими годами тайных тренировок сноровка. Изумленное лицо Хунолда глянуло на нее от кровати, на которой он пытался придавить собою извивавшуюся жертву. С быстротой и уверенной ловкостью громадного кота оторвавшись от женщины, он скользнул в другой угол комнаты, где на ближайшем кресле висел его пояс с оружием.

4. Тайными путями

Лоис даже не сообразила, что в этой одежде Хунолд примет ее за мужчину, пытающегося испортить ему удовольствие. Он выхватил самострел, хотя это противоречило вековым обычаям, — ведь у нее в руке был меч. Но рука его подрагивала, он все не мог выбрать цель: Лоис или женщину

на кровати, со связанными руками, ползущую к нему по покрывалам.

Скорее инстинктом, чем волей, Лоис схватила скинутые им верхние одеяния и бросила в его сторону, что, быть может, спасло ей жизнь. Толстая ткань отвела от ее груди стрелку, что подрагивала теперь в столбе балдахина.

С градом проклятий Хунолд подцепил скомканную ткань и швырнул в женщину. Та и не пыталась увернуться, просто со странным спокойствием смотрела на него. Потом полуоткрыла рот, и из него выпал какой-то овальный предмет и повис, раскачиваясь на короткой цепочке, зажатой в ее зубах.

Владелец-командующий более не шевельнулся. Только глаза его ходили из стороны в сторону, не отрываясь от раскачивавшегося камня.

Лоис, застав у кровати, следила за этой кошмарной сценой. Женщина скользнула к Лоис, Хунолд, не отрывая глаз от камня, качавшегося под ее подбородком, последовал за нею. Она протянула к Лоис связанные руки, заслонив от нее мужчину.

Глаза Хунолда двигались то вправо, то влево, а когда камень замер, неподвижно застыли. Рот его вяло открылся, у края волос на лбу выступил пот.

Побуждение, что привело Лоис в эту комнату, словно пещку в чьих-то руках, все еще не отпускало ее. Лезвием обнаженного меча она перерезала веревки, жестоко стянувшие руки женщины. Они глубоко врезались в посиневшие запястья, и когда последний обрывок упал вниз, руки женщины бессильно повисли по бокам, словно не повинаясь ей более.

Хунолд шевельнулся. Рука его, сжимавшая самострел, медленно поползла вверх, медленно, повинаясь страшной силе. Кожа его поблескивала капельками пота, под отвисшей нижней губой на ниточке раскачивалась капля, наконец она оборвалась и упала на вздымавшуюся грудь.

Глаза его были живыми, в них пылала ненависть и растущий ужас. И хотя рука его медленно двигалась, он не в силах был оторвать глаз от тусклого камня. Плечо его дрогнуло. Лоис на расстоянии нескольких шагов видела его отчаянное сопротивление. Он уже не хотел убивать, он хотел только спастись. Но не было спасения командующему армией Карса.

Конец ствола прикоснулся к мягкому белому телу там, где горло смыкалось с плечом. Он еле слышно стонал, словно пойманное животное... Щелкнул курок.

Из горла его хлынула кровь... Свободный теперь от сковавшей и погубившей его чужой воли, Хунолд сделал шаг вперед. Женщина непринужденно скользнула в сторону, увлекая за собой Лоис. Он головой упал на кровать, встав на колени, словно моля о чем-то, руки его судорожно скребли покрывало.

Женщина впервые глянула прямо на Лоис. Она попробовала было приподнять одну из ужасно опухших рук вверх, ко рту, должно быть, хотела взять камень, но не смогла, втянула камень обратно и повелительно показала на открытую потайную дверь.

Уверенность Лоис таяла. Всю свою жизнь слыхала она рассказы о ведьмах из Эсткарпа. Но все это не касалось ее и не требовало веры. Одевая ее к свадебному пиру, Беттрис успела рассказать все об исчезнувшем прямо на рифах флюте. Тогда, поглощенная собственными планами и опасениями, она пропустила это мимо ушей, посчитав за преувеличение.

Но то, что свершилось только что перед ее глазами, было немыслимо, ей было страшно даже коснуться ведьмы. И она шагнула в пустоту коридора, желая лишь отгородиться от нее. Но та бодро последовала за ней, значит, несмотря на все грубое обхождение, у нее оставались еще силы.

У Лоис не было желания задерживаться у тела Хунолда. Нельзя было поручиться, что лишенный развлечения Фалк не ворвется в комнату. Но все же она захлопнула на запор потайную панель с величайшей нерешительностью. И потом, вздрагивая всем телом, когда та, идя следом, прикасалась к ней беспомощными кистями нащупывая дорогу. Лоис ухватила ведьму за пояс, еще стягивавший разорванное одеяние и повлекла за собой.

Они шли в ее собственную комнату. Времени оставалось очень мало. Если Фалк решил посмотреть, как там командующий... если собственный слуга Хунолда заглянул туда... или ее собственный отец вдруг заинтересовался дочерью... Уходить из Верлена следует до рассвета... а ведьма пусть поступает, как знает. И твердо решив это, она влекла за собой незнакомку по темным ходам.

Но вновь оказавшись на свету, Лоис не смогла остаться настолько бесчувственной, как требовала того необ-

ходимость. Она нашла кусок тонкой ткани, чтобы омыть раны от веревок на тонких запястьях и перевязать их. И предложила ведьме переодеться во что-нибудь на выбор.

Наконец та овладела своим телом настолько, что смогла чашечкой сложить ладони под подбородком. И выпустила в них изо рта камень. Она явно не хотела, чтобы Лоис прикасалась к нему, да и девушка могла бы решиться на это лишь ради свободы.

— Пожалуйста, это на шею, — проговорила женщина.

Лоис схватила цепочку, расстегнула застежку и вновь застегнула ее под неровно остриженными волосами, которые обрезала явно рука торопливая и неопытная... как и ее собственная, — и не по той же ли причине?

— Благодарю тебя, владельница Верленская. А теперь, если можно, — голос ведьмы звучал хриловато, словно горло ее пересохло, — если можно, глоток воды.

Лоис поднесла ей чашку ко рту.

— Вам не за что благодарить меня, — добавила она со всей смелостью, на которую оказалась способна. — Ваше оружие, кажется, посильнее стального.

Глаза над чашкой улыбнулись, и Лоис от неожиданной доброты этого взгляда растерялась — ведь она была еще так молода и неловка, так неуверенна в себе... и сожалела об этом.

— Мое оружие я не смогла бы использовать, если бы вы не отвлекли внимание владетеля-командующего, желавшего стать моим любовником. Такое оружие, даже ценой моей жизни не может попасть в чужие руки. Но довольно об этом. — Она подняла руки, рассмотрела повязки. А потом оглядела царивший в комнате беспорядок, заметила на полу шаль с остриженными волосами, седельные сумки на сундуке.

— Разве не собираетесь вы к своему супругу, госпожа моя герцогиня?

Может быть, ее тон, а может, ее сила внутренне убедили Лоис. И она ответила прямо:

— Я не герцогиня Карстенская, госпожа. Да, произносили надо мной утром эти слова, да, преклонили потом передо мной колена послы Ивьена, — она слабо улыбнулась, припомнив, с каким трудом дался этот подвиг Сирику. — Я не выбирала Ивьена. Под прикрытием этой свадьбы я хотела бежать.

— Но все же пришла ко мне на помощь, — встала женщина, внимательно глядя темными большими глазами, пока Лоис не поежилась под испытующим взглядом.

— Но я же не могла поступить иначе! — вспыхнула она. — Что-то влекло меня туда. Должно быть, ваше волшебство, госпожа?

— Не без того, не без того. Просто я просила о помощи, так как умеем просить мы, у всякого, кто может меня услышать. Быть может, нас объединяет не только опасность, госпожа Верленская, — теперь она открыто улыбнулась, — или, учитывая ваш наряд, вас следует называть господином Верленским?

— Зовите меня просто Бриантом, наемником с белым щитом, — выпалила Лоис приготовленный заранее ответ.

— И куда же поедет Бриант? Наниматься в Карс? Или на север? На севере нужны белые щиты.

— Эскарп объявил войну?

— Вернее сказать — Эскарпу. Но речь не об этом. — Она встала. — А о чем, поговорим позднее, снаружи. Я уверена — вы знаете дорогу отсюда.

Лоис перекинула седельные сумки через плечо, на шлем без плюмажа, натянула капюшон. И когда она повернулась, чтобы выключить светящиеся шары, ведьма показала ей на забытую шаль с волосами. Досадую на себя за забывчивость, девушка вывернула с нее остриженные пряди в гаснущее пламя.

— Хорошо, — продолжала распоряжаться другая. — Нельзя оставлять то, с помощью чего можно будет вернуть вас назад... а волосы обладают силой. — Она глянула на среднее окно.

— Оно выходит на море?

— Да.

— Тогда оставь ложный след, Бриант. Пусть умрет Лоис Верленская.

Открыть тяжелую раму и бросить вниз свадебное платье было делом минуты. Но ведьма настояла, чтобы на шероховатый камень она нацепила лоскуток от белья.

— При такой наружной двери, — командовала она, — едва ли станут искать другие двери из этой комнаты.

Опять прошли они через дверь с зеркалом, теперь путь их во мраке лежал вниз, Лоис предложила не торопиться и

спускаться, держась правой рукой за стенку. На ощупь стена становилась все более влажной, запах моря смешивался с древней затхлостью. Вниз и вниз, вот и все нарастающий рокот стал доноситься сквозь стены. Лоис подсчитывала шаги.

— Здесь! Этот проход ведет через странное место.

— Странное?

— Да, я не люблю бывать здесь, но выхода у нас нет. Надо подождать, чтобы рассвет хотя бы чуть осветил наш путь наружу.

И она осторожно направилась вперед, преодолевая возникшее сопротивление. Три раза случалось ей проходить этим путем, и каждый раз в молчаливой борьбе одолевать собственное тело, становившееся полем боя. Вновь подкатило чувство грозящей беды, во тьме таилась опасность куда сильнее телесных ран. Не подымая ног, она все шаркала вперед. Пальцы ее впились в пояс ведьмы, тянули ее за собой.

В темноте Лоис слышала тяжелое дыхание. Оно быстро стихло, а потом ведьма едва слышно произнесла, будто опасаясь, что таящееся в темноте нечто сумеет подслушать ее.

— Да, это обиталище Силы.

— Это странное место, — упрямо возразила Лоис. — Хотя оно и не нравится мне, но все-таки охраняет этот выход из Верлена.

И хотя видеть они не могли, но сразу почувствовали, что вышли из сузившегося прохода на простор. Яркая точка горела вверх, — маяком заглядывала вниз звезда через какую-то расселину в скале.

Но что-то вдруг засветилось вблизи, так, словно отдернули скрывавшее свет покрывало. Источник света плыл над землей круглым сероватым пятнышком. Ведьма неподалеку пела заклинание, слов ее Лоис не понимала. Сам воздух менялся и дрожал от звуков ее голоса. А когда стало еще светлее, Лоис поняла, что свет исходит из камня на шее ведьмы.

Кожу девушки покалывало, воздух вокруг был напитан энергией. Внезапное чувство голода пронзило ее, но чего ей хотелось на самом деле, понять она не могла. Тогда, в те разы, она боялась этого места, и заставляла себя стоять здесь, чтобы справиться со страхом. Теперь страх исчез, но чувству, которое она испытывала сейчас, не было имени.

Освещенная светом, исходящим из камня на ее груди, ведьма раскачивалась из стороны в сторону с остановившимся и благоговейным взором. Поток слов лился с ее губ — просьба ли, объяснение, оберегающий заговор. Лоис не знала. Теперь она ощущала, будто их обеих охватывает и несет могучая волна какой-то энергии, долго дремавшей здесь в скалах, в песке под ногами, в стенах над головой, а сейчас пробужденной после столетнего сна и готовой к действию.

— Но почему? Что? — Лоис повернулась кругом, вглядываясь во тьму, непроницаемую для взора. Что таилось там, за пределами пространства, освещенного камнем?

— Надо идти! — тревожно проговорила ведьма. Ее темные глаза были широко открыты, рука неуверенно тянулась к Лоис. — Я не могу управиться с тем, что сильнее меня. Здесь древнее место... и не из тех, что принадлежало человеческому роду и известным нам силам. Здесь поклонялись богам... Уже многие тысячелетия не воздвигают им алтарей. И сейчас остатки их древней силы пробудились! Где же внешние ворота? Мы должны попытаться, пока еще не поздно...

— Свет вашего камня, — Лоис зажмурилась, пытаясь представить себе это место, как недавно припоминала она дорогу в стенах, потому снова открыла глаза, и показала: — Туда.

Шаг за шагом шла ведьма в ту сторону, и свет следовал с нею и окружал ее, как и надеялась Лоис. Справа показались широкие грубые ступени — столетия чуть сгладили их. Лоис уже знала, ведут они к плоскому камню, испещренному какими-то зловещими бороздками, что лежал внизу под расщелиной. Время от времени лунный луч или луч солнца озаряли его то серебряным, то золотым светом.

Мимо обрамленной широкими ступенями площадки они пробрались к дальней стене. Свет из камня осветил осыпь, под которой и была нужная им калитка. Карабкаться вверх во мраке по камням и кускам глины было делом небезопасным, но решимость ведьмы убедила Лоис.

Подъем был трудным, но девушка и не ожидала ничего другого. Но спутница ее не жаловалась, хотя опираться на распухшие руки было сущим мучением. И там, где это было возможно, Лоис тянула и подталкивала ведьму вверх, замирая, когда щекбень начинал течь под ногами, грозя стянуть их обратно вниз. А потом они оказались наверху, на

грубой траве, пахло солью, небо серело — ночь уже кончилась.

— Морем или землей? — спросила ведьма. — Будем искать лодку на побережье или придется, доверившись ногам, направиться в горы.

Лоис села.

— Нет, — возразила она. — Здесь кончаются пастбища, что лежат между морем и замком. В это время года лишних коней, пока в них нет надобности, пускают сюда на выпас. А в хижине у ворот хранится сбруя, но ее могут охранять.

Ведьма усмехнулась.

— Один-то страж? Что может он противопоставить сегодня ночью, точнее утром, двум решившимся женщинам, их общей воле? Покажи мне эту хижину, и сбруя будет у нас без единого свидетеля.

Они пересекли конец пастбища. Лоис знала, что лошади будут держаться поближе к хижине, где дня за два до шторма им положили брус каменной соли. Как только они вышли из пещеры, камень погас и дорогу пришлось выбирать повнимательнее.

Над дверной поперечиной светился фонарь, вокруг хижины пощипывали траву лошади. Рослые боевые кони, что могли в битве нести снаряженного всадника, не интересовали Лоис. Здесь находились и другие лошади, поменьше ростом, мохнатые, обычно их использовали для охоты в горах, они были выносливы и сохраняли силы, когда уже выдыхались. Более дорогие животные, которых Фалк держал для собственного выезда.

В круг света от фонаря забрели два таких небольших конька, казалось, она мысленно позвала их. Они были встревожены, трясли головами, рассыпая по шее гривы, — но шли. Лоис поставила наземь седельные сумки и тихо свистнула. К ее облегчению лошадки затрусили к ней, фыркая друг на друга, челки их закрывали глаза, в неясном свете были видны зимние мохнатые шкуры.

Если бы только они оказались послушными, когда у нее будет упряжь. Она медленно обошла их, двигаясь к хижине. Охраны не было видно. Неужели караульный сбежал на пир? Если об этом дознается Фалк, его ждет верная смерть.

Лоис осторожно толкнула внутрь заскрипевшую дверь. Перед ее взором предстало помещение, пропахшее лошадьми

и промасленной кожей... Пахло еще крепким напитком, который по деревням гонят из меда и настаивают на травах. Три чарки такого зелья валили с ног даже Фалка. Носком она задела кувшин, он повалился набок, и из горлышка потекла тягучая жидкость. Сторож пастбища всю хрипел, раскинувшись на спине.

Две уздечки, две сидельные подушки, на которых ездят охотники и гонцы. Снять их с крюков и полок не составляло труда. С этим она и вышла, тихонько притворив дверь за собой.

Лошади спокойно стояли, пока она взнуздывала их и потуже затягивала подпруги. Но когда обе они были уже на конях, спутница переспросила ее еще раз.

— Куда же мы едем, Белый щит?

— В горы. — В основном планы Лоис заканчивались подробностями побега. И теперь в броне, посреди поля она почти не представляла, что делать дальше. Оказаться на воле, вне стен Верлена было настолько трудно и невероятно сложно для нее, что на это она потратила почти всю свою умственную энергию, так что на размышления о том, что будет дальше, когда она достигнет гор, ее уже попросту не хватило.

— Значит, с Эсткарпом опять война? — Она и не думала о том, чтобы направить свой путь туда, в ничейные земли, беспокойной и незаконной полоской отделявшие южную границу Эсткарпа от Верлена. Но если ей сопутствует одна из тамошних ведьм, быть может, этот путь окажется наилучшим.

— Да, с Эсткарпом война, Белый щит. А не подумывала ли госпожа герцогиня о Карсе? Не посмотреть ли тайком на вашу страну, на ту судьбу, которой вы пренебрегали.

Лоис, вздрогнув, едва не послала конька коленями в рысь, небезопасную на каменистой тропе.

— О Карсе? — недоуменно переспросила она.

В этом что-то было. Да, быть женой Ивнена и герцогиней она не собиралась. Но Карс был центром южных земель, там она могла найти и родственников, если вдруг ей понадобится помощь. К тому же в таком большом городе Белый щит с деньгами в кармане может и затеряться. И если Фалк все-таки станет разыскивать ее, едва ли он заподозрит, что она в Карсе.

— Эсткари может пока подождать, — сказала ее спутница. — Страна обеспокоена. И я должна знать об этом подробнее, как и о тех, кто мутит воду. Начнем с Карса.

Ведьма подчинила ее себе, Лоис понимала это, но в душе ее не было возмущения. Наоборот, она словно долго распутывала какой-то клубок и вот нашла конец веревочки той, что приведет ее туда, где она всегда мечтала быть, если только осмелится последовать ей.

— Едем в Карс, — произнесла она спокойно.

III. КАРСТЕНСКИЕ СОБЫТИЯ

1. Пещера Волта

Пятеро мужчин лежали на сбитом волнами песке в крошечной круглой бухте. Один из них был мертв, во лбу его зияла рваная рана. День был жарким и солнце жгло полуобнаженные тела. Пахло морем, гниющими водорослями, южным морем, подумал Саймон.

Он кашлянул и приподнялся на локте. Все тело было сплошным синяком, его тошнило. Он медленно отполз в сторону и его капитально вырвало, хотя извергаться из измученного желудка уже было нечему. Спазмы привели его в сознание и, справившись с ними, он сел.

Теперь он мог вспомнить лишь какие-то обрывки недавнего прошлого. Бегство из Сулкарфорта было только началом кошмара. Когда Магнис Осберик разрушил сердце порта, энергоустановку, питавшую его теплом и энергией, не только город взлетел на воздух, но и разразившийся сразу же шторм забушевал с удвоенной силой. И эта буря разбросала остатки гвардейцев, что доверились морю и лодкам.

Три суденышка вышли из порта и потеряли друг друга из виду сразу же, как только исчезли руины взорванной гавани. А потом был сущий кошмар: лодку вертело, крутило, бросало и наконец разбило о зубы прибрежного рифа, но как можно было представить все это в часах и минутах, у него не было ни малейшего представления.

Саймон потерял лицо ладонями. Пропитанные солью ресницы слиплись так, что глаза было трудно открыть. Четверо уцелело, — заметив разбитую голову, он поправился, — трое и один мертвый. С одной стороны было море, в котором спокойно полоскались обрывки выброшенных к берегу водорослей. С другой стороны был утес; правда, уцепиться было за что, но у него не было ни малейшего желания лезть вверх, даже шевелиться. Хорошо было просто сидеть и ощущать, как лучи солнца выгоняют из тела холод воды и бури.

— Са-а-а...

Один из лежащих пошевелился. Длинная рука повела по песку, сгребая водоросли. Человек кашлянул, икнул, поднял голову и поглядел вокруг мутным взором. А потом капитан Эсткарпа заметил Саймона и просто глядел на него какое-то время, прежде чем рот Кориса шевельнулся в подобии улыбки.

Сгорбясь под бременем тяжелых плеч и рук, Корис прополз на карачках на ровное место поближе к Саймону и открыл рот:

— В Горме говорили, — произнес он скрипучим голосом, едва ли не стоном, — что рожденный для плахи, не тонет. И вся жизнь моя сулит мне смерть от топора... Значит, старки были правы.

Он с трудом подобрался к ближайшему из простершихся на песке и перекатил на спину бессильное тело, открыв бледно-серое выдубленное непогодой лицо. Грудная клетка гвардейца мерно вздымалась и опадала, видимых повреждений не было.

— Дживин, — позвал его по имени Корис. — Непревзойденный наездник. — Последние слова он произнес таким задумчивым тоном, что Саймон вдруг расхохотался, но чтобы унять сразу же запротестовавший желудок, ему пришлось прижать к животу ладони.

— Конечно, — выпалил он между приступами истерического веселья, — куда нам сейчас без него!

Но Корис уже перешел к следующему телу:

— Танстон.

Саймону было приятно услышать это имя. За короткое время службы в Эсткарпе он успел подружиться с этим лейтенантом. С трудом подчинив себе свое тело, он помог Корису вытащить обоих сотоварищей из прибрежного мусора. А потом, уцепившись за скалу, сумел встать на ноги.

— Воды... — Благодушие, в котором он только что пребывал, оставило его. Саймону вдруг так захотелось пить, словно все его тело было одной пересохшей глоткой, хотелось и пить и смыть разъедавшую кожу соль.

Волоча ноги, Корис подошел к скале. Из котловины, куда они попали, идти было некуда. Оставалось или лезть вверх на обступившее песчаное побережье скалы, или пытаться по воде обогнуть боковые утесы. Но все тело Саймона, до

последней клетки, сопротивлялось мысли о каком бы то ни было плавание, немислимо было даже зайти в воду, каким-то чудом не поглотившую их.

— Взобраться будет нетрудно, — слегка хмурясь, сказал Корис. — Смотри, похоже, когда-то здесь были выбиты ступеньки для ног и опоры для рук. Он встал на цыпочки, прижался к скале, вытянул вверх длинные руки, отыскивая пальцами небольшие углубления. Мускулы на его руках и спине вздулись буграми. Он поднял ногу, вставил носок в углубление и полез дальше.

Окинув взглядом на прощание берег, и двоих людей, что были теперь далеко от воды, Саймон последовал за ним. Капитан был прав, руки и ноги легко находили опору, ступеньки или просто неровность, привели их обоих на карниз футах в десяти над уровнем моря.

В искусственном происхождении карниза сомневаться не приходилось — время еще не изгладило следы, оставленные инструментами. Он круто вздымался вверх, к макушке скалы. Довольно сложная дорога для человека, у которого кружится голова и дрожат ноги, но все-таки они не могли даже надеяться отыскать такой путь к вершине.

Корис проговорил:

— Один сумеешь добраться? Я хочу поднять остальных.

Саймон невольно кивнул, но оказалось, что согласие лучше было бы выразить иным путем. Прижавшись к скале, он подождал, пока мир вокруг него перестанет кружиться. А потом стиснул зубы и полез вверх. Большую часть пути пришлось проделать на локтях и коленях, наконец он вполз под скальный карниз. Потирая ссадины на руках, он заглянул в оказавшуюся перед ним небольшую дыру, явно ведущую в пещеру. Дальше пути не было, и оставалось только надеяться, что у пещеры найдется и другой выход.

— Саймон! — послышался снизу тревожный голос.

Он заставил себя подползти к краю обрыва и высунуть голову.

Корис стоял, круто запрокинув голову, чтобы заглянуть повыше. Танстон уже был на ногах и поддерживал Дживина. Саймон слабо помахал, и они двинулись к стенке, первым полез Дживин.

Саймон буквально разлегся на уступе. Лезть в пещеру в одиночку у него не было ни малейшего желания. И воля, и

силы словно бы оставили его. Лишь когда Корис наконец добрался до верха и стал оглядываться, помогая Дживину, Саймону все же пришлось потесниться.

— Здесь что-то не так, — заявил капитан, — я заметил тебя, — лишь когда ты махнул рукой. Это, конечно, вход, его прятали и с большим искусством.

— Значит, дело стоило того, — Саймон махнул рукой в сторону пещеры. — Зачем нам любая сокровищница, если в ней не окажется воды?

— Воды! — слабым голосом отозвался Дживин. — Где вода, капитан? — спросил он у Кориса.

— Надо идти, друг. Впереди еще долгий путь.

Они сразу же поняли, что внутрь пещеры можно пролезть лишь выбранным Саймоном способом: на локтях и коленях, и Корис еле-еле втиснулся в узкую горловину, расцарапав плечи и руки.

Они попали в какой-то коридор, такой узкий, что света в нем не было вовсе и они еле ползли вперед, держась руками о стенки. Саймон, что полз первым, искал путь на ощупь.

— Тупик! — вырвалось у него, когда протянутые вперед руки коснулись каменной стены. Впрочем, он поторопился: справа забрезжил слабый свет и стало понятным, что коридор под прямым углом поворачивает направо.

Здесь можно было уже различить камни, и они ускорили шаг. В конце коридора их ожидало разочарование. Свет не стал ярче, и хотя они вышли куда-то, их ожидали сумерки, а не солнце.

Источник этого света сразу привлек внимание Саймона, заставив позабыть о собственных ранах и болячках. Вдоль стены по прямой тянулся ряд круглых окошек, похожих на иллюминаторы корабля. Трудно было понять, почему они не заметили их с берега, ведь теперь они снова были над тем местом, куда их выбросили волны. В лучах света в окнах клубились пылинки.

Впрочем, света хватало, чтобы разглядеть единственного обитателя этой каменной палаты. Он устроился в каменном кресле, вырубленном из того же камня, что и его подножие, уложив руки на широкие подлокотники. Голова его, словно в глубоком сне, упала на грудь.

И только когда дыхание Дживина рядом вдруг стало похожим на сдержанный всхлип, Саймон наконец догадался,

что они стоят в усыпальнице. Пыльная тишина заколоченного гвоздями гроба охватила их.

Потрясенный и растерявшийся от слабости, Саймон подошел к двум плитам, на которых стояло кресло, и нахально устался на сидевшего. Пыль густым слоем покрывала и усопшего и его трон. И все же Трегарту стало ясно, что к расе Эскарпа или Горма усопший вождь, священник, король или кто угодно не принадлежал.

Пергаментная темная кожа была гладкой на вид, словно искусный бальзамировщик разгладил ее. Склоненное лицо выдавало великую мощь и мужество, самой заметной чертой в лице был выступающий крючковатый нос. Небольшой острый подбородок, закрытые, глубокопосаженные глаза. Казалось, этот гуманоид происходил от птиц.

Покрытая толстым слоем пыли одежда тоже была сделана из похожего на перья материала, что еще усиливало иллюзию. Стройную талию перетягивал пояс, а на подлокотниках лежал топор, столь невероятной длины и размера, что Саймон даже засомневался, под силу ли было усопшему справиться с ним.

Волюсы на его голове росли вверх, и усеянное драгоценными камнями кольцо стягивало их в какое-то подобие плюмажа. На когтистых пальцах, покоившихся на рукояти топора, и на ней самой поблескивали кольца. И это кресло, и его обитатель, и топор были настолько чужды человеку, что Саймон побоялся ступить на подножие трона.

— Волт! — почти взвизгнул Дживин. Последующих слов его Саймон не понял — тот забубнил что-то под нос, должно быть, молитву.

— Подумать только, и эта легенда истинна! — Корис подошел и стал рядом с Трегартом. Глаза его блеснули, как в ту ночь, когда они с боем уходили из Сулкарфорта.

— Волт? Истина? Кто это? — отозвался Саймон, и выходец с Горма нетерпеливо ответил.

— Волт с Топором, Волт-Громовержец, Волт — пугало для непослушных детишек! Эскарп стар, мы знаем о днях, когда люди еще не записывали своих деяний, даже не складывали о них легенд. Но Волт старше Эскарпа! Волт из тех, что были людьми до людей, когда человек еще не был человеком. Они исчезли, когда люди еще учились отбиваться от диких зверей камнями и палками. Только Волт оставался

жить и познакомился с первыми людьми, а они с ним... И с его топором! В своем великом одиночестве Волт пожалел человека, и расчистил ему топором путь к власти и знаниям, а потом, как и все, он покинул здешний мир.

— В одних местах Волта вспоминают с благодарностью, но и с опаской, потому что люди не знают, кто он. В других — его ненавидят великой ненавистью, потому что по мудрости своей Волт противился их безрассудству. Так и вспоминаем мы Волта — проклятиями и молитвами, он для нас — и бог и демон. А теперь мы четвером видим его, значит, он жил и хоть в этом был схож с нами. Хотя по природе своей ему было под силу больше, чем людям.

— Хей, Волт, — Корис приветственно поднял длинную руку. — Я, Корис, капитан Эсткарпа и его гвардии приветствую тебя. Знай, мир не слишком-то изменился с того дня, как ты оставил его. Мы все ссоримся и воюем, покой и мир недолго гостят у нас, а теперь вот ночь может выйти из Колдера. Море лишило меня оружия, поэтому я прошу твоей помощи, и если по воле твоей суждено нам выступить против Колдера, да взлетит твой топор над головами врагов.

Ступив на первый камень, он уверенно протянул вперед руку. Дживин охнул, свистящее дыхание Танстона еле доносилось до Саймона. Но Корис с улыбкой сомкнул пальцы на рукоятки топора и осторожно потянул оружие к себе. Сидевший выглядел настолько живым, что Саймону казалось — вот-вот когтистая рука сомкнется на древке и сидящий гигант вырвет у Кориса свое оружие. Но топор с легкостью очутился в руках Кориса, словно бы Волт не только не возражал, но и хотел передать свое оружие капитану.

Саймон думал, что в руках Кориса рукоятка рассыплется в прах, но тот, взметнув его вверх, обрушил оружие книзу, остановив удар лишь в паре дюймов от камня. Топор в его руках словно ожил: прекрасное и мощное оружие.

— Жизнью благодарен тебе, Волт, — крикнул он. — Им я прорублю путь к победе, никогда не приходилось мне даже держать подобное оружие. Я — Корис, неудачливый властитель Гормский, Корис-урод, Корис-нескладеха. Но если будет на то твоя воля, Волт, стану Корисом-завоевателем и имя твоё вновь прославится в этих землях!

Быть может, голос его сотряс воздух в пещере, другого рационального объяснения случившемуся Саймон не видел.

Сидящая фигура вдруг качнула головой: раз, другой, словно соглашаясь на просьбу Кориса. А потом тело это, только что казавшееся таким прочным, словно обрушилось внутрь. Дживин закрыл руками лицо, Саймон подавил возглас, готовый сорваться с губ. Волт..., если это действительно был Волт... исчез. В кресле осталась кучка праха, в руках Кориса был топор. Невозмутимый Танстон первым нарушил молчание, обратясь к командиру.

— Его стража окончена, капитан. Теперь твоя пора. Ты здорово придумал попросить у него оружие. Думаю, это принесет нам удачу.

Опытной рукой Корис вновь замахнулся топором. Саймон отвернулся от пустого кресла. Явившись в этот мир, он видел колдовство ведьм и принял его, как часть новой жизни... Придется принять как данное и исчезновение Волта. Но и обретение сказочного топора не могло дать им ни глотка воды, ни пищи, о чем он и сказал.

— Конечно, — согласился Танстон. — Если отсюда нет иного пути, придется опускаться обратно, на берег.

Но путь наружу все-таки нашелся. За громадным креслом оказалась арка, засыпанная землей и щебнем. Руками и пряжками поясов они принялись за рытье. Работа показалась бы нелегкой даже свежему человеку. И только ужас, который теперь стало вызывать у Саймона море, заставлял его продолжать работу. В конце концов они расчистили небольшой проход, но оказались перед дверью.

Когда-то ее сделали из прочного дерева. Но за века она не разрушилась, не сгнила, нет, — природная химия почвы обратила ее поверхность в нечто подобное твердому кремнию. Корис махнул им.

— А теперь, разойдись!

Топор Волта вновь взлетел вверх. Саймон едва не охнул от жалости, ожидая, что острое лезвие защебится от удара. Топор со звоном отскочил, и вновь ударил в дверь со всей силой, на которую были способны могучие плечи капитана.

Дверь треснула, одна часть ее наклонилась вперед. Корис отступил в сторону, и остальные трое занялись проломом. Теперь в лицо им ударил дневной свет, свежий бриз ворвался в затхлое подземелье.

Руками они разломали остатки двери и сквозь заросли сухого кустарника и ползучих растений выбрались на склон,

где пятнами уже ярко зеленела молодая трава и золотыми монетками поблескивали на ней маленькие желтые цветы. Они были на вершине холма, положоспускавшегося к ручью. Не говоря ни слова, Саймон заковылял вниз, чтобы промочить, наконец, иссохшую глотку, смыть соль с изъеденной кожи.

Подняв от ручья голову и плечи, по которым стекали ручейки воды, он увидел, что Кориса нет среди них. Из пещеры Волта они вышли вместе, он был уверен в этом.

— А, Корис? — спросил он Танстона. Тот удовлетворенно вздыхал, вытирая лицо пучком мокрой травы, Дживин с закрытыми глазами лежал на спине.

— Он отправился сделать, что положено для того, кто остался на берегу, — далеким голосом ответил Танстон. — Командир не оставит своего гвардейца волнам и ветру, если в силах это сделать.

Саймон покраснел. Он-то совсем забыл про изувеченное тело на берегу. Пусть и по собственной воле вступил он в гвардию Эсткарпа, но своим среди гвардейцев себя еще не чувствовал. Эсткарп был слишком стар, а его люди... и ведьмы — слишком чужды ему. Петрониус сулил ему тогда совсем другое. Мир, куда стремится его сердце. Но он просто солдат, и попал в мир, где царит война. Их битвы оставались ему все еще непривычными, и он все еще чувствовал себя бездомным скитальцем.

Он вспомнил ее, ту, с которой бежал по болотистым равнинам, не зная еще, что она дева-ведьма, да и всего остального. Несколько раз тогда он почувствовал какую-то безмолвную симпатию между ними. Но и эти мгновенья были уже забыты.

Когда они вырвались из Сулкарфорта, она оказалась на другом суденышке. Быть может, их лодчонка оказалась удачливей. Он беспокойно шевельнулся, не желая признаться себе в собственном чувстве беспокойства, стараясь оставаться посторонним наблюдателем. Перекатившись на живот, он положил голову на согнутую руку и, повинаясь приказу собственной воли, мгновенно, как привык уже давно, уснул.

Проснулся он столь же быстро. Проспал он мало, солнце еще не сдвинулось по небосклону вниз. В воздухе пахло едой, под скалой горел костерок, и Танстон приглядывал за несколькими рыбками, насаженными на прямые прутья. Корис

спал, подложив под голову топор, мальчишеское лицо его казалось теперь более усталым и осунувшимся, чем когда он бодрствовал. Дживин лежал у ручейка на животе, свесив голову. Оказалось, что он не только хороший наездник, но и умеет ловить рыбу руками.

Саймон подошел, и Танстон поднял бровь:

— Бери свою долю, — он показал на рыбу. — Не чистили, сойдет и так.

Саймон потянулся было за ближайшей к нему, но внезапная тревога во взгляде Танстона заставила его тоже поднять глаза. Широкими кругами парила над ними черная птица с уголком белых перьев на шее.

— Сокол! — выдохнул Танстон так, будто слово это означало нападение воинов Колдера.

2. Соколиное гнездо

Птица кружила над головой с присущей крылатым хищникам легкостью. Саймон успел уже заметить ярко-красные ремни или ленты, привязанные к ее ногам, и понял, что птица-то не дикая.

— Капитан! — Танстон, перегнувшись, потряс Кориса за плечо. Тот сел, по-людски потирая кулаками глаза.

— Капитан, сокольники близко!

Корис дернулся, вскочил, притенил глаза ладонью, пытаясь разглядеть медленно кружащую птицу. И четко просвистел какой-то сигнал. Медленное кружение завершилось движением, чудесным по точности и скорости: птица сорвалась в стремительный бросок. И уселась прямо на ручку топора Волта, торчавшую из травы на крошечной лужайке. Изогнутый клюв раскрылся, раздался отрывистый клекот.

Капитан склонился над птицей. Очень осторожно прикоснулся он к одной из полосок, в его руках ярко блеснула какая-то металлическая бляха. Он пригляделся к ней повнимательнее.

— Налин. Его птица. Должно быть, он в карауле. Лети, крылатый воин, — обратился Корис к тревожно переступавшей птице, — мы одной крови с твоим хозяином и между нами нет вражды.

— Жаль только, капитан, что птица не может передать такие слова этому Налину, — заметил Танстон. — Сокольники строго охраняют свои границы, а забредших к ним допрашивают только потом, если те уцелеют.

— Ты прав, бродяга!

Слова прозвучали откуда-то из-за спины. Гвардейцы как один обернулись, но перед ними были лишь трава и скалы. Неужели говорила птица? Дживин с сомнением рассматривал ее... Не доверяя магии ли, иллюзии, Саймон потянулся к единственному оставшемуся у него оружию — ножу за поясом.

Ни Корис, ни Танстон, впрочем, удивления не проявили. Они словно бы ожидали этого. Четко и медленно выговаривая слова, капитан произнес в воздух, словно обращаясь к невидимому слушателю.

— Я, Корис, капитан гвардии Эсткарпа, был выброшен бурей на побережье. Все остальные тоже из гвардии. Танстон — офицер Великого замка, Дживин и Саймон Трегарт, чужеземцы, нанятый к нам на службу. Во имя Меча и Щита, Крови и Хлеба, прошу я у вас убежища, как принято между теми, кто не враждует, а вместе отражает общего врага.

Слабый отзвук этих слов угас. Птица вновь пронзительно вскрикнула и взлетела. Танстон сухо ухмыльнулся.

— Ну, теперь будем ждать либо стрелки в спину, либо проводника!

— И соперник будет невидимым? — спросил Саймон.

Корис пожал плечами:

— Каждому свои секреты. А у сокольников их хватает. И наше счастье, если они пошлют проводника. — Он принял. — Впрочем, пока судьба наша решается, можно перекусить.

Саймон обсасывал каждую косточку и попутно наблюдал за перерезанной ручьем поляной. Спутники его явно относились к своей участи философски. Откуда взялся голос, Саймон тоже не понимал. Но он уже научился оценивать ситуацию по поведению Кориса. Раз капитан спокойно ожидает, быть может, впереди не битва. Хотелось все-таки узнать что-нибудь о хозяевах этого места.

— А кто такие сокольники?

— Как и Волт, — Корис ласково погладил рукоять топора, — они легенда и история, только не столь древняя.

— Сперва это были наемники, из-за моря, со своих земель их выгнали варвары, и сюда они явились на кораблях сулкаров. Некоторое время они служили торговцам как матросы и воины. Они и сейчас, случается, нанимаются к ним, в особенности в молодости. Но большинство их не было расположено к морю — тоска по горам снедала их, ведь все они рождены в горных высях. И тогда пришли они к Хранительнице в город Эсткарп и предложили защищать южную границу, если дано им будет право поселиться в горах.

— И это было бы разумно! — вмешался Танстон. — Как жаль, что Хранительница не могла пойти на это.

— Почему же? — удивился Саймон.

Корис мрачно улыбнулся.

— Разве ты мало прожил в Эсткарпе, Саймон, и не знаешь, что такое матриархат? Нашу страну хранят не столько мечи мужей, сколько ладони жен. Сила дарована только женщинам.

У сокольников же странные обычаи, и они дороги им не менее, чем нравы Эсткарпа нашим ведьмам. Сокольники — боевой орден. В него входят только мужчины. Дважды в году отобранных молодых людей отпускают отсюда в женские деревни зачинать новое поколение, словно жеребцов в косяк кобыл. Но любовь, привязанность, равенство мужчины и женщины — сокольники этого не признают. И считают, что женщина пригодна только на то, чтобы рожать сыновей.

И для Эсткарпа они были просто дикарями, а их порочный образ жизни возмущал просвещенных дев, поэтому Хранительница возгласила, что, если с разрешения ведьм они поселятся в границах Эсткарпа, Сила будет оскорблена и покинет нас. И сказали сокольникам — нет воли Эсткарпа, чтобы вы охраняли границы. Но право проезда через страну со всеми припасами даровали и сказали, что, если найдут сокольники себе горы по вкусу за пределами Эсткарпа, — пусть селятся, ведьмы не будут желать им зла и не подымут на них меча. Так и прожили мы сотню лет или более.

— Значит, они нашли себе горы по вкусу?

— И трижды отстояли их, — подхватил Танстон, отвечая на вопрос Саймона, — от орд, которые герцоги Карстенские посылали на них. И выбранная ими земля помогает им.

— Ты сказал, что Эсткарп не предложил им дружбы, —

перебил его Саймон. — А что ты имел в виду, поминая клятву Мечом и Щитом, Кровью и Хлебом? Похоже, что какого-то понимания вы все же достигли.

Корис деловито принялся выковыривать косточку из рыбы. А потом улыбнулся, Танстон же просто расхохотался. Только Дживин казался озабоченным — не следует упоминать вслух о подобных вещах!

— Сокольники все же мужчины...

— Как и гвардейцы Эсткарпа? — догадался Саймон.

Корис широко ухмыльнулся, а Дживин нахмурился.

— Пойми нас правильно, Саймон. Мы уважаем Дев Силы. Но по природе своей... далеки они от нас, от всего, что трогает нас. Ты ведь знаешь — Сила оставляет ведьму, если она становится женщиной. И они вдвойне гордятся своей Силой, раз отдали за нее часть жизни. Для них обычай сокольников, для которых ничто и гордость эта, да и сама их Сила, для которых женщина — тело и только, без разума и без личности, это какое-то порождение демонов.

— Быть может, обычай сокольников и нам чужды, но как воинов мы, гвардейцы, уважаем их, и в прошлом никогда не бывало вражды между нами. Гвардейцы и сокольники не ссорились и прежде. И, — он отбросил обглоданный скелетик, — быть может, близок день, когда это поможет всем нам.

— Верно, — быстро согласился Танстон. — Карстен воевал с ними. И без всяких побуждений с нашей стороны, если герцог двинет армию на Эсткарп, сокольники окажутся на его пути. Это мы хорошо знаем, и в прошлую зиму, когда выпал Великий снег, по воле Хранительницы на юг, в деревни сокольников, посылали и скот и зерно.

— Женщины и дети там голодали, — согласился Дживин.

— Да, мы посылали много, чтобы хватило не только жителям деревень, — возразил Танстон.

— Сокол! — Дживин ткнул большим пальцем вверх: черная птица с белой грудью скользнула над лагерем. На сей раз это был разведчик небольшой группы всадников, что выехали на поляну и остановились поодаль от пришельцев.

Мохнатые шустрые лошадки их были сродни пони, и Саймон подумал, что для езды в горах у них должны быть крепкие копыта. Седла заменяли простые подушки. Перед каждым на раздвоенном роге горбился сокол, пустовал только рог предводителя.

Подобно гвардейцам и сулкарам они носили кольчуги, у каждого за плечами был и небольшой граненый щит. Их шлемы имели вид соколиной головы. И хотя Саймон знал, что через прорези для глаз за ним следят люди, вид птице-головых всадников несколько смутил его.

— Я — Корис, состою на службе у Эсткарпа. — Капитан стоял перед четверкой всадников, опершись руками на топор.

Воин, чей сокол только что вернулся на походный насест, поднял вверх безоружную правую руку жестом, старым как время и понятным повсюду.

— Налин с Внешних высот, — голос его гулко отдавался в шлеме-маске.

— Между нами мир, — то ли спросил, то ли объявил Корис.

— Между нами мир. Властелин Крылатых приглашает капитана Эсткарпа в Гнездо.

Саймон подумал было, что конькам не под силу нести двоих всадников. Но оказавшись позади одного из сокольников, тут же отметил, что лошадки твердо ступают по едва заметной тропке, словно ослик с двумя седоками.

Несомненно, дороги на земле сокольников прокладывали не для удобства или развлечения обычных путников. Усилием воли заставлял себя Саймон не жмуриться, пока конек трусил по карнизам над кручами и сапог его свисал над безднами, в глубь которых не хотелось даже заглядывать.

Время от времени то один, то другой сокол взмывал ввысь и устремлялся вперед. Покружив над будто ножом прорезанными узкими долинами, они возвращались обратно к хозяевам. Саймон гадал о причинах столь тесной связи человека и птицы: казалось, пернатые разведчики что-то сообщали своим владельцам.

Маленький отряд спустился со склона на гладкую как шоссе дорогу. Они пересекли ее и снова углубились в глушь. Саймон рискнул спросить у сокольника, за спиной которого ехал:

— Я не бывал еще в южных землях... Эта дорога через горы?

— Это торговая дорога. Мы охраняем ее и получаем плату за это. Значит, ты тот иномирец, что нанялся в гвардию?

— Да.

— Среди гвардейцев нет белых щитов. И капитан их,

заслышав шум, едет к месту сражения не от него. Похоже, море скверно обошлось с вами.

— Кому из мужчин по силам командовать бурей, — уклончиво возразил Саймон. — Мы остались живы — и за то спасибо.

— И за то, что вас не выбросило на берег южнее. Шакалы из Верлена любят поудить в море, да живые люди им ни к чему. А когда герцог наложит на Верлен свою лапу, не как костер дрова станет он поглощать несчастных, а огнедышащим зевом.

— А Верлен принадлежит Карстену? — спросил Саймон. Он собирал факты, где только мог, выкладывая из них по кусочку картину этого мира.

— Дочь Верлена обручена с герцогом по их странным обычаям. Разве можно наследовать земли по женской линии. И по этому уродскому закону герцог сможет наложить лапу на Верлен и все богатства его от берегового разбоя. А чтобы увеличить доходы, он, возможно, пожелает захватывать все корабли у берега. С древних времен торговцы могли рассчитывать на наши мечи, хотя отнюдь не море мы выбрали бы для поля битвы... Так что нас призовут, чтобы очистить Верлен.

— Ты имеешь в виду, что вы станете помогать сулкарарам. Птичья голова часто закивала.

— Когда-то корабли сулкараров вынесли нас из огня, смерти и крови. Гвардеец! Этот долг еще не оплачен, пусть только Сулкарфорт позовет нас.

— Этого, увы, не будет! — Саймон даже не понял, почему эти слова сорвались у него с языка, и тут же пожалел о своей болтливости.

— Вы везете какие-то вести? Наши соколы летают далеко, но все-таки не до северных мысов. Что же стряслось с крепостью сулкараров?

Размышлениям Саймона так и не удалось завершиться ответом, — один из соколов вереща повис над ними.

— Отцепляйся — и с коня! — резко приказал всадник. Саймон повиновался, четверка гвардейцев осталась на тропе, а кони припустили вперед со скоростью, небезопасной для здешних мест.

Корис жестом приказал — вперед.

— Там засада, — с топором на плече он рванулся вслед

быстро удаляющимся конькам. Стройные ноги с напряжением уносили его вперед, один Саймон кое-как прировнился к этому шагу.

Где-то впереди раздался вопли. Сталь зазвенела о сталь.

— Отряд из Карстена? — задыхаясь, выдохнул Саймон, догоняя капитана.

— Едва ли. Здесь много бандитов. Налин уверял, что они нагледят. На мой взгляд, они лишь маленький кусочек целого. Ализон угрожает с севера, на западе шевелится Колдер, банды нагледят. Карстен прислушивается. Давно волки и ночные птицы не глодали наших костей. Впрочем, они успеют еще передрасться из-за них. Что же, не всем жить утром, некоторым достается вечер — приходится умирать и сходить во тьму, защищая остатки святынь.

— Неужели для Эскарпа настал вечер? — сумел выговорить запыхавшийся Саймон.

— Кто знает? Эй, вот и бандиты!

Они глянули со склона вниз вдоль дороги, там уже закрутилась битва. Птицеголовые всадники спешили — узкое место не давало конным преимущества — и стальным кулаком умело сминали оказавшихся на дороге. Но не все бандиты оказались там, иные постреливали в сокольников из укрытий.

Спрыгнув на дорогу, Корис ринулся к нише, где укрывались двое. Скользя по тропе, Саймон обрушил камень на голову одного из стрелков, в момент подобрал выпавшее оружие и обратил его против сотоварищей бывшего владельца.

Соколы метались над головами, с клетотом били в глаза и лица растопыренными когтями. Саймон выстрелил, прицелился и выстрелил снова, с некоторым удовольствием отметив попадание. Горечь поражения в Сулкарфорте вновь всколыхнулась в нем в минуты этой короткой стычки.

Визгливый сигнал рога разогнал птиц. С другой стороны долины замахали флагом, и бандиты, что еще оставались на ногах, отступили, впрочем, не переходя в бегство, пока не достигли такого места, где можно было укрыться от всадников. День уже угасал, и войско теней поглотило их всех.

От людей бандиты, пожалуй, и могли бы укрыться, но не от соколов. Птицы кружили над уходящим вверх склоном,

камнем падали вниз и даже находили цель — иногда это подтверждали раздававшиеся вопли боли. Саймон заметил Кориса на дороге с топором в руках, на лезвии его теперь было темное пятно. Он пылко говорил о чем-то с одним из сокольников, не обращая внимания на тех, кто, переходя от тела к телу, быстрым ударом меча разрешали сомнения, если они возникали. Снова это мрачное занятие, как и тогда после засады! Стараясь не обращать внимания на добывавших, Саймон занялся прыжкой снятого им с кого-то оружейного пояса.

Повинуясь призывному свисту хозяев, соколы скользнули назад в сумрачном небе. Двоих птицеголовых перебросили через волнующихся коней и приторочили веревками к седлу, среди остальных были и перевязанные, некоторых подерживали товарищи. Но банда явно потеряла значительно больше.

Саймон снова ехал за спиной сокольника, но уже другого. Тот прижимал к груди порубленную руку, тихо ругался при каждом толчке и потому не был расположен к разговору.

Ночь, как положено в горах, наступила быстро, над мглой в лучах заходящего солнца еще поблескивали пики. Теперь дорога стала шире и глаже, словно шоссе, особенно по сравнению с прежней. И наконец, она привела их к крутому подъему прямо к воротам замка сокольников. И таков был этот замок, что Саймон изумленно присвистнул.

Древние стены Эсткарпа, словно выраставшие из костей самой земли, произвели на него глубокое впечатление. Крепость сулкаров, даже покрытая пеленой тумана, производила весьма внушительное впечатление. Но этот замок словно был частью скалы. Можно было, конечно, предположить, что строителям удалось найти утес с подходящими для жизни пещерами. В сущности замка не было, гнездо представляло собой просто укрепленную гору.

По подъемному мосту они пересекли прогали, к счастью, уже утонувший в тенях, узкая полоска моста пропускала лошадей только по одной. Саймон облегченно вздохнул, лишь оказавшись под злобными острями, что свесились над входом в пещеру. Он помог раненому сокольнику слезть с седла, передал его в ждущие руки товарищей, поискал взглядом прочих гвардейцев, сразу заметив темную непокрытую голову высокорослого Танстона.

Потом к ним обоим протолкался Корис, за ним следовал Дживин. Хозяева как будто позабыли о них. Коней увели, каждый воин взял своего сокола на кожаную перчатку, потом они удалились в какой-то проход. Наконец, один из птичеголовых шлемов обернулся к ним, сокольник подошел поближе.

— Властелин Крылатых желает говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит к вашим услугам!

Корис подбросил топор вверх, поймал его и, обратив лезвием от собеседника, церемонно произнес:

— Меч и Щит, Кровь и Хлеб, человек-сокол.

3. Ведьма в Карсе

Саймон вскочил с узкой постели, прижав костяшки пальцев к разламывающейся голове. Он спал и видел сон, яркий и жуткий, но мог вспомнить лишь чувство страха! А потом он проснулся в какой-то келье — ах, да, в жилище сокольника — с адской головной болью. Но острее боли было чувство необходимости выполнять чей-то приказ, или, быть может, просьбу?

Боль стихала, чувство острой необходимости — нет, и он понял, что не может более оставаться в постели. Надев кожаный костюм, предоставленный хозяевами, он вышел и обнаружил, что близится утро.

Пять дней они были в Гнезде, Корис уже собирался отправиться в путь на север на лошадях, через многие лиги кишевшей разбойниками территории. Саймон понимал, что капитан хочет заручиться помощью сокольников. Оказавшись в своей столице на севере, он предпримет все усилия, чтобы повлиять на предрассудки ведьм. Стойкие бойцы в птичьих шлемах могли крепко помочь Эсткарпу.

Падение Сулкарфорта возмутило суровых горцев, и в их укреплении шумно готовились к войне. В нижних этажах странной твердыни ночи на пролет работали кузнецы, бронники плели кольчуги, а горсточка техников возилась над бусинками, что, будучи на соколиных путях, позволяли парящей птице говорить голосом своего хозяина и передавать ему чужие речи. Секрет этот охранялся здесь суровее прочих. Саймону только намекнули, что они используют какой-то прибор.

Трегарт не раз обманывался в своих оценках этого мира, при встрече с каким-нибудь курьезом вроде этих бусинок. Люди, воюющие с мечом и щитом, не должны владеть изготовлением радиопередатчиков. Столь странные достижения науки и техники не могли не озадачивать. В этом мире естественной была магия ведьм, а не искусственные глаза и уши на лапах соколов.

Магия ведьм... Саймон поднялся по вырубленной в скале лестнице к наблюдательной площадке. В рассветных сумерках четко вырисовывались далекие горы, тумана не было. Прямо перед ним оказалась каким-то хитрым способом прорезанное среди гор окно на равнину — на Карстен.

Карстен! Он столь внимательно вглядывался в эту замочную скважину, что даже не заметил часового на посту, пока тот не заговорил:

— У тебя есть сообщение, гвардеец?

Сообщение? Это слово что-то включило в голове Саймона. На мгновение боль вернулась, стиснула лоб — он должен был что-то сделать. В какой-то мере это было предвидение, но слабее испытанного им на пути в Сулкарфорт. Только теперь его не предупреждали — звали. Пусть Корис и остальные гвардейцы едут на север, его путь лежит на юг. И Саймон предался этой мысли, прекратив всякое сопротивление.

— С юга новости были? — спросил он у часового.

— Спрашивай у Властелина Крылатых, гвардеец, — тот осторожничал, как и подобало на посту.

Саймон отправился к лестнице.

— Будь уверен, так я и сделаю.

Но прежде чем идти к командиру сокольников, Саймон отыскал капитана, тот был занят приготовлениями к дороге. Он поднял голову, и руки его оторвались от ремней и пряжек.

— Что ты предлагаешь?

— Можешь смеяться, — отрывисто сказал Саймон, — но мне суждена дорога на юг.

Корис сел на край стола и медленно покачал ногой в сапоге.

— Чем же так влечет тебя Карстен?

— Ничем, это же не я... — начал было Саймон, попытавшись выразить свои смутные чувства. Он и разговаривать-то никогда не любил, а тут надо было облечь в слова столь сложную мысль. — Меня влечет.

Нога замерла. Красивое жесткое лицо было бесстрастным.
— Когда и как это с тобой приключилось? — резко и строго потребовал он ответа как старший по чину.

Саймон сказал правду:

— Мне снился сон, потом я проснулся, а когда я поглядел вдаль, на равнины Карстена, то понял: моя дорога лежит в ту сторону.

— А что снилось?

— Не помню, просто какая-то опасность!

Корис ударил себя кулаком по ладони.

— Пусть будет так! Хотелось бы, чтобы у тебя силы было побольше или не было совсем. Но если тебя тянет туда, мы едем на юг.

— Мы?

— Танстон и Дживин отвезут вести в Эсткарп. Колдер пока еще не может проникнуть за барьер, ограждающий его силы. Танстон управится с гвардией не хуже меня. Видишь ли, Саймон, я ведь из Горма, а Горм теперь бьется с гвардией, пусть войны его мертвы и одержимы демонами. По мере своих сил я служил Эсткарпу. Раз Хранительница приняла меня, буду служить и дальше. Только, похоже, теперь больше пользы от меня будет не в рядах его армии.

Как я могу быть уверенным. — Под темными молодыми глазами чернели круги — усталые глаза, только не от физической усталости. — Как я могу быть уверенным, что теперь, раз я из Горма, рука Колдера не сможет протянуться через меня в самое сердце Эсткарпа. Ты видел, что сделали эти твари с живыми людьми, которых я знал когда-то. Что еще может сделать эта дьявольская порода? В Сулкарфорт-то они прилетели по воздуху.

— Не обязательно с помощью магии, — возразил Саймон, — в моем мире по воздуху даже путешествуют. Жаль, что я не видел, как они появились там. Это могло бы многое прояснить.

Корис сухо усмехнулся:

— Без сомнения, в будущем нам еще не раз представится возможность ознакомиться и с другими их уловками. Саймон, я уверен, если тебя влечет на юг, это не случайно. А два меча, то есть топор и самострел, — поправился он с легкой улыбкой, — все-таки сильнее одного самострела. Хорошо уже то, что ты ощутил зов. Быть может, та, что была с нами в

крепости сулкаров, осталась в живых и ей нужна помощь.

— Но почему ты решил, что это она? — Саймон уже и сам заподозрил это, и теперь его смутные ощущения нашли подтверждение в словах Кориса.

— Как почему? Да те, у кого есть Сила, могут посылать ее по тропам ума, словно соколы по воздуху своих птиц. И если они ощущают кого-то из своих, то могут позвать или предупредить его. Что же касается твоего «почему», ты вышел с ней из Алисона, а потому ей легче позвать именно тебя.

Ты не нашей крови, Саймон Трегарт, твоя плоть не от нашей плоти. Похоже, в твоем мире сила эта влагается и в руки мужчин, не только в женские ладони. Разве не ты почуял засаду на дороге у моря, как и наша ведьма. Да, я поеду в Карстен, для такого решения мне достаточно твоих слов, потому что я знаю Силу и потому что мы бились бок о бок, Саймон. Я дам Танстону указания и сообщение для Хранительницы, и мы отправимся с тобой искать в мутной воде нашу важную рыбку.

На юг они отъехали в броне и при оружии, снятом с поверженных врагов; чистые щиты свидетельствовали, что они наемники и ищут работу. Пограничная стража сокольников проводила их до отрогов и вывела на торговую дорогу в Карс.

Имея в своих руках столь тонкую нить, Саймон сомневался в разумности подобного предприятия. Только ее зов ощущал он и ночью и днем, хотя кошмары уже не повторялись. Утро заставало его теперь уже готовым к дальнейшей дороге.

Деревень в Карстене было много, путники углублялись в плодородные земли речных долин, и сел становилось еще больше, и вид у них был более богатый. Время от времени господчики из придорожных владений предлагали им остаться, но Корис презрительно фыркал, услышав о предлагаемой плате, что еще более добавляло к уважению, которым и так пользовались и он и его топор. Саймон больше помалкивал, приглядываясь к стране, запоминал местность и дорогу, а еще подмечал обычаи и привычки местных жителей, а когда они оставались вдвоем, вытягивал из капитана информацию.

Когда-то в герцогстве местами жил народ сродни людям Эсткарпа. Да и сейчас Саймон частенько примечал гордые

темноволосые головы, бледные лица с тонкими чертами, напоминавшие ему людей севера.

— Их прикончило проклятье Силы, — в ответ на вопрос пояснил ему Корис.

— Проклятье?

Капитан повел плечами:

— Оно восходит к природе Силы. Кто использует ее, тот не оставляет потомства. И с каждым годом число женщин, способных рожать, уменьшается. В Эсткарпе девица на выданье может выбирать мужа из десятирх, а скоро и из двадцати. Много у нас и бездетных.

Так было и здесь. Поэтому, когда крепкие телом варвары пришли из-за моря и осели вдоль берега, большого сопротивления им не оказали. И они стали постепенно прибирать к рукам земли. А прежних хозяев просто оттеснили в глубь страны. И в должное время среди пришельцев объявились военные предводители. Так мы получили в соседство герцогов, а последний из них — просто один из наемников, добившийся полновластия умом и острым мечом. Значит, и с Эсткарпом может случиться то же самое. Может. Только к нам примешали свою кровь сулкары, они одни, похоже, могут родниться с жителями Эсткарпа, что приносит свои плоды. Поэтому старая кровь на севере обновилась, доблесть вновь закипела. Но Горм теперь поглотит нас всех, прежде чем удастся что-либо сделать... Саймон, в этот город тебя не тянет? Это Гартхолм на реке, дальше его лишь сам Карс.

— Значит, едем в Карс, — помедлив, устало ответил Саймон. — Тяжесть еще не оставила меня.

Корис удивленно поднял брови:

— Значит, суждено нам вскоре идти на цыпочках и оглядываться. Пусть герцог и не из высокородных и господа поглядывают на него искоса, в тупости его не заподозришь. В Карсе увидят и услышат любого незнакомца, а белыми щитами там привыкли интересоваться. В особенности если они тут же не отправляются вступать под его знамена.

Саймон задумчиво глядел на баржи, что покачивались на якоре у речной пристани.

— Но разве за это станут укорять раненого? И разве нет в Карсе врачей, пользующих увечных? Ну, например, если человек получил в бою удар по голове и зрение теперь отказывает ему?

— А потому к мудрым лекарям в Карс его провожает товарищ, — хихикнул Корис. — Недурно, Саймон. А кто же из нас ранен?

— Похоже, я. Это поможет избежать всяких неловкостей, которые могут подметить опытные глаза и уши герцога.

Корис утвердительно кивнул.

— Коней продадим здесь, они выдают в нас пришельцев с гор, а в Карстене такие под подозрением. За плату можно добраться по реке. Разумный план.

Капитан-то и продал коней. Присоединившись на барже к Саймону, он все еще пересчитывал клиновидные кусочки металла, служившие здесь деньгами. Похлопав по кисету, Корис довольно ухмыльнулся.

— В моих жилах течет кровь купца, и я только что доказал это. В полтора раза больше того, что я рассчитывал получить, хватит, чтобы подмазать лапы в Карсе, если, конечно, потребуется. А вот и провизия. — Он плюхнул принесенный мешок на палубу возле топора Волта, с которым теперь не расставался.

Следующие два дня ленивая река несла их по течению. К вечеру последнего дня невдалеке показались гордые стены и башни Карса, и Саймон невольно схватился за голову. Боль словно ударом обрушилась на его глаза. А потом она исчезла, оставив в памяти маленькую яркую картинку: плохо молотая улочка, стена и дверь в глубине ее. Такова была цель, что ждала их в Карсе.

— Значит, здесь, Саймон? — рука капитана легла ему на плечо.

— Так, — Саймон сомкнул веки, закат бил в глаза. — Где-то в городе есть улочка, стена, в ней дверь, там нас и ждут.

— Узкая улочка, стена и дверь...

Корис понял.

— Не густо, — отметил он, не отрывая глаз от города, словно усилием воли мог перескочить с баржи на медленно приближавшуюся пристань.

Впрочем, вскоре они уже поднимались от пристани по откосу к арке в городской стене. Учитывая выбранную роль, Саймон старался не торопиться, вообще двигаться так, как свойственно человеку, не доверяющему собственному зрению. Но нервы его были напряжены, он твердо знал, что,

оказавшись в городе, сумеет найти нужную улочку. Ниточка, притянувшая его из-за границ герцогства, стала теперь прочным указующим путь канатом.

Переговоры, что вел у ворот Корис, описание увечья Саймона, вполне, впрочем, правдоподобное, ну, и, конечно, несколько монет, скользящих в руку сержанта, открыли им путь внутрь. Когда они отошли подальше и завернули за угол, капитан вознегодовал.

— Да окажись этот тип в Эсткарпе, я бы содрал герб с его щита и выставил его самого на дорогу прежде, чем он успел бы назвать мне свое имя! Я слышал, что герцог размяк, добравшись до власти, но чтобы настолько... Я не верил.

— Говорят, у каждого человека своя цена, — заметил Саймон.

— Верно. Но умный командир знает цену каждому под его рукой и использует каждого соответственно возможностям. Это наемники, их нетрудно перекупить. Может быть, в битве они еще и придерживаются правил чести и будут биться твердо за того, кто платит. Что с тобой? — резко спросил он, так как Саймон вдруг остановился и полуобернулся.

— Не туда идем. Надо на восток.

Корис поглядел вперед.

— Боковая улица через четыре двери от нас. А ты уверен?

— Вполне.

На случай, если сержант возле двери окажется сообразительней, чем им показалось, они шли не торопясь — Корис за поводыря. Поперечная улица разветвлялась. Прислонившись к какой-то двери, Саймон переждал, пока Корис проверял, не увязался ли кто за ними. Хотя внешность у Кориса была, понятно, приметной, маскироваться ему было не впервой, и скоро он быстрым шагом вернулся.

— Если к нам и приставили ищейку, значит, она хитрее лучшей ищейки Эсткарпа, а в это трудно поверить. А теперь пора зарываться в землю, пока нас не заметили и не запомнили. Все еще на восток?

В голове Саймона пульсировала тупая боль, по ее изменениям он мог узнавать «холодно» или «горячо». Особенно тяжкий удар повернул его в кривую улочку. На нее выходили в основном глухие стены, в немногих занавешанных окнах не было света.

Они прибавили шагу, Саймон оглядывал все окна, опасаясь

ясь заметить в одном из них людское лицо. И тут он увидел... дверь из видения. Он остановился возле нее, слегка задыхаясь, не от движения, нет, от бушевавших в груди чувств. Подняв кулак, он стукнул по прочному portalу.

Не дождавшись ответа, он ощутил странное разочарование. А потом толкнул дверь и почувствовал, что она заперта на засов.

— А ты уверен? — подзадорил его Корис.

— Да! — Никакой задвижки на двери не было, распахнуть ее было нельзя, но там за ней была та, что звала его сюда издали.

Отступив на шаг-другой, Корис измерил глазом высоту стенки.

— Позже, когда стемнеет, можно будет перелезть, только как бы не заметили.

Отбросив осторожность, Саймон грохнул кулаком в дверь, загремевшую как барабан. Корис ухватил его за руку.

— Ты хочешь перебудить всю армию герцога. Давай-ка засадем в таверне, когда настанет ночь — вернемся.

— В этом нет нужды.

Топор Кориса поднялся над плечом, рука Саймона была уже на самостреле. Дверь приоткрылась, и тихий невыразительный голос донесся через щель. Между кирпичной стеной и деревянной дверью показалась фигура молодого человека. Он был много ниже Саймона, даже Корис был выше его и как-то уж слишком тонок. Верхнюю часть лица юноши прикрывало забрало боевого шлема. На кольчуге не было кокарды господина.

Переведя взгляд с Саймона на капитана и словно удостоверившись, он отступил в сторону, приглашая их войти. Они вошли в сад, где на аккуратных клумбах торчали сухие побитые морозом цветы, миновали пустой фонтан, его каменная чаша осыпалась, и только утка с обломанным клювом тщетно дожидалась воды.

Другая дверь привела их в дом, и лучик света из нее был знаменем приветя. Молодой человек задержался, закрывая дверь в сад, и заторопился пройти вперед. Но дверь уже отворилась.

Саймон видел ее в лохмотьях, спасающейся от своры собак. Видел и в скромном одеянии своего ордена. Ехал рядом с ней, облаченной в кольчугу гвардейца. А теперь она была в алом

расшитом золотом платье, на пальцах поблескивали кольца, короткие волосы покрывала сетка, усеянная самоцветами.

— Саймон! — Она не стала простираť к нему руки, здороваться иными словами, просто позвала по имени, но ему было тепло и приятно. — И Корис, — мягким смешком она словно пригласила их разделить эту шутку и склонилась в реверансе придворной дамы: — Неужели вы, господа, прибыли с вопросами к Мудрой города Карса.

Корис церемонно пристукнул головкой топора об пол и сбросил с широкого плеча седельные сумы.

— Мы явились по вашему приказу, точнее по приказу, который предназначался Саймону, и ждем теперь ваших указаний, госпожа. Но как хорошо, что с вами не случилось ничего плохого.

Саймон только кивнул. И снова не сумел отыскать слов, чтобы выразить чувство, в котором боялся признаться.

4. Приворотное зелье

Корис со вздохом поставил кубок.

— Ах, какая кровать, такой я не видал ни в одной казарме, да еще два таких пира. Подобного вина я не пивал с тех пор, как мы покинули Эсткарп. Как не был с тех пор в столь хорошей компании.

Ведьма легонько похлопала в ладоши.

— Корис Придворный! Корис и Саймон терпеливые! Ведь ни один из вас еще не спросил, что мы делаем в Карсе, хотя вы оба пробыли под этой крышей целую ночь и часть дня.

— Под этой крышей... — задумчиво повторил Саймон. — А это случайно не посольство Эсткарпа?

Она улыбнулась:

— Логично, Саймон. Но мы здесь неофициально. Да, в Карсе есть посольство Эсткарпа, и представляет в нем некий господин с безупречным происхождением, никак не запятнанный связью с магией. Он обедает с герцогом по формальным оказиям, посол наш — воплощенная респектабельность. Посольство находится в совсем другом квартале. А мы здесь...

Когда она на миг замолчала, Корис непринужденно произнес:

— Догадываюсь, нужна наша помощь, иначе у Саймона не разламывалась бы голова. Надобно похитить Ивьена или просто расколоть пару черепов?

Спокойный молодой человек — ведьма звала его Бриантом, но причин присутствия не пояснила — говорил мало и неотлучно находился при своей госпоже. Без кольчуги и шлема, которые были на нем при встрече, он оказался тонким, почти хрупким и уж слишком юным, чтобы хорошо владеть тем оружием, что было привешено к его поясу. Но твердый рот и подбородок, непреклонная воля в глазах свидетельствовали, что дева Эсткарна мудро выбрала новобранца.

— А ну, Бриант, — спросила ведьма, — закажем им Ивьена? — что-то шаловливое было в ее тоне.

Откусив конфету, молодой человек пожал плечами:

— Если он надобен вам. Мне он во всех случаях не нужен. — Легкое ударение на «мне» не осталось незамеченным для мужчин.

— Нет, не герцог нам нужен. Кое-кто из его домочадцев... например госпожа Олдис.

Корис присвистнул:

— Олдис! Вот никогда бы не подумал...

— Неужели мы станем связываться с любовницей герцога? Главное подозрение типично для твоего пола, Корис. Есть причина, почему я хочу знать о ней побольше, и прекрасный повод заманить ее сюда.

— А именно? — спросил Саймон.

— Ее влияние в герцогстве основано лишь на расположении герцога. Пока она удерживает его в своей постели, у нее есть все, что ей нужно, — не побрякушки и наряды, нет, — ее влияние. Мужчинам, желающим протолкнуть какое-нибудь дело, приходится просить Олдис облегчить им путь к уху герцога, даже если они и из старой знати. А что касается титулованных дам — Олдис сторицей отплатила за прошлые обиды.

— Вначале, когда Ивьен только заметил ее, она довольствовалась драгоценностями и подарками, но с течением времени власть стала значить для нее больше. Лишившись ее, она станет ничуть не лучше девки в портовой таверне — и она прекрасно это знает.

— А Ивьен еще не утихомирится?

— Он женился.

Саймон глядел на руку Брианта, потянувшегося к конфетам. На этот раз она не дотянулась, а схватилась за кубок возле тарелки.

— В горах до нас дошли толки о женитьбе герцога на наследнице Верлена.

— Свадьба с топором, — пояснила ведьма, — он еще не видел своей невесты.

— Неужто нынешняя госпожа боится соперницы? Разве наследница Верленская столь же хороша? — без всякого умысла спросил Саймон и вдруг заметил, что Бриант быстро глянул на него.

Мальчишка-то и ответил:

— Ни в коей мере! — к горячности тона примешивалась озадачившая Саймона непонятная горечь. Кто этот Бриант и где подобрала его ведьма, оба они и не представляли. Может быть, мальчик был влюблен в наследницу и горюет о потере?

Ведьма рассмеялась:

— Все решает время. Но, Саймон, думаю, Олдис теперь не может спать спокойно, она слыхала провозглашенный на рынке указ и прикидывает, понадобится ли она еще Ивьену. А в таком настроении она просто созрела для нас.

— Согласен, этой даме сейчас нужна помощь, — произнес Саймон, — но почему обязательно ваша?

Она с укоризной сказала:

— Хотя я нахожусь здесь не как Дева-властительница из Эсткарпа, но меня знают в городе. Я тут не впервые. И мужчины и женщины, женщины в особенности, всегда хотят знать свое будущее. За последние три дня у меня побывали две ее служанки — под чужими именами и с придуманными рассказами. Я назвала им их имена, кое-что напонила и обе удрали с вытянувшимися физиономиями к своей госпоже. Не бойся — она не станет особенно медлить.

— Но зачем она вам? Влияние ее на Ивьена непостоянно и недолговечно... — покачал головой Корис. — Я никогда не считал, что понимаю женщин, но сейчас я в полном смятении. Горм — наш враг, не Карстен, во всяком случае сейчас.

— Горм! — за гладким фасадом ее лица что-то шевельнулось. — И здесь Горм пускает корни.

— Что! — Корис прихлопнул обеими ладонями по столу. — Горм добрался и до герцогства?

— Окольным путем. Карстен столкнулся с Гормом, его воины, случается, попадают туда. — Ведьма, поставив локти на стол, оперлась подбородком на сложенные руки и продолжила. — В Сулкарфорте мы видали, что сделали колдериты с людьми Горма — они стали их оружием. Но Горм только остров и, когда он пал, многие жители его погибли в битве, прежде чем с ними удалось содейть такое.

— Верно! — свирепо ответил Корис. — Столько пленных они взять не могли!

— Так. И когда погибла крепость сулкаров, Магнис Осберик, должно быть, уничтожил взрывом львиную долю нападавших. Этим он послужил своему народу. Большая часть торгового флота сейчас в море, а по обычаю сулкары, отправляясь в долгие странствия, забирают с собой семьи. Их гавань на нашем континенте погибла, но люди живы, а раз так, — могут построить себе новую крепость. А легко ли Колдеру восполнить свои потери?

— Да, похоже, у них сейчас нехватка людей, — согласился Саймон, прикидывая возможные последствия.

— Наверно, оно и так. Есть какая-то причина в том, что они не выступают против нас открыто. О Колдере мы знаем весьма мало, хоть он и расселся у наших дверей. Они покупают людей.

— Но рабы ненадежны на поле боя, — сказал Саймон. — Раа оружие в их руках — недалеко до восстания.

— Саймон-Саймон, ты разве забыл тех, кто бросался на нас из засады у прибрежной дороги. Как, по-твоему, собираются они восставать? Нет, у тех, кто марширует под гром барабанов Колдера, собственной воли не остается. Но верно вот что: за последние шесть месяцев на остров в устье Карс-реки не раз приходили галеры, и на них грузили пленных из Карса, заключенных из герцогских тюрем, случайных людей с улиц, из домов, безродных и одиноких, за кого некому заступиться.

— Подобное не сохранишь долго в тайне. Слушок, шепоток, — понемногу мы выяснили все. Мужчин продают в Колдер для таможенных нужд. А если это происходит в Карстене, то разве не может быть в Ализоне? Теперь я уже понимаю, почему там провалилась моя миссия, почему меня так быстро раскрыли. Раз у колдеритов есть некие силы —

а мы думаем, что это так, — значит, они могут чуют и таких, как я, — словно те псы на болоте.

И теперь мы считаем, что на Горме Колдер собирает силы для вторжения на материк. Быть может, однажды и Ализон и Карстен узнают, что сами готовили собственную смерть. Вот почему я хочу через Олдис узнать об этой гнусной торговле с Гормом — ее и быть не могло бы без ведома и согласия герцога.

Корис беспокойно шевельнулся:

— И среди солдат говорят о том же. Со знаками в кошельке белый щит, пройдясь по кабакам, может услышать о многом.

Она укоризненно поглядела на него:

— Иввен отнюдь не глуп. Глаза и уши у него повсюду. И если такой приметный воин, как ты, капитан, появится в кабаках, он узнает об этом.

Корис не проявил беспокойства:

— Разве я, Корис Гормский, наемник, не потерял свое войско и репутацию в Сулкарфорте? Не сомневайтесь, если потребуется, у меня есть чем прикрыться. А вот ему, — он кивнул в сторону Саймона, — лучше затаиться, пока еще не забыта сказка, с которой мы явились сюда. А как насчет этого юнца? — он ухмыльнулся в сторону Брианта.

К некоторому удивлению Саймона, обычно тихий мальчик застенчиво улыбнулся. А потом глянул на ведьму, словно за разрешением. И к его не меньшему удивлению та, разрешая, кивнула с уже знакомым ему озорством.

— Бриант не барачная крыса, Корис. Просто он долго был здесь в заточении. Но не вздумай недооценить его десницу, уверяю, он способен удивить тебя и еще удивит.. не однажды!

Корис рассмеялся:

— И не думаю сомневаться, госпожа, зная, от кого я это слышу. — Он потянулся к стоявшему рядом с креслом топору.

— Лучше оставь эту милую вещичку здесь, — предупредила ведьма, — уж он-то не останется незамеченным. — И она положила руку на рукоять топора.

И тут пальцы ведьмы словно застыли. И впервые после встречи в Карсе спокойствие оставило ее.

— Что это, Корис? — голос ее слегка дрогнул.

— Разве вы не знаете, госпожа? Он пришел ко мне волей

того, кто заставлял его петь, и теперь я отвечаю за него жизнью.

Она отдернула руку будто от истлевшей плоти.

— Волей ли?

Корис вспыхнул:

— О подобных вещах говорят лишь правду. Он был дан мне, и только мне будет служить.

— Тогда тем более не бери его на улицы Карса, — то ли просьбой, то ли приказом прозвучало в ответ.

— Укажите мне тогда безопасное место, где его можно оставить, — Корис явно не хотел расставаться со своим оружием.

Она слегка задумалась, приложив палец к нижней губе.

— Ну, хорошо. Потом ты все мне расскажешь. Бери его, и я покажу тебе самое безопасное место в этом доме.

Саймон и Бриант последовали за ними в соседнюю комнату, увешанную шпалерами, они были столь древними, что об изображенных на них сюжетах можно было только догадываться. Скользнув за одну из шпалер, она очутилась перед резной деревянной панелью, на ней скалили зубы и отгрызались фигурки сказочных зверей. Она потянула за ручку, за дверцей оказался шкаф, и Корис поставил топор к задней стенке.

И словно тягучий прибор времени от древних стен Эсткарпа, словно благоговейный ужас перед чуждой сущностью Волта в полумраке и пыли, Саймон и здесь почувствовал какое-то странное излучение, исходящее от стен комнаты, что-то ощутимо присутствующее в воздухе, от чего по коже побежали мурашки.

Но Корис спешил упрятать свое сокровище, и ведьма, будто домашняя хозяйка, закрыла шкаф на крючок. Как обычно невозмутимый, Бриант застрял в дверях. Откуда возникло это ощущение? Саймон был так озадачен, что остался в комнате, даже когда остальные уже покинули ее, и медленно вышел на середину.

Мебели почти не было. Только кресло черного дерева с высокой спинкой, словно из приемного зала властителя, и такой же стул. А на полу между ними — странный набор вещей, которые Саймон принялся изучать, будто пытаясь что-то отыскать среди них.

Во-первых, там была маленькая глиняная жаровня, в которую можно было бы насыпать лишь горстку углей, не

более. Она помещалась на короткой полированной доске. Рядом с нею стоял грубый горшок с какой-то бело-серой кашей. Тут же была приземистая бутылъ. Два сиденья и странные предметы... Но кроме них в комнате присутствовало нечто еще.

Он даже не заметил, когда ведьма вернулась, и его раздумья прервал ее голос:

— Кто ты, Саймон?

Его глаза встретили ее взгляд:

— Вы знаете, в Эсткарпе я говорил правду. А истину вы, без сомнения, умеете видеть.

— Умею, и ты говорил правду. Но я снова спрашиваю тебя, Саймон: кто ты... На приморской дороге ты почувствовал засаду раньше, чем Сила предупредила меня. Но ты же мужчина! — впервые ей отказало самообладание. — Ты знаешь, что здесь делалось... Ты чувствуешь это!

— Нет. Я просто ощущаю, что здесь что-то есть. Я не вижу, что это, но знаю — оно существует. — Он не стал скрывать от нее ничего.

— Так и есть! — она стукнула кулаком о ладонь. — Ты не должен бы чувствовать такие вещи, однако чувствуешь. Я здесь занималась кое-чем. Я не всегда использую Силу, то есть нечто большее, чем собственное мое понимание мужчин и женщин, того, что кроется в их сердцах и душах. Три четверти моего дара — владение иллюзиями, ты видел это. Я не призываю ни демонов, ни существ из иного мира, просто мои заклинания действуют на разум тех, кто ждет чудес. Но Сила существует, и иногда она приходит на мой зов. Тогда я действительно могу творить чудеса. Я могу предчувствовать несчастья, хотя не всегда знаю форму, которую примет опасность. Это я могу... это правда! Клянусь своей жизнью.

— Верю, — согласился Саймон. — И в моем мире есть вещи, которые не объяснишь одной логикой.

— И ваши женщины тоже способны на подобное?

— Нет, у нас эта способность дается обоим полам. Мужчины, которыми я командовал, иногда предвидели несчастье, смерть, свою или чужую. Знал я и дома, где обитало нечто, о чем было неприятно думать, чего нельзя было увидеть или почувствовать... как здесь.

Она следила за ним, не скрывая удивления. А потом рука ее начертала в воздухе между ними какой-то знак, на мгновение вспыхнувший огнем.

— Ты видел?! — то ли обвинение, то ли радость слышалась в этом восклицании. Впрочем, разбираться не было времени, тишину нарушил удар гонга.

— Олдис! А с ней охрана! — ведьма пересекла комнату и открыла панель, за которой Корис укрыв топор. Полезай, — приказала она. — Они обыщут весь дом, и лучше, если не увидят тебя.

Она не позволила ему протестовать, и Саймон обнаружил, что его втиснули в слишком тесное пространство. Потом панель захлопнулась. Тут он понял, что это не шкаф, а место для подслушивания. В резьбе были отверстия, их хватало и чтобы дышать, и чтобы видеть всю комнату.

Она втолкнула его слишком быстро.

Теперь он возмущился и стал шарить руками по панели, чтобы выйти. Однако с его стороны ручки не было — значит, вместе с топором Волта его упрятали в сейф до тех пор, пока ведьма не сочтет нужным выпустить его на свободу.

Раздражение Саймона росло; упершись о стенку лбом, он попытался по возможности рассмотреть комнату. И вдруг застыл: дева Эсткарпа вернулась с двумя солдатами, они быстро оглядели всю комнату, заглянув и за ковры. Ведьма, посмеивалась, наблюдала за ними. А потом бросила через плечо кому-то за порогом:

— Похоже, что чужому слову в Карсе не верят. Ну, когда же в этом доме творилось зло? Ваши ищейки найдут здесь немного пыли да паутины — увы, я плохая хозяйка, — однако ничего более, госпожа. Зря они тратят время на обыск.

В ее словах слышалась насмешка, легкая, но, впрочем, способная задеть. Со словами она обходилась очень ловко. Говорила, словно взрослый с детьми: с усмешкой, беспокоясь о более важном, однако тактично пригласила ту, что была за дверью — взрослую ко взрослой.

— Халсфрик! Доннар!

Люди с вниманием остановились.

— Проверяйте прочие части этого логова, но нас оставьте наедине!

Они почтительно расступились, пропуская вперед женщину. Ведьма закрыла за нею портьеру и обернулась к пришедшей, скинувшей плащ с капюшоном прямо на пол, где он растекался шафранной лужицей.

— Приветствую вас, госпожа Олдис.

— Время уходит, женщина, ты сама это сказала, — слова были грубы, но бархатные тона в голосе смягчали их резкость. Один этот голос может сразить мужчину, особенно с глазу на глаз.

И фигурой любовница герцога вовсе не походила на пышную перезрелую девицу из трактира, как представлялось ведьме. Это была молодая девушка, еще не осознавшая своих возможностей... Небольшая высокая грудь была скромно прикрыта, однако ткань великолепно обрисовывала ее. Противоречивая женщина — и тщеславная и холодная. Теперь Саймон прекрасно понимал, как удавалось ей столь долго держать в руках опытного развратника.

— Ты говорила Фирте... — вновь прозвучала укутанная в бархат резкая нота.

— Вашей Фирте я все объяснила, и что я могу сделать, и что для этого необходимо, — ведьма тоже не была многословной. — Условия вас устраивают?

— Они устроят меня, когда все кончится удачно. Обеспечь мою безопасность в Карсе, и потом получишь свою плату.

— Станный способ торговаться, госпожа, все преимущества на вашей стороне.

Олдис улыбнулась.

— Ах, ведь если у тебя есть эта Сила, Мудрая, ты можешь и спасти и погубить, и я окажусь для тебя легкой добычей. Говори, что делать, да поживей. Этим двоим я могу верить, они обязаны мне, но в этом городе есть и иные глаза и уши.

— Давай руку. — Женщина из Эсткарпа взяла маленький горшок с кашей. Олдис протянула руку, унизанную кольцами, одна-две капли из уколотого иглой пальца упали в горшок, ведьма добавила туда жидкости из бутылки и взболтала. А потом раздула угли в крошечной жаровне.

— Садись, — указала она на стул, а когда Олдис уселась, положила ей поперек колен доску и поставила на нее жаровню.

— Думай о том, кого хочешь, только о нем думай, госпожа.

Держа горшок над огоньком, женщина из Эсткарпа задела. Странно, то, что своим присутствием так озадачило Саймона совсем недавно, то, что клубилось и охватывало их, когда она чертила между ними огненный знак, теперь потихоньку истекало из комнаты.

Но ее пение имело свою силу, меняло мысли, вызывало

иную реакцию. И поняв, что она делает, к чему это способно привести, Саймон после мгновенного шока прикусил нижнюю губу. Услышать такое... от женщины, которую, казалось, он начинал понимать. Магия эта предназначалась для Олдис и ей подобных, не для холодной чистоты Эсткарпа, нет! Но на него она уже начинала действовать. Заткнув пальцами уши, Саймон попытался не слышать, не воспринимать этот знойный жар, истекавший из воздуха в пульсирующую в его теле кровь.

Убрать руки он решился, лишь когда заметил, что губы ведьмы перестали шевелиться. Лицо Олдис порозовело, полуоткрытый рот увлажнился, она смотрела перед собой невидящими глазами, пока ведьма не сняла с ее колен доску и жаровню. А потом женщина из Эсткарпа взяла получившуюся лепешку, раскрошила ее в квадратик белой ткани и подала своей гостье.

— Добавишь щепотку ему в еду или питье, — голос ведьмы стал безжизненным, говорила она как смертельно усталый человек.

Олдис резко схватила сверток, засунула за корсаж платья.

— Будь уверена, я использую его правильно! — По пути к двери она подобрала плащ. — Я сама назначу цену.

— Конечно, госпожа, конечно.

Олдис вышла, а ведьма стояла, опершись рукой на спинку кресла, словно нуждаясь в опоре. На лице ее отражалась усталость вместе с недовольством, даже со стыдом, будто, пусть из лучших побуждений, она воспользовалась нехорошим средством.

5. Трижды вне закона

Руки Кориса двигались в ровном ритме, полируя лезвие топора медленными движениями шелковой тряпки. Сокровище свое он затребовал сразу же, как только вернулся, и теперь, усевшись на подоконник, держал его на коленях и толковал:

— ...влетел он, словно по пятам его гнался отряд из Колдера, и врезался прямо в сержанта, а тот расплескал полчаши вина, за которое платил я, и потому собрался выпустить парню кишки. Тот лишь визжал и хватался за

него. Клянусь всем, что мы узнали в Карсе, во всей этой мути есть доля истины.

Саймон глядел на двух остальных собеседников. Он и не ждал, что ведьма чем-то выдаст свое удивление или знакомство с этой историей. Но извлеченному ею неведомо откуда юнцу не по плечу было подобное самообладание. Слишком уж невозмутимым он казался. Всякий, кто привык скрывать свои чувства, непременно выказал бы удивление.

— Понимаю, — Саймон перебил капитана, — эта история вовсе не муть для вас, госпожа. — После той сцены с Олдис часом раньше он не мог сдержать опаски. Если она почувствовала его осторожность, то не подала виду.

— Хунолд мертв на самом деле, — прямо отвечала она, — и умер он в Верлене, а госпожа Лоис исчезла с лица земли. Это правда, капитан, — обратилась она скорее к Корису, — а то, что все вышло в результате набега из Эсткарпа, — конечно, сущая ерунда.

— Уж это я и сама знаю, госпожа. Так мы не воюем, но, быть может, за этим рассказом что-то кроется. Я забыл спросить: на рифы Верлена кроме нас волны не вынесли никого из гвардейцев Эсткарпа?

Она покачала головой.

— Насколько мне ведомо, капитан, только ты и твои спутники вырвались живыми из Сулкарфорта.

— Но эту болтовню будут передавать, и она станет основанием для вторжения в Эсткарп, — нахмурился Корис. — Герцог весьма ценил Хунолда. Не думаю, чтобы он легко примирился с его смертью, тем более что она окутана подобной тайной.

— Фалк! — Имя это вырвалось из уст Брианта, словно стрелка из самострела. — Эта история оправдывает Фалка? — Теперь на бесстрастном лице юноши появилось выражение. — Но тогда ему пришлось расправиться и с Сириком и с Владетелем Дуарте. Похоже, Фалку пришлось потрудиться.

Этот щитоносец знает столько подробностей, можно подумать, он сам принимал в этом участие, подумал Саймон.

— Только что прибыл вестник с моря. Он говорил то же самое, я слышал.

— С моря! — ведьма вскочила, золото и пурпур ее одежд всколыхнулись. — Фалка Верленского нельзя считать проста-

ком, но быстрота, с какой все происходит, стремление выудить выгоду при малейшей возможности припахивает большим, чем просто желание Фалка оградить себя от мести Ивьена!

В ее темных глазах бушевала буря, она холодно оглядела троих... будто даже их причисляла к врагам.

— Это весьма не нравится мне. Всякой небылицы из Верлена ждать следует: Фалк должен угостить Ивьена каким-нибудь оправданием, если не хочет, чтобы войны герцога обрушили ему на голову собственные же башни. И он, безусловно, способен пустить кровь Дуарте и Сирику, чтобы прикрыть собственные грешки. Но слишком уж быстро, слишком логично все происходит! Могу поклясться..

Она расхаживала взад и вперед по комнате, алая юбка колыхалась:

— Мы — повелительницы иллюзий, но перед лицом самой Силы Эсткарпа я поклянусь, что шторм был настоящим! Разве что колдериты овладели законами природы... — Она резко остановилась, рука ее метнулась ко рту, словно сожалея о сказанном. — Если они достигли уже такой власти, — прошептала она, — впрочем, не думаю, что им уже по силам передвигать нас туда или сюда! И в это я не смею поверить! И все же... — Она вихрем повернулась к Саймону: — Брианта я знаю, что он делает и почему — мне понятно. Но ты... человек из туманов Тора, тебя я не знаю. И если ты скрываешь что-то, быть может, мы сами навлекли на себя нашу гибель.

Корис перестал полировать топор. Тряпка упала на пол, руки сомкнулись на топорнице.

— Его проверяла Хранительница, — проговорил он примирительным тоном, бросив на Саймона оценивающий взгляд, словно перед поединком.

— Да! — согласилась Дева Эсткарпа. — Невероятно, что власть Колдера над человеком можно скрыть так, чтобы мы не почувствовали этого. Они могут укрыть свою власть, но сама пустота их защиты заставит нас заподозрить нечистое! Остается последняя проверка! — Она расстегнула платье на шее и достала с груди тусклый камень, вывезенный из Эсткарпа, стянула через голову цепочку и протянула Саймону, приказала:

— Бери!

Корис вскрикнул и спрыгнул с подоконника. Но Саймон взял камень в руку. Сперва он показался ему холодным и гладким, как простой полированный камень, а потом начал теплеть, нагреваясь с каждой секундой. Но тепло не обжигало, не причиняло боли рукам.

— Я знала! — раздался ее грудной шепот. — Ты не из Колдера, конечно, не из Колдера, иначе ты не смог бы держать в своих руках огонь Силы и не обжечься. Приветствую тебя брат в Силе! — И снова она начертала в воздухе знак, вспыхнувший огнем и вновь померкший. А потом взяла у него камень из рук и водворила на прежнее место, под платье.

— Но он мужчина! Настолько внешность не изменить, да и нас в бараках не проведешь, — заговорил Корис. — Как может обладать Силой мужчина?

— Это мужчина не из нашего времени и пространства, а что возможно в иных мирах, мы не знаем. Теперь я могу поклясться, что он не из Колдера. Быть может, именно против него не смогут они устоять в последней битве. Но теперь мы должны...

Беседу внезапно прервал раздавшийся в стенке сигнал. Саймон и Корис с готовностью глянули на ведьму. Бриант вытащил самострел.

— Калитка в стене, — сказал он.

— Сигнал правильный, но время не то. Ответь, но будь наготове.

Он уже выходил из комнаты. Корис и Саймон поспешили следом к двери в стене сада. Выйдя из мертвящей тишины за толстенными стенами странного дома, они услышали в городе шум. Этот шум был смутно знаком Саймону, вне сомнения, он уже слышал подобное. Корис казался озадаченным.

— Толпа! Рычание преследующей жертву толпы!

Саймон, припомнив кровавый ужас собственного прошлого, отрывисто кивнул и поднял свой самострел, чтобы поприветствовать нежданного гостя, кем бы он ни оказался.

Ошибиться в происхождении человека, что стоял, опершись о дверь, было трудно. Кровавая рана не мешала признать в нем уроженца Эсткарпа. Едва шагнув, он покачнулся вперед, и Корис подхватил раненого, не позволив ему упасть. И тут на них буквально обрушился неожиданный взрыв, что сотряс и землю и воздух.

Человек в руках Кориса шевельнулся, улыбнулся и попы-

тался что-то сказать. На мгновение утратив слух, они не слышали его. Бриант захлопнул дверь и закладывал засовы. Саймон и капитан повели обвисавшего между ними беглеца к дому.

Он успел прийти в себя настолько, что даже поприветствовал рукой вышедшую навстречу ведьму. Отмерив некоторое количество синеватой жидкости, она поднесла чашку к его губам.

— А господин Вортимер?

Раненый с облегчением откинулся назад в кресле, куда его только что усадили.

— Он только что умер, госпожа, под громовой удар! А с ним и все наши, кому посчастливилось вовремя добраться до посольства. Что касается прочих... за ними охотятся... на улицах. Ивьен троскратно провозгласил вне закона всех жителей Эсткарпа и Древнюю Расу! Он словно сошел с ума.

— Ах, и он тоже...? — Ведьма прижала руки к вискам, словно стараясь заглушить невыносимую боль. — Времени у нас совсем нет?

— Вортимер послал меня предупредить вас. А вы еще не решили, последовать ли за ним тем же путем?

— Нет еще.

— Трижды объявленного вне закона можно убить на месте без лишних слов. А в нынешнем Карсе слово «убить» не подразумевает легкую смерть, — бесстрастно сказал он. — Не знаю, какие надежды связываете вы с госпожой Олдис...

Ведьма рассмеялась.

— На Олдис надеяться не приходится, Вортигин. Нас пятеро... — Она покрутила чашку в руках, а потом глянула прямо на Саймона. — И наша жизнь важна не только для самих нас. В Карстене есть еще люди древней крови. Если их предупредить, они могли бы уйти через горы в Эсткарп и увеличить наше число. И то, что мы здесь разузнали, пусть это еще не вся истина, должны узнать и дома. Быть может, моих сил не хватит на заклинания, придется тебе помогать, брат!

— Но я не знаю, как это делается... Я никогда не использовал эту вашу силу, — запротестовал Саймон.

— Будешь просто помогать мне. В этом единственная наша надежда.

Корис отвернулся от окна, через которое только что внимательно изучал сад.

— Изменение облика?

— Единственная возможность. Только на какой срок хватит моих сил? — Она пожала плечами.

Вортигин облизнул языком губы.

— Выведите только меня из этого проклятого города, и я подыму все деревни. В глубинке у меня довольно родичей, послушных моему слову.

— Идем! — Она направилась в увешанную коврами магическую комнату.

В дверях Корис остановился.

— Полученный дар я забираю с собой. В любом виде топор Волга должен быть при мне, — объявил он.

— Я бы сказала, что ты не в своем уме, — огрызнулась она, — если бы не знала, как дорога тебе твоя кусачая игрушка. Но делали топор не люди, а потому при изменении формы он может потерять свой вид. Могу лишь попытаться. А теперь приготовьтесь, да поживее.

Она потянула ковер в сторону, Саймон и Корис убрали стулья, отнесли прочие вещи к стенам. Камнем Силы очертила она на полу слабосветящееся пятно. Корис с вызовом брякнул топор в самый центр звезды.

Ведьма обратилась к Саймону:

— Облик на самом деле нельзя изменить, это простая иллюзия, такими нас увидят те, кто будет нас ловить. А сейчас я попробую воспользоваться твоей помощью. Теперь, — она огляделась и поставила маленькую жаровню у топора, раздув угольки в ней, — можно сделать лишь то, что должно быть сделано. Готовьтесь.

Корис ухватил Саймона за руку.

— Раздевайся догола... иначе Сила не сработает! — Сам он уже сбрасывал куртку.

Саймон последовал его примеру. Вдвоем они помогли раздеться Вортигину.

Вверх от жаровни клубился дым, наполняя комнату красноватым туманом, скрывавшим теперь и приземистое тело Кориса и мускулистое тело беглеца.

— Становитесь в углах звезды, по одному в вершине, — приказал из тумана голос ведьмы. — Саймон, иди сюда.

Двинувшись на зов, он потерял из виду Кориса и другого мужчину. Белая рука потянулась к нему и схватила его ладонь. Под ногами он видел угол звезды.

Вдалеке кто-то запел... Позабыв обо всем, Саймон словно парил в облаке. Ему было жарко, но тепло не снаружи, — изнутри. Теплота эта исходила из тела, стекала по правой руке. И Саймон подумал, что, будь это возможно, он увидел бы и как течет алая кровь в его жилах. Его окружал теперь густой серый туман, в котором исчезли остальные. О существовании собственного тела можно было судить лишь по ощущениям.

Распев становился все громче. Он помнил, что уже слышал этот поющий голос... Тогда его звук порождал в нем вожделение, желание тут же удовлетворить страсть. Лишь напряжением всей силы воли удалось ему тогда осилить соблазн. Теперь этот голос действовал уже иначе, и он не испытывал этой жажды обладания.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть клубы тумана, и отдался во власть этого голоса... Каждая нота пульсировала в его теле, становилась частью его, въедалась в плоть и кости, а теплый поток все еще истекал из руки.

Потом ладонь его бессильно упала на бедро. Пение затихало, и поток перестал истекать. Саймон открыл глаза. В окружавшей стене тумана появились просветы. В одном из них показалась уродливая харя, не лицо — карикатура на человека. Но в глазницах сардонически ухмылялись глаза Кориса. Чуть поодаль виднелось другое лицо, с коростой от какой-то болезни и вытекшим глазом.

Тот, с глазами капитана, перевел взгляд от Саймона на своего соседа и осклабился в широкой усмешке, показав гнилые желтые клыки:

— И хороша же компания! — воскликнул он.

— Одевайся! — резко сказала ведьма из рассеивающегося тумана. — Сегодня вы вышли из трупоб Карса грабить и убивать. Разве честный человек воспользуется таким случаем?

Они натянули свою собственную одежду, стараясь выглядеть похуже — все же отбросы общества, — а Корис подобрал с пола... Нет, не топор Волта... — покрытый ржавчиной шест с крюком на конце, о назначении которого Саймон постарался не думать.

Чтобы оглядеться, зеркала не было, но было нетрудно догадаться, что внешний вид его ничуть не более respectable, чем у прочих. Конечно, он ожидал, что и ведьма и Бриант переменятся тоже, но их новый облик озадачил его...

Дева Эсткарпа стала старухой, грязные седые пряди свисали на сгорбленные плечи, вся ее фигура была пропитана застарелым пороком. Юнец же стал полной ее противоположностью. Саймон не мог скрыть удивления: перед ним стояла девушка, наряженная в алое с золотым платье ведьмы.

Бледный, бесцветный Бриант стал пышной красоткой, прелести которой были более чем на виду, — должно быть, усталая служанка не затинула шнуровку. Старуха ткнула пальцем в Саймона.

— Это твоя добыча, смелый парень. Перекинешь ее через плечо, а если устанешь, — остальные бандиты помогут. Играй свою роль верно, не ошибись. Ведьма отвесила мнимой девице шлепок по спине, пославший ее прямо в объятия Саймона. Он на лету поймал ее, перебросил через плечо, а ведьма критическим взглядом режиссера оценила впечатление и приказала спустить платье с юных гладких плеч пониже.

Саймон внутренне был потрясен полнотой превращения, он думал, что иллюзия будет только для глаз, но в руках его было, вне сомнения, женское тело. Настолько, что ему даже пришлось напомнить себе, что выносит из дома именно Брианта.

В тот день Карс был наводнен подобными шайками, и зрелища, что им довелось видеть, сознание невыполненного долга, неоказанной помощи, огнем палило их души по дороге к причалам. У ворот, впрочем, торчало достаточно стражников. Но пока Саймон приближался к ним со стонущей, теперь пленницей, а его оборванцы-спутники ковыляли чуть сзади, ведьма успела забежать вперед — и, неловко споткнувшись, упала, так что сверкающее содержимое ее мешка покатилося в пыли по дороге.

Стражи мгновенно ожили, капитан пинком отбросил старуху с пути. Один из стражников, быть может, из чувства долга, а скорее всего, предпочитая тот род добычи, что принадлежал Саймону, двинулся к ним. Загородив копьем дорогу Трегарту, он ухмыльнулся.

— У тебя здесь мягкий груз, рыбий потрох. Он слишком хорош для тебя! Пусть им сперва попользуется кто-нибудь почище тебя!

Корис ржавым крюком шеста подцепил его за ноги, капитан упал, и вся компания рванулась в ворота. Стража кинулась следом.

— В воду! — Брианта вырвали из рук Саймона и швырнули в речной поток. В элегантном прыжке капитан вошел в воду рядом с барахтающимся телом в красном с золотом платье. Вортигин бежал прихрамывая. Убедившись, что Корис рядом с Бриантом, Саймон искал взглядом ведьму.

У входа метались фигуры, кипела свалка. Он подбежал поближе и, подняв самострел, трижды остановился и тремя выстрелами уложил троих, насмерть или тяжело ранив. Этот рывок оказался весьма своевременным: поднятый меч уже готов был обрушиться на скрюченную седоголовую фигурку, без движения лежавшую на земле.

Саймон еще дважды выстрелил. А потом его кулак обрушился на чью-то плоть, сокрушая кости. Кто-то взвизгнул и бросился бежать. Саймон, не медля, вскинул ведьму на плечо, и обнаружил, что она потяжелее Брианта. Крепко держа ее, он, задыхаясь, бежал к ближайшей барже, а потом, петляя между наваленными на палубе грузами, к противоположному борту — к воде.

Женщина в его руках вдруг ожила и забилась, вырываясь из рук похитителя. Саймон потерял равновесие, и они рухнули в реку, неожиданно и неловко. Глотнув воды, Саймон задохнулся и инстинктивно, хотя неуверенно, всплыл.

Как только его голова оказалась на поверхности, он искал взглядом ведьму, — неподалеку морщинистые руки уверенными движениями пловца взрезали воду.

— Хоу!

Зов раздался с палубы баржи, плывшей по течению. С ее борта свисал канат. Уцепившись за него, Саймон и ведьма вскарабкались на палубу лишь затем, чтобы по торопливому приказу Кориса оказаться в воде с другой стороны. Баржа теперь отгораживала их от берега.

У борта ее оказалась крошечная лодчонка, в ней сидел Вортигин, Бриант перегнулся через борт, его изрядно мутило и он кутался в свое красно-золотое платье, словно всамделишная жертва насилия. Когда они перевалились через борт, Корис концом своего крюкастого шеста оттолкнулся от баржи.

— Я думал, что ты потерял эту штуку у ворот!

Грубые черты, за которыми скрывалось лицо Кориса, исказило изумление:

— Его-то я никогда не потеряю! У нас есть время — они

будут считать, что мы прячемся на барже, по крайней мере мы можем надеяться на это. Но как только эта штука отплывет от причалов подальше, надо будет переплыть на тот берег.

С предложением капитана все согласились, однако минуты, пока они оставались у баржи, оказались очень долгими. Бриант наконец выпрямился и сидел теперь, отвернувшись от прочих, словно стесняясь своего облика. Ведьма, сидя на носу, внимательно оглядывала дальний берег.

Им повезло — близилась ночь, а Вортигин хорошо знал эти места. Он брался незаметно провести их через поле, мимо домов и ферм, подальше от Карса в относительную безопасность.

— Трижды вне закона... Да, в Карсе он может провозгласить это. Город принадлежит ему. Но родовитые господа в родстве с нами, а если же нет — пусть они чувствуют симпатии к нам, — тогда они должны испытывать неприязнь к Ивьену. Может быть, они побоятся помогать нам, но и не станут содействовать в поимке людям герцога. По большей части они просто закроют глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать ничего.

— Да, Карстен закрыт отныне для нас, — ведьма согласилась с Вортигином. — И всем людям Древней Расы я бы посоветовала бежать из герцогства, бежать, пока не стало слишком поздно. Быть может, сокольники в этом помогут им. Эйе... Эйе... ночь наступает для нас!

И слова ее, понимал Саймон, были не о сгущавшейся уже темноте.

6. Лже-сокол

Они укрылись в поле у осевшего за зиму стога. Саймон, Корис и Вортигин, прикрывшись влажной соломой, следили за происходившим в деревушке у перекрестка дорог. Яркие сине-зеленые мундиры слуг герцога — их было четверо, все на конях, снаряженные для трудной и дальней езды, — были окружены тусклой толпой поселян. Предводитель небольшого отряда из Карса подчеркнуто церемонно въехал на коне под Столб Повелений, и приложил рог к губам — он серебром сверкнул в лучах восходящего солнца.

— Раз... два... три... — Корис громко считал. Они слышали звуки прекрасно, должно быть, вся округа слышала троекратные звуки рога, но речи людей герцога доносились до них смутным бормотанием.

Корис посмотрел на Вортигина:

— Они спешат. Должен поторопиться и ты, чтобы успеть вовремя предупредить родственников.

Вортигин глубоко вонзил свой поясной кинжал в землю, словно бы в одного из сине-зеленых всадников.

— На двух ногах далеко не успеешь.

— Согласен. У них есть все, что нам надо. — Корис ткнул пальцем в сторону отряда.

— А за мостом дорога идет через лес, — подумал вслух Саймон.

Псевдолицо Кориса выразило злодейское удовлетворение.

— Они скоро закончат эту болтовню, давай поживее.

Они отползли от своего наблюдательного поста, вброд миновали реку и вышли на тропу в лесу. Дороги на север здесь были плохими. Ивьену в этих краях втихую сопротивлялись все — и благородные и простолюдины. И отходя от основных дорог, пути тут же становились грубыми тропами.

По обе стороны от тропы поднимались поросшие травой и кустами откосы. Место было небезопасно для путников, в особенности в ливреях герцога.

Саймон укрылся по одну сторону от тропы, Корис спустился пониже к реке, чтобы отрезать путь к отступлению. А Вортигин засел напротив Саймона. Оставалось только ждать.

Впрочем, предводитель вестников не был дураком. Один из его воинов проехал вперед, оглядывая и кусты, в которых шелестел ветер, и подозрительно высокие заросли травы. Не заметив засады, он проследовал дальше. За ним ехал старший, с рогом, и последний из его спутников, четвертый, замыкал маленький отряд.

Саймон выстрелил, когда этот, так сказать, арьергард поравнялся с ним. Из седла после великолепного выстрела вывалился разведчик.

Предводитель резко развернул коня, и в ту же секунду, захлебываясь кровью, перед ним повалился на землю замыкающий.

— Сул!.. Сул!.. Сул!.. — пронзительно загредел боевой клич, который Саймон последний раз слышал в обреченной гавани. Стрелка скользнула по плечу Саймона, разорвав и опалив кожу, — должно быть, у предводителя были кошачьи глаза.

Последний щитоносец пытался было поддержать своего предводителя, но незаметно приподнявшийся Вортигин бросил кинжал, которым только что поигрывал. Кинжал, крутясь в воздухе, наконец рукоятью ударил щитоносца в основание черепа, воин, сдавленно охнув, упал.

Над головой Саймона вздыбились копыта. Лошадь потеряла равновесие и рухнула на спину, подминая под себя седока. Корис выскочил из укрытия и обрушил свой крючковатый шест на едва шевелящегося человека.

А потом они принялись за работу: следовало разоружить поверженных и поймать коней. К счастью, та лошадь, что упала на спину, оказалась цела. Встав на ноги, она испуганно и тяжело дышала. Тела затащили подальше в кусты, а кольчуги, шлемы, запасное оружие привязали к седлам, после чего лошадей отвели в заброшенную овчарню, где теперь укрывались беглецы.

Туда они прибыли в разгар яростной ссоры. Морщинистая старуха и темноволосая красotka в порванном красно-золотом платье сердито глядели друг на друга. Но голоса их тут же затихли, едва Саймон пролез в щель покосившегося забора. Обе молчали, пока не ввели лошадей с трофеями. А потом девушка в красном, всхлипнув, рванулась к одному из этих свертков с кожей и сталью.

Я хочу свой собственный облик... и немедленно! — и плюнула в сторону ведьмы.

Саймон вполне понимал юношу. В таком возрасте быть переодетым в девичью одежду — да это же хуже, чем рабство. Им тоже не нравились эти уродливые личины, под которыми их вывела из Карса дева Эсткарапа.

— Согласен, — присоединился он к этим словам. — Нельзя ли вновь изменить наш внешний облик по общей, а точнее, вашей воле, госпожа. Или раньше некоторого времени это невозможно?

Лицо ее под спутанными прядями нахмурилось.

— Зачем терять время, мы ведь не выехали еще за пределы досягаемости посыльных. Ивьена, хотя вы уже успели

уменьшить их количество. Она взяла один из кафтанов, словно чтобы примерить, подходит ли он по длине к ее собственной фигуре.

Мрачный Бриант стоял со свертком мужской одежды в руках. Надутые губы делали упрямым выражение девичьего лица.

— Или я уезжаю отсюда в собственном обличье, или остаюсь здесь! — объявил он, и его решимость показалась Саймону убедительной.

Дева Эсткарпа сдалась. Из-под лохмотьев она достала мешочек и швырнула Брианту.

— Тогда живо к ручью. Умоешься этим вместо мыла. Только поэкономней — зелья должно хватить на всех.

Бриант ухватил мешочек и, подобрав юбки, решительно зашагал с одеждой, словно опасаясь, что у него отберут новые пожитки.

Корис привязал коней к подгнившему забору. На уродливой и злодейской физиономии иногда ему неизвестно как удавалось изобразить честное удивление.

— Пусть щенок спокойно разделяется со своими узами, Саймон. Юбки, должно быть, раздражают его. В конце концов, он терпел до сих пор.

— Юбки? — с некоторым удивлением отозвался Вортигин. — Но...

— Саймон не принадлежит к Древней Расе, — ведьма расчесывала длинные пряди руками, — он еще новичок и не знает наших обычаев, и впервые изменяет свой облик. Ты прав, Корис, — она странно глянула на капитана, — пусть Бриант мирно преобразится в одиночестве.

Одежда, снятая с одного из неудачливых вестников герцога, мешком свисала с юного воина, гораздо более бодрой походкой возвращавшегося от ручья. Сверток из красной ткани он бросил в угол и закидал землей с неожиданной яростью. Тем временем к воде отправились мужчины.

В первую очередь Корис умастил и натер свой шест со ржавыми крюками и лишь потом намазался сам и погрузился в воду, не выпуская Топора Волта из рук. Все выбрали себе более-менее подходящие одежды, Корис вновь облачился в вынесенную из Карса на собственных плечах кольчугу — никакая другая просто не подошла бы ему. Однако сверху он набросил один из кафтанов, этой предосторожности последовали и оба его спутника.

Когда они вернулись назад, Саймон вручил мешочек ведьме, она взвесила его на ладони, а потом вернула в первоначальное место.

— Вы — brave воины, а я — ваша пленница. Все-таки в шлемах и под капюшонами кровь Эсткарпа в вас менее заметна... Только у тебя, Вортигин, есть в лице что-то от Древней Расы. Но если я покажусь в своем собственном обличье, — я погублю всех. Лучше пока подождать расставаться с этой маской.

Такими они и уехали из укрытия: четверо мужчин в цветах герцога и сгорбленная старуха в седле позади Брианта. Лошади оказались свежими, но, избегая троп и дорог, они сдерживали коней, пока не достигли места, где Вортигин должен был повернуть к востоку.

— На север вдоль торговых дорог, — наклонившись из-за спины Брианта, сообщила свое мнение ведьма, — если мы успеем предупредить сокольников, они помогут беженцам на горных дорогах. Скажи, чтобы бросали все, брали только еду и оружие, все, что можно увезти во व्यюках. И пусть сопутствует Сила тебе, Вортигин, ведь те, кого ты отправишь в Эсткарп, кровью вольются в наши жилы.

Сняв с плеча перевязь рога, Корис вручил его отъезжающему:

— Это, быть может, послужит тебе пропуском, если случится по пути нарваться на отряды Ивьена. Счастье да будет с тобой, брат, ищи на севере гвардию. В наших арсеналах найдется щит, что будет тебе по плечу.

Вортигин отсалютовал и прищипорил лошадь.

— А теперь? — спросил Корис ведьму. — К сокольникам? Она фыркнула.

— Ты забываешь, капитан, — пусть я стара, морщиниста, все жизненные соки оставили меня, но все-таки я еще женщина и вход в твердыню людей-соколов мне воспрещен. Переправьте нас с Бриантом через границу и отправляйтесь к вашим птицеголовым женоненавистникам. И подымайте их на здоровье. Если граница вдруг ошетинится мечами, Ивьену придется призадуматься кое о чем. А если они беспрепятственно пропустят наших двоюродных братьев, то заслужат нашу вечную благодарность. Только, — она тронула кафтан на плечах Брианта, — советую вам подальше забросить одежды слуг господина,

которому вы не служите, если не желаете, чтобы вас пришили к какому-нибудь горному дереву, прежде чем вы успеете представиться...

На этот раз Саймон уже не удивился, увидев над головой следящего за ними сокола, и обращение к птице Кориса более не показалось ему странным. Корис назвался собственным именем и четко сказал, что ищут они в предгорьях. Саймон ехал последним, Корис впереди, а ведьма и Бриант — между ними. С Вортигином они расстались после полудня, день уже клонился к закату. За все это время пришлось им довольствоваться лишь найденной в седельных сумках едой.

Но теперь Корис подождал остальных. Заговорив, он часто оглядывался на дальние горы и, как показалось Саймону, даже подрастерял присущую ему обычно уверенность.

— Не нравится мне это. Передатчик птицы давно передал сообщение, и пограничная охрана должна быть уже неподалеку. Нас уже должны были встретить. Когда мы были в Гнезде, они были готовы помочь Эскарпу.

Саймон с сомнением оглядел склоны.

— Не люблю ездить по таким дорогам в темноте без проводника. Ты говоришь, капитан, что они нарушают собственные обычаи, — тем больше оснований у нас не вступать на их территорию. Надо бы стать лагерем в первом же удобном месте.

И тут в разговор вмешался Бриант, с поднятой головой не отрывавший глаз от кружившей сверху птицы.

— Не так он летает! — Бросив поводья, юнец свел руки и изобразил крылья птицы. — Настоящая птица делает так... и сокол тоже... Я столько раз их видел. Но этот... смотрите, — раз, раз, раз... Это неправильно!

Теперь все они смотрели на кружащую птицу. Для Саймона это был такой же крылатый черный часовой с белой грудью, как тот, что встретил их у пещеры Волта, как те, что видел он на насестах у сокольников. На всякий случай он признался, что ничего не понимает в птицах.

— Помани ее вниз, — попросил он Кориса.

Капитан сложил губы и просвистел чистый звучный призыв.

И в тот же самый момент самострел Саймона взметнулся вверх. Корис, вскрикнув, обернулся и ударил Саймона по руке, но выстрел был уже сделан. Они видели, как стрелка

ударила прямо в угол треугольника на груди птицы. Но полет ее не изменился, не было даже заметно, что стрелка попала в цель.

— Я же говорил, что это не птица! — крикнул Бриант. — Колдовство, да и только!

И все поглядели на ведьму, но внимание ее было отдано лишь птице, лениво кружившей над головой с торчавшей из груди стрелкой.

— Это не магия Сил, — ответ вырвался у нее словно против воли. — Я не знаю, что это. Но это не живое существо, в нем нет знакомой нам жизни.

— И тут Колдер! — Корис плюнул.

Она медленно качнула головой.

— Если они и к этому приложили руку, то по-другому. Эта птица — не как люди из Горма. Она совсем неживая. Я не знаю, что это.

— Надо бы сбить ее. Со стрелкой она летает пониже; быть может, мешает лишний вес, — сказал Саймон. — Дайте мне ваш плащ, — обратился он к ведьме, слезая с коня.

Получив от нее эту рваную ветошь, Саймон перебросил ее через плечо и стал карабкаться на каменную стенку, вдоль которой проходила тропа. Оставалось только надеяться, что птица так и будет кружить над ними и не улетит. С каждым кругом она уже заметно опускалась все ниже и ниже.

Чуть выставив плащ, Саймон ждал. Когда птица подлетела, он взмахнул перед ней этой импровизированной сетью, и она врезалась в плащ. Саймон повел руку назад, и птица нырнула вниз, а потом ударилась головой о скалу.

Спрыгнув, Трегарт кинулся к упавшему тельцу. Перья, конечно, похожи на настоящие, но под ними... Он присвистнул столь же громко и повелительно, как подзывавший недавно птицу Корис. Под порванной кожей и полумантными перьями виднелись непонятные детальки, колесики, проволоочки и какое-то странное подобие мотора. Взяв лжептицу обеими руками, он вернулся к лошадям.

— Ты уверен, что сокольники используют лишь живых соколов? — спросил он у капитана.

— Соколы — священные птицы. — Корис ткнул пальцем в принесенные Саймоном обломки и от изумления слегка побледнел. — Не думаю, чтобы они могли сделать нечто

подобное, ведь вся их сила заключена в птицах, и они не решатся на такое, чтобы кошунство не обратилось против их же самих.

— Но все-таки что-то или кто-то отправляет в небо над горами соколов, которые не могли никогда вылупиться из яйца.

Ведьма наклонилась пониже, следом за Корисом потрогала подделку пальцем. Потом поискала вопросительным, даже озадаченным взглядом Саймона.

— Иномирянин... — еле слышно шепнула она. — Такой магии мы не знаем, это не магия нашего мира. Чуждая, Саймон, совсем-совсем чуждая.

Бриант прервал ее, вскрикнув и показав на небо. Над ними мелькнул второй черный крылатый силуэт. Саймон вновь потянулся к самострелу, но мальчишка, перегнувшись из седла вниз, остановил его руку.

— Это настоящая птица!

Корис снова свистнул, птица повиновалась в красивом пике, свойственном ее породе, и уселась на вершине той же скалы, в которую врезалась недавно подделка.

— Корис Эскарпский, — представился капитан, — и пусть твой хозяин, крылатый брат, не мешкает по дороге, зло пришло в эти края, и как бы не вышло худшего! — Он махнул рукой, и птица немедленно взмыла вверх и направилась к горам.

Механическую птицу Саймон уложил в седельную сумку. В Гнезде его удивили переговорные устройства на истинных соколах. Тонкое совершенное устройство было немислимо в феодальном замке, высеченном в скале. А откуда взялись искусственное освещение и отопление в Эскарпе и в Сулкарфорте и тот самый источник энергии, взрывом которого Осберик уничтожил гавань? Остатки ли это древней высокой цивилизации, исчезнувшей, но оставившей кое-какие свои достижения? Или же это дар этому миру откуда-нибудь еще? Саймон не отрывал глаз от дороги, но мысли его бродили далеко от этих мест.

Корис говорил, что людям здесь предшествовала негуманная раса Волта. Может быть, это их наследие? А может быть, сокольники и мореходы Сулкарфорта завезли все откуда-то, скажем из-за моря? Ему хотелось повнимательнее разглядеть поддельного сокола, чтобы попытаться опре-

делить уровень разума, науки, создавшего искусственную птицу.

Сокольники словно бы выросли из-под земли на склоне. Не преграждая пути и не приветствуя, они поджидали приближения беженцев из Карса.

— Фальтьяр, страж Южных ворот, — узнал их проводителя Корис. Он снял с головы шлем, чтобы лицо его можно было разглядеть в сумерках. Я Корис Эсткарпский, еду с гвардейцем Саймоном.

— И с женщиной! — прозвучал холодный ответ, сокол на луке седла Фальтьяра взмахнул крыльями и крикнул.

— Госпожу из Дев Эсткарпа я должен проводить через горы, — возразил Корис столь же холодным и резким тоном, — и мы не просим укрытия. Есть вести, о которых должен знать Властелин Крылатых.

— Путь через горы открыт для вас, гвардейцы Эсткарпа. А новости вы расскажете мне, Властелин Крылатых узнает их еще до восхода луны. Но приветствуя, ты говорил о зле и о еще худшем, что может последовать. Я должен узнать обо всем немедленно, ведь в мои обязанности входит оборонять южные склоны. Карстен высылает войска?

— Карстен трижды объявил вне закона всю Древнюю Расу, и люди бегут, но есть и кое-что еще. Саймон, покажи поддельную птицу,

Саймон заколебался, ему не хотелось отдавать эту машину, не разобравшись в ней. Горец посмотрел на изломанную птицу, погладил ее крыло, тронул стеклянный глаз и, поворошив перья, наткнулся рукой на металл.

— И это летало? — спросил он наконец, словно не веря собственным глазам и пальцам.

— Летало не хуже ваших собственных птиц и шпионило за нами.

Фальтьяр ласково погладил большим пальцем голову собственной птицы, словно чтобы убедиться в том, что она настоящая.

— Действительно, это великое зло. Вы должны сами рассказать обо всем Властелину Крылатых. — Требования вековых традиций и сознание необходимости явно разрывали его... — Если бы с вами не было женщины... госпожи, — с трудом поправился он, — ей же нельзя переступать порог Гнезда.

Ведьма заговорила.

— Оставьте меня здесь с Бриантом, а вы с капитаном езжайте в Гнездо. Но я говорю тебе, птицеголовый, настают дни, когда всем придется отказаться от старых обычаев, и нам в Эсткарпе и вам в горах. Лучше жить и биться с врагом, чем погибнуть из-за предрассудков! Начинается исход, невиданный всеми нами. И все люди доброй воли должны стать рядом.

Он и не глядел на нее и не отвечал, только повел рукой в каком-то подобии приветствия, по всему было видно, что слова ее попали в цель. А потом, когда его сокол с криком взлетел в воздух, Фалтьяр сказал Корису:

— Езжайте спокойно, мы приглядим за ними, лагерь будет в безопасности.

IV. ГОРМСКИЕ СОБЫТИЯ

1. Исход

Тонкий столб дыма поднимался в воздух, время от времени в него врывались густые клубы, когда огонь добирался до чего-нибудь легко горящего. Саймон уздечкой остановил коня на подъеме, чтобы оглянуться на место очередного разгрома, учиненного карстенцам его небольшим, быстрым и решительным отрядом. Долго ли еще счастье будет обращаться к ним лицом, сказать было трудно. Но пока оно еще не оставляло их, и отряд вновь и вновь мчался вперед по равнинам, чтобы прикрыть исход угрюмых темноволосых людей, пробиравшихся к границе... То были и семьи, и вооруженные отряды со всем необходимым, попадались и одиночки, шатавшиеся от ран и усталости. Люди Древней Расы — те, кто уцелел, — уходили через открытую сокольниками границу в Эсткарп.

Мужчины, не связанные семьями и кланами, если у них были основания встречать карстенских рекрутов мечами, не торопились покидать горы, и маленький отряд, возглавляемый Саймоном и Корисом, все рос и рос. А потом его командиром стал Саймон — капитана гвардейцев вызвали на север, в Эсткарп, к своему полку.

Шла партизанская война, а ее Саймон изучал на другой земле, в другие времена, но действия отряда были удачными вдвойне: его войны знали свою землю, а те, кто противостоял им, — нет. И Трегарт понял, что следующие за ним неразговорчивые спокойные люди были странно сродни и самой земле, и ее зверям и птицам. Животные Карса не служили им, как прирученные птицы сокольникам, но временами случались странные совпадения: то стадо оленей затопчет следы всадников Саймона, то вороны предупредят о засевших в засаде карстенцах. И он слушал своих сержантов, верил им и советовался перед каждым боем.

Древняя Раса не любила войны, но с мечом и самострелом управлялась прекрасно. Этот народ не ранил врагов, обрекая

на долгую смерть, — они убивали сразу, не склонные к жестокости, хотя время от времени им случалось наткнуться на останки тех, кого вырезали воины герцога.

Однажды, отъезжая от такого страшного места, побледневший, предельным усилием воли сдержав тошноту, Саймон был потрясен словами сурового парня, что был у него лейтенантом в этой вылазке:

— Они делают это не своей волей.

— Где бы ни приходилось мне наткнуться на подобные места, — возразил Саймон, — так обходились с людьми именно люди.

Бросив свою землю во внутренней части герцогства, лейтенант тридцать дней назад вырвался из Карстена, сохранив только жизнь. Он покачал головой:

— Ивьен — солдат, наемник. Война — его ремесло. Убивать так — значит сеять семена черной ненависти, что взойдут в будущем. А Ивьен — господин этой земли, он не станет рушить свои владения. Зачем ему брать на себя такое.

— Но мы видели подобное уже не однажды. Одна банда головорезов или даже две не смогли бы натворить всего этого.

— Верно. Поэтому я думаю, что мы бьемся теперь с одержимыми.

Одержимые! Саймону припомнилось значение этого старинного слова в его собственном мире — одержимые демонами. Впрочем, в это нетрудно было поверить, вспоминая все, что приходилось им видеть. Одержимые демонами... или же... Невольно вспомнилась дорога к Сулкарфорту. Одержимые демонами... или лишенные души! Вновь Колдер?

И с того времени, несмотря на глубокое отвращение, Саймон старался запомнить все, что случалось увидеть в подобных местах... впрочем, поймать творивших это за гнусным делом не удавалось. Ему хотелось бы посоветоваться с ведьмой, но она уехала на север с Бриантом в первом потоке беженцев.

Он потребовал информации от других летучих отрядов. И ночами то в одном, то в другом временном приюте пытался сложить головоломку воедино. Конкретных свидетельств не хватало. Но Саймон все же уверился, что кое-кто из карстенских командиров действовал не по-людски, что в армию герцога просочились чужаки.

Чужаки! Он так и не мог понять, откуда взялась в этом мире сложная техника. Беженцы дружно твердили, что стран-

ные устройства они получили из-за моря; столетия прошли с тех пор, как привезли их из-за морей сулкар, а Древняя Раса приспособила для отопления и освещения... Из-за моря получили и соколыники изумительные передатчики для своих соколов. Но и место, откуда пошла вся колдерская мерзость, тоже было за морем.

Обо всем, что сумел разузнать, он известил Эсткарп и попросил своего посланца вернуться с ответом от ведьм. И мог быть уверен теперь: пока в его отряде люди Древней Расы, чужакам в их ряды не проникнуть. Они были в родстве со своей землей и насквозь видели тех, что были им чужды.

В горах заметили еще трех поддельных соколов. Все они разбились о землю, и Саймон мог покопаться в обломках. Кто, откуда и зачем подсылал их сюда, так и осталось загадкой.

Ингвалд, его карстенский лейтенант, поглядев на оставленные за спиной следы разрушений, присоединился к нему.

— Основная группа с добычей уже на холме, капитан. В этот раз мы кое-что нашли и подожгли, чтобы замести следы, теперь они не догадаются, что и сколько попало к нам в руки! Есть и еда и четыре ящика со стрелками.

— Для летучего отряда слишком много, — Саймон, хмурясь, вернулся к насущным делам. — Похоже, что Иввен хочет устроить базу в этих местах и снабжать отсюда свои отряды. Быть может, он собирается двинуть к границе крупные силы.

— Не понимаю, — медленно сказал Ингвалд. — Почему все это так внезапно свалилось на нас. Конечно, с береговым народом мы не родня... в конце концов это они загнали нас вглубь. Но десять поколений мы прожили бок о бок в мире, каждый занимался своим собственным делом и не лез к другому. Мы — старый народ, не склонный к войнам, и не давали им причин к нападению. Но сейчас, когда беда уже разразилась, ясно, что ее долго готовили.

— Конечно, готовили, но не Иввен, — Саймон перевел коня на рысь. Конь Ингвалда взял тот же шаг, они теперь ехали бок о бок. — Мне нужен «язык», Ингвалд, один из тех, что оставляют за собой жуткие следы, вроде того, у развилки дорог...

В глубине глянувших на него темных глаз блеснул огонек:

— Если такой попадется, я доставлю его к тебе, капитан.

— Только живого, и чтобы еще говорил! — предостерег Саймон.

— И живого и разговаривать будет, — согласился офицер. — Нам тоже приходило в голову, что стоит порасспросить кого-нибудь из этих. Только попадают не они, не те, кто повинен в этом. И я думаю, что делается это специально — для острастки.

— Непонятно еще и вот что, — Саймон снова размышлял вслух о насущной задаче. — Похоже, некто решил припугнуть нас жестокостью. И этот некто или, может быть, нечто не в силах понять, что таким образом можно добиться совершенно обратного, или... — и после минутной паузы он добавил: — не делают ли это, чтобы возбудить в нас ярость против Карстена и Ивьена, чтобы вся граница запылала, чтобы впутать сюда и Эсткарп, а потом ударить в другом месте?

— Быть может, верно и то и другое, — согласился Ингвалд. — Я знаю, капитан, ты ищешь чужаков в отрядах Карстена. Я слышал, что случилось в Сулкарфорте, слышал и о продаже людей в Горм. В своем отряде мы можем чувствовать себя в безопасности: никто не проникнет в наши ряды незамеченным... Мы знаем это и то, что ты не из нашего мира.

Саймон, вздрогнув, оглянулся, но Ингвалд невозмутимо улыбался ему.

— Да, иномирянин, сперва о тебе говорили... Потом мы узнали, что ты не из наших, но странным образом сродни нам. Нет, колдериту не легко проникнуть в наши ряды. И к сокольникам им не стоит даже соваться... Соколы не пропустят.

Саймон заинтересовался:

— Как так?

— Нелюдей птицы и звери распознают, пожалуй, даже быстрее, чем обладательницы Силы. А против подобных одержимых из Горма восстанут и птицы и звери. Так что соколы Гнезда служат своим хозяевам двойную службу и охраняют горы.

Но еще прежде, чем день начал клониться к вечеру, Саймон смог убедиться, что хваленая безопасность гор не прочнее птичьего крыла. Они как раз разбирались в том, что отбили у каравана, Саймон откладывал в сторону нужное для Гнезда, как вдруг раздался оклик часового, которому ответил сокольник. Обрадованный возможностью использовать его в качестве посыльного и не гонять никого из своих людей, Саймон поспешил навстречу.

Всадник вел себя необычно. Забрало птицеголового шлема оставалось опущенным, словно в бою. Но не только это насторожило Саймона. Его люди, подобравшись, окружили пришельца, и Саймон тоже ощутил в них подобное подозрение, переходящее в уверенность.

Не думая более, он бросился на молчаливого всадника и ухватился за его оружейный пояс. Сокол на высоком насесте даже не шевельнулся. Это было странно. Бросок Саймона застал сокольника врасплох. Он не успел потянуться к оружию, однако моментально отреагировал — навалился всем весом на Саймона, повалил его на землю и вцепился ему в горло обеими руками в кольчужных перчатках.

И мускулы и тело у него были словно из железа, из стали... Через несколько секунд Саймон понял, что решился на невероятное: с тем, что скрывалось под личиной сокольника, невозможно было справиться голыми руками. Но ему помогли — руки друзей оторвали от него осатаневшего бойца и пригвоздили к земле.

Потирая исцарапанное горло, Саймон встал на колени.

— Снимите шлем! — еле выдохнул он, и Ингвалд взялся за пряжки и наконец стащил с него шлем.

Все обступили державших поверженного, он все еще отчаянно сопротивлялся. Сокольники — кровная родня друг другу, в основном они рыжеволосы, и глаза у них желтовато-коричневого цвета, словно у их пернатых слуг. Внешне этот человек был похож на них, но никто, в том числе и Саймон, не сомневался, что перед ними не истинный житель этой горной страны.

— Свяжите понадежнее! — приказал Саймон. — Думаю, Ингвалд, нам наконец попался один из тех, кого мы долго искали. — Он подошел к лошади, на спине которой прибыл в лагерь этот лже-сокольник. На шкуре животного поблескивал пот, пена выступила возле удила — быть может, он просто загнал ее. Белки одичалых глаз поблескивали. Но когда Саймон потянулся за уздечкой, лошадь не попыталась вырваться, просто стояла, опустив голову, по пропотевшей шкуре ее волнами пробегала крупная дрожь.

Сокол сидел спокойно и крыльями не бил, и не шипел, отгоняя Саймона. Тот потянулся, схватил птицу с насеста и сразу же понял, что существо в его руках не было живым.

Не выпуская птицу из рук, он обернулся к своему лейтенанту:

— Ингвалд, пошли Латора и Карна в Гнездо, — он выбрал

двух лучших разведчиков, — надо узнать, как далеко зашла ржа. Если там все в порядке, пусть предупредят их, а в качестве доказательства возьмут шлем нашего пленника. Похоже, шлем делали сами сокольники, но, — он нагнулся над связанным, молчаливо взиравшим на него полными нечеловеческой ненависти глазами, — я не верю, что этот из их числа.

— Почему бы не прихватить с собой и его, — спросил Карн, — или птицу?

— Запертую дверь надо взломать, чтобы войти. Этим типом прежде следует заняться самим.

— У водопада есть пещера, капитан, — заговорил Уолдис, юноша из домочадцев Ингвалда, сопровождавший своего господина в горы, — около входа можно поставить часового, о ней никто и не догадается.

— Хорошо, отведешь его туда, Ингвалд.

— А ты, капитан?

— Я хочу проследить, откуда он ехал. Может быть, из Гнезда... И чем скорее мы узнаем правду, тем лучше.

— Едва ли он из Гнезда, капитан. Если же он все-таки оттуда, то вряд ли ехал прямой дорогой. Теперь мы на запад от горного замка. А этот ехал по тропе от моря. Санту, — обратился он к одному из воинов, помогавших вязать пленника, — съезди туда, смени и пришли сюда Калуфа, он первым увидел лже-сокольника.

Саймон закинул седло на своего коня, добавил мешок с провизией, а сверху уложил в него поддельного сокола. Был ли он из числа этих летучих аппаратов, почти не отличимых от сокола, пока он еще не был уверен, но по крайней мере механическая птица была цела. Он заканчивал укладку, когда прибежал Калуф.

— Ты уверен, что он ехал с запада? — требовательно спросил Саймон.

— Я могу поклясться в этом на камне Энгиса, капитан. Люди-соколы не испытывают особой приязни к морю, хотя и служат иногда матросами у торговцев. Я не знал, что они патрулируют береговые утесы. Он проехал прямо между тех иззубренных скал, что торчат на пути к бухте, которую мы нанесли на карту пять дней назад, и двигался он уверенно, явно зная местность.

Саймон был более чем обеспокоен. Недавно обнаруженная бухта была для них лучиком надежды, через нее можно было установить надлежащую связь с севером. Подходы к ней не

были усеяны отмелями и каменными рифами, как обычно на побережье, и Саймон хотел устроить там гавань для легких суденышек, чтобы облегчить дорогу беженцам и снабжение приграничных отрядов. И если о бухте знали враги, в этом следовало удостовериться немедленно.

Покинув поляну с Калуфом и еще одним воином, Саймон снова задумался, мысли его двоились. Он следил за окрестностями, не пропуская ничего, что могло бы пригодиться немедленно для защиты и нападения, однако глубже, под этим поверхностным слоем, за мыслями о безопасности, еде, укрытии — словом, в глубине, за сиюминутным — скрывались иные глубокие думы.

Когда-то в тюрьме у него было время исследовать глубины в себе самом. И дорогу он выбрал тогда суровую, заморозившую его душу, что, впрочем, до сих пор его не беспокоило. Жизнь в бараках, воинская дружба — все это было лишь броней, скорлупой, не пропускавшей ничего вглубь.

Ему был знаком страх. Это чувство быстротечное, побуждавшее к действию. В Карс его привело что-то другое, но он справился с собой. Тогда, входя в ворота Петрониуса, он надеялся, что обретет себя, вновь станет цельным человеком. Пока это было не так. Ингвалд говорил о том, что демоны могут владеть человеком, только как быть, если человек сам не владеет собой?

Он был всегда в стороне, наблюдая за жизнью других. Чужак... Его люди прекрасно знали об этом. Быть может, и он сам просто один из разбросанных по этому миру осколков головоломки, куски которой не сходятся... Откуда здесь взяться машинам? Что есть Колдер? Ему казалось, он на пороге открытия, важного не для него одного, для всех, чье дело он здесь защищает.

А потом сторонний наблюдатель, его второе пытливое «я» сразу исчезло, уступив место капитану летучего отряда, — Саймон заметил дерево, искривленное горными ветрами. На безлистной ветви его, черневшей в вечернем небе, раскачивался мрачный груз.

Он прищипорил коня и остановился у дерева, разглядывая три маленьких тела, раскрытые клювы, остекленевшие глаза, когтистые лапы с алыми путами и крошечными серебряными дисками. Три сокола висели на ветке, ожидая очередного путника на этой тропе.

— Зачем это? — спросил Калуф.

— Предупреждение или еще что-нибудь. — Спешившись,

Саймон перебросил поводья спутнику. — Подождите здесь. Если я через некоторое время не вернусь, возвратитесь к Ингвалду и доложите. Меня не разыскивайте, мы не можем позволить себе терять людей безо всякой пользы.

Оба запротестовали, но Саймон резко приказал им оставаться и углубился в кусты. Там явно кто-то успел побывать, ветви были изломаны, на мху остались следы сапог, валялся обрывок соколиных пут. Он приближался к берегу, до него уже доносился шум прибоя, вне сомнения, из той самой бухты.

Саймон дважды проезжал по этой тропе и мог припомнить окрестность. К несчастью, в небольшом овражке, где он сейчас находился, нигде было укрыться. С обеих сторон торчали столь же плешивые утесы. Придется забираться на один из них, пусть дорога станет дольше и труднее. Он полез вверх.

Словно тогда в пещеру Волта поднимался он теперь: углубление, выступ — рука, нога. Наконец на животе он подполз к краю скалы и заглянул вниз.

Саймон был готов увидеть все, что угодно: чистый песок без каких-либо людских следов, отряд из Карстена, парусный корабль на якоре. Но увидел он нечто совершенно иное, заставившее его вспомнить об иллюзиях Эсткарпа: стальной корабль вынырнул словно из тайников собственной памяти. Но внимательно приглядевшись к резким строгим обводам, он понял, что корабль отличается от кораблей его мира, как поддельный сокол от реального.

Судно явно было морским, хотя ни мачты, ни надстроек, даже каких-то признаков двигателя не было видно. Сверху корабль казался похожим на торпеду с двумя острыми концами. В плоской верхней палубе было отверстие, возле которого стояли трое мужчин. В отблесках света от серебристой палубы заметно было, что их головы покрыты птицеобразными шлемами сокольников, конечно, истинных птице-людей среди них не было.

И снова вечная загадка этой земли: торговые корабли в Сулкарфорте были обычными парусниками дотехнической цивилизации, этот же корабль мог явиться из будущего, из его же собственного мира. Как могут бок о бок сосуществовать цивилизации столь различного уровня? И за это несет ответственность Колдер? Чужак, пусть чужак, но он был где-то на самом пороге... догадаться... пенять...

И в тот самый миг бдительность оставила его. Только

прочный шлем карстенской работы спас ему жизнь. Удар из ниоткуда потряс Саймона. Пахло мокрыми перьями, чем-то еще... полуослепленный, почти потеряв сознание, он попробовал встать и получил новый удар. На этот раз он заметил, как в море исчезает крылатый силуэт. Сокол, но истинный или ложный? Размышления его прервало поглотившее сознание черное облако.

2. Дань Горму

Пульсирующая боль барабанным боем наполняла череп, отдаваясь в теле. Сперва у Саймона, неуверенно обретавшего свои чувства, хватило сил лишь на то, чтобы вынести ее. Тут он понял, что барабанная боль сотрясает его не только изнутри, но и снаружи. Его ложе ритмично подрагивало, словно он был внутри гигантского там-тама.

Он открыл глаза — вокруг было темно, попробовал шевельнуться — руки и лодыжки оказались связанными.

В общем, словно в гробу, — чувство бессилия было столь велико, что он едва не закричал. Поглощенный собственным поединком с неизвестным, он лишь через несколько минут понял, что это несчастье постигло не его одного.

Справа от него кто-то постанывал, левый сосед икал, а потом его вырвало, что добавило еще один запах к густому букету в помещении. Ободренный этими, впрочем, не слишком обнадеживающим звуками Саймон позвал:

— Кто здесь? Где мы... кто-нибудь знает?

Стены резко оборвались, икавший же, то ли не мог обуздать себя, то ли был без сознания.

— Кто ты? — раздался слабый шепот справа.

— Я с гор, а ты? Это какая-нибудь из карстенских тюрем?

— Хотелось бы оказаться там, горец. Случалось мне валяться в карстенских застенках, и в пыточной бывал. Но лучше быть там, чем здесь.

Саймон лихорадочно перебирал в памяти события. Он был на вершине утеса, следил оттуда за бухтой. В ней стояло странное судно... Потом атака птицы, которая, безусловно, не была птицей. Все это делало возможным единственный ответ — он теперь в трюме этого неизвестного корабля.

— Значит, мы в руках скупщиков людей из Горма? — спросил он.

— Именно, горец. Тебя не было с нами, когда дьяволы из

свиты Ивьена отдали нас колдеритам. Ты не из сокольников, которых грузили позже?

— Сокольники! Хоу, мужи племени Крылатых! — Саймон повысил голос, и он гулким эхом отозвался от невидимых стен. — Сколько вас здесь? Я из летучего отряда. Сколько вас?

— Трое, и Фалтъяра сюда принесли, но он уже окоченел, словно в смерти — не знаем, жив ли он еще.

— Фалтъяр! Страж Южных проходов! Как же он попал в плен... и вы тоже?

— Мы услышали о бухте, где могут приставать к берегу корабли, а вестник из Эсткарпа просил нас подыскать такое место, чтобы посылать припасы морем. Поэтому Властелин Крылатых приказал нам разведать эту бухту. И по дороге нас оглушили соколы, не наши, которые бьются за нас, а потом мы очутились на берегу, без брони, без оружия, потом нас погрузили на этот корабль — таких судов я еще не видел. Это говорю я, Тандис, пять лет прослуживший у корабельщиков-сулкаров. Много портов повидал я, а кораблей — больше, чем можно насчитать за неделю, но подобного этому не встречал.

— Колдовством Колдера рожден этот корабль, — прошептал слабый голос справа от Саймона. — Когда их привели, откуда человеку знать время в такой темноте. День это или ночь, сегодня или завтра? Я попал в тюрьму Карса за то, что укрыл людей Древней Расы — женщину с ребенком, — когда их всех объявили вне закона. Потом всех молодых забрали из тюрьмы и отвезли в дельту на остров. Там нас обследовали...

— Кто? — нетерпеливо перебил Саймон. Этот человек, должно быть, видел одного из таинственных колдеритов, от него можно было хоть что-то узнать.

— Я не помню! — шепот соседа теперь был только слабым отзвуком настоящего голоса, и Саймон перегнулся в своих путах как можно дальше, чтобы хоть что-то расслышать. — У них есть какая-то магия, она раскручивает твою голову так, что из нее выплескиваются все мысли. Говорят, они — демоны великого холода из-за края земли, и я в это верю!

— А ты, сокольник, не видел тех, кто пленил вас?

— Видел, только пользы в том немного. Нас захватили люди из Карстена, не люди — огрызки: ни ума, ни речи, ничего — только железные руки и плечи. И на этих огрызках была уже вся наша сбруя, конечно, чтобы задурить головы нашим друзьям.

— Одного-то такого мы перехватили сами, — сообщил ему Саймон, — и быть может, человек-сокол, с него начнут разматывать этот клубок? — Он сказал и подумал, а нет ли в этих стенах ушей, что могут подслушать речи бессильных пленников. Но будь и так, эта весть могла разве что слегка смутить похитителей.

Внутри плавучей тюрьмы-трюма оказалось десять карстенцев, все были взяты из застенков и все за оскорбление или иное преступление против герцога. К ним следовало прибавить троих сокольников, захваченных в бухте. В основном пленники были без сознания или валялись в полубреду. У тех, кто мог припомнить хоть что-то, все воспоминания оканчивались доставкой на остров близ Карса или в бухту на берегу.

Саймон, впрочем, продолжал расспросы и выяснил общую черту, мало-помалу выявившуюся из предъявленных в Карсе к узникам обвинений и характера собратьев по несчастью. Все это были люди энергичные, с некоторой военной подготовкой. Так, первый его собеседник, мелкий землевладелец из Карса, командовал подразделением местной милиции, а что касается сокольников, то это были братья монашеского воинского ордена, их основным занятием была война. Разница возрастов укладывалась лет в пятнадцать — от неполных двадцати до тех, кому перевалило за тридцать. Несмотря на грубое обхождение в темницах герцога, увечных здесь не было. Двое принадлежали к мелкому дворянству и учились. Они-то и были самыми младшими — обоих братьев люди Ивьена взяли за помощь юноше из древнего народа, целиком объявленного вне закона.

Из тех, кто был здесь, к Древней Расе не принадлежал никто, и все они дружно свидетельствовали, что во всех частях герцогства даже детей и женщин Древней Расы предавали смерти на месте.

И наконец один из молодых дворян, тронутый вниманием Саймона ко все еще недвижному брату, дал иномирянину задачку для размышлений.

— Стражник, избивший Гарнита, — да будут его вечно грызть за это Крысы Нора, — не велел нам приводить Ренстона. Мы были с ним побратимы с того дня, как надели мечи, а потому отнесли ему пищу и оружие, чтобы он попытался спастись бегством к границе. Но нас выследили и взяли, хотя троих мы положили бездыханными на месте с дырами в воющих шкурах. И когда один из герцогских

подонков хотел связать и Ренстона, ему сказали, что это бесполезно, за Древнюю Расу не платят — скупщики не берут их.

— Тогда эта скотина завизжала, что Ренстон молод и силен и его следует попытаться продать, а начальник сказал ему, что старый народ ломается, но не гнется, а потом зарубил Ренстона его же собственным мечом.

— Ломается, но не гнется, — задумчиво повторил Саймон.

— Когда-то это был единый народ с ведьмами Эсткарпа, — добавил дворянин, — быть может, дьяволам из Горма они не по вкусу.

— Вот еще что, — полушепотом выговорил мужчина, что лежал возле Саймона, — почему Ивьен так набросился на Древнюю Расу? Они оставили нас в покое, и мы к ним не лезли. А те из нас, кто знал их всегда, говорили, что ничего дурного в них нет, несмотря на странные обычаи и познания. Может, Ивьен делал это по приказу? А если так, то кто приказывает ему и почему? Не могло ли быть так, братья, что само их присутствие среди нас надежным щитом ограждало нас от козней Горма и всего зла, что кроется там. А теперь, когда их изгнали, придет Горм?

Глубокая мысль, и не противоречит догадкам Саймона. Он продолжал бы расспросы и далее, но за стонами и жалобами полуживых расслышал непонятное шипение. Густая вонь в камере могла возмутить любой желудок, и за ней он сразу не распознал неожиданную опасность — в небольшую металлическую коробку камеры потек газ.

Люди задыхались, кашляли, жадно втягивали воздух и вдруг обмякнув прекращали борьбу. Отчаянные усилия Саймона поддерживала только одна мысль: зачем неизвестным врагам запикивать четырнадцать человек в этот трюм лишь за тем, чтобы отравить насмерть. И потому один во всей компании несчастных Саймон не сопротивлялся газу — дышал потихоньку, смутно припоминая кресло дантистов в своем родном мире.

— ...бур... бур... бур... — слова — и не слова, просто какие-то путанные звуки, издаваемые высоким голосом... но почему-то звучавшие повелительно. Саймон и не думал шевелиться. Сознание вернулось к нему, но врожденный инстинкт самосохранения удерживал на месте.

— ...бур... бур... бур...

Голова тупо болела. Он знал, что теперь находится уже не на корабле. Ложе его больше не подрагивало, а двигалось. Одежды на нем не было вовсе, он уже начинал замерзать.

Говоривший удалялся, бормотание тоже. Но тон столь явно был приказом, что Саймон не шевельнулся, чтобы не выдать себя какому-нибудь молчаливому подчиненному.

Он специально дважды досчитал до ста, но не услышал ни звука.

Потом осмелился приоткрыть глаза и тут же зажмурился — в них ударил ослепительный свет. Понемногу зрение стало возвращаться к нему, пусть обзор и был ограниченным. Представшее глазам потрясло его не меньше, чем сам странный корабль.

Знакомство его с земными лабораториями было поверхностным, но такой набор трубок, бутылей, реторт на полках мог существовать лишь в заведениях подобного рода.

Он был здесь один? И зачем его доставили сюда? Понемногу, дюйм за дюймом, оглядывал он помещение. Лежал он явно выше уровня пола... на чем-то твердом... должно быть, на столе?

Он стал медленно поворачивать голову, необходима была крайняя осторожность. Теперь он видел кусок стены. Вертикальная линия в конце поля зрения могла означать дверь.

Это с одной стороны комнаты. А с другой. Еще раз повернув голову, он обнаружил новые чудеса. На столах лежало еще пять тел, столь же нагих, как и он сам. Все пятеро были мертвы или без сознания. Ему показалось, что справедливо последнее.

Но был там и еще кое-кто. Спinoй к Саймону стояла худая высокая фигура, существо это склонилось над первым в ряду лежащих. Тело его или ее, а может, это было оно, прикрывало серое одеяние, перетянутое на груди. На голове была шапочка из такого же материала. Со спины Саймону невозможно было даже представить лицо этого спокойно работавшего существа.

Над первым лежавшим нависала передвижная полка, от нее тянулись трубки, выходящие из разных сосудов. На концах трубок торчали иглы, теперь воткнутые в вены, на бессильной голове покоилась круглая металлическая шапочка. И со внезапно пронзившим тело ужасом Саймон понял, что присутствует при смерти этого человека, не телесной смерти, а такой, что сделает из него существо, подобное тем, что нападали на дороге в Сулкарфорт, которых он убивал в стенах крепости.

Решив не допустить, чтобы с ним самим произошло

подобное, Саймон слегка пошевелил рукой и ногой, стопой и кистью, медленно и незаметно, надеясь лишь на то, что последнего в ряду не заметят. Он окоченел, но тело все-таки повиновалось ему.

Лаборант в сером закончил возиться с первым из лежавших и перешел ко второму. Саймон сел. Секунду-другую голова его кружилась, и он ухватился за стол, чтобы не упал, молитвенно благодарный, что тот не выдал его скрипом при этом движении.

Сложная работа явно поглощала все внимание существа. Почувствовав, что стол может накрениться под ним, Саймон спустил ноги, осмелившись вздохнуть лишь тогда, когда твердо встал на холодный гладкий пол.

Он поглядел на ближайшего соседа, надеясь, что он тоже может встать, но мальчик — он был юн — бессильно лежал с закрытыми глазами, лишь необычно медленно вздымалась и опадала его грудная клетка.

Саймон шагнул от стола к стеллажу. Только там могло оказаться что-нибудь, чем можно воспользоваться в качестве оружия. Бежать из этой комнаты, пока он еще не сообразил что к чему, даже если он сумеет добраться до двери, было рискованно. А еще — он был не в силах забыть, что подобное бегство будет стоить жизни пятерым... и если бы только жизни.

Он выбрал оружие — бутыль, до половины наполненную чем-то желтым. Она была похожа на стеклянную, но оказалась тяжелее. Тонкое горлышко над пузатым туловом служило хорошей рукоятью, и Саймон неслышно двинулся вперед, к столу, где работало это существо.

Босые ноги бесшумно ступали по гладкому полу, и, наконец, он оказался за спиной ничего не подозревавшего работника. Саймон яростно взметнул бутыль и обрушил ее на затылок в серой шапочке.

Существо беззвучно повалилось вперед, потянув за собой металлическую шапочку с проводниками, которую колдерит как раз собирался одеть на голову беспомощной жертвы. Саймон успел сзади схватить упавшего за горло, но потом заметил, что вмятина на затылке уже наполняется темной кровью. Он сбросил тело вперед головой и повернул на спину, желая рассмотреть первого несомненного колдерита, попавшего к нему в руки.

Правда оказалась много проще того, что накручивало его воображение. Это был человек... По крайней мере ничего

неожиданного в лице его для Саймона не было. Плоское лицо, широкие скулы, нос почти без переносицы — подбородок был скошен и слишком мал для такого лба. Но на глаз в нем не было ничего чуждого человеку, ничего демонического, что бы там ни таилось под куполом черепа.

Саймон отыскал застежки на сером одеянии и стянул его с лежавшего. Прикасаться к серой шапке и ее содержимому было неприятно, но он заставил себя взять и ее. В другом конце комнаты в водостоке текла вода, он бросил в него головной убор, чтобы отмыть кровь. Под верхним одеянием на человеке был облегающий костюм без застежек — по крайней мере Саймон не смог их найти, а потому был вынужден обойтись только верхней одеждой.

Для тех двоих, кого этот лаборант уже подсоединил к стеллажам с приборами, Саймон уже ничего не мог сделать — аппаратура была слишком сложна для него. По одному он обошел лежавших, попытался их поднять и понял, что это невозможно. Они казались глубоко одурманенными, и теперь он еще менее понимал, почему ему удалось избежать общей с ними судьбы, если и они попали сюда с того же корабля.

Разочарованный Саймон отправился к двери. Она была закрыта, ни ручки, ни замка; методом проб и ошибок он убедился, что она сдвигается в стену направо. Выглянув из двери, он увидел перед собой коридор. Стены, потолок и пол его были покрыты тем же монотонным серым материалом. В коридоре никого не было. Поблизости виднелись несколько дверей, он устремился к ближайшей.

Едва приоткрыв ее с той же осторожностью, с какой, придя в себя, делал первые движения, он увидел перед собой целый склад людей, которых колдериты доставили на Горм, если это был и в самом деле Горм. Рядами было разложено около двадцати тел, некоторые еще были одетыми. Никто не подавал признаков сознания, хотя Саймон поспешно оглядел всех. Можно было надеяться спасти тех, что в лаборатории. Рассчитывая на это, он перетащил троих в комнату, где лежали их товарищи по несчастью.

В последний раз оглядев лабораторию в поисках оружия, Саймон наткнулся на ящик с хирургическими ножами и выбрал самый длинный. Вспоров одежду на убитом, он раздел его догола и уложил на один из столов так, чтобы разбитый затылок не было видно от двери. Если бы он знал, как запирается дверь, то, конечно, покрепче запер бы ее.

Заткнув нож за пояс украденного балахона, Саймон отмыл

шапку и брезгливо натянул ее, мокрую, на голову. Вне сомнения, среди веществ, что находились в различных горшках, бутылках и трубах, таились сотни видов разнообразного смертоносного зелья. Но как их определить? Какое-то время придется положиться лишь на собственные кулаки и прихваченный нож.

Саймон вернулся в коридор, плотно закрыв за собою дверь.

Сколько же времени не хватятся убитого? Может быть, за его работой следили и вот-вот явятся с проверкой или же есть еще достаточный запас времени.

Две двери в коридоре не поддались его усилиям. Но там, где коридор оканчивался тупиком, дверь оказалась полуоткрытой, он скользнул внутрь и попал, должно быть, в жилую комнату.

Мебель была строгой, сугубо функциональной, но кресла и коробчатая кровать оказались удобнее, чем на первый взгляд. Рядом была парта или стол.

Его охватило изумление, разум никак не хотел признать, что и эта лаборатория, и Эсткарп, и Гнездо, и Карс с его кривыми улочками находятся на одной планете. Лаборатория была из будущего, все остальное — из прошлого.

Открыть отделение парты он не сумел, сверху на ней были какие-то углубления, в которые можно было вставить палец. Озадаченный, он сел.

В стенах здесь тоже были какие-то шкафчики с такими же замками, они тоже были закрыты. Упрямо выпятив челюсть, он уже подумывал использовать длинный нож-отмычку.

А потом обернулся и вдруг прислонился спиной к стене этой почти пустой комнаты, где не было ничего, кроме грубой мебели. Из самого воздуха, казалось, возник этот голос, говоривший на языке, понять который было невозможно, — он не понимал ни единого слова, но тон говорящего не оставлял сомнений в том, что от него ждут ответа.

3. Серое капище

Значит, за ним следили? Либо просто подслушивали через какую-то систему всеобщего оповещения. Зная, что в комнате он один, Саймон вслушивался в звуки речи, не понимая ни слова, стараясь по интонации угадать смысл. Сообщение

повторилось. Саймон был уверен, что узнал несколько звуков. Не означало ли это, что его засекли?

И как скоро говорящий выйдет сюда разведку, может быть, немедленно, раз ответа не последовало? Ясно, после такого предупреждения следует скрыться, но куда? Саймон вновь вышел в коридор.

Раз в этом торце двери нет, быть может, следует поискать выход в другой стороне коридора, минуя прочие двери. Но и там была все та же ровная серая поверхность. Вдруг словно решив, что перед ним одно из наваждений Эсткарпа, Саймон провел рукой по стене — никаких отверстий, или же они были кем-то заделаны с непостижимым для глаза искусством, и теперь его уверенность в том, что колдериты, кем или чем бы они ни оказались, совершенно иные, чем ведьмы Эсткарпа, только окрепла. Их жизнь основана на владении внешним, а не на внутренней Силе, как у ведьм.

Многое из техники его собственного мира люди Эсткарпа сочли бы за колдовство. А потому из всех гвардейцев этой страны лишь Саймон мог осмыслить и в какой-то мере понять, что кроется в Горме, лишь он был готов к встрече с творцами машин — ему труднее было примириться с появлением флота из щепочек.

Он обошел весь коридор, оступив его стены, — ничто не указывало на выход. Но, возможно, дверь на лестницу найдется в одной из комнат? Удача и так уже слишком баловала его.

Снова над головой прозвенела команда на странном языке, в голосе чувствовалось явное раздражение. Ощувив опасность, Саймон замер на месте, почти ожидая, что его вдруг поглотит какая-нибудь ловушка или с потолка обрушится ловчая сеть. И тут он обнаружил выход, пусть и не там, где искал. На другой стороне коридора часть стенки поползла вбок, открывая за собой освещенное пространство. Вытащив из-за пояса нож, Саймон приготовился отразить атаку.

Но тишину вновь прервал лай бестелесного голоса — должно быть, хозяева не подозревали еще истинного положения дел. Или же, если его могли видеть в серой одежде, то решили, что он просто свихнулся; наверно, ему приказывали отозваться.

Решив, что лучше уж придерживаться выбранной роли до конца, Саймон приблизился к открывшейся двери, стараясь двигаться уверенней, не крадучись. Он едва не потерял голову от страха, когда дверь следом за ним затворилась и

он оказался в какой-то кабинке. Прикоснувшись к одной из стен, он почувствовал мелкую дрожь и понял, что находится в лифте, — это позволило несколько придти его в себя. Все более и более крепла в нем уверенность, что в Колдере цивилизация развивалась по тем же законам, что и в его собственном мире. И подниматься или опускаться на лифте — пусть за дверью тебя ждут враги — было для него куда привычнее, чем видеть, как утонув в дыму, за считанные секунды друг превратился в уродливого незнакомца.

Но пусть лифт — вещь привычная, Саймон не испытывал облегчения, его по-прежнему трясло. Пусть из рук колдеритов выходили нормальные вещи, даже сам воздух казался здесь чужим. И не просто чужим — ведь неизвестное не всегда опасно, — а враждебным и ему и всему людскому роду. Или нет, успел он решить за быстролетное путешествие навстречу судьбе, именно чуждым — не человеческим даже, а Девы Эсткарпа, пусть ведьмы, но люди, с какими бы силами они ни водились.

Шум в стене затих. Саймон отступил в сторону, не зная, где откроется дверь. Его уверенность в том, что дверь непременно откроется, немедленно подтвердилась.

На этот раз снаружи слышались звуки, смутный далекий говор. Он осторожно вышел в небольшой альков перед комнатой, и опять перед ним оказалось привычное место... Большая карта закрывала стену. Протяженная береговая линия была вдавлена, горы выступали над ней. Там и сям на карте поблескивали крошечные разноцветные огоньки. У побережья, возле исчезнувшей крепости сулкаров и в бухте Горма они были густо-фиолетовыми, на равнинах Эсткарпа — желтыми, в Карстене — зелеными, а Ализоне — красными.

Под картой во всю ее длину простирался стол, на котором с промежутками были расставлены машины, время от времени позвякивавшие или мигавшие сигнальными огоньками. И между каждыми двумя такими машинами, спиной к нему, поглощенные своей работой, сидели существа в серых облачениях и шапочках.

Чуть в стороне был второй стол, точнее большая доска, у которой находилось еще трое колдеритов. На голове сидевшего в центре была металлическая шапка, от которой расходилась паутина проводов и кабелей. Лицо его было бесстрастным, глаза закрыты. Но он не спал: время от времени быстрыми движениями пальцев он нажимал на

кнопки, двигал переключателями на панели перед собой. И за секунды, пока все еще оставалось спокойным, Саймон убедился, что явно находится на каком-то центральном посту управления.

Отрывистые как лай слова донеслись теперь до него не из воздуха, а от человека, сидевшего слева. Он глядел на Саймона, плоское лицо его с гипертрофированным лбом и скулами сперва выражало нетерпение, которое не сразу сменило удивление.

Саймон рванулся вперед. До конца стола добежать он не мог, но сидевшие у машин были в поле его досягаемости. Ребром ладони он обрушил на одного из сидевших могучий удар, способный сокрушить позвоночник, но только лишил свою жертву сознания. Прикрываясь обмякшим телом, как щитом, Саймон пытался к другой двери, надеясь выйти через нее.

К его удивлению, мужчина, заметивший его первым, не делал никаких попыток преградить ему дорогу. Он просто медленно и отдельно повторял на языке туземцев континента:

— Возвращайся в свое подразделение, возвращайся в свое подразделение...

Но Саймон бочком, по-крабьи продвигался к дверям, и сосед его пленника обратил к нему удивленное лицо, а потом перевел взгляд на своих коллег. Удивление на их лицах было не меньшим, их начальник недоуменно поднялся на ноги. Было ясно, что от Саймона они ждали только мгновенного и полного повиновения.

— Возвращайся в свое подразделение, немедленно.

Саймон раскохотался. Это вызвало потрясающую реакцию. Все колдериты, за исключением человека в шапке, не обращавшего внимания ни на что, повскакивали на ноги. Те, что находились у центрального стола, явно ожидали распоряжений от двоих в дальнем конце комнаты. И Саймон подумал, что если бы он орал в агонии, их реакция была бы гораздо более спокойной — такой реакции на свои приказы они не ожидали.

Тот, кто только что приказывал Саймону, уронил руку на плечо сидевшего с покрытой головой человека, легко встряхнул его, в движении чувствовалась явная тревога. Вырванный из своего непонятного забытья, человек в шапке открыл глаза и огляделся, сперва нетерпеливо, а потом и изумленно. Словно прицеливаясь, он глядел на Саймона.

А потом последовала не физическая атака, а скорее удар невидимой силы, непонятной для иномирянина природы. Удар, сокрушительная сила которого бездыханным вмяла Саймона в стену. Тело, которым он прикрывался, скользнуло на пол из внезапно отяжелевших рук, даже дыхание вырывалось из его груди с трудом, не само собой, но усилием воли и духа. Если он не шевельнется, то просто умрет под этой давящей рукой. Но опыт соприкосновений с Силой Эсткарпа обострил его ум. Он подумал, что оружие, которым его приковали к стене, порождено не телом, а разумом, и отбиваться можно только мыслью.

Такие силы в Эсткарпе он знал только вприглядку и никогда не учился владению ими. Но собрав всю силу воли, на которую только был способен, Саймон решил поднять руку... Она пошла вверх так медленно, что он уже было подумал, что проиграл.

Уперевшись теперь одной ладонью в стену, к которой приковывала его сила, Саймон поднял за ней другую, напряжением всех мышц и ума оторвался прочь и шагнул. Неужели на плоском лице под шапкой отразилось удивление?

То, что Саймон сделал потом, не было вызвано голосом рассудка. И не по своей воле пальцы его правой руки начертили в воздухе некий знак на уровне сердца, отделяющий его от обладателя чуждой силы.

Знак этот он видел трижды. И чертила его рука Девы Эсткарпа, очертания его тогда лишь вспыхивали.

Теперь знак горел, брызгая искрами и Саймон почувствовал, что может шевельнуться, давление на него ослабело. Он ринулся к двери в поисках спасения там, в неизвестном.

Он мог надеяться только мгновение...

Перед ним стояли вооруженные люди. Ошибки не могло быть: глаза их, едва он выскочил в коридор, сказали ему, что, лишь убив этих рабов Колдера, мог он обрести свободу.

Они приближались безмолвно, угрожало само их молчание. Саймон быстро принял решение и ринулся навстречу. Метнувшись вправо, он ударил в лодыжку ближайшего у стенки так, чтобы упав он прикрыв Саймона сзади.

Неожиданно помог гладкий пол, инерция удара унесла их обоих назад, за спины остальных. Глубоко войзив нож между ребер, Саймон почувствовал, как лезвие слабо полоснуло по его собственной коже. Кашляя кровью, охранник покатился по полу. Саймон вырвал самострел из-за пояса.

Он успел выстрелить вовремя, и предназначавшийся ему

меч вонзился в лежащее тело. Драгоценной секундой Саймон воспользовался, чтобы прицелиться в третьего и последнего из всех.

Добавив к своему вооружению еще два самострела, он отправился дальше. К счастью, дверь из этого зала не была потайной, он заканчивался каменной лестницей, которая вилась вверх меж каменных стен, резко контрастирующих с гладкими стенами виденных им комнат.

Босые ноги опускали под собой шероховатую поверхность камня. Поднявшись повыше, он попал в коридор, похожий на те, что были в замке Эсткарпа. Сколь бы конструкторивистской ни казалась сердцевина крепости, оболочка ее была сродни твердыням этой планеты.

Дважды Саймону приходилось прятаться, когда отряды переделанных колдеритами местных жителей проходили мимо него. Их шаг был мерен, закоулков они не обыскивали; догадаться, обычный ли это патруль или объявлена тревога, было невозможно.

В коридорах всюду было светло, времени в них как бы не существовало, и Саймон не знал — день теперь или ночь и сколько времени он пробыл в крепости колдеритов. Но его мучили голод и жажда, да и холод легко проникал под тонкое одеяние. Привыкшему к обуви, нелегко было идти босиком.

Если бы только у него был план этого лабиринта помещений, из которого надо было бежать! Горм это? Или таинственный город Иль, который колдериты основали на берегу? Или он в каком-нибудь потайном укрытии захватчиков? Впрочем, можно было не сомневаться, что это важный опорный пункт.

Необходимо было отыскать временное укрытие и еду, поэтому он решил осмотреть верхний этаж. Все здесь было не так, как внизу. И резные деревянные сундуки, и кресла, и столы — все было местной работы. Кое-где еще оставались следы спешки, комнату либо покидали торопясь, либо торопливо обыскивали, теперь все было покрыто пылью, ее давно никто не посещал.

В одной из таких комнат Саймон обнаружил подходящую одежду, но не нашел, увы, ни кольчуги, ни оружия, кроме тех, что сняты с убитых. Он был страшно голоден и уже начинал подумывать, не спуститься ли вниз.

Впрочем, собираясь спускаться, Саймон тем не менее поднимался по всем лестницам и пандусам, что попадались ему на пути. И всюду в искусственном свете были наглухо

забитые окна, и чем дальше отходил он от гнезда колдеритов, тем слабее становился свет.

Узкая последняя лестница оказалась и самой нужной. Не сводя с нее взгляда, не отводя прицела самострела, Саймон поднимался к двери. Она легко распахнулась под его рукой, и в проеме он увидел плоскую крышу. Над частью ее был возведен легкий навес, под которым стояли — теперь Саймон уже не удивлялся — тупоносые, с откинутыми назад острыми крыльями летательные аппараты. Правда, ни один из них не мог бы поднять более пары пассажиров. Теперь прояснилась и тайна падения Сулкарфорта — у колдеритов мог оказаться целый флот таких самолетов.

И теперь Саймон мог воспользоваться одним из них, если не представится другой возможности бежать. Впрочем, как и куда бежать? Пытаясь отыскать взглядом какую-либо охрану вокруг импровизированного ангара, Саймон подобрался к краю крыши, чтобы высмотреть какой-нибудь ориентир.

На мгновение ему показалось, что Сулкарфорт неизвестным образом восстал из руин, и он вновь на его стенах. Под ним простиралась гавань, на якорях стояли корабли, ряды домов окаймляли улицы, ведущие к причалам и воде. Но этот город отличался от города торговцев — он был больше. И если Сулкарфорт изобиловал складами и амбарами, то здесь же, наоборот, было больше жилых домов.

Судя по солнцу, было около полудня, но на улицах не было заметно никаких признаков жизни, ни одни из домов не казался обитаемым. Признаков полного запустения, распада, которые можно было бы ожидать в полностью заброшенном городе, тоже не было заметно.

Дома здесь напоминали и Карстен и Эсткарп, таинственный Иль отпадал — колдериты строили его сами. Все свидетельствовало, что он был теперь в Горме, быть может, в Сиппаре, самом центре раковой опухоли, куда так и не смогли пробиться силы Эсткарпа.

Если город внизу и в самом деле был столь безжизненным, то нетрудно добраться до гавани и найти там себе какую-нибудь лодку, на которой можно плыть до берегов Восточного континента. Увы, дом, на крыше которого он стоял, был надежно отгорожен от внешнего мира; крыша, возможно, и была единственным выходом из этого здания, а потому следовало оглядеться.

Башня, на верху которой он стоял, явно была самой высокой в городе. В этой крепости, должно быть, и гнездилась

семья Кориса. Если бы капитан был сейчас с ним, гадать не пришлось бы. С трех сторон Саймон видел крыши соседних домов, далеко отстоявших от стен, к которым подходили улицы.

Саймон нерешительно подошел к временному ангару с самолетами. Доверить свою жизнь машине, которой не умеешь управлять, было бы самоубийством. Но следовало осмолеть хотя бы одну из них. Саймон осмелел — ведь ему почти и не пытались пока противодействовать. Но он все-таки позаботился, чтобы неприятных сюрпризов не было. Забитый в петли замка нож надежно закрыл дверь, ее можно было только выломать.

Он вернулся к ближайшему аэроплану. Повинуясь его руке, он выкатился на открытое место, значит, не был тяжел и легко управлялся. Подняв панель на тупом носу, он заглянул в мотор, не похожий на те, что были знакомы ему, впрочем, он не был ни инженером, ни механиком. Зато знал, что засевшие внизу хозяева прекрасно умеют летать на них... Суметь бы только справиться с управлением!

Прежде чем углубиться в дальнейшее рассмотрение, Саймон побывал у оставшихся четырех аппаратов и рукояткой одного из самострелов разбил двигатели. Если придется лететь, следует хотя бы обезопасить себя в воздухе.

И когда он поднял свой импровизированный молоток в последний раз, враг нанес ему новый удар... Не дрогнула дверь, на лестнице не загремели шаги — нет, его снова охватила та же безмолвная сила. На этот раз его не пытались обездвижить, его гнали куда-то. Чтобы удержаться, Саймон ухватился за самолет с разбитым мотором, но лишь протащил его вместе с собою, он чувствовал, что не может остановиться.

Гнали его не к двери. В легком отчаянии Саймон понял, что колдериты не готовят ему новых мучений в нижних этажах, а добиваются быстрой смерти — при падении с крыши.

Он сопротивлялся изо всех сил, ступая за шагом шаг; каждому движению предшествовала полная отчаянной борьбы пауза. Он вновь попробовал начертить в воздухе спасший его внизу знак. Это не помогло. Может быть, потому, что врага во плоти перед ним не было.

Он мог замедлить свое движение, отсрочить неизбежный конец на секунды, минуты. Попытка двинуться к двери не удалась, он предпринял ее было в надежде, что враг примет

его действия за попытку сдаться. И теперь Саймон знал, что им нужна только его смерть. Собственно говоря, командуй он здесь, он и сам поступил бы точно так же.

Оставался самолет, на который он только что надеялся. Да теперь ничего другого ему и не оставалось! Легкая машина пока все-таки отделяла его от края крыши, к которому толкал его умственный натиск.

Шансов уцелеть у него почти не было, но выбирать не приходилось. Подчинившись давлению, Саймон сделал сразу два шага в эту сторону, второй торопливо — якобы силы его уже были на исходе, с третьим шагом рука его легла на борт кабины пилота. Отчаянным усилием, изнемогая в этой странной борьбе, он перевалился внутрь кабины.

Под действием всей той же силы, он забился в дальний угол, легкий воздушный корабль пошатнулся. Он внимательно уставился на то, что было, по-видимому, приборной панелью. Перед узкой щелью торчал переключатель — больше там нечего было двигать. И с мольбой к Всевышнему, не к Силе Эсткарпа Саймон протянул отяжелевшую руку и сдвинул переключатель на панели.

4. Город мертвецов

С детской надеждой он все же ожидал, что крылья поднимут его в воздух, но машина, набирая скорость, покатила прямо вперед. Когда нос аппарата перевесился над краем, самолет кувырнулся вперед. И Саймон полетел вниз, но не сам по себе, как хотел того неведомый мучитель, а в кабине аэроплана.

А потом за какой-то миг он сумел понять, что падает не вертикально, а под углом. Отчаянно дернув за переключатель, он сдвинул его вверх, оставив на половине прорези.

А потом был удар и чернота, без звука, света и ощущений...

Из темноты его вывела задумчивая янтарно-красная искорка, к ней присоединился слабый повторяющийся звук... — тиканье часов, капающая вода. И наконец, запах. Он-то и привел Саймона в сознание. Сладковатая, густая, тошнотворная вонь проникала в его ноздри и горло, запах разложения и смерти.

Оказалось, что он сидит; света хватало, чтобы разглядеть поддерживающие его в этом положении обломки. Но пресле-

довавшее его на крыше давление исчезло, он мог теперь думать, двигаться, конечно, если целы руки и ноги.

Аварию он перенес почти без повреждений, за исключением нескольких болезненных синяков. Должно быть, конструкция аэроплана смягчила удар. Красный глазок, что светил ему во тьме, оказался огоньком переключателя. Капало где-то под панелью.

Запах был повсюду, вокруг. Саймон пошевелился и напрягшись толкнул в борт. Заскрежетав металлом о металл, дверца отворилась. Он с трудом выполз из своей клетки. Над головой зияла дыра, обрамленная расщепленными краями досок. Пока он стоял, уставившись вверх, одна из них оторвалась и рухнула на уже разбитую машину. Должно быть, аппарат упал на крышу одного из соседних зданий и проломил ее. Так что и жизнь и конечности он сохранил в целости лишь благодаря какому-то капризу судьбы.

Уже вечерело, видно, он пробыл без сознания достаточно долго. Голод и жажда никуда не делись, надо было отыскать питье и еду.

Но почему же враги еще не явились сюда. С той самой высокой крыши любой бы заметил место его неудачного приземления. Или же... А если они не знали о его попытке воспользоваться самолетом... А если они следили за ним лишь при умственном контакте. Тогда они должны считать, что он прыгнул через парашют и что падение закончилось полной потерей сознания, которую нетрудно было счесть смертью. А если это правда, значит, он свободен, пусть и в стенах Сиппара!

Оставалось прежде найти питье и пищу, а потом понять, где он, в какой части города.

Саймон обнаружил дверь на лестницу, выходящую, как он надеялся, на улицу. Застоявшийся воздух здесь был густо насыщен знакомым запахом тлена. Он уже догадался, откуда взялся запах, и заколебался — уж очень не хотелось идти мимо его источника.

Но дверь была только одна, и приходилось спускаться, здесь окна не были закупорены и на каждой площадке бледнели пятна света. Попадались и двери, но Саймон не открывал их, ему казалось, что этот отвратительный запах сильнее возле дверей.

Еще один пролет вниз, и перед ним оказался зал, заканчивающийся широким порталом, эта дверь наверняка вела на улицу. Здесь Саймон осмелился оглядеться и в

каморке отыскал наконец каменные сухари — обычный хлеб воина Эсткарпа — и банку еще не испортившегося под плотной крышкой варенья. Прогнившие остатки прочих припасов свидетельствовали, что за едой сюда не заглядывали уже давно. Из трубки в раковину потекла вода, и Саймон сперва напился и лишь потом с волчьим аппетитом набросился на еду.

Есть было трудно, несмотря на голод, — вонь липла и к пище. И хотя Саймон побывал пока лишь в одном доме вне цитадели, все давало основание считать, что за исключением сердцевины крепости Сиппар был городом мертвых. Колдериты безжалостно расправились с теми из покоренных, в ком не нуждались. И не просто убили, а бросили всех непогребенными в собственных домах. Чтобы предостеречь горсточку уцелевших от сопротивления? Или просто потому, что им была безразлична участь этих людей. Похоже, наиболее вероятным было последнее, и странное чувство родства с плосколицыми захватчиками навсегда покинуло его сердце именно в этот момент.

Весь хлеб, который удалось найти, Саймон прихватил с собой, еще взял бутыл с водой. Как ни странно, ведущая на улицу дверь оказалась заложенной изнутри. Быть может, жители этого дома заперлись и перебили друг друга? А может, их просто заставили умереть, как заставили его бросаться с крыши.

Улица была по-прежнему безлюдной, как он заметил еще с крыши. Но Саймон все-таки жался поближе к стенке, вглядывался в любой затененный вход, в боковые улочки на перекрестках. Все двери были закрыты, вокруг не было ни малейшего движения, и он шел вперед, в порт.

Он уже понял, что все двери окажутся заложеными изнутри, а в домах будут лишь мертвецы. Когда постигла их смерть?.. Сразу, как только колдериты явились в Горм, чтобы поддержать амбиции Орны и ее сына? Или, может быть, через годы после бегства Кориса в Эсткарп, когда остров оказался отрезанным ото всех людей? Впрочем, знать, как именно произошло все это, было важно разве что для историка. Теперь это — город мертвых... Мертвых телом — здесь и мертвых духом — там, в цитадели. Только колдериты, быть может, по-своему мертвые, поддерживали в нем иллюзию жизни.

По дороге Саймон запоминал улицы и дома. Горм теперь можно освободить, лишь разрушив гнездо в центре, — он был

уверен в этом. Но ему показалось, что колдериты все же допустили ошибку, оставив эту безжизненную пустошь вокруг. Если только где-нибудь в эти стены не были встроены тайные устройства и сторожевые приборы, проникнуть в город с берега не составляло труда.

Впрочем, не следовало забывать рассказы Кориса о разведчиках, которых Эсткарп годами засылал на остров, да и собственный опыт капитана, наткнувшегося на таинственную преграду. Столкнувшись уже с оружием Колдера, Саймон не сомневался в ее существовании. Лишь он один смог вырваться из их логова и этих серых залов, с его крыши... Колдериты не пытались преследовать его, оставалось надеяться, что, по их мнению, с ним покончено.

Но все-таки, пустынный город едва ли был заброшен и за ним не следили. И поэтому он пробирался к причалам, по-прежнему крадучись. В порту еще были корабли — измочаленные бурями, выброшенные на берег. Гниющие снасти были спутаны, борта побиты и поломаны, иные суда полузатонули — только верхние палубы их выступали еще над водой. Все они уже многие месяцы, а скорее и годы не выходили в море!

Саймон поглядел на синеющие за бухтой земли. Если этот мертвый город и вправду Сиппар, а сомневаться в этом не приходилось, значит, перед ним рукой протянулась та полоска земли, на которой захватчики построили Иль... Рука эта заканчивалась пальцем, а когтем на нем был Сулкарфорт. Раз твердыня торговцев пала, было весьма вероятно, что весь полуостров уже принадлежит колдеритам.

Если бы только ему удалось найти пригодную лодчонку, Саймон взял бы тогда курс на восток, путь этот был более длинным — вдоль стенки бухты-бутылки к устью реки Эс... в Эсткарп. И его все мучило сознание того, что время теперь работает не на него.

Легкое суденышко удалось отыскать в ангаре. Моряком Саймон никогда не был, но все-таки постарался убедиться, что лодка не затонет на полпути. Подождав до полной темноты, он спустил ее на воду и взялся за весла... Морщась от причиняемой синяками боли, он старательно выгребал между гниющими корпусами кораблей Гормского флота.

И лишь когда они остались далеко позади, он буквально лбом врезался в щит, охранявший колдеритов. Не слыша и не видя ничего, Саймон свалился на дно лодки, прижав руки к ушам и замурив глаза, чтобы хоть как-то оградиться от

безмолвного звука и невидимого света вдруг брызнувших из какого-то уголка его собственного сознания. Он уже успел подумать, что познал всю мощь колдеритов, но эта новая битва в мозгу была еще отчаяннее.

Минуту ли, день ли, год ли провел Саймон в этом облаке? Ошеломленный и оглушенный, он так и не понял этого. Он лежал на дне лодки, парус лениво шевелил ветерок. Горм остался позади, темный и мертвый, освещенный луной.

Еще до рассвета Саймона подобрал береговой патруль из Эса, к тому времени он уже пришел в себя, хотя последнее испытание, похоже, оставило на разуме его такие же синяки, как и падение с крыши на теле. Меняя коней на станциях, он поспешил в столицу Эсткарпа.

Там, в крепости, в той же самой зале, где впервые увидел Хранительницу, Саймон доложил военному совету о всех своих приключениях в Горме, обо всем, что узнал он о колдеритах. Перед ним сидели офицеры гвардии и все те же бесстрастные девы. Он говорил, но все время искал взглядом среди них ту, единственную, но не находил.

А когда он закончил и ответил на немногие вопросы и стиснувший зубы Корис с каменным лицом выслушал его слова о городе мертвых, Хранительница движением руки поманила к себе одну из дев.

— А теперь, Саймон Трегарт, возьми ее за руки и думай о человеке в шапке, вспоминай все, и его лицо и одежду, — приказала она.

Хотя в этом, на его взгляд, не было ни малейшего смысла, Саймон повиновался, внутренне усмехнувшись. — Ну кто ослушается дев Эсткарпа?

И он взял ведьму за прохладные сухие ладони и постарался представить серое одеяние, странное лицо, верхняя часть которого не соответствовала нижней, металлическую шапку и выражение силы на этом лице, и оторопь от его неожиданного сопротивления, а потом руки ее скользнули вниз, и Хранительница сказала:

— Сестра, ты видела? Ты можешь придать форму?

— Я видела, — ответила дева. — И тому, что видела, могу придать форму. Саймон отразил его Силой в этом поединке двух волей, и впечатление останется надолго. Хотя, — она глянула на ладони, шевеля пальцами, словно разминая их перед делом, — сможем ли мы использовать подобный прибор. Уж лучше бы в нем текла кровь.

Объяснений не последовало, задавать вопросы не дали

возможности... Когда совет закончился, Корис подошел к нему и проводил в казарму. Оказавшись снова в той же комнате, где он жил перед отправлением в Сулкарфорт, Саймон твердо спросил капитана:

— А где госпожа? — Это было ужасно — не знать ее имени, не сметь назвать его; эта странность ведьм все больше раздражала Саймона. Но Корис все прекрасно понял.

— Проверяет приграничные посты.

— Она вне опасности?

Корис пожал плечами:

— Ну кто из нас в безопасности, Саймон? Только знай, Девы-властительницы не рискуют по пустякам. Они хранят в себе Силу и власть. — Он подошел к западному окну, его лицо осветилось, глазами он словно бы искал нечто далекое за простиравшейся перед ним равниной. — Значит, Горм умер, — тяжело упали его слова.

Саймон сбросил сапоги и растянулся на постели. Он устал насквозь, до каждого мускула, до каждой косточки в теле.

— Я рассказал все, что видел, а чего не видел, говорить не стану. В сердцевине цитадели жизнь есть, отгороженная стенами от остального Сиппара. Больше я нигде не нашел ее, но все-таки далеко я не отходил.

— Жизнь? Какого вида?

— Спрашивай об этом колдеритов или ведьм, — сонным голосом посоветовал Саймон, — и те и другие отличаются от нас с тобой и, быть может, рассматривают иначе даже саму жизнь.

Он почти не заметил, что капитан отошел от окна и стоял теперь рядом с постелью, широкие плечи его затеняли свет.

— Думаю я, Саймон Трегарт, что и ты отличаешься от нас, простых смертных, — тяжело пробухал его голос. — А повидав Горм, какой ты считаешь его жизнь... или смерть?

— Дурной, — пробормотал Саймон, — но об этом можно будет с уверенностью судить только в свое время, — он удивился собственным словам и уснул.

Пробудившись, он жадно поел и снова уснул. Никто не интересовался его персоной, и сам он не обращал внимания на дела, творящиеся в сердце Эсткарпа. Он отлеживался, обрастал жирком, словно медведь перед спячкой. И когда, наконец, проснулся окончательно, то почувствовал себя бодрым и свежим, как тогда... в Берлине. Берлин... — что это, и где он, этот самый Берлин? Новые впечатления отодвинули прошлое вглубь.

Но одно из них почти не покидало его: тот день в Карсе, комната со стенами, увешанными потертыми коврами... Она глядит на него с удивлением, а светящийся знак тает в воздухе. А еще помнилось, как стоит она, расстроенная и странно одинокая, когда этой низменной ворожкой для Олдис запятнала она свой дар ради общего дела.

Теперь жизнь пульсировала в каждой клетке, каждом нерве тела; синяки, голод, напряжение — все исчезло. Саймон шевельнул правой рукой и положил ее себе на сердце. Но теперь под ней он не чувствовал тепла своей плоти — он баюкал в памяти нечто — песнь, что не была песней, вспоминал ее ладонь в своей руке, плоть, которая никогда не станет его плотью.

Воспоминания об этих спокойных и пассивных мгновениях затмили для него теперь и суматошную жизнь летучего отряда, и пребывание у колдеритов. Пусть не было в них действия, внутреннее напряжение этих встреч он боялся определить словами, объяснить для себя.

Но его скоро призвали к действию. За время его спячки Эсткарп поднял все войска. Маяки на высотах звали добровольцев с гор, из Гнезда, звали всех, кто хочет встать против Горма, против гибели, которую нес этот остров. Полдюжины бездомных кораблей сулкаргов устроили гавань в указанной сокольниками бухте, выгрузили свои семьи, вооружились и были наготове. Все дружно решили, что войну следует вести на Горме, не дожидаясь, пока Горм сам навалится на них.

Вблизи устья Эса устроили лагерь, палатки поставили на самом берегу океана. Из двери собственного шатра Саймон мог видеть, как облаком скользит вдали по волнам тень острова... А за разрушенными стенами теперь брошенной крепости, за пенными бурунами у ее руки, ждали корабли с экипажами из сулкаргов, сокольников и пограничных отрядов Эсткарпа.

Но прежде следовало разрушить барьер вокруг Горма, и это было делом тех, в чьих руках была Сила Эсткарпа. И сам не зная почему, Саймон оказался среди них за столом, похожим на шахматный. Чередующихся клеток на нем не было, перед каждым сиденьем был нарисован какой-то символ. И собравшаяся странная компания явно казалась подобранной для какой-то непонятной цели.

Саймон обнаружил, что сидит возле Хранительницы и символ перед ними простирался на оба места. Это был

коричневый сокол в позолоченном овале, а над ним маленькая треугольная комета, слева от него на сине-зеленом многограннике была изображена рука с топором. А за ним был красный квадрат с рогатой рыбой.

Направо, за место Хранительницы, оба символа было трудно разглядеть, не подавшись вперед. На эти места бесшумно скользнули две ведьмы и замерли, положив ладони на рисованные знаки.

Послышался легкий шорох слева. Обернувшись, он со странным воодушевлением в сердце узнал ее и встретил ответный взгляд, в котором успел прочесть более чем просто радость при встрече. Но она молчала, и он последовал ее примеру. Шестым в этой компании оказался бледный парнишка Бриант, он глядел на рыбу на столе так, словно она была живая и взглядом своим мог он удержать ее в этом алом море.

В палатку вошла женщина, что держала Саймона за руки, когда он думал о человеке в Горме, за нею шли еще две, каждая несла глиняную жаровню, из которой чадил сладковатый дымок. Их они поставили по краям доски, а первая подошла к столу со своей ношей — широкой корзиной. Под покрывалом в ней оказались несколько фигурок.

С первой она приблизилась к месту, где был Бриант. Дважды пронесла она фигурку через дым, а потом приблизила к глазам сидящего юнца. Фигурка казалась совершенно живой, лицо ее было похоже на какого-то золотоволосого человека, и Саймон решил, что это портрет.

— Фалк, — вымолвила дева имя и поставила фигурку в центр красного квадрата, прямо на нарисованную рыбу. Бриант бледнеть не мог — прозрачная кожа и так была бледнее некуда, но Саймон заметил, как он судорожно глотнул, прежде чем выговорить:

— Фалк Верлинский.

Дева достала вторую фигурку из корзины и поднесла к соседке Саймона — тот мог оценить мастерство создателя. Дважды пронесла она над дымами точную копию фигурки той, что просила любовное зелье для Ивьена.

— Олдис.

— Олдис из Карса, — объявила дева слева, когда ноги фигурки встали на кулак с топором.

— Сэндар Ализонский, — третья фигурка встала с правого края.

— Сирик, — пузатая фигурка расположилась поближе.

И наконец она достала последнего из человечков, внимательно разглядев его, прежде чем подержать над курильницей. А встав перед Саймоном и Хранительницей, она не назвала имени, просто протянула вперед руки, чтобы он мог рассмотреть и признать своего врага. И он глядел на крошечную фигурку предводителя колдеритов на Горме. На его взгляд сходство было потрясающим.

— Горм! — объявил он, иного, точного, имени этому колдериту он дать не мог. И она осторожно поставила фигурку на золотисто-коричневого сокола.

5. Битва сил

Пять фигурок, каждая на символе страны, пять фигурок живых мужчин и женщин. Но зачем они нужны, с какой целью их поставили здесь? Саймон вновь посмотрел направо. Крошечные ноги статуэтки Олдис ведьма охватила обеими руками, ноги фигурки Фалка сжимали руки Брианта. Оба углубленно рассматривали своих врагов, на лице Брианта отразилось сомнение.

Внимание Саймона переключилось на фигурку, что стояла перед ним. Какие-то смутные воспоминания закопошились в его памяти. Неужели сейчас они станут втыкать булавки в эти фигурки, чтобы их оригиналы заболели и умерли?

Хранительница взяла его за руку тем же движением, что и ведьма в Карсе, тогда перед перевоплощением; другой рукой как половинкой чашки она охватила основание статуэтки человека в шапке. А он второй рукой охватил фигурку колдерита, так что их пальцы и запястья соприкоснулись.

— А теперь думайте о том, с кем пришлось померяться силой, о том, с кем связывает нас кровь. Забудьте все, помните лишь, что до врага надо дотянуться и заставить подчиниться: или мы выиграем битву Сил, или они, но тогда поражение нам суждено познать именно здесь и сейчас.

Саймон не отводил глаз от фигуры в шапке. Он уже не знал, сможет ли отвернуться, если захочет этого. И подумал, что, быть может, его вовлекли в эту странную компанию лишь потому, что, кроме него, никто не видел этого офицера с Горма.

Крошечное лицо под металлической шапкой увеличивалось, росло и наконец стало таким же, как в жизни. Оно было теперь перед ним, словно тогда в сердцевине Сиппара. Глаза

по-прежнему были закрыты, человек был поглощен своим таинственным делом. Саймон глядел на него, и вся неприязнь к колдеритам, вся ненависть, порожденная в его сердце их жестокостью в погибшем городе сливалась в нем, словно капли расплавленного металла, в грозное оружие.

Саймон был теперь не в шатре на берегу моря, где повевал ветерок, припорошивая песком коричневого нарисованного фькола. Он стоял перед колдеритом в сердце Сиппара, всей волей требуя, чтобы тот открыл глаза и поглядел на него, Саймона Трегарта, теперь уже не в поединке тел, а в битве двух разумов и двух волей.

И глаза открылись, и он заглянул в эти черные зрачки — веки от изумления, будто узнавая, поползли вверх, понимая угрозу, словно Саймон был острием грозного оружия, что наносило разящий удар.

Глаза глядели в глаза. И помалу все — и плоское лицо, и металлическая шапка над ним, все, кроме глаз, исчезло из памяти Саймона. И как тогда в Карсе, он ощущал, что сила из его руки истекает в ладонь ведьмы, так и теперь он чувствовал, что эта буря в душе не могла быть рождена лишь его собственным гневом, что он сам был всего лишь самострелом, выпустившим убийственную стрелку.

Поначалу колдерит держался уверенно, теперь же он хотел лишь оторвать свой взгляд, вырвать разум из этой битвы, слишком поздно осознав, что попал в ловушку. Но челюсти уже сомкнулись, и все сопротивление этого человека из Горма не могло избавить его от участи, которую он уготовил себе, самонадеянно поверив в собственную магию.

И вдруг разум Саймона напрягся и словно выстрелил всей мощью в противника. Паника забилась в его глазах, уступила место откровенному ужасу, огнем прожигавшим дорогу вглубь... наконец все, что могло стореть, сторело. Саймону теперь не надо было говорить, что перед ним уже не человек, а всего лишь оболочка, и она выполнит все его приказы, как и несчастные ходячие останки жителей Горма повиновались своим властителям.

И он отдал приказы. Сила Хранительницы вливалась в него, она наблюдала за ним и ждала, была готова помогать и не торопилась предлагать свою помощь. В повиновении врага Саймон был уверен, как в собственном теле. Теперь повелитель Горма сокрушен, барьера не будет, по крайней мере пока этого не заметят собратья колдерита. У Эсткарпа теперь в крепости есть робот-союзник.

Саймон поднял голову, открыл глаза и увидел перед собой раскрашенную доску, на которой рука его, касаясь руки Хранительницы, охватывала ноги небольшой фигурки. Но статуэтка теперь была иной — голова под металлической шапкой стала теперь комком расплавленного воска.

Хранительница отвела руку, вяло положила ее на стол. Повернув голову, Саймон заметил слева побледневшее, напряженное лицо с темными кругами у глаз, и та, что всю свою силу направляла против Олдис, устало откинулась назад. Голова женской статуэтки перед ней была повреждена.

Изображение Фалка Верленского было повержено, а Бриант горбился в кресле, закрывая лицо руками. Прямые бесцветные волосы липли к его взмокшей от пота голове.

— Конечно, — Хранительница нарушила молчание, — Сила сделала все, что могла. И сегодня мы хорошо бились, как пристало людям Эсткарпа. А теперь остается довериться огню, мечу, ветру и волне, если они захотят служить нам и если мужи воспользуются ими, — в голосе ее слышалось утомление.

Ей ответил воин, что подошел к столу, позвякивая броней, и встал перед ней. Увенчанный ястребом шлем был у ноги, Корис поднял Топор Волта.

— Не сомневайтесь, госпожа, найдутся мужи, готовые взять любое оружие, дарованное нам судьбой. Огни зажжены, корабли и войско готовы.

Саймон, хотя земля вдруг почему-то качнулась под его ногами, пошатнувшись встал. Слева от него она тоже пошевелилась, протянула к нему руку, но не решилась дотронуться, и рука упала обратно на стол. Не попыталась она и словами выразить то желание остановить его, которое чувствовалось в каждой линии ее вдруг напрягшегося тела.

— Вы думаете, Сила сделала свое и война окончена, — сказал он ей словно наедине, — таков Эсткарп. Но я не из Эсткарпа, и нас ждет иная война, привычная мне. Я играл в вашу игру, госпожа, настало время сыграть в свою собственную.

Когда он обходил стол, чтобы встать рядом с капитаном, еще одна фигура задумчиво поднялась, опершись о стол, чтобы не упасть. Бриант смотрел на фигурку перед собой, и лицо его было бледным; статуэтка была повержена, но оставалась целой.

— Я никогда не претендовал на обладание Силой, — тускло прозвучал мягкий голос, — в этой битве я, похоже,

проиграл. Может быть, со щитом и мечом получится лучше.

Корис, словно желая возразить, шевельнулся. Но ведьма, что была с ними в Карсе, быстро сказала:

— Любой волен ехать или плыть под знаменем Эсткарпа. Пусть никто не мешает выбрать свой путь.

Хранительница утвердительно кивнула. Так, втроем вышли они из шатра на берег моря. Впереди летел, расправив громадные плечи, оживленный Корис, ноздри его раздувались, будто в морском воздухе он чувствовал что-то еще кроме соли. Следом плелся Саймон, ощущая неизведанную еще усталость в переутомленном теле. Одевая на ходу шлем на светлые волосы, последним шел Бриант, он застегнул кольчужный шарф на шею, глаза его были устремлены вперед, казалось, его влекло, притягивало к себе нечто более сильное, чем его собственная воля.

Когда они подошли к ожидавшим на берегу лодкам, что должны были доставить их на корабль, Корис произнес:

— Ты, Саймон, пойдешь со мной на флагмане, будешь проводником, что касается тебя... — Он с сомнением поглядел на Брианта. Но молодой человек горделиво задрал подбородок и вызывающе глянул, чтобы развеять нерешительность капитана. Саймон почувствовал — молодых людей соединяло нечто ему неизвестное, а потому спокойно ожидал, какотреагирует на это безмолвное неповиновение Корис.

— А ты, Бриант, отправишься к моим щитоносцам и останешься с ними.

— И я, Бриант, — отвечал тот, почти с неуважением, — должен буду оставаться за твоей спиной, когда есть такой повод. Но у меня собственные меч и щит, и я знаю, как и когда мне использовать их.

Корис на мгновение застыл в нерешительности, как бы желая что-то ответить, но тут их окликнули с лодок. Добравшись в волнах прибоя до лодки, Саймон успел заметить, что молодой человек старался держаться подальше от своего командира, насколько это позволяло небольшое суденышко.

Корабль, который как наконецник стрелы возглавлял атаку Эсткарпа, оказался рыбацким, и гвардейцы набились на нем почти плечо к плечу. Остальные разного рода транспорты тянулись следом.

Они были уже достаточно близко к кораблям, гниющим в гавани Горма, когда крики с корабля сулкаргов понеслись над волнами и торговые корабли со смешанным экипажем из сокольников, карстенских беженцев и уцелевших сулкаргов

стали огибать мол, входя в бухту.

Саймон даже не представлял, где именно располагался тот самый барьер, когда он бежал из Горма, и, быть может, все они под его предводительством приближались к беде. Единственная надежда была на то, что битва Сил изменила положение дел в их пользу.

Стоя на носу рыбацкого смэка, Трегарт вглядывался в безжизненный простор гавани, пытаясь угадать место барьера. А может, сейчас на них нападет один из этих металлических кораблей, неуязвимых для мечей и самострелов Эсткарпа?

Ветер наполнял паруса, и перегруженные суда разрезали волны, держа дистанцию, как на параде. Поперек их курса дрейфовал заброшенный корпус одного из кораблей — якорная цепь оборвалась, лохмотья, оставшиеся от парусов, подхватывал ветер, следом тянулся шлейф зеленых водорослей.

Ветер неуклюже покачивал мертвый корабль. Описав дугу, с корабля сулкаргов взлетел черный шар, ударился о палубу полуразрушенного судна и разбился. Из иззубренной дыры в расщепленной палубе вырвались алые яркие языки огня, охватили остатки такелажа. Горящий корабль несло в море.

Саймон ухмыльнулся Корису, легкое возбуждение не оставляло его. Теперь можно быть уверенным — первая опасность позади.

— Мы уже заплыли за твой барьер?

— Да, если только он не сдвинулся поближе к суше!

Оперев голову на рукоять Топора Волта, Корис разглядывал темные пальцы причалов, запущенные в воду бухты, у которой раскинулся некогда процветающий город. Он тоже ухмылялся: словно волк перед броском, показывающий жертве клыки.

— Похоже, на этот раз Сила сработала, — согласился он. — Теперь дело за нами.

В сердце Саймона шевельнулась осторожность.

— Их нельзя недооценивать, — сказал он. — Быть может, мы прошли только первую, самую слабую линию защиты.

Минутное облегчение прошло, его как и не бывало. Вокруг торчали мечи, топоры, самострелы. Но в сердце Колдера гнездилась наука, на столетия опережавшая такое оружие... В любой момент они могли столкнуться с новым сюрпризом.

Они все глубже втягивались в гавань, пытаясь отыскать проход к причалам, в обход гниющих судов, но Синпар не

проявлял признаков жизни. Лишь задумчивое молчание мертвого города охватило вторгшихся в него, охладив их ликование и радость по поводу отсутствия первого барьера.

Корис почувствовал это. Пробившись через густую толпу дожидавшихся высадки воинов к капитану корабля, он постарался убедить его поскорее пристать к берегу. Но единственным результатом явилась резкая отповедь. Дескать, капитан Эсткарна всевластен на суше, море же следует оставить тем, кто разбирается в нем, а он, хозяин корабля, не желает пачкать свое сокровище в гниющем порту без всякой нужды.

Саймон продолжал всматриваться в город, в каждую открывающуюся взгляду улицу, время от времени бросая косой взгляд на слепые стены цитадели, что была и впрямь сердцем Сиппара. Он даже сам не понимал, чего опасается теперь, самолетов ли над головой, отрядов ли воинов, что могут вырваться из любого проулка. На них еще не обратили внимания, и это казалось опаснее, чем если бы орды колдеритских рабов со всех сторон уже грозили им самым страшным оружием своих хозяев. Все давалось уж больно легко, а в успех битвы Сил поверить до конца он все же не мог. Что-то в глубине души возражало... Не мог он поверить, что в Горме их ждет успех, раз восковая фигурка осталась с расплавленной головой.

На берег они выбрались без приключений, сулкары высадились подальше, чтобы отсечь любые возможные подкрепления. Они оглядели все улицы и переулки, по которым недавно крался Саймон, проверяя прочность замков и дверей, заглянули во все темные уголки, но так и не сумели заметить в столице Горма не то что жизни, легкого шевеления.

Первые признаки сопротивления появились, лишь когда они оказались уже у цитадели. И пришельцам здесь угрожали не самолеты, не загадочные невидимые поля, а обычное оружие этого мира — уже тысячелетия мужчины здесь пользовались им.

Внезапно со всех сторон повалили бойцы, они двигались быстро и молча, боевых кличей не было слышно, но от каждого веяло смертельной угрозой, на одних были доспехи сулкаров, у других — карстенское вооружение. Саймон успел даже заметить сокольников в птичьих шлемах.

И этот молчаливый удар наносили люди, жизнью которых не было жалко, которые не думали о самозащите, как и в той засаде на приморской дороге. А потому в ряды пришельцев

они ворвались, словно танк в колонну пехотинцев. Саймон занялся любимым делом: отщелкивал их по одному из самострела. Корис же во все стороны размахивал Топором Волта, словно какая-то смертоносная машина размашистыми ударами прорубая себе дорогу в рядах нападавших.

Рабы колдеритов не были слабыми соперниками, но им не хватало разума, который мог бы заставить их перестроиться, чтобы лучше использовать численное превосходство. Они были предназначены лишь для атаки — пока несли ноги, пока оставалась в руках сила. И они атаковали с бешенством умалишенных. В общем, это была настоящая бойня, и когда они, наконец, отбились, позеленел не один из ветеранов-гвардейцев.

Топор Волта уже не блестел, но Корис подбросил его окровавленным лезвием вверх как сигнал к наступлению. Люди его сомкнули ряды, оставив за собой улицу безжизненной, как и прежде, но не пустой.

— Это просто для того, чтобы нас задержать. — Саймон подошел к капитану.

— Согласен. И чего же нам теперь ждать? Смерти с воздуха, как в Сулкарфорте. — Корис поглядел на небо, уделив особенное внимание крышам.

Крыши-то и подсказали идею его спутнику.

— Не думаю, что тебе удастся прорваться в замок с земли, — начал было он, но услышал тихий смех под шлемом капитана.

— Ошибаешься. Я знаю здесь ходы, которых не вынюхать и колдеритам. Это же мое собственное логово.

— Но у меня есть другой план, — перебил его Саймон. — Веревок на кораблях хватает, есть и кошки. Разделимся, пусть один отряд пойдет через крышу, а ты будешь искать свои тайные ходы, и, быть может, мы сомкнем на них клещи с двух сторон.

— Прекрасно, — согласился Корис. — Лезь на свою крышу, она тебе уже знакома. Подбери людей, но не более двадцати.

Молчаливые отряды живых покойников атаковали их еще дважды, и каждый раз, когда на землю падал последний из одержимых Колдером, пришельцев оставалось все меньше. Силы Эсткарпа наконец разделились. Саймон и еще два десятка гвардейцев выломали дверь и через пропахшие тлением помещения выбрались на крышу дома. Чувство направления не подвело Трегарта. Иззубренная дыра, знак его приземления вместе с самолетом, была как раз в крыше соседнего дома.

Он отступил в сторону, моряки метнули кошки через

улицу, в нависающий над головой паранет. Люди подвязывали мечи, проверяли оружейные пояса, приглядывались к двум протянувшимся канатам. Боявшихся высоты Саймон не брал. Но теперь, когда все было перед его глазами, надежда куда-то исчезла, уступив место сомнению.

Он полез первым, шершавый канат жег руки, тянул плечи, время от времени ему казалось уже, что он вот-вот не выдержит.

Впрочем, кошмар окончился. Размотав третью веревку, которой была обмотана грудь, он перебросил ее конец с грузом обратно вниз на крышу, а другой конец закрепил вокруг столба, что поддерживал крышу ангара, помогая взобраться следующему.

Обездвиженные им самолеты оставались на прежних местах, но их уже начали чинить, о чем свидетельствовали поднятые панели и разбросанные инструменты. Непонятно было только, почему работы остались неоконченными. Саймон приказал четверым охранять крышу и веревочную дорожку, а остальные вторглись вглубь.

Молчание, окутывающее весь город, было здесь еще глуше. По коридорам, по лестницам, через закрытые двери спускались они, и лишь слабый отзвук собственных шагов раздавался вокруг. Неужели все бежали из замка?

И они продвигались все ближе и ближе к сердцевине ослепленного, наглухо закупоренного замка, в любой момент ожидая встречи с отрядом одержимых. Стало светлее, что-то изменилось в самом воздухе — если эти этажи были покинуты, то недавно.

Отряд Саймона, наконец, вышел к последнему пролету каменных ступеней, которые он так хорошо помнил. Внизу камень будет покрыт серой колдеритской облицовкой. Он наклонился над лестницей, прислушался: откуда-то издавка, снизу, донесся ровный мерный звук, постукивание, словно вдалеке билось его собственное сердце.

6. Очищение Горма

— Капитан, — Танстон встал рядом с ним, — что ожидает нас внизу?

— Я знаю об этом столько же, сколько и ты, — отсутствующим тоном отвечал Саймон, вдруг осознав, что не чувствует абсолютно никакой опасности здесь, в обиталище

смерти и полужизни. Но внизу что-то было, о чем свидетельствовали их уши.

Он шел первым, держа самострел наготове, ступая осторожно и быстро. Двери были закрыты, их выбили только с трудом, и вот они ворвались в этот зал, где на стене была карта.

Здесь стук сотрясал пол под ногами, отчего дрожали стены. Уши и тела наполнял медленный ритм.

Огни на карте погасли, машины исчезли со стола, вместе со своими одетыми в серое хозяевами... — виднелись только крепления да, быть может, провод или два. Но за верхним столом с закрытыми глазами недвижимо сидел тот самый человек в шапке, каким его помнил Саймон.

Сперва Трегарт подумал, что тот мертв. Он подошел к столу, не отрывая глаз от сидящего колдерита. Насколько он мог понять, это был все тот же самый, кого он пытался представить для ведьмы-ваительницы. И с легким тщеславием убедился в точности своей памяти.

Но... Саймон замер. Колдерит был жив, хоть глаза его были закрыты, а тело неподвижно. Рука его лежала на пульте управления, и Саймон увидел, что пальцем он нажимает на одну из кнопок.

Тогда Трегарт прыгнул. Глаза на мгновение открылись, гнев исказил лицо под металлической шапкой... и страх был в этих глазах. Саймон схватил руками провод, что вел от шапки к панели на стене, рванул, разрывая тонкие проводки. Вблизи раздался угрожающий крик, колдерит шевельнулся и оказалось, что на Трегарта направлен ствол какого-то оружия.

Саймон остался в живых лишь потому, что шапка и уходящий от нее провод помешали своему владельцу. Трегарт с размаху самострелом ударил в плоское лицо с оскалившимся ртом, застывшим взглядом бешеных глаз... Колдерит не издал ни звука. Удар сорвал кожу, кровь брызнула со щек и переносицы. Схватив врага за кисть, Саймон успел вывернуть ее так, что легкий дымок из ствола задымился вверх, к потолку, а не в его собственное лицо.

Они вместе упали в кресло, из которого только что встал колдерит. Что-то хрустнуло. Саймона огнем полоснуло по шее и вдоль спины. Он услышал глухой визг. Покрытое кровью лицо исказила агония, но стальные мускулы колдерита еще сопротивлялись.

Глаза его становились все больше и больше, уже во весь

зал... и Саймон падал... падал... в эти глаза. А потом они исчезли, и осталось странное туманное окно, ведущее куда-то, быть может, в другое место, в иное время. Между колоннами мелькнула группа людей на машинах, странных для его глаза. Они отстреливались, нельзя было и сомневаться — это были остатки разбитого войска, и их преследовали с яростью.

Узкой лентой они неслись вперед, и Саймон познал такое отчаяние и такую холодную злобу, каким не место под солнцем, ибо они способны разрушить и ум, и сердце. Ворота... лишь бы успеть пройти через ворота... а там будет время перестроиться, прийти в себя... обрести и волю и силу. Павшая империя и разрушенный мир оставались за спиной... Перед ними лежал новый мир.

Фигурки беглецов исчезли. Теперь он видел только бледное лицо с кровавой пеной на месте его первого удара. Пахло горелой плотью и тканью. Сколько длилось видение?... — Не более секунды. Враг все еще сопротивлялся, Саймон придавил кулак противника к креслу. А потом дважды ударил его руку о дерево — пальцы ослабли и газовый пистолет стукнулся о пол.

И впервые после того визга колдерит издал звук — неровно заскулил. От этого звука Саймона едва не вывернуло. Неожиданное секундное видение было для него эмоциональным ударом. Они свалились на пол, шнур натянулся. Саймон ударил противника металлическим шлемом об пол. Последняя мысль скользнула от колдерита к нему, и Саймон за мгновение понял, если никем были колдериты, то по крайней мере откуда они явились. А потом все исчезло, и Саймон сел, оторвавшись от обмякшего тела.

Танстон нагнулся и потянул за шапку на голове, что перекатывалась по полу между обтянутыми серым одеянием плечами. Все были немного озадачены, когда оказалось, что шапка словно выросла в голову колдерита.

Саймон встал на ноги.

— Оставь! — сказал он гвардейцу. — Только проследи, чтобы никто не коснулся проводов!

И тогда он почувствовал, что биения в стенах и полу утихли, ощущение жизни вокруг исчезло, оставив какую-то пустоту. Колдерит в шапке был, наверно, этим сердцем, и когда оно перестало биться, цитадель колдеритов погибла столь же бесповоротно, как когда-то Сиппар.

Саймон устремился в нишу, где был лифт. Что если

отключилась энергия и попасть на нижние уровни станет невозможно? Но дверь узкой коробки была отворена. Передав командование Танстону и прихватив двух гвардейцев, он закрыл за собою дверь лифта.

И снова счастье было на стороне Эсткарпа: когда они закрыли дверь, механизм лифта включился сам по себе. Когда дверь отворилась вновь, Саймон ожидал увидеть лабораторию. Но перед ним предстало нечто настолько неожиданное, что на мгновение он остановился и просто глядел, пока его спутники обменивались удивленными восклицаниями.

Они стояли на берегу подземной гавани, сильно пахло морем и чем-то еще. Здесь освещен был только уходящий во мрак и тьму мол, по обеим сторонам которого плескалась вода. Там, на этом пирсе, были навалены тела мужчин, таких же, как они сами, среди них не было ни единого, кто был бы облачен в серое.

Встречавшиеся им на улицах живые мертвецы были полностью одеты и вооружены. Эти же были либо обнаженными, либо одетыми в такие лохмотья, словно сама мысль о необходимости одеваться давно не приходила им в голову.

Некоторые валялись возле небольших повозок, на которые были навалены коробки и ящики. Некоторые лежали рядами, словно маршировали в колонне, когда их выключили. Саймон подошел поближе и склонился над одним из первых. Человек был явно мертв, мертв не менее одного дня.

Торопливо лавируя между наваленных тел, трос из Эсткарпа дошли до конца пирса. Вооруженных среди мертвых не было. Как не было здесь и никого из Эсткарпа. Если это были рабы колдеритов, то все они были из других народов.

— Эй, капитан. — Один из шедших позади Саймона гвардейцев остановился возле какого-то тела и с удивлением разглядывал его. — Такого человека я еще никогда не видел. Посмотри на цвет его кожи — он явно не из наших мест.

Несчастный раб колдеритов раскинулся на спине словно во сне. Но тело его, прикрытое лишь узкой полоской ткани на бедрах, было красновато-коричневым, а кудрявые волосы плотно облепили череп. Колдериты явно забрасывали свои сети повсюду.

Сам не зная почему, Саймон подошел к краю причала. Или же Горм с самого начала был построен над громадной пещерой, или же колдериты сами сделали ее для каких-то целей, быть может, для кораблей, подобных доставившему

его сюда. А не было ли это место тайной стоянкой флота колдеритов?

— Капитан. — Один из гвардейцев забежал чуть вперед, словно не замечая распростертых на пирсе тел. Он стоял теперь на самом конце выступающего в воду каменного языка и манил Саймона к себе.

Возле пирса вдруг закипела вода, заматались волны, все трое отступили, даже в сумеречном свете можно было видеть, что к поверхности поднимается нечто.

— Ложись! — резко скомандовал Саймон. Вернуться к лифту они теперь не успели бы, оставалась единственная надежда — укрыться среди лежащих тел.

Они залегли рядом. Положив голову на руку, Саймон приготовил свой самострел и следил за водоворотом. С поднимающегося корабля хлынула вода. Теперь он видел и острый нос и такую же заостренную корму. Догадался он вовремя: один из кораблей колдеритов возвращался в гавань.

На мгновение он подумал, что дышит, наверно, так же громко, как и распростертые рядом с ним двое. В отличие от мертвецов они были полностью одеты, внимательный взгляд мог заметить блеск брони и обрушить на них неведомое оружие, прежде чем они смогут пошевелиться.

Но серебристый корабль, оказавшись на поверхности, застыл и покачивался на волнах, словно жизни в нем было не больше, чем в валявшихся вокруг трупах. Саймон не отрывал от него глаз, а потом вздрогнул: лежавший рядом гвардеец что-то шепнул и прикоснулся к его руке.

Но Саймону не нужно было никаких предупреждений. И он тоже заметил новое бурление в волнах. Первый корабль качнуло к пирсу. Он явно не управлялся. Не в силах поверить, что на корабле никого нет, они не решались шевельнуться. И лишь когда из воды вынырнул третий корабль, отодвинувший вбок остальные, Саймон решился встать. Корабли были либо без экипажа, либо неисправны... Не чувствуя руля, они качались на волнах. Два корабля ударились бортами.

На палубах не было видно никаких отверстий, ничто не указывало на то, что внутри могут быть экипажи и пассажиры. Впрочем, тела на пирсе свидетельствовали об ином. Судя по ним, корабли были под погрузкой, готовилась атака или бегство из Горма. А если готовилась только атака, зачем же было убивать рабов?

Попытаться проникнуть на борт одного из этих серебря-

ных челноков было бы безрассудным. Но за ними лучше приглядеть. Все трое вернулись назад, к доставившей их вниз кабине. Один из кораблей стукнулся бортом о пирс, отскочил от него и отплыл подальше.

— Вы останетесь здесь? — спросил Саймон у своих подчиненных, не желая приказывать. Гвардейцам Эсткарпа не привыкать видеть рядом смерть, но здесь оставлять людей против их воли не следовало.

— А эти корабли... мы узнаем когда-нибудь их секрет? — спросил один из них. — Впрочем, не думаю, капитан, что они когда-нибудь вновь отплывут из этой гавани.

Саймон согласился с завуалированным намеком. Втроем вышли они из подземной гавани, оставив пока всех ее мертвецов и обездвиженные суда. Прежде чем кабина тронулась, Саймон внимательно оглядел стенки в поисках каких-либо кнопок. Он хотел попробовать перехватить Кориса на одном из нижних уровней, не поднимаясь снова в зал с картой.

К несчастью, на стенках кабинки не было даже намека на какие-нибудь средства управления. Не без разочарования они закрыли за собой дверь, приготовясь к подъему. И когда вибрация в стенках показала, что они движутся, Саймон попытался представить себе коридор лаборатории и пожелать оказаться именно в нем.

Кабинка остановилась, дверь поползла в сторону, и все трое вдруг оказались перед изумленными воинами. Лишь мгновение изумленного замешательства спасло их от фатальной ошибки — кто-то из этой группы успел окликнуть Саймона, а он заметил Брианта. Потом фигура, которая могла принадлежать только Корису, отодвинула прочих на задний план.

— Откуда это вы? — спросил он. — Прямо из стены?

Саймону был знаком этот коридор, где собралось сейчас воинство Эсткарпа, — о нем-то он и думал. Но неужели кабинка привезла их сюда лишь подчиняясь его желанию? Только желанию!

— Ты нашел лабораторию?

— Мы нашли многое, но понятного мало. Но мы до сих пор не нашли никого из колдеритов! А вы?

— Одного-то мы встретили, и он сейчас мертв, а быть может, и все они тоже. — Саймон подумал о кораблях и о том, что могло быть внутри их. — Думаю, бояться встречи с ними теперь нечего.

Последующие часы показали, что Саймон оказался

подлинным пророком. За исключением человека в металлической шапке в Горме не оказалось никого из этой странной расы. Все слуги колдеритов были мертвы. Их находили взводами, ротами, по двое или по трое в коридорах. Все, казалось, пали на месте, словно их выключили, и они обрели забвение, которого лишили их господа.

В комнате за лабораторией нашлись и другие пленные, в том числе и из тех, кого везли вместе с Трегартом. Они с трудом приходили в себя после наркотического забытья, не припоминая уже ничего, что случилось после подачи газа. Но при этом не забывали благодарить своих богов за то, что судьба привела их на Горм с опозданием, и последовать путем прочих пленников колдеритов им уже не довелось.

Корис и Саймон проводили мореходов-сулкаргов в подземную гавань и в крохотной лодчонке обследовали пещеру. Повсюду была голая скала. Должно быть, вход в гавань крылся под водой, и скорее всего он был закрыт — ведь корабли колдеритов не вышли из гавани.

— Тот, в шапке, и правил всем, — подытожил Корис, — и смерть его закрыла им выход. Кроме того, раз с ним-то ты и боролся в Битве Сил, не исключено, что он сам отдавал путанные распоряжения.

— Возможно, — согласился отсутствующим тоном Саймон. Он думал о том, что успел увидеть в последние секунды жизни колдерита. Если все остальные были сейчас запаяны в корабли, как в консервные банки, у Эсткарпа были все основания ликовать.

Забросив литье на палубу одного из кораблей, его притянули к пирсу. Однако гнезда люков озадачили всех, и Корис вместе с Саймоном предоставили сулкарам решать эту задачу, а сами вернулись в цитадель.

— Кругом их магия, — пожаловался Корис, закрывая за собой дверь лифта. — Только похоже, что ты можешь управлять всем этим не хуже его. — Саймон привалился спиной к стенке, его одолевала усталость.

Победа не была полной, впереди была погоня, но поверят ли уроженцы Эсткарпа его словам.

— Думай о коридоре, где мы встретились с тобой, представь его себе, — сказал он.

— Так? — Корис стянул шлем, припал спиной к противоположной стенке кабины и сосредоточенно остановил взгляд.

Дверь открылась. Перед ними был снова коридор лабора-

тории, и Корис рассмеялся, будто изумленный мальчишка при виде восхитительной игрушки.

— Такую магию могу творить и я, Корис Уродливый. Похоже, среди колдеритов Сила была уделом не только женщин.

Саймон снова закрыл дверь и представил себе верхнюю часть цитадели — зал с картой. И только попав туда, ответил сотоварищу.

— Быть может, колдеритов больше не следует опасаться, капитан. У них была собственная сила, и ты видишь, они искусно пользовались ею. Горм теперь, похоже, просто сокровищница их знаний.

Бросив шлем на стол под картой, Корис оперся на топор и с укором в упор глянул на Саймона.

— И ты предостерегаешь против ее ограбления, — быстро догадался он.

— Не знаю, — Саймон тяжело опустился в одно из кресел и, подперев голову руками, устался на покоящиеся на гладком столе локти. — Я не ученый, в такой магии не разбираюсь. Здесь все будет искушать: сулкаров — корабли, а Эсткарп — все прочее...

— Искушать? — Кто-то повторил это слово, и мужчины оглянулись. Увидев, кто уселся неподалеку от него, Саймон вскочил на ноги: она... и Бриант, верный щитonosец.

Она была в броне и шлеме, но Саймон уже знал, что, даже если она изменит обличье, он узнает ее под любой личиной.

— Искушать, — вновь повторила она, — ты верно выбрал слово, Саймон. Да, все здесь будет искушать нас! И потому-то я здесь. У клинка два лезвия, и обоими можно порезаться, забыв о предосторожности. И если мы отбросим эти странные знания, уничтожим здесь все, то, быть может, обретем безопасность. Или же наоборот, сами откроем свои ворота для новой атаки Колдера — кто сумеет защититься от оружия, природы которого не знает?

— Что касается колдеритов, — медленно вымолвил Саймон, — теперь их можно не опасаться. Их было немного с самого начала. Если кто-то и спасся отсюда, путь можно проследить до ворот, а они теперь закрыты.

— Закрыты? — удивился Корис.

— В нашей последней схватке их вождь выдал свои секреты!

— Что они люди не нашего мира?

Голова Саймона шла кругом. Неужели она прочла его

мысли или уже знала об этом и не считала нужным рассказать ему?

— Вы знали?

— Я не читаю чужие мысли, Саймон. Только мы узнали это совсем недавно. Да, они попали сюда тем же путем, что и ты, но, я думаю, по иным причинам.

— Они бежали, бежали от развязанной ими войны, их страна полыхала за ними. Не думаю, чтобы они осмелились оставить за собой открытую дверь, но в этом следует убедиться. Важнее всего решить, что делать с этой цитаделью.

— Понимаю, вы считаете, если мы воспользуемся их знаниями, зло, что кроется в них, совершит нас. Но Сила долгое время уже хранит Эсткарп.

— Госпожа, какое бы решение ни было принято, Эсткарп не останется прежним. Он должен либо обратиться к жизни во всей ее полноте, либо ему придется довольствоваться застоєм, а это тоже смерть.

Они разговаривали, словно были вдвоем, ни Корису, ни Брианту нечего было сказать о будущем этой страны. Ум этой ведьмы удивительным образом был и близок и равен его собственному уму, он еще не встречал подобной женщины.

— Верно, Саймон. Быть может, расколется древнее единство моего народа. И окажутся среди нас такие, что пожелают жизни в новом мире, и такие, что будут бояться отклониться даже на волос от знакомого и безопасного пути. Но эта болезнь еще ждет нас. И это будет лишь одним из плодов этой войны. А что, по-твоему, следует сделать с Гормом?

Он устало улыбнулся:

— Я человек действия. А потому должен проследить путь до ворот, из которых явились колдериты, и убедиться, что теперь они безопасны. Приказывайте, госпожа, и ваши распоряжения будут выполнены. Но пока я бы охранял это место — пока мы не примем решение. Кое-кто может попробовать забрать отсюда все, что осталось.

— Да, и Карстен и Ализон с удовольствием приняли бы участие в ограблении Сиппара, — она резко качнула головой. Рука ее поднялась к прикрытой кольчугой груди; зажав в кулаке камень власти, она подняла руку.

— Моей властью, капитан, — обратилась она к Корису, — пусть будет, как говорит Саймон. Да опечатают хранилище этих странных познаний, а Горм за этими стенами пусть

очистят для гарнизона, пока не настанет время решить судьбу хранящегося здесь, — она улыбнулась молодому офицеру. — Его я оставляю под вашей командой, Владелец-защитник Горма.

7. Приключение начал

Лицо Кориса от воротника кольчуги до корней светлых волос побагровело. Потом он ответил, и горькие морщины около рта добавили ему лет.

— Неужели вы забываете, госпожа, — Топор Волта, звякнув, улегся на стол, — что некогда Кориса Уродливого изгнали отсюда?

— А что случилось с Гормом потом... и с теми, кто совершил эту несправедливость? — спокойно ответила она. — Разве ты слышал, чтобы капитана гвардейцев Эсткарпа называли Уродливым?

Рука его сжалась на рукояти топора так, что выступили побелевшие костяшки.

— Прошу вас, госпожа, отыскать для Горма иного Владетеля-защитника. Я поклялся Норнами не возвращаться сюда. Для меня это вдвойне несчастное место. Полагаю, пока у Эсткарпа нет претензий к своему капитану, а война еще не выиграна!

— По-моему, он прав, и вы это знаете, — вмешался Саймон. — Быть может, колдеритов немного, и почти все они заточены в этих кораблях. Но мы должны добраться до ворот и убедиться, что их силы не собираются там для нового вторжения и борьбы за власть. Как насчет Иля? И не держат ли они гарнизон в Сулкарфорте? Насколько глубоко пустили они корни в Карстене и Ализоне? Быть может, мы лишь начинаем войну.

— Хорошо, — она погладила камень, — Саймон у тебя столько идей, оставайся здесь правителем.

Корис заговорил прежде, чем Саймон успел ответить:

— С моей точки зрения, неплохое решение. Правь Гормом, благословляю тебя, Саймон, и не опасайся, что я когда-нибудь потребую у тебя назад свое наследство.

Но Саймон покачал головой:

— Я солдат, к тому же еще из другого мира. Оставь собаке се кость — есть такая поговорка, — след колдеритов — мой.

Он тронул свою голову, стоило лишь зажмуриться, как

перед внутренним взором представляла узкая долина, в которой разъяренный арьергард отбивался от преследователей.

— Ты отправишься только в Иль и Сулкарфорт? — впервые нарушил молчание Бриант.

— Куда еще ты поведешь нас? — спросил Корис.

— На Карстен! — и если бесцветный юнец и казался Саймону лишенным личности, эти слова могли заставить изменить мнение о нем.

— На что нам Карстен в такое время? — в голосе Кориса слышалась усмешка. Но все ли в нем было непонятным Саймону. Что-то было еще в этих словах, какая-то игра, а он не знал ни цели ее, ни правил.

— Иввен! — имя это было брошено в лицо капитану как вызов на бой, и Бриант словно ожидал, что Корис его примет. Саймон переводил взгляд с одного молодого человека на другого.

Молодые люди заговорили так, будто и не подозревали о чьем-либо присутствии.

Лицо Кориса снова залила краска, а потом отхлынула, оставив его побледневшим и строгим, словно бы теперь предстояла ему битва, которой он не хотел, но не смел уклониться. Впервые оставив на столе без присмотра Топор Волта, он поднялся и направился к торцу стола легкой и изящной походкой, столь неожиданной для его непропорционального тела.

Со странным выражением, смесью надежды и непокорности, так оживлявшим его, Бриант ожидал Кориса и не дрогнул, когда тяжелые руки пали ему на плечи, явно чтобы сделать больно этому телу.

— Значит, ты хочешь этого? — словно под пыткой выдавливал слова Корис.

В последний момент Бриант, должно быть, захотел уклониться.

— Я хочу назад свою свободу, — тихо вымолвил он.

Грозные руки упали. Корис расхохотался с такой горечью, что Саймон внутренне запротестовал.

— Не сомневайся, со временем ты ее получишь! — И капитан отступил бы в сторону, если бы Бриант в свою очередь не вцепился в руки Кориса, с той же самой страстью, как только что он сам.

— Я хочу вернуть себе свободу, чтобы сделать выбор. И он уже сделан... Неужели ты сомневаешься в этом? Или же

и у тебя есть своя Олдис, чье могущество мне опять не оспорить?

Олдис? В голове Саймона наконец забрезжил огонек догадки.

Взяв Брианта за подбородок, Корис повернул к себе юное худенькое лицо:

— У Ивьена есть его Олдис. Пусть они попользуются друг другом, пока могут. Но, я думаю, Ивьен ошибся в выборе. И коль свадьба была с топором, топор же может ее и расстроить.

— Свадьба... свадьба — это болтовня Сирика и только, — негодуя вспыхнул Бриант, уже не противясь рукам капитана.

— Об этом вы могли и не говорить мне, — улыбнулся в ответ Корис, — госпожа Верленская.

— Лоис Верленская умерла, — повторил Бриант, — ты не получишь мое наследство в приданое, капитан.

Крошечная морщинка пересекла брови Кориса:

— И этого тоже можно было не говорить. Или такой, как я, может купить жену лишь землями и добром, а потом всегда сомневаться...

Рука ее с рукава метнулась ко рту Кориса и закрыла его. И ярость была в ее глазах и голосе.

— Корис, капитану Эсткарпа не следует говорить о себе так, а тем более мне, бесприданнице и дурнушке.

Саймон шевельнулся, понимая, что им обоим уже ни до кого. Тронув ведьму за плечо, он улыбнулся.

— Выйдем, пусть они сами заканчивают свой поединок, — шепнул он.

В ответ она по своей привычке усмехнулась:

— Взаимные признания в собственных недостатках скоро закончатся молчанием... и твердым союзом обеих судеб.

— Я правильно понял: она-то и есть пропавшая наследница Верленская, обрученная с Ивьеном.

— Да, это она. Лишь благодаря ее помощи мне удалось неврежденной уйти из Верлена. Я попала к ним в плен. Фалк не слишком симпатичный враг.

От интонаций ее голоса улыбка Саймона постепенно исчезла.

— Думается, Фалку и его шакалам следует дать хороший урок, — добавил он, зная ее склонность к недомолвкам. Достаточно было уже того, что она признала, что спаслась из Верлена лишь благодаря этой девушке. Такое признание в устах владеющей Силой означало верную опасность. Он

еле подавил в себе желание немедленно взять один из кораблей сулкаров, набить его своими горцами и немедленно отправиться на юг.

— Следует, вне сомнения, — с обычным спокойствием она согласилась с ним. — Как ты уже говорил, война в самом разгаре, и мы еще не победители. И Верленом и Карстеном придется заняться в свой черед. Саймон, меня зовут Джаэлит.

Все случилось так быстро, что в первый момент он даже не понял значения этих слов. А потом, зная обычаи Эсткарпа, удивился ее полной капитуляции: это было ее имя, то личное, что связывало ее с Силой, что можно было отдать другому лишь вместе с собой!

Топор Кориса лежал на столе, и прежде чем подойти к Саймону, она оставила рядом с ним свой самоцвет. И это он тоже заметил. Она сдалась, бросила все свое оружие, всю силу, что была ей дана, что определяла всю ее жизнь. Что значила такая капитуляция для нее, он мог лишь смутно догадываться... с благоговением. И показался себе лишенным всего, способностей, сил, таким же нескладным, как Корис.

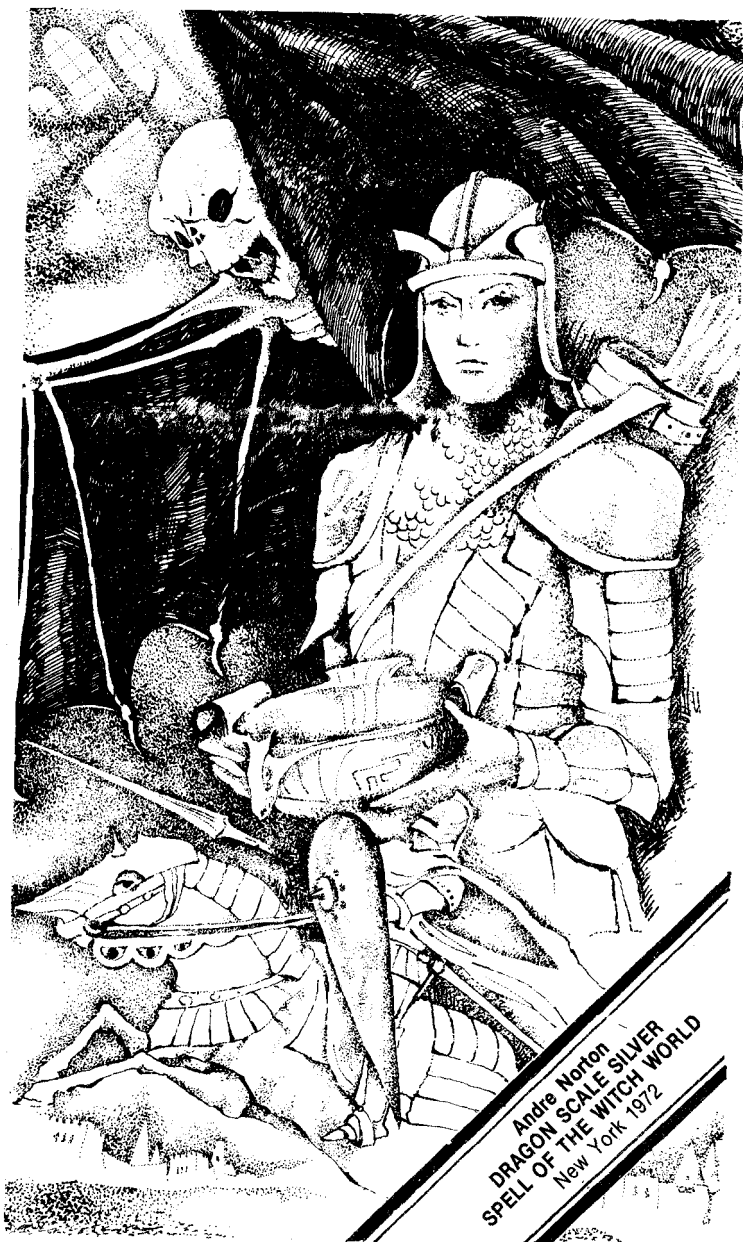
И все же шагнул вперед, и руки его притянули ее к себе. Отыскивая губами ее жадные губы, Саймон впервые подумал, что теперь все и впрямь переменялось. Он стал частью целого, и жизнь его переплетется с ее жизнью, вольется в жизнь этого мира. Навсегда, до конца его дней, и не желать ему больше иного.

ДРАКОНЬЯ ЧАША

Перевод
Ю. Соколова

© перевод на русский
язык, Соколов Ю.Р., 1992

Andre Norton
DRAGON SCALE SILVER
SPELL OF THE WITCH WORLD
New York 1972

1. Незнакомцы издалека

Шторм бушевал всюду, волны тяжело ударили о скалы, разбиваясь о невысокий риф, за которым обычно прятались рыбацкие лодки. Но мужчины Роби успели подготовиться: они, кого кормят ветер и волна да изменчивое рыбацкое счастье, всегда знали о непогоде заранее. Поэтому все уцелело: и люди, и лодки, лишь меньший ял Омунда волны закинули поглубже на берег.

Но в том утро на плотно сбитом волнами береговом песке Омунд был не один — ведь волны или отбирают у человека его скудное достояние, или, наоборот, могут что-нибудь ему послать. И все, кто умел ходить, высылали из Роби на низкий берег в ожидании удачи, которую волны могли прибить прямо к порогу...

Изредка они находили тут янтарь, его высоко ценили на побережье. А однажды Дерик даже отыскал две золотые монеты, очень старые. Оффрика Мудрая сказала, что знаки на них нанесли Древние. Поэтому Дерик не медля отнес монеты прямо в кузницу, где их переплавили в слиток, сняв заклятие с доброго металла.

Но неизменно волны оставляли на песке плавник и груды водорослей, из которых женщины делали краску для зимних одежд, и раковины — сокровища для детей. А еще — обломки кораблей, не похожих на те, что бросали якоря в небольшой огражденной рифами бухте Роби, да и в море жители поселка не встречали таких, разве что в порту Джурби.

Тогда-то и появились неизвестные. Сначала собравшиеся на берегу заметили вдали лодку, потом в ней кто-то шевельнулся. Весел не было видно — грести было некому. Люди на суше сразу замахали руками и закричали, тщетно пытаясь перекрыть гомон морских птиц, но ответа не последовало.

Наконец, Калек-кузнец разделся и, опоясавшись веревкой, бросился в воду. Подплыв к лодке, он отчаянно замахал руками, давая понять, что люди на борту живы, привязал веревку, и мужчины общими усилиями вытянули утлое суденышко на берег.

Их было двое: женщина привалилась к борту, слипшиеся от соленой воды волосы свисали на бледное лицо, руки

неуверенно потянулись ко лбу, словно она хотела отвести влажные пряди от глаз. Мужчина был недвижим, на виске его зияла громадная рана, должно быть, полученная в бою, и сперва его приняли за мертвого. Но Оффрика, как и следовало целительнице, протолкнувшись вперед, расстегнула на его груди промокшую тунуку и, уловив едва различимые биения, объявила, что ни море, ни превратности судьбы пока не заставили раненого покинуть этот мир. И вместе с женщиной, которая, казалось, оцепенела от пережитого — испуганно озираясь, она не отвечала на вопросы и только слабой рукой отводила со лба волосы, — его взяли в дом Оффрики.

Так со штормом в Роби появились незнакомцы. И остались там, хотя и некому было поручиться за них. Полученная мужчиной рана не позволяла им трогаться в путь. Первое время он был беспомощен как ребенок, и женщина ухаживала за ним с такой самоотверженностью, будто когда-то его и в самом деле отняли от ее груди.

Их выбеленная солью и торчащая колом одежда не походила на деревенскую, да и сама женщина отличалась от жительниц Роби и окрестных земель. Сначала, как говорила любопытным Оффрика, женщина не понимала их языка, но научилась говорить очень быстро. И тогда прежде не отличавшаяся скрытностью Оффрика стала все меньше рассказывать о них людям. Гудита, жена старейшины, да и другие допытывались, задавали вопросы, но она уклонялась от ответа, словно скрывая потрясшую ее тайну, что внезапно открылась ей.

Женщины Роби беспрестанно судачили об этом с мужьями, и наконец Омунд явился в дом Оффрики как старейшина, дабы узнать имена неизвестных и цель их прибытия и поведать о них Гейлларду, властелину здешних земель. Было это все в год Саламандры, еще до Великого Вторжения. Высокий Халлак наслаждался миром, и закон царил в его пределах, особенно на побережье, где люди поселились давно, намного раньше, чем в иных местах.

Неизвестный грелся на солнце, рану на лбу затянул шрам, но он почти не портил его красивое лицо. И тонкие черты, и темные волосы — все отличало его от жителей Долин. Он был худощав и высок, на руках его, свободно лежавших на коленях, Омунд не заметил мозолей от сетей и весел, как на собственных ладонях. Судя по всему, этот человек добывал пропитание иным путем.

Он улыбнулся Омунду открыто и бесхитростно, словно ребенок, и что-то в его глазах заставило Омунда улыбнуться в ответ, как собственному младшему сыну. И тут он понял, что нет правды во всех пересудах деревенских женщин и разговорах мужчин за рогом, полным вина: не было зла в бедном чужаке и не таило опасности его прибытие.

Скрипнув, открылась дверь, и Омунд, отведя взгляд от улыбавшегося мужчины, оказался перед его спутницей. Вот тут-то и шевельнулось что-то в мозгу Омунда, хотя был он простым человеком, чьи мысли не идут дальше событий дня.

Женщина была лишь чуть пониже мужчины, такая же худощавая и темноволосая. Тонкое лицо казалось изможденным, и не увидел в нем Омунд красоты в привычном ему понимании. Но было в нем что-то другое...

Омунду случалось бывать в огромном зале замка Западной долины — на присяге старейшин, как главе Роби. Там видел он на престоле Властителя и Властительницу во всем их великолепии и могуществе. И все же перед этой неизвестной женщиной в плохо сидевшей на пей верхней юбке, что Оффрика перешила из собственной, без драгоценных камней на пальцах и на груди, без переплеса золотых колокольчиков на концах заплетенных кос, он благоговел более, чем перед величием своего Властелина. Причиной тому были ее глаза, как он решил потом... но даже их цвета не мог он припомнить — помнил только, что они темные и слишком уж большие для тонкого лица. А в них...

Безотчетно Омунд стянул с головы вязаную рыбацкую шапочку и поднял руку ладонью кверху, приветствуя незнакомку, как следовало бы приветствовать Властительницу Долины.

— Да будет мир с тобой, — ответил ему тихий, однако исполненный скрытой силы голос, которым, пожелай она того, ей ничего не стоило своротить гору. Неизвестная отступила в сторону, пропуская гостя в жину.

У очага на низком стуле сидела Оффрика. Она не пошевелилась, чтобы поприветствовать вошедшего, положившись во всем на неизвестную, словно та, а не Оффрика была здесь хозяйкой дома.

Как заведено в здешних краях, рог на столе был наполнен добрым вином гостеприимства. Рядом стояло блюдо с приветственными пирогами. По обычаю женщина протянула гостю руку, легкими и прохладными пальцами прикоснувшись к

загорелому запястью старейшины. Она подвела Омунда к столу и опустила на против него на стул.

— Мы, господин мой и я, должны за многое поблагодарить вас, старейшина Омунд, вас и всех жителей Роби, — сказала она, пока тот старательно потягивал вино, радуясь знакомому вкусу напитка, вдвойне приятному в этом вдруг ставшем странным и незнакомым доме. — Вы подарили нам вторую жизнь... это великий дар, и мы в долгу перед вами. Вы пришли узнать, кто мы, и это справедливо.

Она лишила его возможности задавать заранее заготовленные вопросы — она обращалась к нему, словно сам Властелин Долины. Но Омунд и не мог осмелиться перебить ее: это было бы неуместно.

— Мы пришли из-за моря, — продолжала женщина, — из страны, залитой кровью и опустошенной Псами. И пришлось нам выбирать между смертью и бегством. Никто — мужчина то или женщина — не выберет смерть, пока еще есть надежда. Так и мы: сели на корабль и поплыли искать пристанище. Есть такой народ, сулкары, жители прибрежных портов. От них-то мы и узнали о вашей земле. И отправились на их корабле в путь.

— Потом... — ее голос дрогнул, она опустила взгляд на стол, где лежали ее узкие, с длинными пальцами руки. — Потом был шторм, — продолжила она, словно отбросив колебания. — Он разбил корабль. Когда мы спускались в лодку, обломок мачты ударил моего господина и он упал вниз. По великой милости, — тут пальцы ее шевельнулись, изобразив какой-то знак. Омунд заметил, что Африка вздрогнула и глубоко вздохнула. — ...По великой милости, он свалился ко мне. Но больше никто уже не смог добраться до лодки, волны понесли нас, а потом выбросили здесь на берег.

— Не стану обманывать вас, старейшина. Все, что мы имели, кануло в воду вместе с кораблем. Теперь у нас ничего нет: ни вещей, ни родни на вашем побережье. Мой господин поправляется день ото дня, ему приходится учиться всему, словно малому ребенку, только много быстрее. Все, что забрал у него шторм, быть может, никогда к нему не вернется, но жить в этом мире, как положено мужчине, он сможет. Что касается меня... спросите Мудрую, она знает, что я умею и чем могу быть вам полезной.

— Но не лучше ли вам отправиться в замок Западной Долины?

При этих словах Омунда женщина отрицательно покачала головой.

— Сюда принесло нас море, и в этом есть какая-то цель. — Она снова начертила на столе какой-то знак, и при виде этого благоговение Омунда усилилось, ибо понял он, что мудростью своей она не только не уступает Африке, но и превосходит ее, и лишь служанкой незнакомке могла та быть. — Мы останемся здесь.

Омунд не стал сообщать ни о чем Властелину Долины. А раз годовая подать была уже отправлена в Джурби, людям Властелина не было нужды приезжать в Роби. Сперва женщины сторонились незнакомки. Но когда та помогла Елене при родах, да таких тяжелых, что все клялись, что не выйти младенцу живым из чрева, а он вышел и остался жить, и Елена тоже — незнакомка начертила тогда на животе роженицы несколько рун и напоила ее травяным настоем, — вот тогда разговоры прекратились. И все же не столь дружелюбны были с ней хозяйки, как с Африкой, ведь была она чужой им по крови и неизвестного рода, а звали они ее Госпожа Лепесток, а мужа, не скрывая уважения, — Лентяй.

Между тем, как она и обещала Омунду, он поправлялся, а когда выздоровел, вышел в море с рыбаками, а потом придумал новый способ забрасывать сеть, и уловы сразу выросли. Сходил он и в кузню, и долго возился там с куском найденного в горах металла, пока не выковал меч. С ним он упражнялся каждый день, словно на случай грядущей надобности.

Частенько Госпожа Лепесток и Лентяй отправлялись в горы, по тропкам, никогда не привлекавшим людей Роби. Впрочем, мужчины пасли там полудиких овец, которых разводили ради их шерсти. Водились в тех местах олени и иная дичь, разнообразившая стол рыбаков. Но были там и обиталища Древних.

Ведь когда предки народа Долин пришли сюда с юга, не была эта земля пустынной. Но мало было Древних, многие из них ушли, а куда — не ведали люди. Оставшиеся же редко общались с пришельцами, старались держаться повыше, на пустошах, и встретить их можно было лишь случайно. Странные были эти древние, не все одинаковы, как люди Высокого Халлака. Некоторые казались просто чудовищами. Но в основном не угрожали они людям, только отступали все дальше и дальше.

А отступая, оставляли свои дома и твердыни. Не любили упоминать о них люди, хоть и прочно были они построены. Ведь чудилось всегда, что если громким возгласом потревожить древнее молчание, то отзовется нечто такое, чего лучше бы вовек не видеть человеку, потому и не советовали друг другу люди бывать в этих местах.

Но кое-где еще гнездились Древние, и могучими оставались они в тех местах. Лишь безрассудный глупец дерзал отправиться туда, где царила такая сила. Говорили, будто если и заставлял ее пришедший выполнить свое желание, не ко благу человека бывал итог, мраком и тьмой все кончалось — всегда терял просивший.

Было такое место и в горах над Робью; пастухи и охотники держались подальше от него. Даже животные, которых они пасли или преследовали, не забредали в ту сторону. Не добро властвовало здесь, но и не зло, как в иных твердынях, но властный покой, и забредавшим путникам становилось не по себе при мысли, что потревожили они останки того, что должно пребывать в безмятежном спокойствии.

Низкие стены, не выше человеческого плеча, окружали площадку, не квадратную и не прямоугольную — в форме пятиконечной звезды. В самом ее центре стояла каменная звезда — алтарь. Лучи звезды припорошивал песок, и каждый из них был разного цвета. Красный, синий, серебристый, зеленый, а последний, желтый, словно чистое золото. Ветер, казалось, не проникал за стены, и пыль всегда лежала ровно и гладко, как в тот день, когда некто просыпал ее на этом месте.

Снаружи звездчатые стены окружали остатки сада, переплетенные кусты и травы. Сюда-то летом три-четыре раза и наведывалась Офрика, чтобы собрать урожай лекарственных трав и растений. Однажды она пришла в сопровождении чужестранцев, но затем они совершали вылазки самостоятельно. Только никому не приходило в голову поглядеть, чем они там занимаются.

Вот из этого места Лентяй и принес кусок металла, из которого потом изготовил меч. Сходяв еще раз, он принес второй слиток и сделал из него кольчугу. Так искусна была его работа, что не только рыбаки, но и Калев засматривался на ловкие движения рук, тянувших проволоку, переплетавших кольца. За работой он всегда пел, слов они не понимали, и казалось, будто во сне творит он и нелегко будет пробудить его.

Иногда Госпожа Лепесток приходила глянуть на его работу и стояла, сжимая на груди руки, словно мысленно помогая ему. Глаза ее были печальны, и уходила она, понуриив голову, словно не оружие, судьба ковалась на ее глазах и таила она в себе семена несчастья. Но молчала она и не порывалась прекратить труд своего господина.

Когда настала первая ночь осени, поднялась она до восхода луны, тронула за плечо Офрику, спавшую неподалеку. Лентяй еще спал в своей постели, когда они вышли из дома, поднимаясь по тропинке все выше и выше. Луна встала, когда они поднялись на вершину горы, и сразу, словно фонарем, озарила их путь.

Так шли они: Госпожа Лепесток впереди, Офрика за нею, и обе прижимали к груди по свертку, а другой рукой каждая опиралась на посеребренный лунным светом посох из очищенного от коры ясеня.

Они миновали старый сад, и Госпожа Лепесток перелезла через ограду, оставив следы на серебристом песке; шедшая позади Офрика старалась ступать след в след за нею.

Обе женщины подошли к звездному алтарю. Развернув сверток, Офрика достала тонкой работы свечи из пчелиного воска с добавкой благовонных трав и расставила их по углам звезды. Тем временем ее спутница извлекла из своего свертка чашу, грубо вырезанную из дерева, словно делали ее руки, не привыкшие к подобной работе. Истинной правдой это было, ведь сама она тайком и выдолбила ее. Чашу Госпожа Лепесток поставила в центр звезды, насыпая в нее понемногу песка с каждого из лучей, а серебристого взяла две пригоршни. Теперь чаша была наполнена до половины.

Потом она кивнула Офрике — в безмолвии творили они свое дело, не нарушая грустного покоя, царившего здесь. Тогда Мудрая бросила в чашу горсть белого порошка, и когда совершилось это, заговорила Госпожа Лепесток.

Назвала она Имя и Силу. И ответили ей. Молния из тьмы пала в чашу, вспыхнул порошок. И сверкал этот огонь так, что вскрикнула Офрика, закрыв глаза, но Госпожа стояла недвижно и пела. И пока она пела, пламя блистало, хотя нечему было гореть в чаше. Снова и снова повторяла она те же слова. Наконец подняла высоко обе руки, а когда опустила — угасло пламя.

Но не грубая чаша из темного дерева стояла теперь на алтаре — лунным светом, словно серебряный, сверкал на ней

кубок. Взяла его Госпожа и поспешно укрыла на своей груди, прижимая к себе словно сокровище, что стоило жизни.

Свечи догорели, но даже следов воска не осталось там, где они стояли... чист был камень. Женщины тронулись в обратный путь. Перелезая через стенку, Оффрика обернулась: словно невидимый ветер ровнял песок, заматавая оставленные ими следы.

— Теперь все сделано и сделано хорошо, — устало сказала Госпожа. — Остается самый конец...

— Желанный конец... — перебила ее Оффрика.

— Их будет двое...

— Но...

— За два желания платишь дороже. У моего господина будет сын, который по воле звезд станет рядом с ней. Но ему придется хранить и кое-кого еще.

— А цена, Госпожа?

— Ты хорошо знаешь цену, подруга моя, сестра моя лунная.

Оффрика застряла головой:

— Нет...

— Да и еще раз да! Мы обе бросали руны судьбы. Наступило время, когда один уходит, другой остается. И если уходить приходится чуть раньше, но с доброй целью, что в том плохого? Они приглядят за господином. Не смотри на меня так, лунная сестра. И ты, и я знаем, что не расстанемся мы, а только уходим в открывающуюся дверь, но тусклые очи этого мира так плохо видят. Радость ждет нас, не печаль!

Знала ее Оффрика всегда тихой и спокойной, но словно светилась и сверкала радостью Госпожа Лепесток в эту ночь. И откуда взялась красота у нее, несшей кубок домой!

Там наполнила его Госпожа Лепесток вином, лучшим из сделанного в тот год Оффрикой. До краев налила она кубок, подошла к кровати своего господина и положила руку ему на лоб. Он тотчас проснулся и, смеясь, сказала Госпожа ему что-то на родном языке. Рассмеялся он ей в ответ и отпил половину из кубка. Она допила остальное и упала в его жадные объятия, и легли они рядом, как муж и жена, довершив все должное, пока садилась луна и рассвет взбирался на небо.

А вскоре увидели все, что Госпожа понесла, и местные женщины уже не так сторонились ее, а стали запросто говорить с нею о всяком, что полезно для женщины в это

время. Всегда благодарила она их приветливо, и в ответ понесли ей небольшие подарки: тонкой шерсти на ленту, еды, что полезна беременной. Больше не ходила она в горы, а работала по дому или сидела, молча уставясь в стену, словно видела на ней то, что сокрыто было от прочих.

И Лентяй обжился в деревне. Вместе с Омундом повез он в Джербн годовую подать и товары. Вернулся Омунд довольный, сказал, что Господин Лентяй заключил выгодную сделку с мужами-сулкарами, и деревня выгадала от нее больше, чем за предыдущие годы.

Настала зима, когда люди стараются не отходить далеко от дома. Лишь перед сочельником ожила деревня: пировали в честь уходящего года, женщины бросали в огонь плющ, а мужчины — остролист, чтобы счастье посетило их в наступающий год Змия.

Весна выдалась ранней, и лето настало быстро. В тот год в деревне появилось немало младенцев. Роды принимала Оффрика. Госпожа Лепесток уже никуда не отлучалась из дому. Но женщины следили за ней внимательно и втихомолку удивлялись: хоть и рос живот, тонким оставалось ее лицо, палочками казались руки и двигалась она так, словно тяжесть эта была ей не по силам. Но она всему улыбалась и радовалась жизни. А ее господин вроде бы ничего и не замечал.

Время ее пришло, когда высоко стала луна и ночь озарилась блеском, словно огнем, что светил ей и Оффрике со звездного алтаря. Оффрика достала масло, проговорила над ним заклинанье, написала руны на животе Госпожи и на ее ладонях, и на ногах, а последнюю руну — на лбу.

Тяжкими были родовые муки, но закончились и они, когда в доме запищал не один младенец, а двое. Рядышком лежали они на кровати: мальчик и девочка. Не в силах поднять голову с подушки, повела Госпожа глазами, поняла ее Мудрая Оффрика и быстро подала серебряный кубок. Чистой воды налила она и держала, пока Госпожа, осилив безмерную слабость, подняла правую руку и омочила в ней кончик указательного пальца. Им прикоснулась она к девочке, сразу затихла та и лежала, озираясь странным, как будто осмысленным взором, словно понимая все, что происходит.

— Элис, — сказала Госпожа Лепесток.

Потрясенный, едва сдерживая дрожь, стоял рядом с кроватью Господин Лентяй, понимая, что кончилось время покоя

и что неизбежна утрата. Но и он обмакнул палец в воду, тронул лоб мальчика, который жадно кричал и размахивал ручонками, словно в битве, и сказал:

— Элин.

Так получили они имена и стали расти. Но прошло четыре дня после их появления на свет, и Госпожа Лепесток закрыла глаза и более не просыпалась. Так по-своему ушла она из Роби, а с ее уходом поняли люди, что общая это потеря. Господин Лентяй позволил Оффрике и женщинам обрядить ее достойно, а затем завернул в шерстяной плащ и унес на руках в горы. И глядя на его лицо, не спрашивали мужчины, куда он идет и нужна ли им помощь...

На следующий день воротился он один. Никогда более не вспоминал он свою Госпожу, но стал молчаливым, любому готов был помочь, но редко говорил теперь. По-прежнему жил он у Оффрики и заботился о детях нежнее, чем любой деревенский отец. Но молчали об этом мужчины, исчезла бывшая легкость общения с ним. Словно долю того, что раньше лежало на Госпоже, взвалил он на свои плечи.

2. Тайна чаши

Так начиналась эта история, что стала потом моей жизнью. Все это узнала я большей частью от Оффрики и чуть-чуть от отца, Лентяя, что приплыл из-за моря. Ведь я Элис.

Кое-что еще рассказала мне Оффрика о Госпоже Лепесток. Ни она, ни мой отец не были родом из Высокого Халлака. Они пришли из Эсткарпа, но отец молчал об их жизни в этой стране, и мать тоже немного говорила об этом.

Как положено Мудрой, Оффрика знала травы, заговоры, умела делать амулеты, снимать боль, помогать при родах, имела власть над лесом и горами. Но никогда не пыталась она овладеть высоким волшебством или воззвать к Великим Именам.

Много больше умела мать моя, хотя редко она пользовалась своей силой. Оффрика говорила, что большую часть этой силы мать оставила там, на родине, когда бежала с отцом, но причину этого я так и не узнала.

Из ведьм Эсткарпа была моя мать, чародейка и по рождению, и по воспитанию. Оффрика была ученицей рядом с ней. Но раз пришлось ей с чем-то расстаться, все бывшие силы свои

в Высоком Халлаке использовать она не могла. Только раз, ради детей, осмелилась она призвать то, к чему обращалась раньше свободно. И дорого заплатила за это — своей жизнью.

— Она бросила руны, — поведала мне Офрика, — вот на этом столе, однажды, когда твой отец был далеко. И прочла в них, что дни ее сочтены. Сказала она тогда, что не может оставить своего господина без того, о ком он так мечтал... без сына, который примет из рук его щит и меч.

— По природе своей такие, как она, детей имеют редко. Ведь надев мантию, протянув руку за жезлом власти, отказываются они от женской сути. Чтобы зачать ребенка, должны они отречься от обетов, а это ужасно. Но она пошла на это ради своего господина.

— Да, у него есть Элин, — кивнула я. Тогда мой брат действительно был с отцом, на берегу зимнего моря, готовили они лодки к весеннему выходу на ловлю. — Но ведь есть еще и я...

— Да. — Офрика усердно толкла сухие травы в горшке на коленях. — Она отправилась в место власти испросить себе сына, но молила и о дочери. Я думаю, она хотела, чтобы кто-нибудь заменил ее здесь. Ты рождена ведьмой, Элис, и хотя понемногу я могу научить тебя, нет у меня знаний твоей матери, — но все, что я знаю, будет твоим.

И странное же воспитание я получила. Если Офрика видела во мне дочь моей матери, которую следует пичкать древними знаниями, то отец видел во мне второго сына. Я носила не юбки, как все деревенские девчонки, а штаны и тунику, как мой брат. Так пожелал отец, ему всегда было не по себе, если я появлялась перед ним одетой иначе.

Это было, думала Офрика, потому, что чем старше, выше и женственней я становилась, тем больше напоминала ему мать и печалила его. Поэтому я старалась быть как Элин, и отец был мною доволен.

Но не только по внешности хотел отец видеть во мне сына. С ранних лет учил он нас, детей, владеть оружием, и Элина, и меня. Сперва мы фехтовали игрушечными мечами, вырезанными из плавника. Но когда стали старше, выковал он для нас два меча-близнеца. И познала я искусство боя, как знает всякий воин Долины.

Однако согласился он с Офрикой в том, чтобы проводила я время и с ней. Вместе искали мы травы в горах, показала она мне заповедные места Древних и поведала о ритуалах и

церемониях, которые следует совершать, следя за луной. Увидела я звездчатые стены вокруг места, где ворожила мать моя при луне, но вступить туда не дерзала, хотя приносили мы травы и от этих стен.

Много раз видала я и ту чашу, что наворожила мать моя себе на погибель. Офрика хранила ее вместе с дорогими ей вещами и никогда не прикасалась к ней голыми руками, а брала через иссиня-зеленый лоскут материи, которую так ценила. Серебряной по цвету была эта чаша, но радугой переливалась поверхность, когда поворачивали ее на свету.

— Драконье серебро... — сказала Офрика. — Это серебряная чешуя дракона. Слышала я о нем лишь в старых легендах, а вот видеть — не доводилось, пока по мольбе Госпожи не сотворилась в драконьем огне эта чаша прямо передо мною. Большую силу дает эта чаша, храни ее крепко.

— Ты говоришь так, словно она моя, — дивилась я чаше, ведь красоты была она несравненной и подобной могла я уже никогда не увидеть.

— Твоя она и будет, когда придет время и нужда приспеет. Твоя она и Элина. Но только ты по природе своей можешь извлечь из нее пользу, — и не сказала Офрика тогда ничего больше.

Поведала я об Офрике, которая была так близка мне, и об отце моем, что ходил, говорил и жил так, словно тонкая броня отделяла его от остальных людей. Но не говорила я пока об Элине.

Рождены мы были в едином рождении, но не были копией другого. Только лицом и фигурой были мы схожи. А интересы наши были различными. Он любил действовать, любил фехтовать и душно было ему в спокойном мирке Роби. Он был безрассуден, и частенько отчитывал его отец, когда заводил он других мальчишек в опасное место. А иногда он стоял рядом с домом и глядел на горы с такой тоской в глазах, что казался прикованным соколом.

Я искала свободу внутри себя, он — снаружи. На уроки Офрики ему не хватало терпения. И, подрастая, все чаще поговаривал он о Джурби, о службе у Властителя Долины.

Мы знали, что когда-нибудь отцу придется отпустить его. Но пришла война, и все решилось без нас. В год Огненного Тролля неприятели вторглись в Высокий Халлак.

Они пришли с моря, и окаменело лицо отца, когда услышал он о набегах на прибрежные владения и города. Похоже,

пришельцев этих он знал хорошо, и были они врагами. Отбросил он свою отстраненность и однажды вечером с твердой решимостью мужа объявил нам и Африке свою неизменную волю.

Он решил отправиться к Властителю Долины и предложить свой меч и не только меч — ведь, исстари зная врагов, мог подсказать он кое-что полководцам и усилить сопротивление. Не сводили мы глаз с лица его и понимали, что ни слова, ни дела наши не отвратят отца от выбранного пути.

Встал тогда Элин и сказал, что, коль должен идти отец, он последует с ним как оруженосец. И решимость его была тверда, и суровы были их лица, и словно в зеркале отражали они друг друга.

Но сильней была отцовская воля: сказал он, что до поры место Элина здесь, хранить он должен меня и Африку. Но поклялся тогда, что вскоре пошлет за Элином, и согласился тот с решением отца.

Не сразу уехал отец, на несколько дней и ночей засел он в кузнице. Но сперва, взяв черного пони, отправился в горы. А вернулся с выюками тяжелых слитков металла, сплавленных из старинных изделий.

Из металла этого с помощью Калеба сковал он два меча и две тонкие гибкие кольчуги. Одну отдал Элину, другую — мне. Положив их перед нами, он сказал, и было понятно, что слова эти следует запомнить и не забывать в грядущие дни.

— Нет у меня ее дара предвидения, — редко упоминал он мать, и никогда по имени, словно была она великой госпожой, перед которой склонялся он с почтением и благоговением. — Но приснилось мне, что ждет вас обоих впереди испытание, одолеть которое можно, лишь перелоясавшись не одной волей и стойкостью, присущей тебе, дочь моя. Хотя не как с девушкой обращался я с тобой...

Не найдя более слов, погладил он кольчугу, словно платье из шелка, резко повернулся и вышел, прежде чем успела я что-нибудь сказать в ответ. А на рассвете отправился он горной тропой в Западную Долину. И мы никогда больше не видели его.

Прошел год Огненного Троля, а мы все еще спокойно жили в нашей зажатой скалами Роби. Но не пришлось Омунду отправиться как обычно в конце года в Джурби: из-за горы пришли истерзанные люди и сказали, что пал Джурби перед

врагом в ночь, полную кровавого бесчинства и разбоя. А твердыня Долины осаждена врагами.

Жители деревни собрались на совет. Хоть и прожили они всю жизнь у моря, выходило теперь, что погибель сулит оно им, а бегство в горы обещает жизнь. Молодежь и бессемейные предлагали остаться на месте, но остальные считали, что лучше бросить деревню и вернуться, когда уйдут восвоиши пришельцы.

Все решили рассказы беженцев о кровавом погроме, сразу заторопились жители Роби и решили бежать немедленно.

Пока шли споры, брат мой слушал все речи молча. Но видела я, что все для себя решил он. И когда мы вернулись домой, то сказала ему:

— Настало время, когда меч не должен оставаться более в ножнах. Если ты решил — уходи, и мы благословим тебя в дорогу. Здесь ты больше не нужен, ведь в горах мы будем в безопасности; никто не знает их секретов лучше нас с Оффрикой.

Помолчал он, не отводя от меня глаз, и молвил:

— Зову крови моей не могу противиться, и так уже целый год заточен я в деревне, связан данным отцу обещанием.

Подошла я к сундуку Оффрики, а она сидела у очага на стуле, смотрела на меня и молчала. Достала оттуда драконью чашу. Поставила на стол между нами и дала скользнуть платку вниз, и обеими руками смело обхватила холодный металл. Так сидела я несколько мгновений.

Со своего места поднялась Оффрика, порылась в припасах и достала бутылъ травяного настоя, которую никогда не откупоривала прежде. Зубами вынула пробку и крепко держала бутылъ обеими руками, словно и каплю боялась пролить на землю. Плеснула из нее она в чашу густую золотистую жидкость, пряный запах наполнил комнату, и было в нем изобилие щедрого урожая и дремотная сытость ранней осени.

Наполовину наполнила она чашу, которую я держала, а потом отступила и оставила Элина лицом ко мне перед чашей. Опустила я чашу на стол, взяла его за руки, положила их на гладкое серебро.

— Пей, — сказала я, — пей половину. На прощание мы должны осушить эту чашу.

Ни о чем не спрашивая, поднял он чашу двумя руками и не опускал, пока глоток за глотком не выпил половину. В свой черед взяла я чашу и допила все, что осталось.

— В разлуке, — сказала я ему, — по чаше этой прочту я

твою судьбу. Если все будет хорошо, серебро останется чистым. Но если оно помутнеет...

Он не дал мне закончить.

— Сейчас война, сестра. И мужчина не может вечно ходить безопасной тропой.

— Все это так. Но и зло иногда можно ослабить или обратить в добро.

Элин нетерпеливо отмахнулся. Никогда не интересовали его мудрость и знания, словно бы и не ценил он их вовсе. Но и мы никогда не говорили об этом. Так поступили и теперь.

С облегчением убрала я чашу и вместе с Офрикой занялась сборами. Дали мы ему в путь питья и еды, одели, чтобы спать в тепле, да мешочек с целебными травами. И ушел он, как ушел отец.

А на следующий день оставили Робь и все остальные. Кое-кто из молодежи последовал за братом, неумелым в военном деле прислужником. Ведь хоть и молод был брат, но владел он мечом и другим оружием, а потому главенствовал над ними. Прочие заложили засовы на дверях, навьючили пони и отправились в горы.

Зима выдалась суровой. Сперва укрылись мы в деревеньке подальше от берега, а потом, когда дошли до нас слухи о вторжении, перебрались подальше, на пустошь. Там и жили мы в пещерах и на скорую руку сколоченных укрытиях. По слухам, враги продвигались, отхватывая от Высокого Халлака все новые и новые куски.

Часто люди обращались к нам с Офрикой за помощью, но не только раны целили мы, когда забредали к нам раненные в проигранных битвах скитальцы, приходилось лечить и болезни — много было их от голода, суровой жизни и потери надежды. В любой момент могла нагрянуть беда, и я всегда носила выкованную отцом кольчугу и привыкла к тяжести меча на поясе. Научилась я и охотиться с луком — и не только на зверей, чтобы насытиться, но и на тех двуногих, что не прочь были поохотиться на нас самих и на скромные наши пожитки.

Как всегда случается, когда нет на земле закона, лишь война да война, и осенью, и зимой, и весной, объявились и среди нас гнусные шакалы, рыскавшие повсюду и обиравшие тех, кто не мог защитить себя сам. Таких я убивала и не сожалела об этом, ведь убитые мною уже не были людьми.

Лишь чашу всегда брала я с собой, и каждое утро доставала ее, чтобы посмотреть. Блеск ее не затмевался, и я знала, что

с Элином все в порядке. Иногда пыталась я дотянуться до него мыслью во сне, с помощью сонного зелья. Но при пробуждении оставались лишь смутные воспоминания. Как жаждала я тогда знать все, что знала мать моя и чего не могла дать мне Оффика!

В наших скитаньях набредали мы иногда на места обитания Древних. Из некоторых приходилось впопыхах бежать, ибо туманом струилась оттуда мерзкая злоба, враждебная людям. Другие пустовали, словно обитавшее в них улетело давным-давно или рассеялось за столетия. Кое-где попадались и приветные места, туда мы с Оффикой ходили, пытаясь вызвать таящееся в сердцевине. Но умения нашего не хватало, и ничего, кроме внутреннего покоя и облегчения, мы оттуда не уносили. Не ведали мы более годов с их именами, лишь времена года сменялись для нас. На третье лето мы, наконец, обрели безопасность. Кое-кто откололся от нашей компании, выбрав другие дороги. Но небольшая группа жителей Роби во главе с Омундом, теперь согнутым болью в костях, держалась вместе. С нами были его младшие братья, их жены и две его дочери с детьми, чьи мужья ушли вместе с Элином, — иногда я ловила на себе их косые взгляды, но вслух они ничего не говорили, — и еще три семьи с пожилыми мужами во главе.

Мы обнаружили проход в высокогорную долину, где никто еще не селился, разве что забредали пастухи или перегонщики скота со стадами, они-то и сложили несколько хижин, где укрывались от непогоды летом. Тут мы и остались с горсткой овец, несколькими хромыми пони, с радостью обретшими, наконец, отдых. И люди, находившие прежде пропитание в заброшенных в море сетях, теперь терпеливо добывали хлеб свой в каменистой земле.

На скалах, возвышавшихся над двумя проходами, установили мы стражу. Так изменилась наша жизнь, что стража эта состояла из женщин, вооруженных луками и копьями, бывшими когда-то гарпунами рыбаков на глубинных водах. Зорко следили мы за проходами, внимательно караулили их: не раз доводилось видеть, что оставалось от малых поселений, если набредали на них вечно голодные шакалы-грабители.

На второе лето, что прожили мы на этом клочке земли, накануне солнцестояния, все наши возились с зерном и корнями, что приберегли мы для посадки. Я была на страже и впервые за эти годы увидела вдали двух всадников,

двигавшихся по еле заметной тропе к южному проходу. Я подняла обнаженный меч и сверканием солнца на стали просигналила тревогу, а сама тайной тропой спустилась пониже разведать опасность. Ибо для нас тогда всякий незнакомец был врагом.

Лежа на согретой солнцем скале, я внимательно следила за ними и вскоре поняла, что они не опасны. Хватило бы у нас и сил и духа справиться с обоими гостями.

Это были воины, но броня их была пробита и заржавлена. Один был привязан к седлу, и если бы не веревки, наверняка бы свалился на землю, потому как не было у него сил даже держаться в седле. Второй ехал рядом и вел на поводу коня друга. Окровавленными тряпками были обмотаны голова и плечо потерявшего сознание всадника и рука его спутника.

Все время оглядывался тот назад, явно ожидая появления погони. На нем еще был шлем с плюмажем в виде бьющего добычу сокола, одно крыло которого было обрублено мечом. У обоих всадников ключьями свисали с плеч на броню лохмотья плащей с гербами. Но место девиза было избито настолько, что прочитать его не было никакой возможности. Да к тому же и не изощрена была я в гербах благородных домов Долины.

У обоих в ножнах были мечи. Был еще лук — у того, что в шлеме, но дорожных व्यюков на лошадях не было, и кони устало волочили ноги, едва не хромали.

Я слегка отодвинулась назад, в тень, поднялась на ноги, положила стрелу на тетиву.

— Стой!

Словно ниоткуда прозвучал для них мой приказ. Воин в шлеме поднял голову, лицо его разглядеть я не могла, мешало забрало, но рука быстро и уверенно легла на рукоять меча. Потом он, должно быть, подумал, что сопротивляться бесполезно, и оставил меч в ножнах.

— Встань-как сам, невидимка, передо мной, сталью к стали, — низкий голос его хрипел, но по всему было видно, что он готов к отпору.

— Не стоит труда, — отвечала я. — То, что держу я в руках, поразит тебя насмерть, храбрец. Слезай с коня и клади оружие!

Он рассмеялся.

— Что ж, стреляй, голос из скал. Ни перед кем не складывал я оружие. Хочешь — спустись и возьми его сам.

С этими словами он вытащил меч и держал его наготове.

Тяжелораненый спутник его шевельнулся и застонал, воин движением руки послал коня вперед, телом своим прикрывая спутника от моей стрелы.

— Зачем вы пришли сюда?

Меня беспокоило, что он все время оглядывался... Что если вот-вот на тропе появятся новые всадники? С этой парой мы еще как-нибудь справимся, но если их станет больше...

— Нам некуда идти, — в его голосе слышалась огромная усталость. — За нами гонятся, сам видишь, не слепой. Три дня назад полк Овсяной Долины стоял в арьергарде у брода на Ингре. В живых остались только мы. Мы обещали выиграть время, и мы выиграли, на какой же... — Его передернуло. — Судя поговору, ты из Долин, ты не из Псов. Я Джервон и был Маршалом Конницы, а это Пелл — младший брат моего господина.

Говорил он дерзко, держался вызывающе, но усталость отягощала его плечи. И я поняла — словно раскидывала для этого руны, — что эти двое не опасны для нас, беда может прийти лишь следом за ними.

И я вышла из укрытия. На мне была кольчуга, и он принял меня за мужчину, а я не стала разубеждать его. Так привела я их в нашу Долину под опеку Офрики.

Семьи, бывшие с Омундом, сразу же подняли шум, объявив, что мне не следовало этого делать, что по пятам за такими незнакомцами идет беда. Но я спросила у них: как надо было поступить, убить обоих на месте, что ли? Тут они устыдились, ведь это лишь тяжесть нашей жизни породила в них жестокость, но не забыли они еще те дни, когда двери домов были открыты для любого, а хлеб и питье всегда были на столе перед каждым гостем.

Рана Пелла оказалась очень тяжелой, и не сумела Офрика отогнать от него тень смерти, хотя отчаянно, изо всех сил сражалась она за жизнь воина. А у крепкого на вид и почти невредимого Джервона вдруг воспалилась рана от грязной тряпки, ее прикрывавшей. Несколько дней пролежал он в бреду и в жару. А пока его словно и не было меж нами, незаметно скользнул Пелл в те пределы, где бессильна помощь людская, и похоронили мы его на нашем маленьком поле памяти, где лежало уже четверо наших.

Я стояла у постели Джервона и думала, очнется ли он от горячки, и если нет — печальной будет эта потеря, когда он открыл глаза и посмотрел на меня. Потом вдруг слегка нахмурился и сказал:

— Я помню тебя...

Странно звучало такое приветствие, но нередко спутаны мысли людей после смертельной болезни.

Я взяла в руку чашку травяного настоя, а другой помогла ему приподняться, чтобы попить.

— Конечно, — сказала я, пока он пил, — ведь это я привела тебя сюда.

Он промолчал, по-прежнему хмуро озирая меня. А потом спросил:

— Как господин мой Пелл?

Я ответила деревенской поговоркой:

— Ушел вперед.

Он закрыл глаза и стиснул зубы. Кем приходился ему Пелл, я не знала. Даже если просто сдружились они на войне, я поняла, дорог он был Джервону.

Но тогда я не знала, что сказать. Ведь скорбь некоторых нема, и с ней сражаются в одиночку. Я подумала, что Джервон, быть может, из таких, и оставила его одного.

Но пока он лежал в постели, я все же успела присмотреться к нему. И без того худой, а теперь и вовсе отопавший от лихорадки и пережитых трудностей, он не потерял привлекательности; высокий, сухопарый мечник, прирожденный боец-фехтовальщик, как и отец мой.

Волосы его, как у всех жителей Долин, слегка золотились и были светлее тонкого лица и выдубленных непогодой рук. Я подумала, что он мог бы понравиться мне, но поверить, что такое возможно, не могла, ведь для этого нужно познаться поближе... а он... выздоровеет и уедет, как отец и Элин.

3. Почерневшее серебро

Джервон поправлялся медленнее, чем надеялись мы с Офрикой: лихорадка съела его силы, особое беспокойство доставляла раненая рука. И хотя он с мрачным упорством пытался упражнениями вернуть ей подвижность, все-таки пальцы не слушались его и ничего не могли удержать. Терпеливо, несколько напоказ, перекидывал он из ладони в ладонь мелкие камешки, пытаясь ухватить их со всею силой.

Однако он помогал нам — работал на небольших полях в долине или сторожил на скалах, и в этом не было ему равных.

По вечерам, собравшись, с жадностью внимали мы его рассказам о странствиях на войне. Он рассказывал нам о долинах, городах, бродах и дорогах, о которых мы даже не слышали, ведь жители Роби никогда не скитались по стране по своей воле. Худо складывались дела у Долин, говорил он. Давно уж пали на юге все прибрежные владения, а оставшиеся горсточки отчаянных храбрецов оттеснены на север и запад. При последнем-то натиске и погиб его полк.

— Но Властители договорились, — рассказывал он, — с теми, кто сильнее — так они говорят о себе сами — меча и стрелы. Весной этого года, года Грифона, встретились они на пустошах с кочевыми оборотнями и договорились, что будут биться за нас.

Кто-то присвистнул, услышав эти слова. Неслышанно было, чтобы люди Долин договорились с Древними. Ведь из Древних были кочевники-оборотни. Когда явились поселенцы, Долины уже пустовали, но не отовсюду еще ушли те, кто целую вечность прожил на этой земле. И не все они бесплотными духами смущали заблудших путников, как те, с кем общалась моя мать, были среди них и похожие на людей.

Такими-то и были кочевые оборотни: и люди и не люди сразу. Разное говорили о них, но клятвой подтвердить истинность слов своих не мог никто; ведь не из первых рук были все эти рассказы. Но все понимали, что были они грозной силой и спасением для нас. Так ненавидели мы пришельцев, Псов Алисона, что и чудовищам были бы рады, найдись среди них такие, что помогли бы нашим мужчинам.

Долгое лето сменилось осенью, а Джервон все старался вернуть руке утраченную ловкость. Часто уходил он с луком в горы и возвращался назад с дичью. Однако не на охоту ходил он, искал одиночества. Любезным и приятным человеком он был, совсем как отец, и такой же стеной отгородился от мира.

Первое время он жил у Оффрики, пока не залечила она, как могла, его рану, а потом построил себе хижину чуть в стороне от остальных. Так и не стал он одним из нас. Не часто и я видела его, разве что издалека. Нужно было сушить и солить мясо (мы, к счастью, нашли выход каменной соли, драгоценность по тем временам), и мой меткий лук был нужен селению, чтобы добыть это самое мясо. Так что я редко бывала в наших разбросанных по склону домишках.

Как-то днем я соскользнула на бережок kloкочущего ручья, чтобы напиться. Джервон лежал у воды. Должно быть, он смотрел в небо, но при моем появлении тотчас вскочил, схватившись за рукоять меча. Слова его не были приветствием:

— Я вспомнил, где в первый раз увидел тебя, но это невероятно! — Он озадаченно крутанул головой. — Как могла ты ехать с Франклином из Долины Ид и одновременно быть здесь? Но я могу поклясться...

Я резко повернулась к нему. Коль он и впрямь видел Элина, не удивительно, что дивится нашему сходству.

— Это был мой брат, рожденный вместе со мной! Скажи, где видел его и давно ли?

Удивление потухло на лице Джервона. Он сел, по обыкновению перекатывая рукой камешки.

— Это было в последней схватке при Инишире. Люди Франклина научились воевать по-новому: они прячутся где-нибудь, пропускают врага мимо себя, а потом ударяют ему в спину. Это очень опасно.

Джервон остановился, быстро глянул на меня, словно сожалея о невольной откровенности.

Я ответила на его невысказанный вопрос:

— Элин — сын своего отца, и в опасности ищет славы. Никогда бы не поверила я, что может он уклоняться от битвы.

— Слава воинов Франклина — великая слава! И твой брат не последний меж ними. Хоть он и молод, люди называли его Предводителем Горма. Он молчал на совете, но стоял за плечом Франклина... Говорят, что с согласия Франклина обручился Элин с наследницей его, госпожой Брунниссеной.

Представить брата воином, прославленным воином, было нетрудно, но весть о его помолвке застала меня врасплох. Годы прошли, но я видела внутренним оком лишь неопытного мальчишку, что покинул Робь, горя желанием скрестить свой меч с вражеским.

Только теперь поняла я, сколько времени минуло с тех пор, и подумала: если Элин стал мужчиной, значит, я должна была стать женщиной. Но что это — быть женщиной, я не ведала. Отец научил меня быть ему сыном, Офрика — Мудрой, но никогда не была я собою. Теперь я охотник и, если потребуется, — воин. Но не женщина я.

— Да, вы очень схожи, — голос Джервона прервал мои раздумья. — Но такая жизнь не для девушки, госпожа Элис, она груба и тяжела.

— Все перевернулось в наши дни, — поспешно отозвалась я, чтобы скрыть согласие с его словами.

Вся моя гордость протестовала.

— Похоже, так будет вечно, — сказал он, поглядев на руку, с усилием сгибая и разгибая пальцы.

Я тоже глянула вниз:

— Стало лучше?

И это было правдой — рука уже почти повиновалась ему.

— Конечно, лучше, но уж больно медленно, — согласился он. — Когда я смогу вновь держать оружие, уеду.

— Куда?

Джертон мрачно улыбнулся. На мгновение мимолетная улыбка совершенно преобразила его. И я вдруг удивилась, подумав, каким он может стать, когда сбросит с плеч груз войны и вновь будет радоваться жизни.

— А не все ли равно, госпожа Элис. Я не знаю даже, как доехать до ближайшей знакомой мне долины, где мне уже приходилось бывать. Когда я уеду отсюда — затею охоту: буду искать врагов, пока не найду.

— В горах снег ложится рано. — Зачерпнув горстью воду, я отпила глоток. Она была очень холодна, должно быть, верховья уже сковал лед. — Если закроются перевалы, мы будем отрезаны от всего мира.

Глядя на горы, он переводил взгляд с одного пика на другой.

— Нетрудно поверить, ведь вы зимовали здесь?

— Да. К весне приходилось потуже затянуть пояса, но с каждым годом запасы росли, и зима проходила все легче. Этой весной мы засеяли еще два поля, и месяц назад намолотили в два раза больше ячменной муки. А теперь мы к тому же засолили мясо шести диких коров, ведь в прошлом году солонина кончилась еще до весны.

— А что вы делаете, когда ложится снег?

— Сидим по домам. В первый год нам не хватило дров.

— Я поежилась, вспомнив этот холод. — Три жизни он унес, а потом Эдгир нашел черный камень, который горит. Это произошло случайно: такой камень попал к нему в костер на охоте и загорелся. Сразу стало тепло. Теперь мы собираем его в горах и носим домой в корзинах. Тебе, верно, приходилось видеть кучи у каждого дома. А в тепле можно прясть, вырезать по оленьему рогу и дереву, делать всякие пустяки, которые скрашивают и облегчают жизнь.

Среди нас есть сказитель Уттар, он поет не только старинные были, но слагает и новые — о наших скитаниях. А теперь Уттар смастерил ручную арфу и играет на ней. Нет, зимой жить совсем не скучно.

— И это все, что ты видела в своей жизни, госпожа Элис? Я не поняла, что он хотел сказать.

— Ну, в Роби было поинтереснее, там было море и торговцы из Джурби. Кроме того, у нас с Офрикой много и других дел.

— Кто ты, госпожа Элис, не рыбачка же и не поденщица?

— Нет, я — Мудрая, а еще охотница и воин. А теперь мне пора на охоту.

Я поднялась, встревоженная его словами. Неужели он осмелился п о ж а л е т ь меня? Я — Элис, и рука моя владетельней, чем рука Властительницы любой из Долин. Ведь хотя не было у меня знаний матери, но входила же я в такие места и делала такое, о чем даже и подумать побоялись бы эти робкие цветочки!

Легким движением руки я простилась с ним и отправилась выслеживать оленя, но не было мне в тот день удачи, и, пробродив целый день, вернулась я в поселок с двумя лесными птицами.

Все эти дни, как обычно, доставала я чашу, что связывала нас с Элином, и глядела на нее. Но делала это тайком. На четвертый день после случайной встречи с Джервоном достала я чашу и удивилась: потускнела она, словно мутную пелену набросили на сверкающую поверхность.

Вскрикнула Офрика, увидев это. Но я молчала, только сердце мое стиснула... нет, не просто боль, — страх, который вообще-то сродни всякой боли. Потерла я поспешно металл, но безрезультатно. Не пыль и не влага затмили блеск металла, изнутри помутнел он. Но не был кубок под руками моими мертв и безжизнен, не ушел еще Элин в те пределы, где помощь невозможна. Ему грозила опасность, и было это первым предупреждением.

Сказала я тогда Офрике:

— Я должна дальновидеть...

Она подошла к грубому шкафу, где хранила теперь все с таким трудом собранные припасы. Достала оттуда большую раковину, отполированную изнутри. А еще взяла она маленькие фиалы, кожаную бутыл и медный горшочек, чуть поменьше моей ладони. Стала бросать щепоть за щепотью в него порошки, а потом смешала в мерном стакане каплю

этого, ложку того, и красными отблесками расплеснулась темная жидкость по стенкам стакана.

— Готово.

Я взяла из ящичка щепку, подержала над огнем, а когда она загорелась, поднесла к горшочку. Загорелась и жидкость. Заклубился зеленоватый, ароматный дым. Оффрика перелила пурпурный поток в драконью чашу, до краев наполнив ее, но следя, чтоб не перелить. А потом быстро вылила все в раковину.

Села я перед нею. Закружилась у меня голова от пахучего дыма; показалось, что улечу я со стула, если не соберу свои силы воедино. Наклонилась тогда я вперед и заглянула в рубиновую жидкость, что была теперь в раковине.

Не впервые гадала я на воде, но никогда исход гадания не был для меня столь важен. Всею силой желала я, чтобы видение пришло побыстрее и было поярче. Красный цвет жидкости поблек, и словно в какую-то комнату заглянула я издалека. Настоящая комната была передо мною, маленькая, но четкая, ясная. Судя по всему была ночь, рядом с пологом кровати стоял подсвечник высотой в человеческий рост. Ярко горела в нем свеча в кулак толщиной. Богатая была кровать, полог искусно вышит, хоть и не задернут. На подушках возлежала девушка из народа Долин. Тонким и прекрасным было ее лицо, а в распушенных волосах сверкали золотые ленты. Она спала... или просто лежала с закрытыми глазами.

Великолепна была комната, богата и прекрасна, словно бы не взаправду была, а в песне.

Но девушка не одна была в ней; пока я смотрела, кто-то вышел из тени. Луч от свечи упал на его лицо, и увидела я своего брата, но старше теперь стал он. Поглядел Элин на спящую девушку, словно бы опасался ее пробуждения.

Потом подошел к окну, большими ставнями было оно закрыто, тремя засовами заложено так, чтобы нельзя было быстро отворить его.

Элин достал кинжал и попытался открыть им ставни. Так напряглось лицо его, словно не было ничего важнее этого дела.

С плеч его свободно свисало спальное одеяние, перевязанное поясом; когда ковырнул он что-то кинжалом, упали рукава, обнажив мускулистые руки. Одеяла на кровати были скомканы, подушка смята — верно, только что встал он. И с таким усердием он трудился, что я почувствовала это издалека.

Оттуда, из-за окна доносился чей-то зов, и этот дальний

и слабый призыв коснулся и меня. Словно тлеющим углем ожег он мою плоть! Отшатнулся разум мой, как обожженный. Отшатнулся... и разорвалась связь, кончилось гадание, пропала комната, что была перед моими глазами.

Тяжело дышала я, задыхалась, словно только что бежала от опасности. Да, так оно и было! Опасностью, страшной опасностью был зов, что заставил Элина ковырять ставни кинжалом.

Но беда шла не из его мира, к другим опасностям привык он, если только не изменился он совсем после прощального глотка из драконьей чаши.

— Беда... — Офрика не спрашивала, она знала, что так оно и есть.

— Зовет Элина, манит к себе кто-то Темный и, похоже, один из Великих.

— И все же это только предупреждение, — она показала на чашу, — легкая тень.

— Но предупреждение — для меня. Если уже опутан он колдовской сетью, едва ли сумеет сам избежать ловушки. Ведь не в мать уродился Элин, а в отца. Нет в нем дара.

— Верно говоришь. А теперь ты поедешь к нему.

— Поеду, в надежде, что не опоздаю.

— Я дала тебе все, что могла. — Боль была в голосе Офрики. — И при тебе все, что должно быть твоим по праву рождения. Но нет на тебе той брони, что хранила мою госпожу. Дочерью любимой была ты для меня, ведь нет у меня ребенка от плоти и крови моей, заповедана мне дорога, которой прошла твоя мать. Не могу я держать тебя здесь, но уносишь ты от меня свет солнца...

Склонила Офрика голову и спрятала лицо в руках. И впервые с удивлением заметила я, какой тонкой и морщинистой стала на них кожа, что свидетельствуют они о приближающейся старости куда больше, чем ее лицо. Ведь была она их тех, кто и сложен крепко, и чья кожа гладка и упруга. Но, как побитая, упала она тогда на стул, словно все прожитые годы разом обрушили на нее свою тяжесть.

— Матерью была ты мне! — положила я руки на согбенные плечи. — И только дочерью тебе быть я хотела. Но сейчас нет у меня иного пути.

— И это я знаю. Помнится мне, что ваша с Элином мать, госпожа моя, так и хотела, чтобы таким же служением людям была твоя жизнь, как и ее собственная. Я буду бояться за тебя...

— Нет, — прервала я ее. — Бояться — значит рождать страх. Наоборот, положишься на свои силы, думай лишь о том, что меня ждет победа.

Офрика подняла голову, и увидела я, что усилием воли подавила она свое беспокойство. Знала я теперь, что всей силой своей охранит она меня в пути. Надежней отряда мечников будет эта охрана. Ведомо была мне сила Офрики, не раз билась она при мне насмерть и побеждала!

— Где ты будешь искать? — живо спросила она, уже обдумывая план.

— Покажет гаданье.

Опять пошла она к своим припасам, достала оттуда кусок тщательно сложенной ткани, положила на стол и разгладила. Золотыми линиями был поделен платок на четыре части, каждую из них проходящие через нарисованный центр красные линии делили на треугольники. А середина была исписана рунами, которые никто из людей не умел теперь прочесть, ведь были написаны ими Слова Власти.

Потом достала Офрика золотую цепочку с маленьким шариком из горного хрусталя на конце. Взяла она цепочку за петельку с другой стороны и надела на палец. Поднялась на ноги, простерла над платком руки, так чтобы шарик лег точно в центр. И хотя не дрожала рука ее, шарик начал качаться на цепочке, как на маятнике. А потом стал качаться в другую сторону: вдоль одной из красных линий. Я смотрела и запоминала.

Значит, должна я ехать на юг и на запад. А ведь скоро, говорила я Джервону, выпадет снег и закроет перевалы, и пути отсюда для меня не будет.

Шарик неподвижно повис. Офрика уложила цепочку с шариком в мешочек, а я сложила платок.

— Завтра, — сказала я.

— Так будет лучше, — согласилась она. И опять пошла к своему шкафчику и стала доставать из него всякие разности. Знала я, не выпустит она меня в дорогу без вещей, которые Знания Мудрых сделают полезными для меня.

Но я пошла в хижину Омунда. Все знали, что мы с Офрикой умеем видеть невидимое и понимать скрытое, а потому не удивился он моим словам, хоть и не знал источников нашего ведения. Я сказала ему, что благодаря Мудрой узнала, что брат мой в беде. И угроза исходит не от битв и войны, а от Древних. Что по связи рождения я должна отправиться на помощь.

Выслушав меня, Омунд качнул головой, а женщины его, как обычно, искоса и недобро поглядывали в мою сторону.

— Так вы говорите, госпожа, что нет у вас другого выхода? Когда вы покидаете нас?

— Завтра с рассветом. В этом году зима будет ранней.

— Верно. Что же, госпожа, честно и благородно жили вы с нами, как госпожа ваша мать и господин отец ваш. И не родня мы вам — ни по крови, ни по обету. А зову родной крови должен следовать любой человек. Благодарны мы вам за всю помощь в прошедшем и... — Он неловко поднялся и подошел к сундучку, который сам же и вырезал из дерева. — Мал мой подарок и мала такая плата за все ваши благодеяния, но ночью в чужих землях он согреет вас.

Он достал из сундучка дорожный плащ, над которым долго трудились чьи-то руки. Из лохматых шкур горных коз сшили его и окрасили в пурпурный цвет, темный и неяркий, словно закатный. Случайно, должно быть, получился такой цвет, и не смог бы красильщик повторить его. Редкой была такая красота в нашей жизни. Подумалось мне, быть может, ни у одной из Властительниц Долин нет одеяния наряднее этого.

Только словами могла я поблагодарить его, но все понимал старый Омунд и знал, как дорог мне его подарок. Много держали мои руки разных полезных вещей, но редко бывали они так красивы. Улыбнулся он в ответ, взял мою ладонь обеими руками и склонил к ней седую голову, и прикоснулся губами к моим мозолистым пальцам, словно и впрямь была я его госпожой.

Тогда поняла я, что хоть и чужой частенько ощущала себя в Роби, близкими мне были все эти люди и, расставаясь с ними, теряла я немало. Не все, конечно, относились ко мне, как Омунд, вот и родня его радовалась моему уходу.

С плащом на плече отправилась я к Оффрике — больше прощаться было не с кем. К моему удивлению, в хижине был Джервон. Он сидел у очага, стол был уже пуст, но Оффрика все еще укладывала свертки в заплочный мешок. Улыбался Джервон, попивая из чаши заваренный Оффрикой травяной настой, подслащенный диким медом.

Он встал сразу, когда я вошла. Никогда не видела я его таким радостным и нетерпеливым.

— Мудрая говорит, что завтра вы уезжаете, госпожа.

— У меня есть срочное дело...

— Похоже, что это и мое дело, ведь я проболтался здесь так долго. Кстати, в наше время никто, если только может,

не ездит по дорогам в одиночку — у человека всего одна пара глаз и уследить за дорогой в обе стороны невозможно. Едем-ка вместе!

Не спрашивал он моего согласия и говорил так, словно все было уже решено. Возмутилась я, хоть и понимала, что он прав и лучше путешествовать вместе, тем более с воином, который знает все опасности дальней дороги лучше меня, но и отказывать ему просто из гордости было бы неразумно. Пришлось мне взять себя в руки, но не удержалась, спросила я:

— А что, если мой путь лежит в другую сторону, мечник? Он передернул плечами:

— Разве я не говорил вам, что не знаю, где стоит войско моего господина? На юг ли, на запад ли поедem мы с вами, всюду могу узнать я о нашем войске, но предупреждаю вас, госпожа, любая дорога может привести нас прямо в пасть дракона, а точнее — прямо в зубы к Псам.

— Ну, тебе придется позаботиться, чтобы этого не случилось, — возразила я. И твердо решила, что не как нежная дама из Долин отправлюсь я в путь под опекой внимательного путника. Нет, если уж ехать вместе, то как два друга, свободных и равных. Но как сказать ему об этом — не знала.

Завидев плащ, шагнула Офрика вперед, восхитилась им и сказала, что теперь я могу не опасаться холодов. Сразу же достала она из коробочки брошь, чтобы заколоть плащ у горла. И без всяких слов понимала я, что уже заговорила ее Офрика мне в дорогу самым сильным заклятьем из всех, что знала.

Джервон оставил чашку.

— Итак, на рассвете, госпожа? Пешком идти не придется. Ведь у нас два коня: мой и Пелла.

— На рассвете, — согласилась я и обрадовалась, услышав его предложение — конному дальняя дорога быстрее. Сперва на юг, потом на запад, но куда, в какие края и далеко ли придется ехать?

4. Ложбина Фроме

Волей-неволей выбрали мы ту дорогу, по которой приехал сюда Джервон, — иного пути через окрестную глухомань не

было. Ни один человек так и не появился на ней после его приезда.

Это была очень старая дорога, то тут, то там видно было, что поработал кто-то, прокладывая ее. Но кто? Люди? Едва ли... Ведь до нас в этих краях бывали только пастухи, охотники да бродяги. Значит, была эта дорога путем Древних.

— Она проходит в лиге от брода, — сказал Джервон, — но там она как раз поворачивает в сторону от моря. Мы воспользовались ею лишь потому, что коням легче было выдержать погоню на этой дороге. Но откуда и куда она ведет... — Он пожал плечами.

— «Древние ее делали, и кто знает, что они при этом думали», — так говорят в Долинах, но я-то знала, что какая-то мысль была в основе всего, что оставалось от Древних, пусть и непонятная всем.

— Но вы-то ведь не из Долин, — арбалетной стрелой, смертельной, нацеленной прозвучала эта фраза.

Смертельной? Почему пришло мне в голову это слово? Но я ответила правду.

— Я родилась в Роби, и потому народ Долин — мой народ. Но родители мои приплыли из-за моря, и не из Алисона, а из другой страны, уже воевавшей с Псами. Как только отец услышал про их вторжение, он сразу же отправился воевать. И раз мы с тех пор ничего не слышали о нем, он, должно быть, погиб. А мать моя умерла, родив Элина и меня. Таково мое происхождение, мечник.

— Нет, от людей Долины в вас нет совершенно ничего, — продолжал он, словно пропустив мои слова мимо ушей. — Они рассказывали о вас странные вещи, эти жители брошенной Роби...

— Как и о любой Мудрой, — возразила я. Нечего было сомневаться, что наговорили ему всякого, ведь только с Офрикой была я близка. А женщины Омунда давно отворачивались, если я проходила мимо. И мужа у меня не было, нельзя Мудрой выходить замуж. Это тоже отделяло меня от остальных. Если бы у нас было побольше крепких мужчин, меня бы, конечно, заставили выбрать себе пару, а поскольку предпочла бы я этому... словом, не мне хранить очаг любого из мужчин Роби.

— Больше, чем о Мудрой. Они шепчутся о ваших сделках с Древними. — Ни благоволения, ни отвращения не было в его голосе, одно только любопытство. Словно воин, который интересовался неведомым оружием.

— Если бы я только могла! Тот, кто имеет дело с Древними, будет жить совершенно иначе, не так, как мы... Разве не рассказывают люди, что они всемогущи: могут возвести за ночь твердыню, в одночасье разогнать вражьи полчища, вырастить дивный сад на голой скале? Все это видел ты в нашей Долине?

К моему удивлению он расхохотался.

— Конечно, нет, щитоносца. Не мне судить о познаниях Мудрой, из деревни она или из Храма. А по-моему, Древние не слишком интересуются нашими делами. Возможно, им они кажутся мышинной возней, и потому они равно не церемонятся со всяким, кто дерзнет нарушить их покой.

— Их надо искать, незваными они не придут, — невольное предсказание слетело с моих губ, но не знала я тогда этого.

Мы ехали по пустоши ровным шагом, стараясь побережь коней, — ведь остаться здесь пешим было бы ужасно. В полдень мы свернули со старой дороги, пустили попастись лошадей, а сами перекусили сухарями, запивая их водой из ручейка. Лежа на спине, Джервон разглядывал раскинутую корявым деревом над ручьем прозрачную сеть ветвей с уже редкими листьями.

— А я — коренной житель Долин, — молвил он. — Мой отец был третьим, а значит, безземельным сыном. По обычаю он присягнул родственнику матери, Властителю Дорна, и стал у него маршалом конницы. Девушкой моя мать жила при дворе госпожи Гуиды. Она хорошо воспитала меня. А отец все мечтал уйти на север, на свободные земли, и осесть там. Главы четырех или пяти домов обещали помочь ему.

А потом явились враги, и стало уже не до новых земель, только бы сохранить, что есть. Дорн оказался на пути первого набега. Твердыня пала через пять дней, ведь у Псов было новое оружие, оно извергало огонь и поедало скалы. Я поехал в Долину Хавер за помощью. Через три дня на обратном пути мы встретили на дороге двоих уцелевших из всего войска. Они сказали, что Дорн стерт с лица земли, словно его и не было вовсе. Мы не поверили. Той же ночью я помчался туда, взобрался на гору, откуда хорошо видно. И то, что предстало моему взору, похоже было на обиталище Древних — сплошная груда обломков, невозможно было даже понять, где прежде были стены, а где двор.

Он говорил бесстрастно, время словно притупило его чувства, казалось даже, что все это случилось не с ним.

Благодать, когда так затягивается рана сердца. Потом он замолчал, и хотя глаза его по-прежнему были устремлены в небо, я знала, что не оно сейчас перед его взором.

— Я остался в Долине Хавер и присягнул ее Властителю. Мы не сумели удержать западную дорогу, отразить дьявольское оружие, хотя долго пользоваться им Псам не пришлось. Сорви-голова мог сжечь его огнем. И такие люди нашлись. Похоже было, что запасного оружия у Псов не оказалось, по крайней мере, на дорогах мы не слышали больше этого сухого треска. Но они успели попользоваться им. Разрушены твердины всех Долин на юге, все до единой! Лежавшая на груди рука Джервона сжалась в кулак, хотя голос оставался по-прежнему бесстрастным.

— Не нашлось и вождя, который объединил бы всех Властителей. Псы позаботились об этом: Ремард Дорнский, Мирик Кастенский, Дох, Йонан — всех, кто был бы способен на это, Псы убили или при осаде владений, или подослав подлых убийц.

Каждую мелочь знали Псы, каждую нашу слабость. А их у нас оказалось больше, чем достоинств. Властители все ссорились между собой, и их брали по одному, голыми руками, словно спелые плоды с ветки.

Сопротивляться в открытом бою мы не могли. Нам оставалось бежать, обернувшись, разить и снова бежать. И белели бы сейчас наши кости, не приди с севера четыре Властителя и не вбей они в наши головы каплю ума и порядка. Они сумели доказать тем, кто выжил, что надо или объединяться, или умереть. Так образовалась конфедерация, а потом они договорились с кочевниками-оборотнями.

Конечно, не сразу, но волна отхлынула. Долину за Долиной отнимали мы у Псов, хотя временами они и собирались с силами и огрызались. Уж мы-то убедились в этом у брода на Ингре. Но настанет время, и Псы не залают, завоюют у нас, и мы взыщем с них все! Впрочем, что тогда останется... Столько Властителей полегло, долины опустошены. Высокий Халлак станет совсем другой страной. Быть может, Четверо сохранят верховную власть..., нет, Трое — ведь Скиркар умер, не оставив сына, способного взять в руки его знамя. Да, это будет совсем другая страна.

— А что ты намерен делать? Останешься в Долине Хавер?

— Вы хотите сказать — если доживу, — улыбнулся Джервон. — Ну, кто сейчас может быть уверен в завтрашнем дне? Кто-то выживет, конечно, но быть ли мне среди них —

не знаю, ведь я воин. А что мне делать после победы, я и вовсе не представляю. Я воюю с тех пор, как стал мужчиной, и, пожалуй, позабыл, что значит слово «мир». Нет, вряд ли я присягну на верность Властителю Хавер. Быть может, последую мечте отца и отправлюсь на север, за землей, чтобы самому быть хозяином на ней. Но я не строю планов. Нашего ума едва хватает теперь, чтобы дожить до следующего дня.

— Поговаривали, что и в северных и в южных землях многое осталось от Древних. — Я пыталась припомнить, что мне доводилось слышать о тех краях.

— Верно. Может быть, лучше совсем не соваться туда, цитоносица. А пока — едем.

Ночь застала нас среди скал, и мы устроились на ночлег, не разжигая костра, чтобы не выдать себя ни огнем, ни дымом. Я предложила Джервону вместе укрыться плащом Омунда, как предложила бы любому спутнику. И он воспользовался моим предложением и лег со мною рядом, словно была я не Элис, а Элин. Так теплом своих тел согревали мы друг друга, и не зябли мы под плащом, хотя ночи были морозными.

Через день мы подъехали к броду. Повсюду все еще были заметны следы битвы. С краю на месте погребального костра был насыпан небольшой курган. Джервон вынул из ножен меч и отсалютовал.

— Люди Хавер насыпали — воздавали почести погибшим. Значит, они получили подкрепление и вернулись. — Он спрыгнул с коня и отправился на поиски среди разбросанного повсюду оружия и вскоре вернулся с десятком арбалетных стрел, пополнившим его запасы. А еще он принес красивый кинжал с украшенной камнями рукояткой. На лезвии его не было ни пятнышка ржавчины, хотя долго пролежал он под открытым небом.

— Хорошие мастера у Псов, — сказал он, затыкая его за пояс. — Ну, а теперь, — он вновь вскочил в седло, — на торговую дорогу, она поворачивает отсюда к Тревамперу. Хотя, кто знает, что осталось от этого города.

Уже смеркалось, но мы не стали ночевать у брода. Слишком близко был погребальный курган, слишком многое напоминал он моему спутнику. Мы ехали по дороге, пока он не свернул в кустарник. За ним таились окруженные камнями кострища да остатки шалашей.

— Наш лагерь, — он тронул пепел ногой, — заброшен давным-давно. Здесь можно и переночевать в безопасности.

И опять мы не осмелились разжечь костер. Ночь была ясной, ярко светила луна. Пора было глянуть на талисман. Негде мне было уединиться с чашей и трудно не выдать свою тайну другому. Но узнать, что с братом, было необходимо.

Когда мы поели, я достала чашу и откинула с нее платок. Почти выронила я ее. Легкая дымка стала черным пятном на пояске и днище кубка. Так узнала я, что беда стряслась с Элином. Но жив он и будет жив, куда вся чаша не станет черной.

— Что это?

Не хотелось мне говорить об этом, но нельзя было не утолить любопытство Джервона.

— Это предупреждение, что брат в беде. Тут была только дымка, а теперь смотри — чернота! Если станет чернота подниматься выше — опасность усилится. А если почернеет весь кубок — значит, Элина нет в живых.

— Уже треть высоты, — отозвался он. — А можете ли вы, госпожа, узнать, в чем опасность?

— Нет, знаю лишь, что не с превратностями войны она связана, а с тайными силами. Зачаровали его.

— Люди Долин знают только ворожбу Мудрых, а у Псов своя магия и не связана с нашей... Значит, Древние?..

Но как попал Элин в сети древнего зла, я и представить себе не могла. Никогда не интересовался он такими вещами. Попыталась я припомнить, что открыло мне дальновидение: спальню, спящую девушку и брата моего у окна, расшатывающего засовы.

— Вы умеете дальновидеть? — спросил Джервон.

— Не здесь. У меня нет с собою всего нужного, — отозвалась я и задумалась.

Зачем мне делать все так, как учила меня Оффрика? Ведь и сама она говорила, что сила моя от матери и не равня я деревенской Мудрой.

Сильно притягивал меня Элин, ведь рождены мы были в одном рождении, и черты его лица были для меня словно зеркало. Поэтому...

— Дай-ка мне бутыл с водой.

Джервон повиновался. Достала я размягченную полоску луба, которым перевязывают раны, насыпала на нее три щепотки порошка из трав, который Оффрика дала мне в дорогу, и полила все водой из бутылки. А потом хорошенько протерла руки полученной смесью.

Так очистив себя, взяла я чашу в руки; не было в ней воды,

но, как прежде в раковину, попыталась я заглянуть в нее, забыть обо всем, кроме Элина, отыскать его мыслью.

И вдруг словно в чаше оказалась я: окружило меня серебристо-белое сияние, ослепило на мгновение, а потом зрение вернулось ко мне. Словно лес, обступили меня круглые колонны. Они были толщиной с дерево, только гладкие, круглые и без ветвей. Не несли они на себе крыши, над головой светила луна да поблескивали звезды.

Неровными рядами стояли колонны, двойной спиралью завивались они к центру, и вступивший на эту дорогу с каждым оборотом спирали приближался к тому, что гнездилось внутри. И тогда страх обуял меня, жуткий страх, какого не ведала я еще и не думала, что возможен подобный ужас.

Ведь из центра спирали истекала лютая злоба к людям, ко всему нашему миру, и страшной погибелью угрожала она пришедшим сюда.

И вдруг в мгновение все изменилось. Словно маска покрыла беспредельную мерзость. Исчез ужас, ему на смену пришло ожидание чуда и стремление к нему, туда, в сердцевину спирали. Но не обманули меня эти чары, ведь успела я узнать истинную сущность хозяина лабиринта.

На площадке перед колоннами неожиданно появился всадник на боевом коне, в кольчуге, при шлеме и с мечом у бедра. Спрыгнув на землю, он бросил поводья и, не позаботившись о коне, словно следуя какому-то зову, бросился ко входу в спиральный коридор...

Я попыталась крикнуть, встать между Элином и воротами мрака, что был страшнее самой смерти. Но не могла пошевелиться. Брат уже бежал между столбами...

— Элин! — крикнула я...

Чьи-то руки трясли меня за плечи. Я сидела, согнувшись над чашей... над пустой чашей. Луна светила по-прежнему ярко, но столбы и спираль исчезли.

Я поспешно повернула чашу к свету, думала — еще выше заползла черная тень! Ведь Элин уже вошел туда. Хватит ли моих сил, чтобы спасти его? Но пятно оставалось таким же.

— Что вы видели? — обеспокоенно спросил Джервон. — Мне казалось, что вы и впрямь видели что-то ужасное, а потом, госпожа моя, вы позвали брата, словно пытаетесь остановить идущего к смерти.

Джервон, конечно, знал больше об этих краях. Может быть, он знает, где находится эта спираль и как до нее добраться побыстрее.

— Слушай! — Я завернула чашу в платок и рассказала ему по очереди оба видения: первое — у окна и второе — нынешнее. — Где может быть такое место?

— Во всяком случае не в Тревампере и не поблизости от него, — быстро ответил он. — Но закрытое на засовы окно... Что-то похожее я слышал, — он потер лоб, пытаясь припомнить. — Окно... Никогда не открывающееся окно! Ну, конечно же, твердыня в ложбине Фроме! Есть старинная легенда, что из одного из окон средней башни этой твердыни можно увидеть дальние горы. И если случится с мужчиной такое, то в урочный час он садится на коня и уезжает... и никогда не возвращается. Как ни искали пропавших, даже следов их не удавалось найти. Поэтому господа в замке не живут, только стоит гарнизон. А окно это всегда крепко закрыто. К тому же происходило все это во времена наших дедов.

— Возможно, в этой твердыне вновь поселился кто-то из Властителей. Разве не ты уверял меня, что мой брат обручен? Теперь, судя по тому, что я видела, он повенчан. И все-таки бросил свою госпожу, чтобы стремиться к этому?.. Скорее в ложбину Фроме!

Так мы приехали в эту твердыню, но встретили нас там весьма странно. И когда стража у ворот приветствовала меня как лорда Элина, я не стала ничего объяснять. Хотела сперва разузнать о брате побольше, а потом уже задавать вопросы. Я сказала, что ездила на разведку и все расскажу в должное время. Не слишком-то убедительно, конечно, но люди не возражали, они, казалось, рады были вновь видеть своего господина.

Молчал и Джервон. Только с удивлением глянул на меня и тут же отвернулся, согласившись с принятой мною ролью. Я немедленно воспылала великим желанием видеть благородную госпожу, жену мою. Я ведь была права, и Элин уже повенчался с госпожой Брунниссеной.

Мужчины улыбались, подсмеивались и перешептывались. Я даже догадалась, что их жесты имеют отношение к новобрачным — верно, так заведено в мужских компаниях. Только один из приближенных, самый старший, сказал, что госпожа занемогла после моего отъезда и более не покидает своих палат. Тут изобразила я на лице великую озабоченность и прищипорила коня.

Наконец вошла я в ту самую комнату, что открылась мне тогда в раковине. И та же девушка лежала на постели, хотя

рядом с ней теперь была женщина постарше, чем-то напоминавшая Офрику. Поэтому поняла я, что и она принадлежит к Мудрым.

— Элин! — девушка вскочила, бросилась ко мне, даже одежды распахнулись... от слез распухли ее щеки, блестели на них свежие слезинки. Но женщина смотрела только на меня, потом подняла руку и начертила в воздухе известный мне знак, и я, не успев подумать, ответила им же.

Удивленно открылись глаза ее. Но Бруниссенда уже обняла меня, обхватила за плечи, называла именем брата, допытывалась, где я был и зачем ее покинул. Я слегка отстранила ее — ведь не мне, брату, было предназначено такое приветствие.

Тогда и она отстранилась, дикими глазами заглянула в мое лицо, ужас появился во взоре:

— Ты... Ты изменился! Мой дорогой господин... что с тобой стало? — Пронзительно расхохоталась она и, не успевая перехватить ее руку, вцепилась в мое лицо ногтями, крича, что другим стал я.

Схватила ее женщина, повернула к себе и ударила по лицу. Прекратила рыдать Бруниссенда, лишь терла щеку да смотрела на нас и вздрагивала, если глаза ее обращались ко мне.

— Ты не Элин, — сказала женщина. А потом начала говорить нараспев, и слова эти я тоже знала. Но прежде чем закончила она заклинанье, ответила я:

— Элис я. Разве не говорил он обо мне?

— Элис... Элис... — повторила Бруниссенда. — Но Элис его сестра, а ты мужчина, похожий на моего господина, и хочешь, злодей, обмануть меня!

— Элис я. Если говорил обо мне брат, то знаешь ты, что одинаково воспитывал нас отец. Владеть мечом и щитом мы научились еще в детстве. А когда выросли — расстались. Но есть между нами связь, и когда узнала я, что в беде брат, бросила все и отправилась немедленно на помощь, как и он, если бы мне угрожала опасность.

— Но как... как ты узнала, что он уехал... пропал в горах? Вестников о несчастье мы не посылали. Старались скрыть это, чтобы не случилось чего пострашнее.

Говоря так, Бруниссенда искоса поглядывала на меня... частенько смотрели так на меня и женщины в Роби. И подумала я: хоть и в родстве мы теперь, придет время, когда ты станешь радоваться моему приезду. Но раз уж выбрал ее Элин, помогу ей, пусть не перед ней мой долг, перед братом.

Пожилая женщина шагнула ко мне поближе, не отрывая глаз от лица моего, словно можно было прочесть по нему мою сущность.

— Правду говорите вы, госпожа, — медленно сказала она. — Лорд Элин говорил только, что моя мать и отец его уже умерли, а сестра живет в селении, приютившем вас с самого детства. Однако вижу я теперь, что мог он сказать и много больше, и все-таки ничего не сказал. — Снова начертила она в воздухе некий знак, ответила я им же, но и добавила кое-что, чтобы знала она — не из малых я в тайном знании.

Кивнула она мне, сразу все поняв.

— Так, значит, дальновидение это было, госпожа. И вы знаете, где он теперь?

— Чары Древних, — сказала я ей, не Брунниссенде. — Черные чары, не белые. А началось все отсюда...

Отсутствующим взглядом смотрела на меня госпожа Брунниссенда, когда прошла я мимо нее к окну, и хотя брат мой повозился уже с проржавевшими болтами и засовами, было закрыто оно, и следов не было ни на раме, ни на засовах, словно он и не подходил к окну. Но когда я положила руку на нижний засов, то услышала за спиной сдавленный стон и обернулась.

Прижав обе руки ко рту, съезжилась у кровати госпожа Брунниссенда, лишь безумный ужас отражался в ее глазах. Вскрикнув еще раз, она упала без чувств на скомканное покрывало.

5. Проклятие дома Ингарет

Сразу же склонилась над ней Мудрая, а потом обернулась ко мне.

— Всего лишь обморок, но лучше бы не слышать ей ваших слов, боится она нашего знания.

— Но вы служите ей?

— Да, я ее кормилица, и не знает она моих дел. С детства страшится она проклятия, что легло на весь род ее.

— Какого проклятия?

— Там, за ставнем... оно ждет, — показала она на окно.

— Что бы там ни было, я не из тех, кто теряет сознание. Но сперва, Мудрая, хочу узнать я ваше имя.

Она улыбнулась, в ответ улыбнулась и я; знали мы обе, что

два имени у нее: одно для мира, другое — для тайного знания.

— Да, впрямь не устроят вас ни слух, ни зрение. Что же касается имени... здесь я для всех дама Вирга... Но я еще и Ульрика...

— Дама?

Впервые заметила я, что была она не в яркой и пестрой ливрее челяди, а в чем-то сером и платок какого-то аббатства закрывал ее плечи и голову, оставляя открытым только лицо. Но слышала я, что отвращают дамы лицо от знаний Древних. И из аббатств не выходят, дав уже все обеты.

— Да, дама, — повторила она. — Война все смешала. Год назад разгромили Псы Дом Канты Дваждырожденной. Мне удалось спастись, и я вернулась к Бруниссенде, ведь обеты приняла уже после ее обручения. А Канта сама когда-то посвящена была в древнее ученье, так что дочери ее иначе смотрят на знания, чем в прочих аббатствах. Но мы обменялись именами... Или у тебя нет второго?

Я качнула головой. Напоминала она мне Офрику, хоть больше было в ней своего. Но поняла я, что ей можно верить.

— Благословили меня с первым именем, по обычаю народа моей матери...

— Ведьмы Эсткарпа! Но дана ли вам их сила, ведь чтобы справиться с проклятьем, нужна великая мощь?

— Расскажите мне о нем, ведь на Элина пало оно!

— Записано в старых книгах, что у родоначальника Дома Ингаретов, к которому принадлежит моя госпожа, была наклонность к странным познаниям, но не было терпения и воли следовать обычными дорогами. И потому совершал он такие поступки, о которых и помыслить не посмел бы благоразумный.

В одиночестве странствовал он по обиталищам Древних, и однажды привез с собой жену из такого путешествия. В этой самой палате возлег он с нею. Но детей у них все не было. Лорд забеспокоился, ведь ему был нужен наследник. И решил он доказать, что не его вина в этом: завел на стороне сына, а потом и дочь и думал, что все останется в тайне. Может ли быть еще большая глупость, чем надеяться на это?

Однажды ночью пришел он к госпоже, жене своей, чтобы насладиться ею, и увидел ее в том самом кресле, сидя в котором вершил он суд над своими подданными. А перед ней на стульях замерли матери его детей с малышами на коленях, и обе, как зачарованные, не сводят с нее глаз.

Тогда обратил он свой гнев на жену, потребовал, чтобы

отчет она дала в своих поступках. Улыбнулась та в ответ и сказала, что позаботилась о нем и, чтобы не приходилось ему впредь бродить ночами в непогоду для удовлетворения плоти, решила собрать этих женщин под своей крышей.

А потом она встала, тогда как он не мог даже пошевелиться. Сняла с себя богатые наряды, драгоценности, что дарил он, и бросила на пол. В рваные тряпки, лохмотья, осколки стекла и металла превратились они, едва коснувшись пола. Обнаженная и прекрасная, подошла она к этому-то окну и, затмив лунный свет, вскочила на подоконник.

А потом обернулась опять к Ингарету и сказала слова, которые люди помнят до сих пор:

— Ты будешь жаждать обладания и уйдешь искать и сгинешь. — Ты пренебрег тем, что имел. А за тобой придут другие, я позову их, и они тоже уйдут, и никто не вернется.

С этими словами она повернулась к окну и прыгнула. Когда освободившийся от удерживавшего его на месте заклятья Лорд Ингарет подбежал к окну, внизу никого не было. Словно унеслась она в иной мир.

Он поспешно собрал приближенных, поднял на щите мальчика и назвал его своим сыном, девочке дал ожерелье дочери. После той ночи матери их слегка помешались и долго не прожили. Но господин более уже не женился. Лет через десять он вдруг уехал из замка в Ложбину Фроме, с тех пор его не видел никто.

И стало случаться, что вдруг заглянет кто-нибудь из мужчин в полнолуние в это окно... сам властитель или наследник, или муж наследницы, словом, тот, кто правит или будет править в замке, а потом вдруг уедет и сгинет навечно. Правда, в последние десятилетия никто не исчезал... только ваш брат.

— Если прошло много лет, значит, жаждущая проголодалась. Если ли у вас нужное для дальновидения?

— Вы решитесь попробовать прямо здесь? Но Темные Силы вили гнездо в этой комнате, и...

Верно говорила она. Мне и самой казалось, что пробовать здесь дальновидеть опасно, но выбора не было.

— В лунной звезде, — предложила я.

Она кивнула и поспешно удалилась во внутреннюю палату. Я обернулась к выючным мешкам, которые прихватила с собой. Достала чашу. Со страхом разворачивала я покрывало, боялась — вдруг почернела полностью чаша. И хотя

тьма еще выше поднялась, узкая полоска — два пальца светлого серебра — еще блестела по краям. Возродилась надежда во мне.

Дама вернулась с широкой корзиной, в которой позвякивали горшочки и бутылочки. Первой достала она палочку белого мела, наклонилась, резкими, уверенными движениями начертила на полу у заложеного засовами окна пятиконечную звезду, по белой свече поставила в каждой вершине.

Сделала это, увидела в моих руках чашу и затаила дыхание.

— Драконье серебро! Откуда у вас, госпожа, этот знак власти?

— Матерью и для матери была сделана она перед моим рождением. От чаши дано было имя мне и Элину. Из чаши пили мы и при расставании, а теперь несет она знак беды.

— Властью и силой, госпожа, обладала ваша мать, коли сумела вызвать драконье серебро из небытия. Слыхала я про такое, но высока цена...

— Мать заплатила ее без слов, — с гордостью ответила я.

— Только имеющий мужество способен на это. Готовы ли вы? Я защитила вас, как умею.

— Готова.

Подождала я, пока смешивала она в чаше жидкость из двух бутылок. А потом стала в звезду, пока она зажигала свечи. И когда загорелись они ярко, услышала я ее голос, шепчущий заклинания. Тихий, он доносился совсем издалека, словно за горным хребтом была она, а не рядом, так что рукой можно тронуть.

Но не отводила я взгляда от чаши, жидкость в ней покрылась пузырьками, пар повалил и коснулся моих ноздрей, но не отвернулась я, и сгинул пар, зеркалом стала чаша перед моими глазами.

Я словно парила в воздухе, быть может, меня несли крылья. Подо мной спирально завивались столбы. Все сужалась спираль и сужалась к центру. И там, внутри, были и не люди, а статуи, но словно живые. И стояли они тоже по спирали. Первый у центра, а другие подальше. И последним из них был...

Элин!

Узнала я брата, но и то, что пряталось внутри, узнало меня, или по крайней мере почувствовало мое присутствие.

И не рассердилось, нет — скорее, с презрением удивилось, что такое ничтожество, как я, тревожит вечный покой. Но еще чувствовало оно...

Напрягла я всю волю и оказалась снова в палате, меж горящих свечей.

— Вы видели его?

— Да. Я знаю теперь, где искать! Медлить нельзя!

— Сталь... оружие... не спасет его.

— Не сомневается, я это знаю. Только в том надежда, что раньше не попадался ей мужчина, неразрывно связанный с такой, как я. Она привыкла к победам и стала слишком самоуверенной, и это может оказаться для нее гибельным.

Лишь эта мысль, да и то, что никого из бывших повелителей Ложбины Фроме не искала родством связанная с ним Мудрая, вселяли в меня надежду. Но времени уже почти не осталось. Если Элин пробудет в этой паутине еще чуть-чуть — только неувиденная фигура останется от него.

— Можно ли незаметно выйти из твердыни? — спросила я.

— Да. Вы отправитесь прямо сейчас?

— У меня нет выбора.

Она дала мне с собой кое-что из своих припасов: травы, два амулета. А потом отвела меня к потайному ходу внутри стены, сделанному на случай осады.

Дама приказала служанке привести коня. Так отправилась я на рассвете, на коне и в кольчуге, следуя тонкой нити, протянутой моим дальновидением. Далеко ли ехать, я не знала, поэтому старалась торопиться, ведь время теперь было моим врагом. Я проскользнула незамеченной мимо дозоров лишь потому, что знанием Мудрой отвела от себя их взгляд. Наконец дорога вывела меня в дикие места, лабиринт расселин здесь был покрыт густым кустарником, поэтому частенько приходилось спешиваться и мечом прорубать дорогу.

Продравшись сквозь очередные заросли, я отдыхала, положив руку на седло, прежде чем вскочить на сопящего коня. Тут я заметила, что за мной следят.

Я бы не удивилась, если бы в кустах оказались разбойники. Или если бы кто-то из твердыни решил проследить путь своего господина, удивленный долгим его отсутствием и столь быстрым отъездом. Но кто бы то ни был, он мог задержать меня, и угроза Элину лишь возросла бы.

Но в такой чащобе по крайней мере можно было укрыться

в кустах, выследить преследователя и взять его врасплох. Достав меч из ножен, поставила я коня за кустом, таким густым, что даже осень не сделала его крону прозрачной для взгляда. И стала ждать.

Шедший за мною ходить по лесу был мастер. Подумала я о брате, как он ездил на битву рядом с теми, кто разил врага с тыла. Осторожный преследователь мой, которого я не заметила бы, не спугни он случайно птицу, оказался Джервоном.

Джервоном, о котором я почти позабыла в твердыне! Но почему он здесь? Он же хотел искать войско своего Властителя?

Я шагнула из-за куста.

— Что ты ищешь на этой дороге, мечник?

— Дороге? — Лицо его смутно белело под шлемом, но заметила я, что изумленно дернулись вверх его брови. Он всегда так удивлялся, хотя не часто приходилось ему удивляться во время нашего странствия. — Я бы не назвал эту чащобу дорогой. Но, может быть, глаза врут мне? А что касается того, что я здесь делаю, разве не говорил я уже, что в наше время опасно ездить поодиночке?

— Но ты не можешь ехать со мной! — должно быть, я прикрикнула на него. Чувствовалось в нем упрямство, а моя дорога вела вперед к битве, да такой, которой, быть может, не мог он даже представить и в которой мог оказаться врагом, а не другом.

— Будь по-вашему, езжайте вперед, госпожа... — он согласился с такой легкостью, что разгневалась я.

— А ты будешь плестись сзади! Говорю тебе, Джервон, тебе не место в этой битве. Я вооружена искусством Мудрых. А биться мне суждено с Проклятием Древних, которое и сейчас может сразить любого мужчину.

Правду сказала я ему, иначе нельзя было убедить его остаться.

Но не изменилось лицо его:

— Разве не знал я всего этого, ну пусть и не всего, с самого начала? Что же, бейтесь заклятьями, но за эту землю еще воюют, и кроме ваших заколдованных мест, в глуши попадают и озверевшие люди. Что, если на вас нападут стрелой или мечом, когда ваш ум и силы будут отданы колдовству?

— Ты же не присягал мне. У тебя есть свой господин. Попытайся лучше найти его, как того требует долг.

— Пусть я не присягал вам, госпожа Элис, но поклялся себе, что буду прикрывать вашу спину по дороге туда, и не стоит тратить ваши силы на заклинания, чтобы переубедить меня. Вот что дала мне Дама в твердые.

Из-за воротника кольчуги достал он анк, крест в виде буквы «Т» с петлей сверху, сверкнувший лунным серебром. Он был прав. Не затратив на это тех сил, что могут мне пригодиться позднее, не осилю я этого оберега. Но анк защитит его и там, где мы будем. Удивилась я, правда, что Дама следом за мной послала его, воина, не искушенного в умении Мудрых.

— Пусть будет так, — согласилась я. — Но поставлю тебе одно условие: если почувствуешь ты принуждение извне, сразу скажи мне. Есть заклинания, что могут друзей сделать врагами и открыть дорогу великой беде.

— На это я согласен.

Вот почему остаток дня ехала я не одна. А когда наступил быстрый осенний вечер, мы остановили коней на гребне хребта меж двух острых скал и спешили.

— Вы знаете, куда ехать? — Днем Джервон по большей части молчал, и если бы не конский топот позади, я могла бы и забыть о том, что он едет следом.

— Меня тянет туда, — я не стала объяснять подробнее. Слишком уж явным стало теперь ощущение ожидания впереди меня, беспокойство, томление, словно спало нечто глубоким сном, а потревоженное нами проснулось. И куда мне было до Древней при всех моих скудных познаниях.

— Где мы — еще далеко или уже рядом? — спросил он.

— Близко уже, а это значит, что ты должен остаться здесь.

— Вспомните-ка, что я вам говорил, — он положил руку на анк. — Я следую за вами.

— Но здесь ведь не встретишь людей... — начала я и по глазам его поняла, что не могут мои слова поколебать его решимость. Лишь меч или заклинание могли бы остановить его. Удивилась я такому упрямству, потому что не было для него причины.

— Ты не понимаешь, перед чем мы предстанем, — все свое терпение вложила я в голос, предупреждая. — Нам придется иметь дело не с врагом, чье оружие — меч и мощь рук. Чем сражаются Древние, ты даже не в силах представить...

— Госпожа, тот, кто видел, во что превратило Горн оружие Псов, не может пренебречь любимым оружием, — с оттенком шутки сказал он. — И еще: ведь после того дня я живу не

своей жизнью, по справедливости мне следовало бы умереть рядом с теми, кого я любил и чью судьбу разделял до проклятого дня. Поэтому не дорожу я жизнью, ведь не мне принадлежит она теперь. Но еще не видел я, как быются Мудрые с неслышанными и невидимыми силами, о которых вы с таким знанием говорите. Если они близко — в бой!

И столько было решимости в его словах, что не сумела я ему ответить. Только слегка спустилась пониже, чтобы разведать путь. Неясны в потемках были очертания долины, куда нам надлежало идти, хотя свет трепетал еще на вершинах.

Внизу сумела я разглядеть дорогу Древних, не дорогу даже, а скорее тропку, что вела в нужную сторону. Узкой она оказалась, только иногда могли мы ехать рядом. Привела тропа нас в лес и зазмеилась среди деревьев такой толщины, что было ясно: не одно столетие росли они здесь.

Очень тихо было в этом лесу, время от времени бесшумно облетали с ветвей листья, еле заметные в полутьме, но не слышно было ни птиц в деревьях, ни мышей в опавших листьях. И крепла во мне уверенность: медленно-медленно просыпалось впереди Нечто.

— Нас ждут, — шепнул Джервон, и тихий его голос криком отозвался в этом лесу. — За нами следят...

Значит, он тоже способен чувствовать это. Не таило в себе угрозы пробуждающее сознание. Лишь приход наш ощущало.

— Я ведь предупреждала, — в последний раз попыталась я заставить Джервона вернуться, пока еще не поздно. — Наши битвы — не битвы мужей. Да, за нами следят. И чем все это кончится, я не могу сказать.

Вновь промолчал он. Не смогла я убедить его повернуть назад.

Так вилась меж деревьев тропа, что даже я потеряла представление о том, куда двигаться. Но крепко держала в уме нить, что вела меня к лабиринту — ведь должна я пройти этой тропкою до конца.

Наконец из темноты деревьев выбрались мы на залитую лунным светом равнину. Там предстала моему взору та огражденная столбами дорога, которую явило мне дальновидение. Снежно-белые, словно покрытые инеем, высились они на равнине.

Позади меня вдруг вскрикнул Джервон, я обернулась и застыла от изумления. Как бриллиант блистал на его груди

анк, словно и не из лунного серебра был отлит он. Всю силу его пробудило к жизни то, что гнездилось в центре спирали.

Вдруг тепло стало колену и увидела я, что засветилась правая седельная сумка. Расстегнула я застежку на ней, достала чашу. Только тоненькая полоска серебра еще блестела у обода кубка — так мало времени у меня оставалось. Но и эта малость уже сокращалась. И с каждым шагом становилась все меньше и меньше.

— Останься здесь, — приказала я.

Послушается он или нет — его дело, но все свои силы должна я теперь сосредоточить в своих поступках на Элине, на предстоящей битве. Джервон сам выбрал свою судьбу и теперь должен быть готов к тому, что ему предстоит.

С чашей в руке шла я вперед, стиснув в другой посох из очищенного от коры рябинового ствола, вымоченного в соке ее ягод и пролежавшего ночью в полнолуние в обители Древних, что заставила меня взять с собой Дама. Легок был этот посох по сравнению с мечом на поясе. Но и меч не отстегнула я. Ведь выкован он был из металла, что мать с отцом принесли из зачатого места, и тоже обладал оградительной силой.

Так с посохом и чашей, понимая, что в одиночестве суждено мне биться в центре спирали, миновала я первый столб и вступила на извилистую дорогу.

6. Каменное поле

Поначалу словию речной поток подхватил меня и понес. А потом оттолкнул и бросил. Там, в сердцевине, некто, должно быть, почувствовал, что не зачарована я зовом, как другие, и затих размышляя. А я тем временем все шла вперед, как щитом, оградившись чашей, и посох к бою, как меч, приготовив. А потом...

Велика была сила натиска, которой я ожидала. Пошатнулась я, как от удара, но удержалась, не пала на колени, не отступила. Словно со страшной бурей боролась.

Не шагами, по пажку переступая, напрягая все силы, раскачиваясь, продвигалась я вперед. Подавила в себе неуверенность, заставила думать только о том, что предстоит еще сделать. Ведь страх, если ему поддаться, мог оставить меня беззащитной.

Лишь малая искра надежды у меня оставалась. Не встречали мы с Офрикой ничего сильнее предстоящей мне ныне силы, хотя приводилось нам мериться кое с чем и искусством, мощью разума. Только теперь знала я: не посвященный адепт породил ее...

Такая была у этой мощи причина: за долгие годы никто не сумел противостоять ей, а потому уверенность в себе только крепла от века к веку. Но я не боялась — билась, не отступала и упорством своим могла пошатнуть ее веру в себя.

А еще я открыла, что хоть стояли столбы поодаль друг от друга, была между ними преграда и изнутри спирали нельзя было посмотреть наружу. Итак...

Чуть не попала я в простейшую из ловушек. Попеняла себе за невнимание. Устремившись вперед, позабыла о ритме движений, шла так, как шли ноги, а ритм этот служил не моим целям. Тогда без промедления стала я менять меру своих движений, широкий шаг следовал за коротким, приходилось и в сторону ступать, и даже подпрыгивать, чтобы ни разум, ни тело не смогла заморозить неведомая сила.

Приготовилась я отражать новый натиск. Дважды пыталась она поразить меня и дважды не сумела. Значит, третий удар должен стать самым тяжким.

Вдруг померк свет луны. Но темнее не стало: как гигантские свечи полыхали столбы. И в этом бледно-зеленом свечении, словно пятнами мерзкой болезни, покрылись мои руки. Подавила я отвращенье. Ведь двумя факелами горели в моих руках посох и узкая полоска по ободу кубка, синевой отливал их свет, белым пламенем тех свечей, что используют Мудрые для защиты от Древних.

Начался новый натиск: меж злобещим светом горящих столбов появились гадкие рыла, твари сплетались, кружили, скользили... Только тьма могла породить эту мерзость! Но не отвела я глаз от чаши и посоха, осилила искушенье, выдержала и это испытание.

Навалилась она и на слух. Знакомые голоса кричали, молили, шептали, просили, чтобы я повернула обратно.

А поразив и глаза мои и уши, попыталась эта сила вновь убаюкать меня ритмом движений. Словно воин, окруженный врагами, отбивала я удары нескольких мечей сразу.

Но не могла эта сила преградить мне дорогу, и шла я вперед.

И вдруг все: наваждения, зов и сопротивление ее разом исчезли. Отступила она, но не было это ее пораженьем.

Завлекала теперь меня повелительница здешних мест прямо к центру спирали, собирала все свои силы, чтобы внезапно обрушить их на меня и победить. Воспользовалась я этим и пошла вперед побыстрее.

Так пришла я в самый центр паутины, которую соткала... или же где поселилась та, что проклала Властителя Ложбины Фроме. Там меня уже поджидали. Вереницей стояли мужчины, обратившись лицом к центру спирали. Двенадцать я насчитала, и последним стоял Элин!

Не было ни в ком из них искры жизни. Словно изваяния, стояли они, неподвижные, совершенные, казалось, вот-вот оживут, но не было в них ни дыхания, ни тепла. Взглядом, как тяжелой цепью, прикованы они были к центру спирали, туда, где высилось подобие Круглого трона, а на нем...

Стустился туман, соткалась из него фигура женщины, нагой и прекрасной. Подбросила она вверх обеими руками дивные волосы, но не упали они книзу, не опутали обнаженное тело покрывалом, но хищными щупальцами заколыхались над головой. Серебрилось в лучах луны белое тело, серебрились и тонкие пряди, лишь глаза ее были темные, как две гнусные ямы, в которых таилась невыразимая мерзость.

Прекрасна была она, совершенна, а еще было в ней нечто, неотразимое для мужчины. Воплощением женственного была она, женской сущностью, обретшей плоть.

А потому не тянуло меня к ней... отталкивало. Ведь все, что заставляет женщин подозревать, ревновать, ненавидеть друг друга... все это тоже воплотилось в ней. И только тогда поняла она, что не мужчина я, невзирая на сходство. А поняв, обрушила на меня жар ненависти. Но готова я была, и, подняв перед собой чашу и посох, отразила натиск. Ее волосы извивались, тянулись ко мне, словно пытаясь удавкой захлестнуть мое горло.

А потом она рассмеялась.

И было в этом смехе презрение. Словно бы королева увидела, что последняя служанка решила оспорить ее власть. Так уверенна была она.

Подняла она руки к голове, вырвала прядь волос. В руках они разгорались все ярче, как раскаленный металл. Сплела из них веревку.

Но не стала я праздно ожидать ее удара. Слыхала я и о таких чарах. Так начинался приворотный заговор... бояться его не приходилось, но обратная сторона любви — ненависть, а она — убивает.

А потому я запела, но не громко, почти про себя. И словами своими сковывала каждое движение серебряных этих пальцев, словно она плела, а я — расплетала.

Понимала я, кто она и кто я, знала, что не встречалась еще с подобно колдовской силой. Но смогла же я понять ее заклинания, а это хоть и немного, но все же склоняло чашу весов в мою сторону. Ведь боялась я битвы с адептом, но лишь знанием Мудрых противостояла она мне. Конечно, быть может, это только начало и последующие заклинания будут сложнее и сокрушат мои силы.

Петлю закончила она, но все не бросала, пристально глядя на меня провалами глаз. Заметила я при этом, что стал слабеть исходящий от нее аромат женственности.

Пропала красота, ослабел зов плоти, руки удлинились, груди присохли к ребрам, в обтянутой кожей череп превратилась прекрасное прежде лицо. И лишь волосы не изменились.

А губы презрительно усмехались. И тут она впервые ударила меня словами; но произносила она их или просто возникли они у меня в голове, я не знала.

— Смотри на меня, ведьма, смотри, увидишь себя. Такая ты для мужчин!

Неужели она хотела поймать меня на тщеславии?.. Или она совсем не знает женщин... и думает победить с помощью этого? Кто же примет всерьез этот булавочный укол?

Нет, слова ничего не значат. Важно видеть веревку!

— Ну какой же мужчина заинтересуется тобой... — Искусительница замерла. Голова ее поднялась, глаза отворотились от меня, даже руки опустились и волосная веревка повисла. Она словно прислушивалась, но я не слышала ничего.

Снова изменился ее облик, вернувшаяся красота округлила тело, стала она вновь желанной гостьей в постели любого мужчины. Опять рассмеялась она.

— Ведьма, я недооценила тебя. Похоже, что уж один-то за тобой увязался. Но жалость какая, все придется отобрать у бедняги. Дивись, ведьма, на силу... — тряхнула она головой, и потеплело у меня на душе. Поняла я, как беспечна она: имя свое чуть-чуть не назвала! А назвала бы, погибла бесповоротно. Давно не встречала она ничего сопротивления, и потому-то и стала безрассудной. Выходит, следует мне быть внимательной, использовать каждый ее промах.

— Обернись и посмотри, ведьма, — командовала она. — Посмотри, кто идет на мой зов, подобно всем этим глупцам.

Не было мне нужды оборачиваться к ней спиной. Раз Джервон пошел со мной, сам и должен он встретить судьбу. Не ему отвлечь меня от битвы с серебряной женщиной.

Я скорее услышала, чем увидела, как он скользнул рядом со мной. Не отводя глаз от Древней, боковым зрением заметила я его руку: в ней был меч, и острием был он обращен к той женщине.

Она ласково запела, но ложь была в нежной и женственной песне. А потом она простерла к нему руки, не выпустив, впрочем, волосяную веревку. И даже мне, женщине, были ясны все ее чары, — обладала она всем, чем только можно привлечь мужчину.

Джервон шагнул вперед.

Разве могла я упрекнуть его, тут бессилен был даже блиставший на его груди анк... Слишком уж могучей, неотразимой была ее женственность.

И эта безграничная власть неожиданно пробудила во мне гнев, словно серебряная женщина грозила отобрать у меня все самое дорогое. Но Мудрой была я, а потому и тело и чувства мои оставались покорными разуму.

Она что-то говорила, ворковала, манила Джервона поближе. Меч его дрогнул, острие опустилось к земле, свободной рукой он ухватился за талисман, потянул за цепочку, словно чтобы сорвать его и отбросить. Но кроме покорности ее чарам, чувствовалось в нем и что-то еще.

Сильна была она. Но он противился ей! И не в последнем отчаянье, вдруг осознав грядущую гибель, как, должно быть, все остальные, стоящие рядом, нет! В глубине себя сознавая, что не ею хочет он обладать!

Как сумела я это понять, не знаю, может быть, потому, что и она почувствовала это. Протянула она к нему руки, изнемогая от страсти, словно его-то и ждала всю свою жизнь. А он более не рвал анк с груди, он вцепился в него, как в последнюю опору, будто якорь в бушующем море спасал его амулет.

И тут, как я и ожидала, веревка петлей взвилась в воздух, но не ко мне она летела, к Джервону, словно его упрямое сопротивление возмутило все ее планы.

Я была наготове, и кончиком посоха перехватила петлю. Удавом стиснула она чистую древесину посоха, точно был он

человеческой плотью. Но, обнаружив ошибку, ослабла хватка и скользнула вниз к моей руке.

Раскрутив посох, отбросила я распутившую кольца веревку обратно. Упала она рядом с камнем, на котором стояла Древняя, развернулась и змеей поползла к нам с Джервонном. Но Серебряная уже плела новую петлю из своих локонов, быстро мелькали теперь ее пальцы, без высокомерной лени, как в прошлый раз.

Сил Джервона хватало теперь лишь на то, чтобы стоять; острием меча он опирался о камни, другая рука крепко сжимала анк. Не мог он иначе защититься от ее колдовства. И биться с нею мне опять предстоит одной. Но мое положение стало хуже, ведь часть сил придется уделить на защиту Джервона.

Защищать ли его? Поколебалась было решимость моя, но тут же рассердилась я на свою слабость. Не было у меня выбора. Коль суждено Джервону пасть от ее волхваний, пусть будет так, но и разум и силы целиком должна я отдать последней схватке с Серебряной.

Сплела она новую веревку, но на сей раз не бросила, разжала руку, и медленно скользнула она на камни и следом за первой поползла к нам. Улыбалась Серебряная, и принялась за третью веревку, а те две, словно змеи, ползли к нам.

Да, могли они одолеть нас, но воспротивилась я. Засунула чашу за пояс и выхватила меч, что выковал мой отец из слитков древнего металла.

Темным оказалось его лезвие, как беззвездная ночь, ни искорки света не отражалось от него. Никогда не бывал он таким прежде, случалось мне обнажать его и раньше, и всегда не отличался он от прочих мечей. Теперь же — словно из ночи его сковали.

Положила я его на плиты, оградилась лезвием от подползающих петель. И не знала, защитит он меня или нет. Одни тайные силы отращают металлом, а другие съедят даже сталь. Тайна окутывала происхождение меча, но доверилась я родителям, знали они ему цену.

Снова взяла я чашу и оградилась еще и посохом. Но теперь приходилось мне следить и за женщиной, и за веревками, теперь уже три их приближались, и она начинала плести четвертую.

Змеясь, подползала к лезвию первая, изогнулась, готовясь ударить, коброй откинулась назад, подняв один конец, словно голову... Но будто преграда была перед ней, не могла она ее

перелезть, прикоснуться не могла. Полегчало у меня на сердце, значит, и меч был защитой.

К моему удивлению, шевельнулся и Джервон, тяжело, рывками, едва одолевая вес своего тела, поднял он меч и рубанул по подобравшейся веревке. Попыталась она охватить меч, взобраться по нему, но, потеряв силу, отпала. Значит, и сталь ограждала.

Почти все безжизненные мужские фигуры вокруг нас были в броне, но мечи оставались в ножнах. Должно быть, они и сообразить не успели, что придется биться за жизнь, так сильны были ее чары.

Словно разъяренная пантера, зашипела Серебряная. Метнула в меня четвертую веревку, но едва посох мой вновь зацепил петлю, как отправил обратно. И в этот миг поняла я, что пора и мне переходить в атаку.

Взяла я посох, как копые на охоте, и метнула его прямо в грудь Серебряной. Охнула она и, словно щитом, заслонила волосами. Глубоко вошел в них посох, пряди вокруг него таяли и исчезали. Но сумела она отразить силу жезла из рябины, упал он к подножию ее камня и переломился. И все же половину волос ее уничтожил.

Быстро подхватила я меч с каменной плиты, а Джервон с неимоверным усилием, словно свинцом налиты были руки и ноги его, неуклюжими взмахами рубил оставшиеся веревки. Но скованы были его движения, и могли они одолеть его, однако не было у меня времени помогать Джервону. Только о поединке должна я думать, о битве, в которой могу и погибнуть. Перепрыгнув через последнюю ползущую веревку, побежала я к постаменту; не веревки вила теперь женщина, а рвала волосы горстями и кидала навстречу мне дымовой завесой.

Двумя взмахами меча рассеяла я этот полог и встала перед ней. Не была она более прекрасной, черепом вновь стала ее голова. Губы исчезли, обнажились страшные зубы, руки не к волосам протянулись, ко мне. И пока я смотрела на нее, выросли, страшными когтями стали пальцы, готовые рвать и терзать мое тело.

Вверх и вперед ударила я мечом, и словно в пустоту пришелся удар мой. А она была на своем месте, готовясь вцепиться мне в горло. Снова ударила я. И поняла: она — призрак, а сущность ее где-то неподалеку. Если не найду я это укрытие, то погибну.

Тонким голосом вдруг вскрикнул Джервон: две веревки

разрубил он, но третья, обхватив его ногу, взбиралась все выше и выше.

Помочь ему я не могла... Где же Древняя?

Ясно, она укрывалась здесь, в центре спирали, не сомневалась я в этом. Иначе не такой силой обладала бы она в этом месте.

То, что недавно было красавицей, не покидало камня; вытянув когтистые лапы, она наклонила вперед голову. Немыслим был такой поворот для человеческой шеи, но она по-прежнему буравила меня глазами, что не были глазами. Рот ее яростно скалился, с каждым мгновением теряла она человеческий облик, ярость, словно в зеркале, отражалась в ее теле.

Теперь я убедилась, что не может она сойти с камня, только колдует, стоя на нем. Значит, не упуская ее из виду, могла я поискать, где сокрыта она, и поразить ее насмерть или прогнать.

Мимо безмолвных фигур ее жертв двинулась я к колоннаде. Медленно вдоль колонн обходила я камень, не отрывая взгляда от Древней.

Она подняла руку к лицу — страшные когти на них растаяли, — плотно обхватила вновь появившимися пальцами нечто драгоценное. А потом поднесла руки ко рту и нежно подула на них, словно пытаясь согреть.

Что-то придумала она теперь, битва не кончилась, но еще не могла я понять, каким будет новый удар.

Обе руки подняла она перед собою, а на них нечто... Подобных существ не видала я прежде, только сразу поняла, что оно из сил зла. Когтистые крылья летучей мыши были усеяны мерзкими пятнами, на маленькой голове рожки, острое рыло. Раскаленным углем реяла тварь над моей головой. И огненной искрой вдруг взлетела она, поднимаясь все выше и выше. Я ждала, что она ударит, но тварь куда-то исчезла. Я не знала, когда и с какой стороны она вернется. И все же ожидать больше не могла и потому решила продолжить поиски. Обходила я одну колонну за другой, а Древняя все следила за мной, и зубы ее заострились клыками, а ухмылка сулила смерть.

Теперь, когда посох сломался, все надежды мои были на чашу. Ее сила должна была почувствовать и источник силы Древней, что воплощалась в женщину. Но не становился ярче серебряный ободок у края.

Так обошла я все столбы. Значит, очевидное — правильно, и источник силы под камнем, на котором стоит она. Но как поднять или опрокинуть его?..

Я оказалась за спиной Джервона. Ноги его теперь были опутаны не только третьей веревкой, но и волосами, которые Древняя бросала в нас. До живота они еще не поднялись, его руки свободны. Лишь вдвоем можно опрокинуть камень... поняла я. Но сможет ли он, сумеет ли помочь?

Вдоль и вокруг тела Джервона провела я кончиком меча, и сгнули пути. Он обернулся. Бледный, лицо застыло, словно у тех, неподвижных, но глаза были живы.

— Ты должен помочь мне перевернуть камень.

Я слегка подтолкнула его мечом в спину.

Он пошелился, сделал неуверенный шаг.

И все время должна была я помнить о крылатой алой твари, взметнувшейся в воздух. Выжидает ли она, чтобы напасть враспloh, или помчалась куда-то вестником звать помощь.

С огромным усилием Джервон делал уже второй шаг. Так медленно шел он, словно не живое — каменное тело повиновалось моим словам. Я вновь положила чашу за пояс, ухватила его за руку и кончик меча его воткнула в щель между плитами и постаментом.

Мимо лица Джервона промелькнула рука с уродливыми когтями, но уберег его анк — остался он невредим. В ту же щель воткнула я и собственный меч, крикнула, всеми силами души надеясь, что сумеет он выполнить мой приказ:

— Подымай!

Обеими руками ухватила я за рукоятку. И в этот миг свалилась с небес алая тварь, в мои глаза метила она. Отдернула я голову, но милостью сил, которым так долго служила, не выронила меча.

Огнем ожгла тварь мою щеку, взвизгнула рядом шипя. Но все готова была я забыть ради камня, важен был только камень. И он шевельнулся!

Все свои силы собрала я и крикнула:

— Сильнее, Джервон!

И под напором наших мечей наклонился камень. А тварь металась над нашими головами, и Джервон вдруг, тоже охнув, отдернул голову. Но мы справились с камнем: на мгновение застыл он, потом рухнул вниз и откатился.

7. Светлое серебро

И следа не осталось от той, что грозила нам с камня. Но свирепая тварь яростно бросилась к моей голове. Отшатнулась я, прикрыв глаза ладонью, но меч в руке удержала и ткнула им вниз, в то место, которое было под камнем. Раздался стон. Ненавистная тварь исчезла.

Я стояла над неглубокой ямой. В ней был металлический горшочек, но пронзила я его острием меча, словно был металл мягкой глины. Что-то текло из него, и в текущем расплаве растворился сам горшочек, а потом вдруг исчезла и вся жижа, словно в землю впиталась.

Задрожали под ногами каменные плиты, стали трескаться и ломаться в щебень, сперва у ямы, а потом, как волнами, покатались, удаляясь все больше от ямы, словно бы все века, незаметно пролетевшие над этим местом, вдруг нестерпимой тяжестью навалились на него, дробя камни.

Волна щебня докатилась до ног первого из мужчин. Он поехал, шевельнулся. И вдруг броня его покрылась ржавчиной, гулко грохнули в нее кости, и, смешавшись воедино, все разлетелось на мелкие кусочки и упало на вздыбившиеся камни.

Так было и с остальными. Волна времени поглощала стоящих, срывала с них видимость жизни и катилась все дальше.

— Мертвецы! — сказал Джервон.

Я обернулась к нему: он с живостью озирался вокруг, сковывавшая его тяжесть исчезла, вернулось сознание.

— Да, мертвы и давно! А теперь мертва и эта ловушка.

Рядом вверх рукоятью стоял мой меч, горшок бесследно исчез, и теперь меч был воткнут острием в землю. Я ухватилась за рукоять и потянула — острия не было, от него осталась тонкая сосулька, будто меч погрузили в кислоту. Не меч, три четверти меча держала я в руке. Я вложила искалеченное оружие в ножны и удивилась мощи той силы, что была заключена в горшке.

Элин! Даже забыла я, за кем пришла сюда!

Резко обернулась я от ямы, где позади всех остальных стоял мой брат. Он шевельнулся, неуверенно поднял руку ко лбу, попытался шагнуть и споткнулся о кости и броню одного из неудачников. Я рванулась к нему, готовая под-

держат. Он моргал, оглядывался по сторонам, словно только что спал и видел сон, а, проснувшись, обнаружил, что был тот сон явью.

— Элин! — Я ласково прикоснулась к его плечу, словно утешая проснувшегося с криком ребенка.

Он медленно обернулся ко мне.

— Элис? — спросил он, не веря своим глазам.

— Элис, — подтвердила я, взяла его за руку и вытащила из-за пояса чашу.

Черная пелена исчезла. Серебром сверкала она в лунном свете, как в ту ночь, когда была сотворена.

— Чаша из драконьего серебра?

— Да, по ней увидела я, что ты в беде... а потом чаша привела меня сюда...

Тут он вновь оглянулся. Волна разрушения прошла еще дальше. Погасло призрачное свечение столбов, большинство их упало, развалилось на мелкие крошки. Улетела отсюда сила, что удерживала все вместе.

— Где... где мы? — озадаченно хмурился Элин.

И подумалось мне: а помнит ли он, что с ним случилось?

— В сердце проклятия Ингаретов. Оно пало и на тебя...

— Ингаретов! — Хватило и одного слова. — Где Брунниссенда, жена моя?

— В надежной твердыне Ложбины Фроме.

Горько было мне слышать его слова, словно шагнул он куда-то... не шагнул — отпрянул... но рука моя пока держала его руку.

— Я не помню, — неуверенно пробормотал он.

— Это неважно. Теперь ты свободен.

— Теперь мы все свободны, госпожа! Но нужно ли нам задерживаться здесь?

Джервон стоял рядом со мной. Обнаженный меч был в его руке, он внимательно оглядывался по сторонам, словно повсюду были враги и за любым придорожным кустом мог таиться вооруженный воин.

— Сила покинула это место. — Я была уверена в этом.

— Но одна ли она здесь? Лучше — по коням и назад... Так будет спокойнее.

— Кто это? — спросил Элин.

Ошеломление, судя по краткости речей, еще не оставило его, и я с готовностью ответила:

— Это Джервон, маршал Долины Хавер, отправившийся

со мной выручать тебя. Его мечом мы добыли победу в этой битве с силой проклятья.

— Благодарю вас, — отсутствующим голосом произнес Элин.

По всему было видно, что не оправился он еще от власти проклятья и не отдает себе отчета во всем происходящем; простить следовало краткость слов благодарности. Но жутковато стало мне.

— А далеко ли отсюда Ложбина Фроме? — Тут голос Элина ожил.

— В дне езды, — ответил Джервон.

Не могла я тогда вымолвить ни слова. Ведь все силы мои ушли на битву с Древней, а сейчас Элин был на свободе. Одолела меня вдруг усталость, разом навалилась на плечи, словно пришло ее время. Но крепкая, как стена твердыни, рука обхватила меня за плечи.

— Поехали. — Элин уже повернулся, он готов был идти.

— Не сейчас, — приказом отдавал тон Джервона. — Целый день госпожа, сестра ваша, ехала вчера сюда, не отдыхая, а потом тяжело билась всю ночь, чтобы дать вам свободу. Не по силам ей сейчас ехать!

Элин нетерпеливо оглянулся. С детства знакомое мне упрямство застыло на его лице.

— Тогда я... — начал он и замолк, а потом кивнул головой. — Хорошо.

Притворялся ли он, не знаю. Сморил меня усталость, и не разбирала я ничего. Не помню, как вышли мы из руин спирали. Ничего больше не помню, только мягкий плащ под головой, укутавший меня меховой плащ, подарок Омунда да твердую руку и заботливый голос.

Разбудил меня соблазнительный запах жареного мяса. Сквозь полузакрытые веки увидела я перепляс язычков огня на сучьях, а над угольями сбоку на прутьях жарились небольшие тушки лесных птиц, дичи изысканной и достойной пиршественного стола любого из Властителей Долин.

Скрестив ноги, Джервон без шлема в спускавшемся на плечи кольчужном подшлемнике скептически поглядывал на жарящихся птичек. Где Элин? Я огляделась, но брата у костра не было. Я приподнялась на локте и выкрикнула его имя.

Джервон быстро поднялся и склонился ко мне.

— Элин? — опять крикнула я.

— Беспокоиться нечего, жив и здоров, уехал с рассветом. Торопился к подданным и к жене.

Я еще не совсем проснулась, но чем-то беспокоил меня его голос.

— Но ведь вокруг опасность, ты же сам говорил, что ездить в одиночку безрассудно, а втроем... — бормотала я.

— Он мужчина и воин. И он решил ехать. Разве должен был я остановить его силой? — тем же голосом спросил он.

— Не понимаю... — Мое беспокойство росло.

Джервон резко встал, отвернулся к огню, так что я видела лишь его скулу, твердый подбородок, узкую полоску рта.

— И я тоже, — с жаром отозвался он. — Ты, что победила бы ради меня в такой битве, я бы никогда не покинул, а он все распинался о своей госпоже. Как же попал он к этой, Серебряной, если бы и впрямь думал о своей Бруниссенде столько, сколько говорит?

— Может быть, он и забыл все, не помнит. — Я откинула плащ. — Иногда так бывает. И не было у него сил противостоять Серебряной, когда подпал он под проклятье. Вспомни, какова она была... Если бы не анк, ты тоже не устоял бы.

— Хорошо! — возмущение еще не утало в голосе Джервона. — Может, и правда на его месте любой мужчина поступил бы также, но не этого ожидал я от в а ш е г о брата. И... — Он заколебался, явно не решаясь произнести, что хотел. — Госпожа, не ждите... Впрочем, быть может, я вижу обнаженные мечи там, где они в ножнах. Не хотите ли поесть?

Меня больше занимало, что он думал. Но что-то мешало спросить его об этом, да и голод одолевал. Я протянула руку к самодельному вертелу и принялась отрывать зажаренное мясо от косточек.

Так долго я проспала, что закончили мы завтрак уже к полудню. Джервон привел коня. Значит, Элин взял второго! Такое даже не могло прийти мне в голову, и поведение брата стало казаться мне все более странным.

Я не стала противиться, когда Джервон настоял, чтобы я села в седло. Но решила, что мы будем ехать по очереди, как подобает друзьям.

И все же в пути только об Элине думала я. И только о том, как он бросил нас. Должно быть, ум его был поработен теперь одной лишь мыслью о молодой жене. И если Бруниссенда столько значила для него, только рядом с ней мог надеяться он вновь обрести безопасность. Нет, чем бы ни вызвано это

поспешное бегство, следствием колдовства оно было, а не отсутствием братских чувств и благодарности.

А потом я подумала об Элине-мальчике, вспоминая все то, что прежде принимала, как должное, не колеблясь. И вдруг появилось предчувствие нового испытания. Почему и откуда возникло оно, я сказать не могла. Но ни одна искушенная в тайных науках Мудрая не станет пренебрегать предчувствием.

Никогда не интересовался Элин знаниями Мудрых. Всегда, теперь припоминала я, избегал даже разговоров о них. Хотя давала я обеты молчания, но о многом было позволено говорить, и полезными для него же могли оказаться эти познания. Но не любил он, когда я показывала свое умение в его присутствии.

Странно, но он никогда не жалел, что вместе учились мы бою мечами. Больше чем братом была я ему, и мне это нравилось. Но только начну я рассказывать, что нужно нам с Оффрикой, — и он сразу же старался улизнуть. И все же при расставанье согласился ворожить над чашей. Впервые в жизни, насколько я знала, участвовал он в колдовстве.

Мы знали судьбу нашей матери, знали, что просила она сына, знали, и у кого просила. Знали, что рисковала она самой жизнью. Но сотворила кубок и выпросила сына. А в последний миг попросила еще и о дочери, и с радостью заплатила за нее жизнью.

И не как обычные дети были мы зачаты, с магии начались обе наши жизни. Не ее ли страшился Элин?

Часто бывала я вместе с отцом и Элином, но проводила время и по-другому, и никогда отец мой не спрашивал о моих занятиях. Теперь, годы спустя, поняла я, что не хотел и он знать о другой стороне моей жизни. Словно... словно это было какое-то уродство.

Глубоко вздохнула я, понимая теперь по-новому отношения с отцом и братом. Неужели была я им неприятна и они стыдились меня?.. Как же тогда моя мать? Что случилось за морем в этом самом Эсткарпе, что выбросило моих родителей в нашу бесплодную Робь?

Они стыдились моей силы?.. Они, отец мой и брат, смотрели на меня, как на меченую... на уродца?

— Нет! — громко сказала я.

— Что «нет», госпожа?

Удивленно посмотрела я на Джервона, шедшего у стрелы, и задумалась. И хотела я спросить его, и боялась

спрашивать. С трудом наконец решилась я на это, понимая, что ответ Джервона поведает мне и о причинах бегства Элина.

— Джервон, ты знаешь, кто я? — спросила я напрямик, только, быть может, дрогнул слегка мой голос — ведь все решал его ответ.

— Дева-воительница, что повелевает людьми, тайными силами, — ответил он.

— Да, конечно, Мудрая, — уж от него-то не лести ожидала я, привыкшая к схваткам с невидимым.

— Но ведь добру только служите вы... Что вас гнетет, госпожа?

— Иначе, друг мой, верно, думают люди, и считают они, что служение наше — не добро, а если иногда передумают, то ненадолго. А я — Мудрая от рождения, без моего знания не жить мне, и никогда не будут ко мне относиться по-другому, всегда будут смотреть искоса.

— Элин тоже?

Умен был он, даже слишком. А может быть, по словам прочел он мои думы. Но коли уж так получилось, зачем же скрываться и дальше?

— Может быть... Не знаю.

Надеялась ли я, что он станет разубеждать меня? Если и да, то надеждам моим не суждено было сбыться. Подумав, он ответил:

— Что ж, если так, то многое становится понятным. И, попавшись в такие сети, меньше всего хотел он, чтобы кто-нибудь, даже сестра, своим видом напоминал об этом...

Я взяла в руки поводья.

— А разве ты, мечник, считаешь иначе?

Джервон прикоснулся к рукояти меча.

— Вот мое оружие, моя защита. Меч мой из стали, и я могу взять его, и другие мужчины увидят его в моей руке. Но есть и иное оружие, теперь я видел и это. Бояться ли мне вас, коситься ли в сторону, если ваше оружие не из металла и не видать его глазом? Все искусства войны в свою меру узнал я, знаю и кое-что о путях мира. Всему этому научился я, как и вы изучали свои науки. Может быть, не дано мне понять их, но и мои познания для вас будут непонятны. Что сравнивать разное: среди путей мира ваш путь — исцеление, а битвы с исчадьями — ваша война. И потому без страха и отвращения гляжу я на вас и на дела ваши.

Так ответил он на мои мрачные думы.

Но если Элин думал иначе, что же ждало меня впереди?

Конечно, могла я вернуться в ту безымянную долину, где оставались еще люди Роби. Но кому я нужна там? Только Офрике. Да и та, отправляя меня в дорогу, знала я, надолго со мной распростилась. Не было в этом селении дел для двух Мудрых. Все, что могла, она и так сделала для меня. А теперь я выросла, сила моя окрепла. Птенца-слетка не запихнуть назад в скорлупу.

Твердыня Фроме? Но и там мне нечего делать. Не было для меня в Брунниссенде загадок, как стекло была она прозрачна перед моим взглядом. Еще со своей Дамой могла она ужиться, но жить под единой крышей с Мудрой, да к тому сестрой ее мужа — тут будут не только косые взоры.

Но если нет мне пути ни назад в свою Долину, ни в твердыню брата, куда же направиться мне? Удивленно оглянулась я, показалось мне в этот момент, когда все стало ясным, что несет меня неизвестно куда, и страна эта тоже не желает меня принимать.

— Может, повернем? — спросил Джервон, словно прочитав мои невеселые мысли.

— Куда же тогда? — в первый раз ожидала я решения воина, не зная сама, на что решиться.

— Я бы сказал, куда угодно, только не в твердыню! — Твердым и четким было его решение. — Если вы хотите — заедем, проверим, что Элин вернулся, погостим, но недолго.

Я согласилась — у меня оставалось время подумать о будущем.

— Что ж, в Ложбину Фроме... Быстрее приедем — быстрее уедем!

Двигались мы по понятной причине не быстро. Около полудня встретились нам посланцы Элина. Так во второй раз приехала я в твердыню. Хотя и с почтением обращались с нами посланцы, но Элина не было среди них.

Вечером после восхода луны въезжали мы в крепость. Меня провели в гостевую палату, где уже ждали служанки с дымящимся чаном теплой воды, чтобы смыла я усталость с дороги. Ждала и кровать, подобной которой мне не приводилось видеть. Но спалось мне в эту ночь хуже, чем вчера на голой земле, — так беспокоили меня невеселые думы.

Утром, когда я встала, служанки подали мне роскошное платье, как у Властительницы Долины. Но я попросила свою кольчугу и дорожное одеяние. Смутились служанки, и я

узнала, что приказала госпожа Брунниссенда уничтожить мою одежду, словно то были лохмотья.

Попросила я, и принесли мне другую одежду, новую, но мужскую. Брат ли послал ее, не знаю... Оделась я, сапоги натянула, надела кольчугу, пояс с ножнами, в которых покоился изуродованный меч, сокрушивший проклятье.

Оставила в комнате плащ, выючные мешки и походный ранец. А брат, мне сказали, все еще был со своей госпожой... И послала я известить их о моем приходе.

Второй раз попала я в роковую комнату. Охнула Брунниссенда, увидев меня, и схватила Элина за рукав. Не в броне был Элин, в шелковом одеянии. Хмурясь, смотрел он на меня, а потом нежно отвел ее руку и шагнул мне навстречу, мрачней.

— Почему ты одета так, Элис? Неужели трудно понять, не по силам Брунниссенде видеть тебя такой.

— Такой? Но другой я никогда не была, брат мой. Или ты забыл?..

— Ничего я не забыл! — гневно крикнул он в ответ.

И за гневом его скрывалось желание побыстрее отделаться от меня.

— Прошу у тебя, Элин, только коня. Я не собираюсь путешествовать пешком, а долг за тобой все-таки есть.

Облегчение появилось в его глазах:

— Куда ты поедешь, обратно в Робь?

Я пожала плечами, но не ответила. Если он хочет верить в это, пусть верит. До сих пор не могла я постигнуть глубину пропасти, что внезапно возникла между нами.

— Мудра твоя сестра. — Брунниссенда подобралась поближе к нему. — Ведь мужчины в нашем замке еще боятся проклятья. Ты имела с ним дело. И они боятся тебя.

Элин шевельнулся:

— Она сделала это ради меня, госпожа моя, не забывай об этом.

Промолчала Брунниссенда. Только взглянула на меня, и стало мне ясно, что не будет дружбы между нами.

— Что ж, уже день, пора ехать. — Не хотела я больше глядеть на обломки бывшего родства.

Он дал мне лучшего коня из своей конюшни и лошадь, навьюченную всем необходимым. Хотя бы в этом постарался облегчить свою совесть. И все время не отрывали от меня глаз люди его, загадочным казалось им наше сходство.

Сев на коня, я глянула вниз. Не хотелось желать ему зла.

Он живет по своей природе, я — по моей. Потому сделала я знак благословения, приносящий удачу. А он скривился в ответ, словно не желал благословения от меня.

Так уехала я из замка. Но у ворот присоединился ко мне всадник. Я спросила:

— Ну, узнал ты, где сейчас господин твой? И куда нам ехать к нему?

— Он умер, а люди его, те, кто жив еще, присягнули другим властителям. Нет у меня теперь господина.

— Так куда же теперь лежит твой путь, мечник?

— Пусть нет у меня господина, но есть госпожа! Один путь у нас теперь, Мудрая госпожа.

— Да будет так. По какой же дороге и куда проляжет наш путь?

— Кругом война, госпожа. У меня свой меч, а у вас свой. Поищем-ка Псов, иначе зачем нам мечи?

Я рассмеялась. Замок Фроме был позади. Я теперь свободна. Впервые свободна... от опеки Офрики, от косых взоров завистливых жителей Роби, от заклятья драконьей чаши — простой чашей будет она отныне, а не путеводной звездой, ведущей меня в опасность. А, впрочем, война, колдовство... Я глянула на Джервона.

Внимательно следил за дорогой мой воин. Не глядел он тогда на меня, охранял. Так, значит, иначе может сложиться моя судьба, стоит мне лишь пожелать.

КУЗНЕЦ ВИДЕНИЙ

Перевод
Ю. Соколова

© перевод на русский
язык, Соколов Ю.Р., 1992

Andre Norton
DREAM SMITH
SPELL OF THE WITCH WORLD
New York 1972

Кузнец видений

Словно из золота и серебра чеканят слова сказаний кузнецы песен. Старые песни... и новые... Только много ли правды в них? Кто знает? Но и в самой невероятной истории может крыться зернышко истины. Вот хотя бы сказание про Кузнеца видений. Трудно живущему ныне отыскать это зерно — все равно что вычерпывать до дна чадающий ров поварешкой.

Кузнеца, что жил в селении Гилл, звали Бросон, и большую тайну своего мастерства знал он, и малую. А значит, умел ковать железо и бронзу, и с драгоценными металлами справлялся. Только редко приходилось ему изготавливать украшения.

Было у него два сына, Арнар и Коллард, пригожими были мальчишки, и не только в Гилле, что лежит у слияния рек в долине Итон, но даже в Симе и Болдре считали, что Бросон счастливчик. Дважды в год спускался он по реке к броду у Твая, отвозил туда свою работу: кованые петли и дверцы, засовы, мечи, а иногда даже ожерелья и броши из горного серебра.

Все это было еще до вторжения, и никто не нарушал мир в Высоком Халлаке, кроме разбойников, гнездившихся на высокогорьях. Поэтому мужчины верхних долин всегда нуждались в оружии. В долине Итон правил Вескис. Только редко видели его жители долины, ведь унаследовал он от матери земли на побережье, а потом женился там, и приданое жены еще увеличило его владения. Потому в своей здешней твердыне он держал лишь горстку пожилых воинов, пару прачек, да и вообще почти все комнаты замка открывались только в Средзимье, а после пиршества закрывались вплоть до следующего года.

На третий год после второй женитьбы Вескиса (о чем всех в долине оповестил глашатай) жителей Гилла потрясло событие более важное, чем радости их властителя.

С гор спустился купец; в его небольшом караване один из пони вез мешки с ломаным металлом, которому Бросон не знал даже имени. Блеск грубых слитков заворожил кузнеца. Молотом и огнем испробовав небольшой кусок, кузнец боялся теперь упустить хотя бы один слиток и торговался изо всех сил. Откуда этот металл — купец не говорил. Бросон решил, что только из алчности утаивает он это. Пони к тому же захромал, и с искренней или наигранной нерешительностью

купец продал-таки металл, и оба мешка, набитые, пожалуй, плавленным ломом, а не самородками, оказались в сарае кузнеца.

Бросон не сразу приступил к работе. Сперва опытным взглядом пытался он понять странный металл и прикидывал, к чему он пригоден. Наконец решил выковать меч. Ведь говорили, что Властитель Вескис собирался, наконец, посетить самое западное из своих владений. А сделав своему господину подобный подарок, выказав мастерство, можно было надеяться и на ответные милости.

Расплавить металл Бросон доверил Колларду, у мальчика это уже хорошо получалось. Кузнец решил, что сыновья по очереди будут учиться работать с этим металлом — ведь он был уверен, что торговец обязательно вернется в эти края с тугими выюками.

Так сам дал он смерть телу своего сына, как когда-то дал ему жизнь.

Как это произошло, не понял и сам Бросон, Коллард же не проявил никакого легкомыслия, он и так был обстоятельным и старательным юнцом, но в кузнице произошел взрыв, почти разнесший ее на куски.

Были ожоги и раны, но Колларду пришлось хуже, чем отцу. Уж лучше бы он умер прямо тогда. Ведь после долгих месяцев мучений и отчаяния он выкарабкался в жизнь только наполовину, и не был уже полноценным человеком.

Шарвана, Мудрая и целительница, сразу же после взрыва взяла изувеченного мальчика к себе. Но из дверей ее дома вышел уже не Коллард, стройный, пригожий мальчишка, гордость отца, нет — выползло существо, подобное тем, что вырезаны на камнях в развалинах обиталищ Древних (к счастью, немного осталось таких — искрошило их время).

И не только тело его согнулось, словно под тяжестью столетий, даже лицо исказилось в непристойную маску, вроде тех, что ухмыляются в полночь меж ветвей заколдованного леса. У Шарваны было на все свое объяснение, но не могли же ее слова укрыть Колларда от взглядов сверстников, они и сами отводили глаза, когда он ковылял мимо.

Взяла Шарвана гибкой коры и вырезала из нее маску, чтобы прикрыл он изувеченное лицо. С тех пор мальчик не снимал ее, но старался держаться подальше от людей.

Он не стал возвращаться в дом отца, а поселился в старой

хижине внизу сада. И работал в нем по ночам, чтобы даже случайно не встретиться с бывшими приятелями. А в хижине устроился поуютнее, ведь взрыв не отнял у него ни умелых рук, ни изобретательной мысли.

Одно время ночами он работал в кузнице, пока Бросон не воспротивился этому — соседи слышали перезвон молотов и не желали, чтобы этот стук напоминал им, кто так ловко орудует ими. Поэтому Коллард больше не приходил в кузницу.

Как проводил он свое время теперь, не ведал никто, а потому его почти позабыли. На другое лето брат его, Арнар, женился на Никале с мельницы, но Коллард так и не появился на свадьбе, даже издали ни во дворе, ни в саду не промелькнул.

Только на третий год после несчастья люди вновь услышали про него и то потому, что в кузницу появился новый купец. Пока тот по мелочи торговался с Бросоном, Коллард стоял в густой тени у сарая. Но когда о цене поясных ножей договорились, сын кузнеца шагнул вперед и взял купца за руку. Молча показал он чуть поодаль на столик, где на платке он рядами расставил фигурки. Необычные животные; люди, столь прекрасные и совершенные, что лишь героями древних сказаний могли они быть; словно бы бедный калека Коллард, согбенный до конца своих дней, всю тоску, все желание быть таким же, как все люди, вложил в них.

Одни были из дерева, но большая часть была из металла. С удивлением подметил Бросон странный блеск. Это был тот самый металл, который он выбросил тогда после несчастья, опасаясь даже прикоснуться к нему.

Опытный купец, понимая их истинную стоимость, тут же назначил цену. Но Коллард хриплым скрипучим голосом продолжал торговаться и тогда, когда, по мнению Бросона, предложено взамен было достаточно.

Не успел купец отъехать подальше, Бросон обернулся к сыну. В этот раз он даже забыл про маску, лишь прорези глаз на ее гладкой поверхности напоминали, что под ней скрывается живой человек.

— Коллард, как ты сумел сотворить такое? Подобной работы я никогда не видел. Даже в лавках заморских купцов возле брода у Твая... До этого... раньше ты никогда не делал ничего подобного.

Перед безмолвной маской слова эти, казалось, не имели значения. Словно бы говорил он не с сыном, а с существом

мерзким и странным, какие, по слухам, плясали в известные дни у заклятых камней, куда добродетельные люди не ходят.

— Я не знаю, — проскрежетал в ответ голос, лишь слегка похожий на человеческий. — Они возникают в моей голове... а потом я их делаю.

Коллард повернулся, но отец схватил его за рукав:

— Ты оставил свою выручку...

На столе лежали заморские монеты — их можно было обменять на добрый металл или товары, кусок пурпурной ткани и две резные рукоятки для ножей.

— Оставь их себе. — Коллард попытался вырваться, но резкое движение заставило его опереться на стол. — Зачем такому, как я, это добро. Платить за невесту мне не придется.

— Но почему же в таком случае ты так торговался с купцом? — вмешался наблюдавший за всем Арнар. Его слегка задело, что его младший брат, к тому же в прошлом обещавший не больше его самого, вдруг изготовил такие ценные вещи.

— Не знаю. — Коллард снова повернулся, на сей раз лицом к брату. — Наверно, мне просто хотелось узнать им цену. Но теперь, отец, ты напомнил мне еще об одном долге.

Он взял со стола кусок ткани и маленькую золотую монету с приваренным ушком, чтобы ее можно было носить на шее.

— Мудрая сделала для меня все, что могла.

А потом добавил:

— Что касается прочего, пусть это будет мой вклад в хозяйство, раз не могу я зарабатывать себе на пропитание в кузнице.

В сумерках принес он свои дары Шарване. Она молча глядела, как он раскладывал на столе ткань и доставал монетку. Маленький дом ее весь благоухал травами и отварами из них. С полки над его головой поглядывала вниз сова с прибинтованным к щепке крылом; прочая прирученная мелкая живность попряталась с его приходом.

— Она готова... — Женщина подошла к шкафчику, достала из него другую маску. Она была еще более гибкой и удобной.

Коллард задумчиво потрогал ее.

— Хороший пергамент, выделанный, — пояснила она, — годен в любую погоду, думаю, тебе в ней будет удобнее. Примерь. Ты работал?

Из бокового кармана достал он свою новую вещь. Очень понравились утром фигурки купцу, но неизмеримо больше возжелал бы он эту. Крылатая женщина широко распростерла руки вверх, к небу, словно собиралась взлететь, устремившись к тому, что давно уж искало ее сердце. Словно кованный меч среди грубых поковок была бы она рядом с теми фигурками.

— И ты видел ЕЕ? — Шарвана протянула руку к фигурке, но не дотронулась до нее.

— Как и все остальное, — проскрипел Коллард. — Как всегда. Я вижу сон, потом просыпаюсь. И оказывается, могу сделать то, что видел во сне. Мудрая, если ты мне настоящий друг, дай что-нибудь из своих снадобий, чтобы я видел сны и не просыпался!

— Ты ведь знаешь, что на это нет у меня права. Иначе способность врачевать отнимется у меня, словно вода утечет меж пальцев. Но знаешь ли ты, что и зачем тебе снится?

— Знаю только, что вижу я не Долины, не нынешние Долины по крайней мере. Может ли человек видеть во сне давнее прошлое?

— Человеку снится обычно только свое прошлое. Но если дан ему такой дар, может он во сне и проникнуть в минувшее за пределы своих воспоминаний...

— Дар! — ухватился Коллард за слово, будто издевка прозвучавшее в ее устах. — И это дар!

Она перевела взгляд на крылатую фигуру.

— Коллард, разве сумел бы ты раньше делать такое?

— Может, и сумел бы. Но видеть перед собой только собственные руки... Все отдал бы я за прямую спину и лицо, что не испугает женщину.

— Ты никогда не разрешал мне заглянуть в твое будущее...

— Нет! И не разрешу! — крикнул он. — С моей-то рожей заглядывать в будущее? А что касается прочего — снов и фигурок, что привиделись мне... Тогда, в кузне, я имел дело не с обычным металлом. Должно быть, какие-то чары были на нем. Ведь торговец смолчал об этом, да так и не вернулся, спросить не у кого.

— И я так считаю, — сказала Шарвана. — Купец добыл его из твердыни Древних. И у них были войны когда-то, только бились они не мечами, не копьями и не стреляли из арбалетов, иным, неизмеримо более грозным было их оружие. Похоже, торговец проник в какую-то древнюю крепость и привез к нам остатки чего-то подобного.

— Ну и что? — спросил Коллард.

— А то... если человек любит что-то, какую-то вещь, бережет, носит ее с собой, что-то вроде собственной жизни в ней возникает и длится долго, не одно лето. И если остатки этих чувств, этой жизни попадут в открытую незащищенную душу...

— Понимаю. — Коллард забарабанил пальцами по чисто выструганному дощатому столу. — Значит, пока я был без сознания, я был открыт и чья-то память вошла в меня?

Шарвана утвердительно кивнула.

— Именно! Может быть, тебе снятся Долины, какими они были до прихода людей.

— И что же хорошего в этом?

— Не знаю. Но используй же это, Коллард, используй! Если ты отступишься от этого дара, его отберут у тебя, и мир станет беднее!

— Мир? — Он и не думал смеяться. — Хорошо, я могу делать их на продажу. И если я заработаю себе на хлеб, никто не будет мне нужен. Ведь и юнцу следует знать, что жизнь — скорбный путь и никто не ждет тебя у окна.

Шарвана молчала. Внезапно протянув руку, она поймала его ладонь, прежде чем сумел он ее отдернуть, и развернула к свету. Он хотел высвободиться — куда там... С силой молотобойца она пригвоздила его руку к столу, потом склонилась над ладонью, рассматривая знаки судьбы.

— Молчи, не говори ничего! — закричал он. Сова шевельнулась, махнув здоровым крылом.

— Разве я что-нибудь говорила? — удивилась она. — Будь по-твоему, Коллард. Я ничего тебе не скажу.

И выпустила руку.

Он неловко потирал пальцы, словно пытаясь стереть с них какую-то отметину, оставленную взглядом Мудрой.

— Мне надо идти. — Коллард подхватил пергаментную маску. Он примерит ее только дома, где никто не увидит его лицо, пока он будет без маски.

— Иди с благословением этого дома, — по обычаю своего народа попрощалась Шарвана, и эти слова все же приподняли его настроение.

Время шло. В хижину Колларда никто не заходил, а он никого и не приглашал к себе, даже отца. Торговцы тоже не заходили в селение. Взамен пришли вести из-за пределов долины, из большого мира, казавшегося подчас людям Гилла творением песне кузнецов.

Повенчался Властитель Вескис, и у второй жены его, кроме мужа, появилась еще дочь, хотя мало кто слышал о ней в то время. Но теперь говорили повсюду до самых дальних хозяйств.

Как-то раз в твердыню въехали всадники, и в средней башне закипела работа. Оказалось, что Вескис посылает свою дочь, госпожу Гиацинду, в деревню, на воздух, так как плохо ей в городе.

— Плохо ей! — Шедший к колодцу Коллард невольно замер в полутьме. Пронзительный голос его невестки Никалы доносился из дома. — Дама Матильда мне все так сама и сказала, когда я помогала ей менять камышовую подстилку под коврами. Да молодой госпоже лучше-то никогда не было, оказывается, вся она скрюченная, и личико у ней, как у ребенка, а не у девушки на выданье. И никто не позарится на нее, если только наш господин не озолотит будущего зятя. А причиной всему, сказала Дама Матильда, новая властительница Гвеннан. Не хочет она, чтобы дочь его была с нею. Очень уж она деликатная, все твердит, что не может выносить своему господину стройного сына, если ей в замке повсюду будет встречаться эта горбунья.

Коллард бесшумно поставил ведро на землю и подошел чуть ближе. Впервые за столько лет шевельнулось в нем любопытство. Он ждал, что еще скажет Никала.

Она и впрямь заговорила вновь, хотя более в ее словах ничего существенного уже не было, а потом Бросон захотел подогретого зя, и она отправилась греметь горшками у очага. Оказавшись в своей хижине, Коллард не принялся, как обычно, за инструменты, но долго глядел на огонь в очаге. Сняв маску и отложив ее в сторону, слово за словом припомнил он все, что удалось ему подслушать.

Так, значит, госпожу Гиацинду отсылают из замка в захолустную крепость, с глаз долой? Конечно, он знал старое поверье: беременная не должна видеть уродов, это может повредить ребенку в чреве, а Властитель Вескис так хочет сына. Но как отнеслась к такой ссылке сама госпожа Гиацинда? Расстроилась? Или, напротив, обрадовалась и надеется отыскать что-нибудь вроде его хижины, где можно жить вдаль от тех, кто не считает ее похожей на человека?

Может быть, поэтому она и сама радуется отъезду в Гилл? И не тяжелей ли уродство девушке, чем ему? Впервые не горькие думы, не видения царили в душе Колларда, а мысль

о живом существе, что скоро будет дышать одним воздухом с ним.

Он поднялся и взял лампу. Подошел к стене и осветил стоящие на полке фигурки. Там подобралась уже порядочная компания — и звери, и люди. Коллард внимательно посмотрел на них, и что-то похожее на видение шевельнулось в его душе.

Он поочередно перебирал и разглядывал свои творения. Хотя в сущности и не смотрел на фигурки — он думал и, в конце концов, нашел подходящую.

Положив фигурку на стол, он достал инструменты. Статуэтка всем походила на лошадь, вставшую на дыбы, но не в битве, а от радости и свободы, если бы не рог, выступавший на лбу между ушей.

Перевернув ее, Коллард занялся основанием. Кончал работу он уже с петухами. Танцующий единорог стал печатью; выгравированную на основании букву «Г» окружала гирлянда виноградных листьев.

Коллард откинулся назад. Потребность, заставившая его работать, прошла. Зачем он сделал эту печать? Ему захотелось бросить фигурку в тигель и переплавить, так чтобы она не могла даже попасться ему на глаза. Этого он не сделал, а задвинул ее подальше, вознамерившись забыть про ее существование.

Он не стал глядеть на въезд Властителя Вескиса с дочерью в замок, хотя к воротам сбежался весь Гилл. Потом до него дошло, что госпожа Гиацинда прибыла в конном паланкине и была вся укутана в одеяла и плащи, оставлявшие открытыми только лицо. Она действительно оказалась невелика, с бледным и тонким личиком.

— Новых костей ей никто не сделает, — заключила Никала (а он слушал под окном). — Я слышала, что Дама Матильда уже посылала за Шарваной. С госпожой приехала только нянька, да и та заболела. Пира в замке Гилл не будет.

Сожаление в ее голосе уловил Коллард, но не о заболевшей госпоже Гиацинде, а о том, что суета в Твердыне скоро уляжется и не будет ни приездов, ни отъездов, разнообразивших жизнь обитателей деревни.

Коллард провел пальцами по маске. Надежды его таяли. Вообще-то вскоре ему пора посетить Шарвану. Но к чему выдумывать себе какие-то предлоги, зачем эта жесткая сдержанность? Он ведь так хочет разузнать о госпоже Гиацинде, о том, как справляется она со своим телом, не телом — тюрьмой, такой же, как и его собственное. И с наступлением

темноты он вышел из дома. Но в самый последний момент все-таки прихватил с собой печать, все еще не зная, как ему поступить.

В окне дома Шарваны горел огонек. Он постучал в дверь условленным стуком, предупреждая Мудрую о своем приходе, и, услышав ее ответ, скользнул внутрь. К его удивлению, она сидела на стуле у очага, не сняв плаща с откинутым капюшоном. Руки ее были сложены на коленях. Такой усталости на ее лице он еще не видал.

Коллард быстро подошел к ней, взял ее вялые руки в свои.

— Что случилось?

— Бедная малышка, Коллард, как жестоко... как жестоко...

— Госпожа Гиацинда?

— Как жестоко, — повторила она, — а она такая храбрая, терпеливая... говорила со мной ласково, даже когда мне по необходимости пришлось причинить боль ее бедному телу. Ее няня, ах, стара она и немногим может помочь своей молодой госпоже несмотря на всю любовь. Они мчались сюда с такой скоростью, которая могла убить бедную девушку, а она не жаловалась. Ни слова не сказала она и против своей ссылки — так мне говорила няня с глазу на глаз, когда госпожа заснула после успокоительного питья. Но присылать ее сюда, это так жестоко...

Сидя на корточках, Коллард внимательно слушал. Шарвана, ясно, на стороне госпожи Гиацинды. Наконец она выговорила и выпила травяного чая, который он заварил. Радуюсь его появлению, она даже не спросила, зачем он пришел. Наконец, чтобы отвлечь Шарвану от унылых мыслей, он извлек печать из поясной сумки и поставил ее у лампы.

Она была из того же удивительного металла, некогда его погубившего.

Затаив дыхание, Шарвана протянула к фигурке руку. А поглядев на основание, кивнула.

— Хорошая работа, Коллард. Я прослежу, чтобы она попала прямо к ней в руки...

— Нет! — Он и хотел бы забрать печать обратно, но руки ему не повиновались.

— Да! — твердо сказала Шарвана. — И если она захочет, Коллард, ты принесешь и все остальные! Если хоть на миг, на мгновение, пока с ветки вниз падает капля воды, ты заставишь ее забыться — это будет благодеянием. Принеси мне счастливые фигурки, которые могут развлечь или даже развеселить ее.

И Коллард перебрал всю свою коллекцию и удивился. Оказалось, что «счастливых»-то у него почти и не было. А потом принялся он за работу, и, странное дело, люди в его видениях были теперь прекрасными либо занятными.

Дважды посещал он Шарвану со своими дарами. Теперь он работал только со странным металлом, обнаружив несложный способ придавать ему нужную форму. На третий раз Мудрая пришла к нему сама. Это было настолько неожиданно, что он даже чуть испугался.

— Госпожа Гиацинда хочет видеть твое лицо, мастер, она хочет сама поблагодарить тебя.

— Мое лицо! — прервал ее Коллард, закрывая руками маску, словно стараясь еще и ими загородить изуродованные черты.

Гнев вспыхнул в глазах Шарваны.

— Ты, Коллард, не трус и никогда не был трусом! Неужели ты боишься больной бедной девочки, которая хочет лишь поблагодарить тебя? Она так волновалась, что не может даже сказать спасибо. Ты обрадовал ее, не надо портить этой радости. Она знает о тебе все, и потому тебе разрешено прийти ночью через старую калитку, а я буду сопровождать тебя. Ты посмеешь отказаться?

Он и хотел было, но не смог. Ведь на самом деле он так хотел увидеть госпожу Гиацинду! Должно быть, Шарвана что-то перепутала, подумал он. Слишком неожиданным и невероятным показалось ему такое предложение. И вдруг он услышал, что соглашается.

Так, следом за Шарваной, вошел Коллард в жилище госпожи Гиацинды, пытаясь распрямиться, насколько позволяло ему скрюченное туловище, надежно укрывшись за маску от всех взоров, но в первую очередь от ее глаз.

Как и говорили, она была очень мала, и среди подушек и меховых покрывал совсем терялась в громадном кресле, нависавшем над ее изголовьем. Длинные волосы цвета темной меди были заплетены в косы с лентами и колокольчиками, лежавшие на сторбленных плечах. Что же касается остального, вся она была только бледное узкое личико да две белых руки, что лежали на доске, положенной поперек кресла вместо стола. Там были выстроены его фигурки — люди и звери, которых он ей послал. Время от времени Гиацинда нежно прикасалась к ним кончиком пальца.

Позднее он никак не мог припомнить, как же они все-таки познакомились. словно старые друзья после долгой разлуки,

многих и многих бед, устремились они навстречу друг другу, радуясь неожиданному теплу неожиданной встречи, на которую уж и надежда была потеряна. Она спросила его о работе, а он рассказал ей о своих видениях.

А потом она сказала такие слова, и он запомнил их:

— Благословен ты, Коллард-волшебные пальцы, способностью воплощать свои видения в жизнь. И на мне теперь это благословение, — ты позволил мне разделить его с тобой. А теперь назови их...

Он стал давать фигуркам какие-то имена. А она кивала и повторяла:

— Правильно! Точнее не придумаешь!

Словно сон это был, думал он, ковыляя обратно в деревню рядом с Шарваной. Она молчала, а он, раскачиваясь, шел вперед, заново переживая каждую минуту встречи.

А потом долго не мог заснуть, задремал лишь под утро, но вскочил спозаранок и принялся за работу. И провел за него весь день. Теперь у него была твердая цель и неизвестно откуда взявшаяся уверенность, что времени на такую работу ему отпущено в обрез.

Мастерил он на этот раз не маленькие фигурки, а дворцовый зал, да не такой, как в скромном замке Гилла, а блещущий великолепием чертог из твердыни Великого Властителя. Стены сделал из ароматного дерева, а все остальное из того странного металла. Коллард использовал его всюду, где только мог.

Когда силы оставляли его, он спал, когда одолевал голод — ел, и забыл про время, не отсчитывал, ни сколько ушло, ни сколько осталось...

Расставив мебель, он внимательно рассмотрел свою работу. На возвышении стояли два высоких кресла. Они были пусты, и это было неверно. Коллард устало потер ладонью лицо, и впервые грубая полоса шрама под рукой была ему безразлична. Чего-то не хватало... а он так устал. Думать не было сил.

Отвалившись от стола, он рухнул на постель и заснул так глубоко, что не видел никаких снов. Но, пробудившись, твердо знал, что следует делать. И снова какая-то сила подгоняла его, торопила, и жаль было ему отрываться от работы даже для еды.

С беспредельной тщательностью творил он эти фигурки. И не заметил за делом, сколько прошло времени. Ведь в его руках были теперь двое, что должны были воссесть на высоких

сиденьях... Он усадил их на место. Она — не скрюченная, не горбуня, — стройная и прекрасная девушка, вольная идти, бежать, скакать на коне, — и лицо ее было лицом Гиацинды, это признал бы каждый.

Мужчина... Коллард, всматриваясь, покрутил фигурку. Нет, нигде не видал он такого лица, только именно оно и должно было быть у этой фигурки. А когда поместил он обоих на кресла, новыми глазами огляделся вокруг.

Он поднялся, умылся, оделся в то лучшее, что у него оставалось, ведь уже столько лет одежда перестала доставлять ему удовольствие, лишь для прикрытия тела нуждался он в ней. Потом убрал инструменты, которые сам сделал когда-то. Собрал все фигурки, кошмарные и жуткие побросал в плавильный тигель.

Обернув игрушечный зал платком, Коллард поднял его и побрел к двери. Ноша была тяжела, следовало идти осторожнее. Когда он вышел наружу, оказалось, что в деревне сумятица, повсюду на улицах горели факелы, что бывало только по великим okazиям. Стены твердыни тоже были озарены огнями.

В холод бросило Колларда, пока задами он ковылял к дому Шарваны. И когда постучал в ее дверь, весь обливался он потом, хотя ночь была морозной и колючий ветер обжигал прохожих.

Она не отозвалась на стук, и тогда Коллард решился на то, чего никогда раньше не делал: нащупал щеколду и вошел незваным. Странно пахло в комнате, две свечи на противоположных краях стола горели синим невиданным пламенем, а между двух свечей были разложены вещи из обихода Мудрых: развернутый пергаментный свиток, придавленный двумя странными камнями, чаша с жидкостью, сверкавшей и испускавшей искры, пояс, скрещенный с исписанным рунами жезлом.

Шарвана, стоя, не сводила глаз с вошедшего. Он боялся, что она станет сердиться на незваного гостя. Она же, наоборот, словно дожидалась его и поманила к себе. Прежде он опасался всех этих тайн, но на этот раз пошел без боязни, понимая, что случилась беда, и с каждым вздохом уходит возможность хоть что-то поправить.

Он не стал ставить свою ношу на стол, пока Шарвана, по-прежнему не говоря ни слова, жестом не велела ему сделать это. Она развязала ткань, и в синем свете свечей маленький зал... Коллард задохнулся. На мгно-

вание-другое ему показалось, что через какое-то окно он издали просто заглянул в парадный зал настоящего замка.

— Так вот каков, значит, ответ, — медленно проговорила Шарвана. Она наклонилась пониже, внимательно вглядываясь в игрушку, словно пытаясь убедиться, что именно эта вещь нужна ей для собственных целей. Потом она распрямилась, устремив взор на Колларда.

— Многое произошло, разве ты ничего не слышал?

— Что случилось? Я работал не разгибаясь. Неужели госпожа Гиацинда?..

— Да. Властитель Вескис умер от лихорадки, и, похоже, его вдова обманулась в своих надеждах, из-за которых госпожу Гиацинду пришлось отправить сюда. Дочь — единственная наследница Властителя. Теперь она более не позабыта и как раз теми, кто не желает ей добра. Госпожа Гвеннан послала за ней и собирается немедленно обвенчать бедную девушку со своим братом Хутхартом, чтобы они могли сохранить все богатства и земли. Брак, конечно, не настоящий... Сколько теперь проживет эта бедняжка, когда только богатства ее нужны этим людям, а не она сама?

Крепко сжал Коллард спинку стула, возле которого стоял. Словно град ударов обрушивала на него Шарвана, ранящих душу сильнее, чем любая известная ему боль.

— Ее... ее нельзя отпускать отсюда!

— Нельзя? Кто же сможет удержать ее здесь, преградить дорогу войнам Властителя, когда они повезут ее отсюда? Небольшой отсрочки она добилась: сказалась больной и не встает с постели. Я запутала придворных дам, посланных за нею: предсказала ей смерть в дороге. Они только того и боятся — вдруг она умрет до венчания. Теперь поговаривают, что Властитель Хутхарт сам едет сюда, чтобы обвенчаться с нею, если потребуется и на смертном одре...

— Что?..

Шарвана продолжала, не обращая на него внимания:

— Этой ночью я призвала силы, которые никогда еще не осмеливалась тревожить, только раз или два может обратиться к ним Мудрая за всю жизнь. Они дали мне совет, что с твоей помощью... если ты поможешь...

— Но как?

— Высоко в горах неподалеку есть святилище Древних. И силу, что там обитала, можно призвать вновь, но, чтобы она что-то сделала, ей надо все объяснить. Ты сделал это... — Шарвана показала на игрушечный зал. — На троне сидит

госпожа Гиацинда, какой она должна была быть, и фигурка ее сделана из известного Древним металла. Не придумашь ничего лучше. Но нужно отнести все в святилище да побыстрее.

И вновь Коллард укутал свой зал платком. Сомневался он, но видел, что Шарвана верит в истинность своих слов, а если она права... Впрочем, если и нет, что может он сделать? Перебить отряд воинов, выкрасть Гиацинду и силой с ней обвенчаться? Он-то, урод и калека, чудовище...

Лучше верить в то, что не обманывает Шарвана. Все знали силу Древних. Ведь порой им было угодно ее применять, о подобных вещах говорили достаточно много. Шарвана подхватила сумку, сунула в нее две целых свечи и пакетик с травами.

— Поставишь, что принес, на середину камня, — сказала она, — зажжешь свечи по бокам, как здесь. По шепотке трав бросишь в пламя и трижды воззовешь к Таланну. А мне надо обратно в твердыню и по силам своим постараюсь я задержать отъезд госпожи. Однако торопись!

— Да. — Коллард шел уже к двери.

Бежать он не мог. Временами ему удавалось трусить, хромая, когда неровности почвы не мешали ему. Наконец он добрался до скал. Не случайно дом Мудрой находился рядом со святилищем Древних.

Пересечь поле было не так уж сложно, однако на подъем потребовались не только все его силы, но и смекалка. Когда-то здесь проходила тропа, и в другую погоду дорога была бы полегче. Но особенно мешала ему темнота. Внезапно Коллард заметил, что из-под платка выбивается слабый свет, и поспешно отвернул кусок ткани, чтобы хоть как-нибудь разглядеть дорогу. Дважды он падал, и оба раза неудачно, до крови, но упрямо шел вперед, дорожа не своим изуродованным телом, а драгоценной ношей. Он так устал, что каждый шаг давался ему с трудом и болью. Но снова и снова всплывало в его памяти белое лицо госпожи Гиацинды, и что-то в глазах ее заставляло его продолжать борьбу.

Так достиг он наконец святилища Древних. Перед ним оказалась расселина в скале, выровненная людьми... как иначе называть тех, что собирались здесь прежде? А еще был здесь изглоданный ветром камень с фигурами. Коллард подумал, что они могут помочь ему понять смысл видений. Но теперь все внимание его приковал лежавший перед расщелиной камень. Имел он вид полумесяца, рожками обращен-

ного к пришедшему. Поставил Коллард свое изделие на камень, снял с него перепачканный платок и встал между выступами.

Дрожащими руками расставил он свечи, достал коробок с трудом и зажег их. Бросил на каждую по щепотке трав. Так дрожала его рука, что приходилось ее поддерживать, когда выполнял он распоряжения Шарваны.

Взвился клуб ароматного дыма. Склонился Коллард над каменным полумесяцем и изо всех сил крикнул самым громким голосом, какой мог извлечь из своего изуродованного тела, но оказался он не громче кваканья болотной лягушки.

— Таланн, Таланн, Таланн!

Не знал Коллард, чего ему ждать. Страшна была сила Древних, могли они даже испепелить его на этом самом месте. Но ничего не происходило, и он припал к камню, не только от чрезмерной усталости, но от глубокого отчаяния... Древние силы — а может быть, слишком древние или давно ушедшие из этих мест?

И вдруг, наяву ли... в уме ли, словно эхом от обступивших его скал, прогремел глубокий голос:

— Что надобно тебе?

Коллард и не пытался отвечать словами, слишком ошеломил и потряс его страшный голос. Только мысленно поприветствовал он за госпожу Гиацинду.

Распростертый на заледеневшей скале, глянул он перед собой на стоящий на камне залец. Свет от него разгорался все ярче и ярче, словно сотни, тысячи ламп зажигались внутри. Ему казалось, что изнутри доносится шум голосов, мелодия лютни, веет теплом... ароматом... жизнью.

Жизнь для Гиацинды! Такой она и должна быть? Коллард молчал, зная, что все было бы именно так, если бы что-то не перепуталось в ином пространстве и времени.

Тепло... Свет... Вокруг него! Он не горбится на морозе, он сидит на высоком кресле... и сверху вниз смотрит на зал... Нет! И на мгновение словно представилось ему, что зал и все в нем — только видение!

Но за такое видение... Неуверенность его исчезла. Если это только видение — он будет сражаться за него, хранить его и продлевать... целую вечность! Это их видение: его и ее!

Коллард обернулся. Она смотрела на него и улыбалась... а в глазах бушевало счастье! Он протянул ей руку, и тонкими пальцами она прикоснулась к его ладони.

— Господин мой...

На мгновение он смутился: «Это сон...»

— Разве? — отвечал ее взгляд. — Если так, пусть он будет нашим, мы потребуем его и получим, пусть он вершится вовеки!

Он не все понимал, но слова ее отгоняли неуверенность. И он стал забывать, а она уже все позабыла.

...Лужица странного металла заструилась по алтарю, а потом закапала на землю, сразу впитавшую капли и укрывшую их навсегда от чьих-либо глаз...

В замке Шарвана и няня у задернутой пологом кровати задули две свечи, благодарно и скорбно поклонились друг другу...

Но в чертоге, который сработал Коллард, шел свадебный пир и мечта воплощалась!

ЯНТАРЬ ИЗ КВЕЙСА

Перевод
Ю. Соколова

© перевод на русский
язык, Соколов Ю.Р., 1992

Andre Norton
AMBER OUT OF QUANTH
SPELL OF THE WITCH WORLD
New York 1972

1 В маленьком саду за высокой стеной жужжали пчелы, торопливо собирая взятки, чтобы успеть до прихода Ледяного Дракона. Откинувшись на пятки, выпрямилась Исмей, тыльной стороной грязной руки отвела от глаз непослушную прядь. Собранный урожай лежал на дубленой шкуре. Травы придется еще сушить под крышей сарая в другом конце сада.

И когда она вновь согнулась к земле, привычными движениями подрезая и подхватывая стебли, то не услышала привычного позвякивания. Она еще не привыкла к этой потере. Иногда она забывала, что ключей больше нет, и невольно тянулась рукой к поясу, вдруг испугавшись, что потеряла их, копаясь в саду.

Она и в самом деле потеряла ключи, весомый знак власти ключницы замка Верхней Долины, но не по небреженью покинули они ее пояс. Теперь ключи преспокойно побрякивали на другом поясе — хозяйкой всех кладовых стала Аннет. Разве можно было забыть об этом?.. Хорошо, хоть в этом саду Исмей оставалась хозяйкой.

Пять лет проносила она эти ключи. Сперва она боялась их тяжести, и пришлось научиться многому, что было тогда нужнее, чем знания трав, а следом пришла и гордость. Она, женщина, наладила жизнь в Долине, и люди были довольны, пусть не было сытости и меч голода постоянно грозил им.

Наконец, пришли вести, что окончилась война в Высоком Халлаке, пришельцев сбросили в море, а рассеявшиеся по стране шайки добивали, как стаи огрызавшихся волков. Мужчины вернулись домой... некоторые. Не было среди возвратившихся ни ее отца, ни брата Эвальда, давно пропали они. А вот Гирерд вернулся с поредевшими остатками дружины. Он привез Аннет, дочь Уриана из Долгой Долины, свою невесту и госпожу... Исмей языком слизнула соленый пот с верхней губы. Куда слаще был он жизни с Аннет.

Словно звезды не благоприятствовали теперь Исмей. Из хозяйки стала она никем, кухонная девчонка и та значила больше — ведь у той были обязанности, а у нее теперь нет ничего, кроме этого сада. Да и то потому, что у Аннет семена не всходили. Пусть и горько жалела об этом Аннет, укоряла Исмей, но не шли к ней за врачеванием хворые люди. Не к

своей госпоже и жене своего господина обращались они, а к его сестре, ведь руки ее исцеляли.

Руки руками, но как исцелить свое сердце, залечить пустоту в нем? Гордой была Исмей и упрямой, из тех, что не сдаются врагу. Ничего не сулило ей будущее, но судьбу свою изберет она сама. Легкая усмешка коснулась ее губ. Ха, Аннет решила отдать ее к сестрам в Святилище. Только аббатисса Гратульда оказалась достойной противницей для госпожи Аннет. Знала она, что из другого теста замешивают дочерей для Святилища. Сумела бы Исмей уйти от мира, но горящий в ее сердце огонь не смогли бы утихомирить ни молитвы, ни обряды.

Ох, как полыхал иногда этот огонь. Но даже служанка ее не догадывалась, что по ночам часами мерила шагами Исмей свою тесную комнату-клетку, не в силах найти выхода из тупика.

В другие времена, будь жив ее отец, стала бы она по обычаю женой Властителя и хозяйкой его замка и, быть может, увидела бы своего мужа впервые только в день свадьбы. Это было бы справедливо и по закону. А у жены Властителя были права, как у Аннет, в этом замке, и никто не мог бы оспорить их.

Но не было у нее отца, некому было подыскать ей пару. И, что было хуже, не было и приданого. Поглотила война все богатства Долины. А Гирерд не выделит ей даже крохи из того, что осталось, и сестре его оставалось либо идти в Святилище, либо сносить дома ледяные попреки Аннет.

Заново вспыхнуло в сердце Исмей возмущение. Усилием воли подавила она горькое чувство, глубоко вдохнув ароматный воздух, заставив себя думать лишь о ближайшем. Внимательно оглядела стебельки трав, которые только что хотела разорвать на кусочки.

— Исмей, сестрица! — Кнутом полоснул по плечам притворно ласковый голос Аннет.

— Я здесь, — ответила она безразличным тоном.

— Новости... и какие хорошие новости, сестрица!

Исмей удивилась. Она обернулась, одернув подобранную серую юбку, прикрывая длинные ноги, такие нескладные рядом с изящной Аннет.

Властительница Верхней Долины стояла в калитке. Глубокой синевой осеннего неба отсвечивали на ней юбки, а на шее тонко позвякивало серебряное ожерелье. Тем же цветом, что ожерелье, отливала уложенная на голове корона из кос.

Всем была она хороша, если бы не тонкие губы, сложившиеся в вечной улыбке, и колючие глаза над ними.

— Новость? — хрипло переспросила Исмей. Так было всегда. Словно околдовывала ее Аннет, от одного лишь присутствия ее становилась Исмей такой вот, неуклюжей, нескладной.

— Да... Ярмарка, сестрица! Все, как прежде. Прискакал вестник из Фина.

Капелька ее радости передалась Исмей. Ярмарка! Смутно помнила она последнюю ярмарку в Фине. А в тумане лет все и вовсе окрасилось в золотые цвета. И хотя рассудок говорил, что это неправда, так хотелось обмануться!

— Ярмарка, едем все! — Аннет, словно девчонка, захлопала в ладоши, что обычно оказывало неотразимое воздействие на мужчин.

Мы? Значит, речь шла и о ней? В этом Исмей сомневалась.

— Мой господин говорит, что в Долинах уже безопасно и с охраной замка справится горстка воинов. Исмей... Такая возможность! Поторопись, сестра, надо порыться в сундуках, чтобы не посрамить нашего господина.

Уж я-то и так знаю, что найду в своем сундуке, безрадостно подумала Исмей. Только, похоже, ее и впрямь берут с собой. Словно вспыхнула она от радости, как утром, войдя в сад собирать урожай.

Никогда не была Аннет ей подругой, но ни в чем не смогла бы укорить ее Исмей в оставшиеся до отъезда дни. Уж одеваться-то Аннет умела, и из нескольких кусков красивой ткани, что достались Исмей от матери, сшила ей два платья, понаряднее тех, что приходилось той носить. И когда утром, перед отъездом, глянула она в полированный металлический диск, служивший ей зеркалом, то решила, что и в самом деле неплохо выглядит.

Исмей никогда не была изящной, как Аннет, и не стремилась к этому. Лицо ее сужалось от скул к острому подбородку, а рот был слишком велик для такого лица. Нос... слишком уж высока была переносица. И глаза совсем обычные, разве что иногда казались они зелеными, а иногда карими. Волосы, правда, были густые, но не золотые и не черные, как смоль, а просто каштановые, а кожа, и без того смуглая, еще и покрывалась загаром от постоянной работы в саду: этим летом Исмей старалась бывать там побольше. Она была слишком рослой для женщины и прекрасно знала об этом. Но новое платье только подчеркивало в ней женствен-

ность. Станным золотистым цветом отливала ткань, словно... Исмей достала шкатулку, тоже наследство от матери, и вынула из нее небольшой амулет. И правда, одинаковый оттенок был у платья и янтарного талисмана.

Маленькая фигурка, истертая от старости, обращала на себя внимание не тонкой резьбой, а необыкновенно теплым цветом. Найдя подходящую тесемку, Исмей продела ее в ушко и завязала на шее.

На всякий случай заправила талисман за шнуровку нижней рубахи. Платье было сшито с раздвоенной юбкой для верховой езды, но неискушенной Исмей оно казалось чуть ли не бальным.

В дороге она все время держалась настороже, но даже соседство Аннет не тревожило ее теперь. Гирерд со своим маршалом ехал впереди, прочие домочадцы тянулись следом. Верховые сдерживали коней, пешие торопились, зная, что ярмарка возместит им усталость.

Выехали они из замка на рассвете, а к полудню добрались уже до низовьев своей долины и пообедали там, не разжигая огня. Вечером они достигли пределов долины Фин и разбили шатры рядом с отрядом Властителя Мартовой горы, ехавшего с госпожой своей, дочерью и свитой. Много было вокруг суеты, новостей и слухов.

Исмей слушала и по преимуществу помалкивала. Но одна из услышанных новостей заставила ее призадуматься. Дочь Властителя, госпожа Дайрипа, застенчиво поведала свои надежды Исмей: оказалось, что она мечтает встретить на ярмарке будущего мужа.

— Госпожа мать моя, — выложила она окончательное доказательство, — перед войной отправилась на ярмарку в порт Ульмс... а тамошняя ярмарка куда более знаменита, чем здешняя, даже высочайшие из Властителей приезжают туда. Там-то и приметил ее мой отец и, прежде чем уехать, переговорил тогда с будущим тестем. Все уладилось быстро, и к Средизмью они уже поженились.

— Желаю и тебе подобной удачи, — рассеянно ответила Исмей, занятая собственными думами. Так вот зачем Аннет и Гирерд взяли ее с собой. Но кто польстится на бесприданницу?

Найти себе пару! Половина Властителей и их наследников пали в боях, и многим благородным девицам уже не найти мужей. Ну, а если подвернется один из тех, без счета, пришельцев без рода и племени? В своей долине слышали они

о таких, кто, хотя не давала на это им права благородная кровь, захватывал опустевшие замки, объявлял себя властителем. И никто не дерзал оспорить их права. Только такой самозванный господин будет торговаться, выбирая жену. Конечно, ему нужно звонкое имя, но и приданое тоже. Но, может быть, кому-то нужно только имя? Исмей оживилась. Что, если... произойдет неожиданное?

Она подумала о родной твердыне Верхней Долины. Теперь там хозяйка Аннет и нечему удерживать ее в родном доме, если судьба предоставит такую возможность.

Ярмарка располагалась там же, где и раньше, у высокого пилона из серого камня. Издревле разбивали ее здесь, даже когда люди Высокого Халлака еще не пришли в эту долину. А прежние жители исчезли задолго до появления в этих местах народа Долин.

Но оставшиеся после них развалины обладали странной силой, что тревожило новый народ. Случалось, глубокая молитва в таких местах высвобождала такое, что не всякому удавалось одолеть. Поэтому перед такими сооружениями трепетали и поклонялись им. И все прибывавшие теперь в Фин главы родов собрались у пилона и, положив руки на серый камень, поклялись, что никто, никакая рознь, ни вражда не заставят их нарушить мир на ярмарке.

Лавки купцов широкой дугой окружали пилон. Поодаль, на поле, желтом от оставшейся стерни, разбили свои шатры и палатки гости. Туда-то и направились жители Верхней Долины, чтобы разместиться.

— Десять купцов с флагами, сестрица! — раскрасневшаяся, сияющая Аннет хлопнула перчатками по руке, — может быть, некоторые даже из Ульмса. Только подумай!

Действительно, давно в верхних долинах не видели купцов этой гильдии. Как и все остальные, Исмей тоже стремилась без промедления заглянуть в лавки; и хотя платить ей, собственно, было нечем, хотелось просто подивиться, полюбоваться товаром, потешить взгляд, чтобы было что вспомнить в однообразии грядущих будней. Они и не ожидали застать на этой ярмарке купцов с флагами.

Аннет, Исмей и две дамы с Мартовой горы отправились по лавкам. Конечно, после долгой войны и без привоза из-за моря не слишком богат был выбор товаров, да и цены кусались.

У властительницы Мартовой горы был с собою серебряный диск, который собиралась она отдать за ткани. Он был

предназначен, гордо шепнула Исмей госпожа Дайрина, для покупки отреза ей на венчалное платье. Тратить подобную сумму можно было лишь после долгого торга, внимательно рассмотрев товар.

Они перебрали несколько штук тяжелой шелковой ткани. Новой не было, на некоторых даже виднелись следы иглы. Военная добыча, подумала Исмей, отбитая, должно быть, у неприятеля. Ей понравилась расцветка одной, но про себя она решила, что платье из такой ткани она бы носить не стала — кто знает, что случилось с прежней владелицей.

Были там кружева, тоже ношенные. Были и подешевле и подороже. Тонким было плетение, и цвета хороши. Узнала Исмей и некоторые краски, знакомые по собственным опытам. Захотелось ей этих кружев даже больше, чем тканей, над которыми все еще хлопотала госпожа Мартовой горы.

Жарко было в шатре, хотя полы были откинуты. И она отошла к выходу, чтобы не искушала ее больше эта недоступная роскошь.

Тогда-то и заприметила она Хилле, горделиво возглавлявшего караван всадников и вьючных лошадей; знатным властелином въезжал он на ярмарку. Хилле не был купцом, повозки с флагом в этой веренице не было, и к лавкам не стал он подъезжать, просто мановением руки указал своим людям разбить лагерь чуть в стороне от прочих.

Слуги его ростом были пониже народа Долин и в каких-то необычных одеяниях казались приземистыми и неуклюжими, хотя шатер сооружали ловко и быстро, ставили колья, разворачивали стены и крышу из шкур, чтобы расстелить их на каркасе. Несмотря на жару, все они носили капюшоны низко опущенными, лиц не было видно, и это смутило Исмей.

Зато господин их явно красовался на виду у всей ярмарки. Он не стал спешиваться и оставался на добром коне, не хуже, чем у властителя любой из Долин. Положив одну руку на бедро, перебирая другой поводья, он следил за работой. И в седле был замечен его высокий рост, он больше походил не на купца — на воина, хотя в такое время человек, желающий сохранить и приумножить свое добро, поневоле должен уметь быть и тем и другим. Меча у него не было, только кинжал на поясе. К седлу была приторочена легкая боевая булава.

В отличие от свиты голова его не была покрыта, и дорожная шапочка красовалась на луке седла. Под темными волосами белело лицо, странно бледным казалось оно для мужчины, привыкшего скитаться в любую погоду по дорогам. По меркам

Долин, он не был красив, но, раз только глянув на это лицо, трудно было отвести от него взгляд. Оно притягивало к себе, невольно заставляя вновь и вновь пытаться разгадать сущность этого человека.

Лицо его было резко очерчено: прямой рот, словно не привыкший к выражению каких бы то ни было чувств. Черные брови смыкались над переносицей в одну полосу. Цвета его глаз Исмей не разглядела, они были полузакрыты, казалось, владелец дремал. Но Исмей не сомневалась, что он прекрасно видит все вокруг и обдумывает увиденное.

Что-то в нем намекало, что внешность лишь личина, таящая за собой нечто совершенно иное. Исмей решила не фантазировать, но все же подумала, что немногие могли бы сказать, что по-настоящему знают этого человека. Ей вдруг показалось, что его стоило бы узнать поближе. Щеки ее загорелись, что-то шевельнулось в груди.

Она резко отвернулась, понимая, что и так слишком уж пристально разглядывала незнакомца. Поспешно подошла к остальным и уткнулась взглядом в штучку розового шелка, который наконец выбрала властительница Мартовой горы, не усмотрев на ней ни единой нитки.

Поскольку неизвестный не открыл лавку, они не стали подходить к его шатру. Только после ужина они узнали, какой он привез товар и что зовут его Хилле.

— Он с севера, — объявил Гирерд. — С янтарем... говорят, у него целое состояние. Но, похоже, он просчитался. Мне кажется, у всех собравшихся здесь не наберется монет и на два хороших ожерелья. Его зовут Хилле. Но свита его из странных людей... держатся в стороне, даже кувшина осеннего эля у Мамера не заказали.

Янтарь! Исмей прикоснулась к амулету под рубашкой. Конечно, этот купец Хилле сразу поймет, что почти ничего здесь у него не купят. А может быть, он просто остановился в этих местах по пути в порт, в Ульмс, услышав о ярмарке. Янтарь... Она-то знала, откуда взялся ее собственный кусочек: из ущелья, где раньше тек ручеек. Полвека назад янтарь был источником богатства Верхней Долины. Но внезапный обвал завалил небольшую расщелину.

Она горестно улыбнулась. Если бы не это, не в янтаре ходила бы она — в золоте. И не пришлось бы ей теперь мечтать о куске старого истыканного иглами шелка, прошедшего через руки грабителей, — были эти места собственностью ее матери. А когда умерла та, перешли к ней, Исмей. Ничего там не было теперь,

руку на амулет Гунноры, она вдруг почувствовала отвращение ко всему в этом шатре. Уж не потому ли, что слишком много было навалено здесь драгоценностей и этим умалялась красота каждой вещи?

— Квейс? — удивленно переспросил Гирерд.

— На север отсюда, господин мой. Янтарь, как известно, находят кое-где на побережьях и вдоль ручьев. Невежды говорят, что это окаменевшие извержения драконов, но это не так. Янтарь — это просто затвердевшая за тысячелетия смола деревьев. В Квейсе когда-то деревья росли густо, и янтарь обнаружить просто — легче, чем в ином другом месте.

Все, что вы видите, собиралось много лет. Где было искать покупателей в войну, многое бы ушло, иначе и такого вы бы не увидели.

Хилле положил ожерелье и взял в руки широкую подвеску, форму которой Исмей не могла разглядеть.

— А вот талисман от удара молнии, старинная работа. Видите разницу? — Он поднес подвеску к браслету. — Чем старше янтарь, чем больше его носят на теле, тем гуще и богаче его цвет.

Хилле положил назад браслет, не выпуская из рук подвеску. Выражение лица его изменилось. Показалось Исмей, что зачем-то пытливо вглядывается он в лицо Гирерда, потом Аннет. Наконец его темные глаза, цвет которых она так и не смогла бы назвать, остановились на ее лице, словно пытаясь против ее воли узнать ответ на какой-то вопрос.

— Счастливое место ваш Квейс, — сказал Гирерд, — куда счастливее Верхней Долины при моем деде.

Хилле вновь перевел взгляд на Гирерда. Исмей поежилась, недоумевая, чего же допытывался от нее взглядом Хилле.

— Так что было в Верхней Долине, господин мой? — с интересом переспросил Хилле.

— В одной расщелине частенько находили янтарь, что скрашивало жизнь моих предков, — ответил Гирерд. — Потом случился обвал, да такой сильный, что срыть его мы не сумели. Так и лежит у нас янтарь, рядом — да все равно, что на дне моря.

— Печально, господин мой, — покачал головой Хилле.

Аннет поднялась со стула и переходила теперь от стола к столу. Время от времени она прикасалась пальцем то к ожерелью, то к тонкой работы обручу для волос в виде венка из цветов и листьев. Но Исмей оставалась на месте, следила за Хилле из-под прикрытых век и знала: он тоже не спускает

с нее глаз. В голове ее звенело от этого неожиданного интереса. И все же он был просто купец.

Наконец они стали уходить, и когда Исмей оказалась рядом с одним из этих слуг в капюшонах, у нее замерло сердце. Тот протянул руку к сгоревшему факелу, чтобы заменить его. Был теплый вечер, а между тем на нем были перчатки, что показалось ей странным — ведь люди Долин рукавицы носили только в самые холода. Но еще более удивило ее, что каждый палец, в том числе и большой, заканчивался длинным изогнутым когтем, и вся рука напоминала скорее лапу хищника. Чтобы это было украшение?.. Сомнительно. Правда, жители Долин суеверны и частенько носят всякие амулеты. Вот и на ее собственной шее тоже ведь есть амулет. Может быть, звериные когти нашиты на перчатки для той же цели? Такое объяснение было все-таки приемлемо, и на душе Исмей полегчало.

Но забыть странный взгляд Хилле она не могла, спокойствие никак не возвращалось к ней. Тогда она постаралась припомнить его лицо и представить себе, какой может быть жизнь в этом Квейсе.

Аннет все трещала об ожерелье, Исмей не вслушивалась в ее слова. Но следующая фраза развеяла ее мечты словно дым.

— Но, господин мой, неужели во всем нашем замке не осталось ни одной янтарной вещицы, неужели ваш дед продал все?

— Все разошлось в худые годы, моя милая. Помню только, что у матери был когда-то амулет...

Рука Исмей легла на грудь, словно защищая камень. Все отобрала у нее Аннет, все пришлось отдать ей. Но только не талисман Гунноры... Он принадлежит ей, и его она будет защищать изо всех сил.

— Но неужели же этот завал нельзя откопать вновь? — настаивала Аннет.

— Увы, это так! Когда стало ясно, что войны не избежать, отцу потребовались деньги на покупку оружия. Он пригласил человека из железных рудников, что в южных горах, и дорого заплатил за его услуги. К сожалению, тот поклялся, что сдвинуть эту осыпь никому не под силу.

Исмей облегченно вздохнула. По крайней мере Аннет не стала расспрашивать о судьбе амулета. Она простилась и отправилась спать на свой соломенный тюфяк.

Сон ее был тревожным. Засыпала она, лишь зажав рукой амулет Гунноры в руке. Исмей все время что-то снилось, но,

просыпаясь, она не могла ничего припомнить, только чувство какой-то особой важности этих снов не оставляло ее.

Утром явились, захлебываясь от восторга, властительница Мартовой горы и Дайрина — они тоже посетили шатер Хилле. Нашлись у них деньги и на янтарь. Увидев опущенные уголки рта Аннет, Гирерд срезал с перевязи меча серебряное кольцо.

— Купи что-нибудь, если он отдаст подешевле, — сказал он. — Желаю удачи, больше тебе дать я не могу!

Аннет быстренько поблагодарила мужа. Опыт научил ее знать пределы возможного в своих прихотях.

Так, против своей воли, Исмей вновь оказалась в шатре Хилле. Слуг в капюшонах поблизости не было. Внутри у входа восседала на стуле женщина странной наружности: круглая голова ее сидела прямо на жирном теле, словно бы у нее вовсе не было шеи. Как и слуги в капюшонах, облачена она была в одеяние серого цвета, но на ее платье были нашиты какие-то черно-белые символы. Пояс ее тоже был расшит черным и белым. Пухлые руки лежали на коленях ладонями вверх, словно она просила подаяние. Она не отрывала от них взгляда, словно держала свиток и что-то в нем читала. Из-под ленты, удерживающей на голове вуаль, выбивались грубые желтые пряди. Широкое лицо на верхней губе и пухлых щеках было покрыто волосами.

Если она и сторожила лавку, то делала это скверно, на приближавшихся даже не глядела, продолжая рассматривать пустые ладони. Только когда Исмей миновала ее, подняла она глаза.

— Удачи, прекрасные дамы! — пропела она звонким и чистым голосом, так не подходившим к грузному жабьему телу. — Не хотите ли узнать, что выколото булавками на Эсинорском камне или что старшие боги начертили на ваших ладонях?

Аннет нетерпеливо замотала головой. В другое время она бы не отказалась. Но теперь в ее руках было серебро, которое можно было тратить, и она торопилась покупать и торговаться! Исмей тоже не хотелось слушать предсказания. Никто не сомневался, что на свете есть провидцы. Но едва ли, решила она, эта уродливая карга относится к их числу.

— Ведь потому, что носите на шее, госпожа... — женщина вдруг поглядела прямо на нее. Негромко говорила она, обращаясь лишь к Исмей. Та поневоле прислушалась. Из полумрака лавки вынырнул Хилле.

— Нинкве есть, что сказать вам, госпожа. Она истинная провидица, ее ценят в Квейсе.

Но здесь же не Квейс, думала Исмей. Провидица она или нет, я не желаю ее слушать. Но все же почему-то села на подставленный Хилле стул лицом к лицу перед женщиной.

— Дайте мне свою руку, госпожа, чтобы я могла прочитать написанное на ней.

Исмей было повиновалась, но рука ее невольно отдернулась, почувствовав прикосновение жирных пальцев женщиной. Та никак не отреагировала, только глаза ее притягивали к себе взгляд Исмей.

— В вас заключено больше, чем вы думаете, госпожа. И высокие помыслы, и деяния, непосильные для обычной женщины. Вы... Я не вижу. Что вы прикрываете рукой, покажите?

Мягкий голос обвинял и приказывал. И, подчинясь ему, не успев даже подумать, Исмей за тесемку вытащила амулет Гунноры. За спиной Исмей прошипел чей-то вздох.

— Янтарь, — снова запела пророчица. — Янтарь и будет всегда в ваших руках, госпожа. Он ваша судьба и удача. Следуйте же за ним, янтарь принесет вам счастье.

Исмей встала, вытряхнула из поясного кошелька монетку и бросила ее в подставленные ладони, задыхаясь от негодования, но все же пытаясь выговорить обычные слова благодарности за такое предсказание.

— Удачи вам, госпожа, — подошедший ближе Хилле зашел от нее женщину. — Та вещица на вас... очень старая...

Она почувствовала, что ему хотелось бы рассмотреть амулет поближе, но не хотела выпускать его из рук.

— Это талисман Гунноры. Его оставила мне мать.

— Для женщины такой амулет признак власти. — Он кивнул. — Странно, я и сам удивлен, но в такой куче янтаря у меня нет ничего подобного. Однако позвольте мне кое-что показать вам, это очень редкая вещь...

Двумя пальцами он прикоснулся к ее рукаву. Мир вдруг словно бы съехал для нее и остались в нем лишь они двое.

Хилле взял шкатулку из благоуханного дерева пинзаль и откинул крышку. Внутри столбиком солнечного света сиял цилиндр из янтаря. А в нем, быть может, тысячелетия переливались радугой крылья существа ослепительной красоты.

Присмотревшись, в собственном амулете Исмей можно было заметить семена неведомых трав, что другое подобало талисману богини урожая Гунноры, богини плодоносящих полей и женщин? Однако не облачко мелких зернышек было в этом куске янтаря — создание, словно заточенное в камень.

Столь прекрасным было неизвестное существо, что Исмей не могла вымолвить ни слова. Хилле вложил янтарик в ее непроизвольно потянувшиеся за ним руки, она поворачивала его, стараясь рассмотреть со всех сторон. Исмей не знала даже, птица это или крупное насекомое... о подобных существах она и не слыживала, должно быть, они давно уже оставили этот мир.

— Что это?

Хилле покачал головой:

— Они жили когда-то в этих краях. В янтаре нередко находят чьи-то останки, но такого существа никто еще не находил.

— Сестрица, что это? — вмешалась Аннет. — Ах, какая прелесть! Но ведь носить это нельзя...

Хилле улыбнулся.

— Совершенно верно. Этот камень можно повесить только на стену.

— Возьмите, — Исмей протянула янтарь обратно. — Слишком уж большая это драгоценность.

Но очень хотелось ей в ту минуту обладать этой драгоценностью.

— Бесспорно, это большая ценность. Но на свете есть и другие драгоценности. Не желает ли госпожа обменять свой амулет на этот камень?

Цилиндрик стоял на его распростертой ладони, искушал ее одним своим видом. Но мгновение слабости уже прошло.

— Нет, — ответила она равнодушно.

Хилле кивнул.

— И вы совершенно правы, госпожа. У таких амулетов, как ваш, свои достоинства.

— Что за амулет, сестрица? — придвинулась Аннет. — Откуда у тебя дорогой амулет?

— Это талисман Гунноры, что был собственностью ма-тушки, — Исмей нерешительно разжала ладонь.

— Янтарь! Да еще Гунноры! Но ты же не замужняя женщина, нуждающаяся в покровительстве Гунноры! — Пригожее лицо Аннет на мгновение отразило ее сущность: никогда не была она подругой, хоть на вечер, хоть на день — врагом Исмей была она.

— Амулет принадлежал матери, а теперь он мой! — Исмей засунула камень обратно за воротник рубашки, а потом обратилась к Хилле:

— За любезность, с которой вы показали мне свое сокровище, господин купец, я благодарю вас.

Он склонился в поклоне, словно перед любимой дочерью Великого Властителя. Но она уже направлялась к выходу, не зная, ни куда идти, ни что делать. Конечно, Аннет не замедлит обратиться к Гирерду, будет требовать, чтобы тот отобрал у нее единственное сокровище.

К удивлению Исмей, когда они вернулись в свой шатер, Аннет не обмолвилась об амулете и, не скрывая удовольствия, показывала всем браслет из желтого, словно коровье масло, янтаря. Яркую желтизну камня подчеркивала бронза застежки и шарнира. Ей удалось выменять браслет на один кусок серебра, значит, она торговалась умело. Исмей надеялась, что «сестрица», наконец, успокоится.

И все же за вечерней трапезой она была настороже. Гирерд восхищался браслетом, а Исмей все ждала, когда Аннет переведет разговор на амулет. К ее удивлению, собственный брат восторги жены прервал сам и повернулся к Исмей, словно впервые увидел ее:

— Быть может, сегодня браслет не единственное наше приобретение в лавке Хилле, — начал он.

— Янтарная залежь! — вмешалась Аннет. — Неужели он знает, как вновь открыть ее?

— Похоже, что так.

— Ах, какой же счастливый сегодня день! Кто бы мог подумать, что на этой ярмарке нас ожидает такая удача.

— Может, и поджидала, а может, и нет. — Лицо Гирерда оставалось невозмутимым. — Дело в том, что залежь эта, если она чего-нибудь еще стоит, не принадлежит замку.

Лицо Аннет вытянулось.

— Как так? — возмутилась она.

— Она была выделена в качестве приданого Исмей.

— Но какой дурак... — взвизгнула Аннет.

Гирерд строго посмотрел на нее.

— Залежь принадлежала матери. Тогда была еще надежда, что до янтаря удастся докопаться, и отец хотел обеспечить жену в случае своей смерти. Ведь ее приданое он истратил на перестройку северной башни замка, чтобы защитить Долину. Так что, когда мать умерла, все отошло к Исмей.

— Но ведь Долина истощена войной и богатства янтарных залежей так нужны!

— Верно. Однако есть способ, чтобы все были довольны. Я переговорил с этим Хилле. Он не простой купец, и не потому, что так богат, — он властелин Квейса и по происхож-

деню ровня нам. Почему-то ему приглянулась Исмей. Если он получит ее в жены, то можно попробовать уговорить его оставлять нам половину янтаря, когда он откроет залежь. Ну, как, сестра? — обратился он к Исмей. — У тебя будет господин побогаче всех в нашей округе, замок, в котором ты станешь хозяйкой и будешь жить жизнью нормальной женщины. Возможность удивительная, и едва ли она повторится.

Она понимала, что это так. Но что же знала она о Хилле, кроме того, что он заинтересовал ее больше, чем кто-либо другой. Что было известно об этом северном замке? Куда отвезет он ее, если она согласится? Но с другой стороны, если она откажется, Аннет превратит ее жизнь у сущую муку, да и Гирерду это будет не по душе. Как ни прикидывай, подумала она, выбора-то у нее нет. Едва ли Квейс окажется хуже замка Верхней Долины. Была даже надежда, что будет лучше. В конце концов, обычно в Долине невесты и не знали женихов до свадьбы. Редкая девушка в свою брачную ночь отправлялась в постель хотя бы к знакомому мужчине.

— Если условия действительно будут таковыми, я согласна, — проговорила Исмей.

— Дорогая сестрица, — просияла Аннет, — какое счастье! Ты будешь куда обеспеченней, чем эта госпожа Мартовой горы, позволяющая себе такие траты ради своей коровы-дочери! Мы зададим такой свадебный пир, что прославится на все долины. Господин мой, — обратилась она к Гирерду, — разрешите же, чтобы ваша сестра отправилась к жениху, как подобает высокородной даме.

— Ну, сперва он еще должен посвататься, — сказал Гирерд, впрочем, тоже не скрывая радости. — Ах, сестра, быть может, принесла ты счастье Верхней Долине!

Но на душе Исмей оставались сомнения. Кто знает, не слишком ли поспешным было ее согласие? Но пути к отступлению не было.

3 В большом зале горели все лампы, был зимний вечер, и тени летали длинные. Гирерд не поспешил на свадебный пир, о чем свидетельствовали не только выжженные светильники, но и изобилие на столах.

Исмей радовалась, что обычай предписывает невесте сидеть, опустив глаза на общую с женихом тарелку. Он был любезен, все спрашивал, что ей нравится, и подкладывал еду, но она из вежливости сделала лишь несколько глотков.

На ярмарке она приняла его предложение, сегодня поклялась быть его женой, но теперь хотела лишь одного: бежать, бежать из этого зала и от этого мужчины. Почему решилась она на такое безрассудство? Неужели только затем, чтобы избавиться от мелочных придирок Аннет? Правда, Гирерд был весьма увлечен возможностью открытия янтарных залежей, и ее отказ возымел бы отнюдь не пустячные последствия.

Таков закон жизни. Женщина выходит замуж с выгодой для своего дома, своего рода. Если она находит счастье, значит, ее благословила судьба. Лишь надеяться на это могла Исмей, хотя и не считала само собой разумеющимся. Замужеству не обязательно быть счастливым. Только над очагом и хозяйством по закону властвует хозяйка.

На свадьбу Хилле приехал с небольшой свитой и дружиной, слуг в капюшонах среди них не было. Их нанимали для охраны, пояснил он, ведь его народ не искушен в воинском деле. Утром, пока морозное дыхание Ледяного Дракона еще не обратило землю в камень, его люди возьмутся за раскрытие завала.

Хилле рассчитывал не на кирки и лопаты. Под напором Гирерда он признался, что полагается на некий секрет, собственное открытие, — подробностей излагать не стал, но сказал, что уверен в успехе.

Исмей еще так и не глянула на него с той самой минуты, когда их руки соединили перед нишей духа дома. Он хорошо смотрелся в этой золотистой, почти янтарного цвета, тунике; запястья, воротник и пояс на нем были украшены янтарем. Она чувствовала на себе тяжесть его подарков: пояса, ожерелья, обруча на распущенных волосах — в цветы и листья складывался разноцветный янтарь украшений.

Пир длился уже долго и близился к завершению. Будь на то ее воля, вернула бы она время на несколько часов назад... чтобы не настал тот миг, когда он встанет, возьмет ее за руку, и гости поднимут чаши, а потом с лампами и свечами в руках проведут их до кровати в отведенную новобрачным палату.

Сердце ее билось толчками, рот пересох, ладони же взмокли... Ей хотелось вытереть их об юбку, но гордость препятствовала этому. В гордости была ее последняя опора.

Знак был дан, гости встали. На секунду перепуганной Исмей показалось, что дрожащие ноги не удержат ее, что не хватит сил даже пройти по зале, подняться по лестнице. Однако она одолела этот путь — и без его помощи. Он не должен заметить ее страх, даже догадаться о нем!

Он не должен заметить... — только об этом могла она думать, когда оказалась рядом с большой, задернутой пологом кроватью. Запахи разбросанных по полу душистых трав мешались с дымом горящего в лампах масла, от гостей пахло вином и потом... Ей стало нехорошо. И так старалась она сохранить самообладание, что даже не слышала непристойных шуток.

Будь Хилле таким же, как гости, шуточки бы продолжались. Но в присутствии чужака гости не очень-то распустили языки, он внушал всем уважение и некоторую опаску. Поэтому их оставили в спальне одних, даже не отпустив всех привычных теперь, после войны, непристойностей. Когда все ушли, оставив в палате две большие свечи по обе стороны сундука в ногах кровати, Хилле подошел к двери и задвинул засов.

— Госпожа моя. — Он повернулся к сундуку, на котором стоял кувшин с вином и блюдо с медовыми пирожками. — Теперь я должен разделить с вами важный секрет.

Исмей заморгала. Нетерпеливым женихом его назвать было трудно, говорил он с ней так, словно торговался о приданом с Гирердом. Она успокоилась.

— Я говорил, что обладаю неким секретом, с помощью которого сумею расчистить завал. Но я не рассказывал, откуда мне известно и это, и многое другое. Да, я купец, да, я властелин Квейса, можете не сомневаться. — Он словно бы спорил с ней. — Но есть у меня и другие занятия. Я астролог и алхимик и познания ишу на неизведанных путях. Я умею читать знаки звезд и земли.

Именно поэтому и приходится мне отказываться от многого, что присуще обыкновенному человеку. Чтобы преуспеть в своих занятиях, не могу я быть мужем женщине. Понимаете?

Исмей согласно кивнула, но страх шевельнулся в сердце. Доводилось ей слышать о подобных магах.

— Хорошо, — отрывисто сказал он. — Я знал, что вы разумная женщина и сумеете принять все, как есть. Я уверен — мы поладим. Только хочу, чтобы с этой минуты вы знали: есть в моей жизни такое, что должно быть только моим, и не следует вам спрашивать меня об этом или пытаться подсмотреть. Часть Квейса останется за мной, и даже ступать в нее вы не должны. Иногда я буду уезжать по делам, а зачем и куда — вам не следует знать.

А за это вы будете править моим домом. Я думаю, это понравится вам. А сейчас ложитесь в кровать. Этой ночью я

должен изучать звезды, чтобы определить время, когда следует обратить мою силу против упрямых скал, заваливших ваше приданое.

Исмей устало откинулась на подушки, своей рукой Хилле задержал полог вокруг нее. Теперь она не могла видеть его, но слышала, как он ходит по комнате, время от времени позвякивая металлом о металл или о камень. И чувствовала лишь облегчение без малейшей примеси любопытства.

Она подумала, что подобная жизнь подойдет ей. У него будут его секреты, а у нее — хозяйство. Она подумала о сундуке с семенами трав и кореньями, перевязанном и готовом к отъезду в Квейс. Алхимиком назвался он... что ж, искусство перегонки и настаивания и ей не чуждо. Если в Квейсе нет хорошего сада, он там появится. Так, предаваясь мечтам, она заснула, нисколько не беспокоясь о том, что творилось за пологом.

В полдень следующего дня люди Хилле выкатили из лагеря повозку. Они не останавливались в замке, а сразу же разбили шатры в верхней части долины, поближе к завалу. Хилле велел жителям долины держаться подальше, ведь сила, которую он выпустит на свободу, может вырваться из-под контроля.

Гирерду, Аннет и Исмей он позволил подойти поближе, чем прочим, но все равно они стояли вдалеке от завала и могли видеть лишь фигурки людей в капюшонах, снующих между глыб. Когда Хилле свистнул и все люди его разбежались кто куда, горящим факелом он прикоснулся к земле, а потом рванулся прочь большими прыжками.

В наступившем вслед за этим молчании было слышно лишь его тяжелое дыхание. А потом... что-то загрохотало, загромыhalo, рвануло... в воздух взметнулись скалы, даже земля задрожала. Разбитые вдребезги обломки камней дождем посыпались туда, где только что находились люди Хилле. Аннет заткнула уши руками и взвизгнула. Исмей смотрела на хаос, оставленный взрывом. Крупные камни были раздроблены в мелкую щебенку, люди в капюшонах с ломami и носилками уже принимались за дело. Гирерд спросил у Хилле:

— Какой же демон сотворил такое, брат?

Хилле усмехнулся.

— Демоны не повинуются мне. Свои знания приобрел я долгими трудами. Но секрет мой, и всякий, кто, не спросив меня, попытается овладеть им, — погибнет.

Гирерд качнул головой.

— Кто захочет связаться с подобным! По-твоему, выходит,

это не демон... Все же, я полагаю, это не так. Впрочем, у каждого свои секреты.

— Согласен. Пока этот секрет работает на нас. Чьи руки, скажите мне, могли бы убрать эти скалы?

Хилле использовал свой секрет еще два раза. Когда были расчищены обломки от последнего взрыва, они увидели расщелину, по которой когда-то протекал ручей. Люди в капюшонах торопливо убирали обломки скал.

Хилле присоединился к ним и вернулся обратно с горстью синей глины.

— В ней-то и находят янтарь, — с торжеством сказал он. — Скоро мы будем вознаграждены за наши труды.

Люди в капюшонах продолжали копать. Хилле оставался в лагере и в замок более не возвращался. Исмей одна собиралась к отъезду в таинственный северный край. Хилле предупредил ее, что может потратить на янтарную залежь не более десяти дней, ведь приближалась зима, а ехать предстояло по диким местам.

Но добыча за дни и ночи непрерывной работы (люди Хилле работали с факелами и, похоже, не спали) оказалась невелика. Гирерд и прочие были разочарованы, Хилле же только пожимал плечами и говорил, что все зависит от звезд и удачи.

В конце концов Хилле предложил Гирерду, к тайному удивлению Исмей, весьма выгодную сделку.

За несколько извлеченных из глины кусков янтаря он отдал тому несколько собственных, куда более дорогих. Гирерд для вида запротестовал, но живенько согласился. И когда предводительствуемый Хилле отряд выезжал из Верхней Долины, весь найденный там янтарь уместился в седельные сумки коня самого Хилле.

Пообещав возвратиться с началом весны, люди из Квейса повернули в дикие земли на севере. Этих краев никто не знал. Когда народ Долин появился в Высоком Халлаке, он старался держаться у побережья, опасаясь удаляться в глубь страны. Медленно, поколениями двигались они внутрь на юг и на запад и почти никогда на север.

Слухи об удивительных краях, где еще живы прежние обитатели, всегда указывали на север и запад. Во время войны Великие Властители искали союзников, где только могли, и вблизи какой-то окраины обнаружили кочевых оборотней. Когда война кончилась, оборотни удалились на северо-запад. И кто же мог знать, что там, за ближайшим хребтом?

Но Исмей держалась не столь осторожно, ехала беззаботно, хотя и было от чего насторожиться. Еще бы, она так мечтала вырваться из постылого дома. И Исмей с интересом глядела по сторонам.

Два дня они ехали по возделанным землям. Первый раз заночевали в селении Трудная Пашня, разрушенном во время войны и покинутом из-за нехватки мужчин. Но на третий день вступили в неизвестные, по крайней мере народу Исмей, края. Впрочем, Хилле, похоже, прекрасно знал их. Встречных не попадалось, возвращались по проложенной ими уже колее.

Безотрадный простор насквозь пронизывал ветер; плотно закутавшись в плащ, напрасно искала она взглядом хоть что-нибудь, нарушающее единообразие неоглядной равнины. Такой простор потрясал воображение. На взгляд Исмей, они двигались теперь не на запад, а на север, делая крюк к морю. Ей хотелось бы разузнать о Квейсе и его окрестностях, есть ли у них соседи. Но Хилле редко бывал с нею, а в лагере он часто доставал исписанный свиток и читал, водя пальцем по иззубренным строчкам, шевеля губами, но никогда не выговаривая слов. Окружавшую его стену отчужденности она пробить не могла.

Все более и более задавалась она теперь мыслью о том, как сложится жизнь ее с человеком, который даже не разговаривает с ней. И предупреждение, высказанное им в брачную ночь, — тогда она с облегчением восприняла его — теперь оборачивалось другой стороной. У нее не было даже служанки, ведь Хилле отказался взять для этого женщину из Верхней Долины и сказал, что в Квейсе с прислугой проблем у нее не будет, а служанка из родных мест постоянно будет будить в ней тоску по дому.

Предоставленная самой себе, Исмей много размышляла. Зачем Хилле женился на ней? Не ради же нескольких кусков необработанного янтара... При своем богатстве он не нуждался в этих жалких крохах. Не могла она найти ответа, мучилась и гадала, а неизвестность порождает страх.

Не принадлежал Хилле и к тем, у кого нет щита и кто стремится породниться со знатной семьей. Что еще, кроме имени, могла предложить ему Исмей? Он сам дал ей понять, что не ради тела взял ее в жены.

Теперь тропа тянулась через лес. Резкий ветер не хлестал более в лицо, но и лес несколько не радовал глаз. Из-за повозки им приходилось петлять между древних высоких

деревьев, могучие стволы их были покрыты наростами лишайников — зеленых, белых, ржаво-рыжих и просто красных, как кровь. Исмей они не нравились. Опавшие листья за столетия смешались в бурю массу, издававшую неприятный запах под копытами коней.

Целый день ехали они по лесу, лишь изредка останавливаясь, чтобы перекусить и отдохнуть, дать отдышаться лошадям. Хилле не торопил караван, он упорно и размеренно подвигался вперед. Тишина в лесу невольно заставляла насторожиться. Говорили теперь немного, и случалось, вымолвив слово, спутники ее невольно оглядывались по сторонам, словно опасаясь, что его услышит кто-то, затаившийся неподалеку.

Деревья стали редеть, дорога пошла в гору. Ночь они провели в горах. Следующие дни были однообразны настолько, что Исмей потеряла им счет.

Дорога в горах оказалась нелегкой. Тем не менее Хилле находил время по ночам удаляться из лагеря с металлической трубкой под мышкой; через нее он одним глазом смотрел на звезды. И велел теперь поторопиться, так как близится непогода.

Он не ошибся. Снежные хлопья начали падать еще до рассвета. Путники, не мешкая, поднялись и выступили в темноте. К радости людей, склон понижался, хотя Хилле все же подгонял их.

Из-за обилия поворотов Исмей уже и не представляла, куда они держат путь. Но еще задолго до полудня ветер донес к ним новый запах. Воин, которому назначено было сопровождать госпожу (сам Хилле ехал рядом с повозкой), сказал:

— Подуло с моря.

Они вступили в глубокую ложбину меж двух гребней, прямую, словно древняя дорога. Здесь ветра не было, только снег ложился потолще.

Вдруг дорога повернула, правый гребень крутым откосом ушел вниз, оставив путников на скале. Вокруг поблескивали кристаллы соли, внизу тяжело били о скалы волны. Возле дороги высились три громадных, высеченных из камня трона — несомненно, творение чьих-то рук, а не прихоть природы. Мягкие снежные подушки на сиденьях смягчали жесткую суровость удивительных кресел.

Тоже работа Древних, подумала Исмей. Конечно же, это была дорога.

Дорога вновь повернула, теперь уже от моря. Впереди скалой среди прочих утесов громоздилась крепость. Рядом с

массивными стенами и башнями твердыня властелина любой Долины показалась бы крошечной.

Из снежной пелены появился Хилле. Рукоятью кнута он показал на гигантскую крепость:

— Вот и Квейс, моя госпожа.

С внезапным испугом Исмей поняла, что домом ее отныне будет один из уцелевших оплотов Древних. И вопреки природе, верованиям, чувствам своего народа вынуждена она жить в чуждой ей оболочке. Но пути назад не было. Она постаралась скрыть свои чувства.

— Очень уж велика ваша твердыня, господин мой.

— И не только размерами, госпожа моя, — внимательно глядявался он в ее лицо, столь же внимательно, как и при первой встрече, и было видно, что испуг доставил бы ему удовольствие. Да только Исмей не желала радовать его. Тогда он сказал:

— Одна из тех старинных крепостей, что построили Древние. Время пощадило этот замок, не то, что другие. В нем уютно, удобно жить, увидите сами. Ха... домой!

Усталые кони перешли на рысь. Через громадные мрачные ворота они въехали на огромный, окруженный стенами двор, по углам которого высились четыре башни.

Две из них были округлыми, та, в которой были сделаны ворота, — квадратной. Ничего подобного странным острым граням четвертой башни она не видывала.

В узких окнах кое-где светились огоньки, навстречу им никто не вышел. Обеспокоенная и окоченевшая, Исмей спустилась с седла в протянутые руки Хилле и под его присмотром проковыляла к двери в подножии ближайшей круглой башни. Остальные разошлись по двору в разные стороны.

За дверью оказалось тепло, в очаге пылал огонь.

К удивлению Исмей, пол был устлан не толстым слоем тростника и сухой травы, а меховыми коврами, сшитыми вместе, — темная шкура со светлой, так что получался причудливый узор.

Меховые дорожки разбегались по полу, главная из них вела к спасительному островку тепла у очага, где стояли два высоких кресла с цветными подушками и с пологими от сквозняков. Рядом стоял стол, уставленный блюдами и бутылками. Хилле подвел Исмей к очагу, она расстегнула плащ и, блаженно жмурясь, протянула руки к теплу.

Внезапный мелодичный звон заставил ее вздрогнуть. Она обернулась. Хилле дергал за язычок колокольчик, стоявший

в резной изогнутой подставке на столе. На винтовой лестнице, завивавшейся в центре башни, появилась фигура.

Исмей не видела, кто спускался и идет к очагу, а когда увидела, то прикусила губу, чтобы смолчать.

Это создание ростом по плечо Исмей оказалось той самой Нинкве, которая бормотала ей свои пророчества в шатре, где решилась ее судьба. Только теперь на пророчице было не причудливо расшитое платье, а меховая безрукавка поверх рубахи и ржаво-бурая юбка. Голову тесно облежала шапочка, застегнутая брошью под подбородком. Не на пророчицу, на уличную побирушку походила она.

— Приветствую господина и госпожу, — прозвенел мягкий голос, так не вязавшийся с непристойной тушей. — Доброй удачей вы успели домой к началу первой метели.

Хилле кивнул, а потом обратился к Исмей.

— Нинкве будет прислуживать вам, госпожа. Она весьма предана мне. — Странно прозвучала в ее ушах последняя фраза, но она думала теперь лишь о том, что Хилле бросает ее с этой отвратительной жабой.

Гордости в Исмей уже поубавилось, и она было потянулась к его руке, чтобы обратиться с просьбой, но вовремя остановилась. Он был уже у двери, когда она вновь обрела голос.

— Вы не отдохнете... поужи... здесь, господин мой?

Негодую, сверкнул он глазами.

— У властителя Квейса свое жилище, и никто не смеет беспокоить его там. Здесь вы будете в безопасности, о вас позаботятся, госпожа. — С этими словами он вышел.

Исмей неотрывно глядела на закрывающуюся дверь. Темные мысли одолевали ее. Зачем привез он ее сюда? Что же нужно ему от нее?

4 Стоя перед узкой прорезью окна, Исмей глядела во двор. По снегу причудливо разбегались тропки. В громадном шатре посреди двора ютилась горстка воинов. Был канун Средзимья. В этот день во всех замках Долины готовятся к пиру. И в самом деле, почему не отпраздновать середину лютой зимы, самый короткий ее день? Ведь теперь дни потихоньку будут становиться все длиннее.

Но в Квейсе никто не готовился к пиру, не было гостей, их и не ждали. Нинкве и две служанки, столь же приземистые и отвратительные, как и она сама, изобразили полное непонимание, едва завела она речь о празднике. Хилле Исмей

почти не встречала. Теперь она знала, что почти не выходит он из своей остроугольной башни, и даже воины их надвратной башни не смеют входить туда. Впрочем, некоторые из людей в капюшонах все же имели доступ в жилище своего властелина.

Теперь, когда она припоминала свои надежды, как же стать хозяйкой этого дома, ей хотелось смеяться, а скорее плакать, если бы только позволила упрямая гордость, о наивной девчонке, что ехала навстречу свободе из Верхней Долины.

Свобода! Она жила в своей башне как пленница, а вот Нинкве, как поняла Исмей, и была здесь ключницей. Ума и осторожности у Исмей хватило, чтобы не торопиться изображать из себя хозяйку. Унизительных отказов в своих немногих распоряжениях она поэтому не встречала и не торопилась умножать их, ограничиваясь собственными скромными нуждами.

Тюрьма ее по крайней мере была обширной, не каким-нибудь там казематом. На первом этаже была комната, встретившая ее тогда, после дороги, теплым уютом. Выше располагалась комната, где она сейчас стояла, занимавшая всю башню, с двумя винтовыми лестницами в центре, закрученными в противоположных направлениях. Еще были две комнаты, холодные, без мебели и давно заброшенные.

Кровать здесь, во второй комнате, закрывалась пологом; рисунки на нем от времени выцвели, и обычно она почти не различала их, разве что иногда колеблющийся свет лампы или очага вдруг вызывал на полог к жизни какое-нибудь лицо или фигуру, пугавшую ее на какое-то мгновение.

Одна из них беспокоила ее чаще других. Вспомнив о ней, Исмей отвернулась от окна. Подошла к занавеске и расправила ее там, где было лицо. Сейчас под ее руками было лишь блеклое изображение, а ведь только недавно от очага мельком ей показалось, что кто-то стоит за занавеской, терпеливо следя за нею.

С закрытыми глазами могла она представить себе это лицо, все-таки человеческое и уж получше отвратительных морд, что частенько виделись ей по ночам. Те были словно маски, человеческим лицом прикрывающие нечеловеческую сущность. Но это лицо было человеческим и чем-то привлекало ее. Может быть, и обманывала Исмей память, но чудились ей в этом лице отчаяние и просьба.

Конечно, это говорило лишь о том, как однообразна ее

жизнь в этом замке, раз уж в старых вышивках грезились ей что-то. Исмей подумала, кто и какой иглой вышивал эти узоры? Она погладила ткань рукой, ощупывая неровности вышивки.

И вдруг под рукой оказалось что-то твердое, какой-то жесткий бугорок. Она внимательно ощупала его: на взгляд ничего не было заметно. Похоже, что-то было здесь зашито в ткань. Она принесла лампу и осторожно поднесла огонек к ткани.

Вот и фигура, которая так занимала ее. На шее ее было ожерелье и бугорок был его частью. Внимательно все разглядев, Исмей поняла, что неизвестный предмет плотно обшит нитями. Язычком пояса Исмей осторожно прикоснулась к бугорку. Пришивали добросовестно, и ей предстояла теперь долгая работа. Но наконец она подрезала нити и вытащила концы; что-то твердое скользнуло из ткани ей в руку. Предмет был гладким на ощупь... Она поднесла его к лампе. Конечно, янтарь! В руке ее была фигурка столь тонкой работы, что какое-то время она с трудом силилась разглядеть детали.

Змейка, свившаяся своими кольцами в тугую клубок. Маслянистой желтизной светились глаза ее на темном янтаре теле. Почти незаметные чешуйки на теле говорили о невероятном мастерстве резчика. Несмотря на врожденное отвращение ко всяким чешуйчатым тварям, Исмей не ощущала никакого отвращения, скорее наоборот.

И вдруг... Она вскрикнула и отбросила бы змейку подальше, но уже не могла этого сделать. Медленно поползли, сплетаясь и расплетаясь, кольца... Фигурка оживала.

С ужасом смотрела Исмей, как расправляется на ее руке змейка, а потом она свернулась на ее ладони кольцом, словно живая, подняла голову и поглядела на Исмей желтыми глазами, во рту что-то мелькало, должно быть язычок.

Так смотрели они друг на друга, Исмей и освобожденное ею существо, а потом змейка скользнула вверх по руке, и у Исмей не было сил шевельнуться. На ощупь она была теплой, не холодной, как положено змее. Исмей почувствовала тонкий приятный аромат. Так пахнут редкие сорта янтара. Под рукав к запястью ползла змея. Вдруг теплое кольцо охватило руку Исмей, она отвернула рукав. Теперь змейка стала браслетом и снять ее она не могла, как ни пыталась. Оставалось только сломать ее или разрезать пополам.

Выпрямив перед собой руку, Исмей вернулась в кресло к огню. Но это же невероятно! Ведь янтарь был когда-то

древесной смолой. В старых сказках говорились, что янтарь — окаменелая слюна или испражнения дракона, но это же не так. В нем попадались мелкие существа вроде насекомых. Она вспомнила то крылатое существо, что показывал ей Хилле. Но ведь сама-то смола не живая. Правда, кое-какие странности, для любопытных, за нею водились: потри — и словно железки магнитом янтарь потянет к себе пух, волосы и все такое. Его можно растолочь и огнем расплавить в масло.

Расплавить! Исмей вскочила, отставив подальше руку, чтобы ненароком не коснуться тела. Подбежала к сундучку, который с таким старанием упаковала дома в Верхней Долине. Тяжелую крышку пришлось поднимать обеими руками. Она принялась копать в мешочках.

Наконец ей удалось найти мешочек со средством от колдовства. Устроившись вновь в кресле, она торопливо одной рукой и зубами развязывала его.

Приятным запахом повеяло изнутри. Среди всех трав лишь ангелика — дягиль в лесах, трава солнца в Львиной стране — защищала человека от зла, от отравы и колдовства. Исмей вытянула руку, чтобы стал виден браслет. Взяв шепотку драгоценной травы, потеряла ею коричнево-красноватую змейку.

Но кольцо оставалось жестким, словно браслетом была эта змейка от начала своих дней. Исмей еще раз потеряла браслет, а потом достала амулет Гунноры. Ведь только Гуннора, защитница жизни, оградит ее от сил тьмы. И прикоснулась талисманом к змейке, повторяя заклинание:

*Бьется сердце, кровь красна,
Ты, чей лист, трава и мы,
Ты, чье семя, чья весна,
Огради меня от тьмы!*

Словно обычный браслет недвижимой оставалась змейка. Но она же видела все своими глазами! Ползла змейка, не была она обыкновенным браслетом.

Разрезать, сломать! Исмей оглядывалась по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего и взглядом наткнулась на огонь. Янтарь же сразу расплавится! Пусть лучше на руке останутся ожоги, чем эта красноватая полоска.

Вдруг она поняла, что не смеет даже потянуться за головешкой. Напротив, усевшись поудобнее, она уставилась в желтые глаза змейки. Они притягивали ее... и росли, росли,

пока не слились в единый круг света. Она словно заглянула в окно...

Пятна тени и света сложились в столы, уставленные странными бутылками, тиглями, кольцами проволоки, — злое еще пылала вблизи плавильная печь. Потом она оказалась в другой комнате, с колоннами.

То, что увидела она в них, потрясло ее. Словно пестрая летунья в янтарном цилиндрике Хилле, были заточены в них существа, только гораздо большие.

Некоторые были настолько невероятны, что она невольно задыхнулась. Но мимо этих колонн она пролетела быстро, ее влекло дальше, в середину палаты, где отдельно от прочих стояли две колонны. В одной, ближайшей, был заточен мужчина. Он чем-то напоминал Хилле, немногим отличались их лица, так, словно были они в родстве по крови, но не по духу. Этот, в столбе, был в меньшей степени Хилле из Квейса, чем тот, с которым она познакомилась на ярмарке. Глядя на него, Исмей вновь почувствовала странное волнение, испытанное ею тогда. К тому же казалось, что эти неподвижные глаза ищут ее.

Но Исмей уже пронесло мимо мужчины, теперь она была рядом со вторым столбом и смотрела на женщину.

Ее темные, подобранные кверху волосы покрывала золотая сетка, усеянная цветами из ярко-желтого янтаря. А на ней лежало кольцо в виде змейки из темного янтаря. На женщине было шелковое платье янтарного цвета, а на шее — ожерелье из орехов, заключенных в прозрачный янтарь. Они светились и вспыхивали, когда Исмей обращала на них взгляд.

Глаза женщины также были открыты. Лицо ее было бесстрастным, но глаза смотрели на Исмей так, словно не просила она — взывала, кричала о помощи!

У Исмей закружилась голова: видения возникали и исчезали прежде, чем она успевала что-то понять. Только ужас, опасность, только отчаянный крик о помощи сумела запомнить она и поняла, что не в силах отказать им, хотя чего хотели от нее эти двое, мужчина и женщина, постичь не могла. Комната с колоннами растаяла перед ее мысленным взором, возник двор Квейсского замка, каким он был виден из ее окна, и глядела она на остроугольную башню Хилле, запретную для нее. Теперь она была уверена — этот зал с колоннами находится за ее странными стенами. А потом все пропало... и двор замка, и палата со столбами. Она моргала, ослепленная огнем очага.

— Госпожа, — нарушил тишину голос Нинкве.

Исмей поспешно прикрыла рукавом змейку, зажала амулет Гунноры в кулаке. Но запаха ангелики ничто не могло скрыть.

— Как ты думаешь, чем у меня пахнет, Нинкве? Я решила перебрать свои травы и проверить, все ли нужное есть у меня для напитка, что пьют в праздники Средзимья.

Широкие ноздри женщины с шумом втягивали воздух.

— Господин Хилле желает говорить с вами, госпожа.

— Да будет на то его воля.

Когда женщина повернулась к ней спиной, Исмей поспешно накинута на шею тесьму с амулетом и спрятала его за пазухой. Потом положила в сундук пакет с ангеликой.

— Господин мой? — вопросительно подняла она голову к неслышно подошедшему Хилле. Но даже не слыша его шагов, она всегда чувствовала его приближение. Словно какой-то невидимой силой был он окружен. — Сегодня канун праздника Средзимья, а к пиру даже не начинали готовиться. — Глупышкой, цепляющейся за воспоминания, должна была она казаться перед Хилле.

Но говоря так, внимательно вглядывалась в его лицо. Насколько похож он на того, заточенного в столбе? Если память ей не изменяла, сходства стало теперь меньше, отличия усилились. Неужели внешность Хилле на ярмарке была лишь маской, отброшенной за ненадобностью в Квейсе?

— Канун праздника Средзимья, — повторил он, словно сами слова были ему незнакомы. — Ах, да... праздник вашего народа. Увы, извините меня, госпожа моя, но в этом году придется вам праздновать его в одиночку. Пришла весть, я должен срочно уехать и раньше завтрашнего утра не вернусь. — Он понюхал воздух. — Что это, госпожа моя? Никогда не встречал такого запаха.

Она показала на раскрытый сундук.

— Я умею выращивать травы и знаю, как пользоваться ими. А сейчас ищу траву с нужным привкусом и ароматом. Но... — Она положила мешочек обратно. — Едва ли мне следует продолжать поиски, раз пира не будет.

— Справедливый укор, госпожа моя, но занят был я все это время и позабыл о времени, о приближении праздника. Простите меня на сей раз, и впредь эта ошибка не повторится.

Чувствовала она, что это пустые слова, а на самом деле дутыми обещаниями решил он отделаться от нее, как от ребенка.

Проговорив еще несколько ничего не значащих любезностей, он вышел, а Исмей следила из окна, как садился на коней маленький отряд. Едва он отъехал, в ее комнате появилась Нинкве с бронзовой чашей. В ней было ожерелье с множеством подвесок. Зеленоватый янтарь соседствовал с голубым. Нетрудно было понять, что за такую диковину можно было купить всю Верхнюю Долину с замком и угодьями.

Исмей одела ожерелье, повертелась перед зеркалом, изобразила восторг, кликнула Нинкве и двух служанок, как раз появившихся с ужином, посмотреть, что за дивный подарок прислал ее повелитель. Она надеялась, что этой деланной радости достаточно для подозрительной Нинкве.

Исмей потуже защелкнула кольца на запястьях, чтобы та, даже случайно, не могла заметить змейку. Сев за еду, она наполнила чашу из рога и поднесла к губам, а потом покачала головой.

— Не могу сказать ничего плохого о ваших напитках, но если бы добавить сюда чуточку мяты, стало бы вкуснее. Ты никогда так не делала?

— В наших краях не растут многие южные травы, госпожа. Квейс лежит на пути ледяных ветров, и многое у нас не растет. О мяте я слыхала, но пользоваться ею не доводилось.

— Тогда давай попробуем, и ты мне скажешь, права ли я. Сегодня канун праздника моего народа, Нинкве. И раз уж мой господин не может разделить его со мной, может быть, ты...

Женщина заколебалась. На мгновение между губ ее показался бледный кончик языка. А потом всегда внимательный взор ее опустился на стол.

— Но в этом кувшине едва хватает на одну чашу, моя госпожа, а второй вы никогда не брали, и служанка не принесла...

— Вели кому-нибудь из них принести еще один кувшин, Нинкве. Не лишай меня этого малого утешения в день пира.

Нинкве неуверенно пошла к лестнице, словно бы и хотела отказаться, но не могла, не было причины. Исмей вновь поднесла чашу ко рту. Ничего подозрительного не почувствовала она в запахе напитка. Но словно кто-то из-за спины предупреждал ее... Что-то было в питье... Яд? Едва ли, но иные травы в умелых руках могли погрузить человека в глубокий сон, вызывать странные видения, а потом забыть.

Почему в голову ей пришла именно эта мысль, она

объяснить не могла. Понимала только, что ее предупредили, а когда Нинкве ушла, Исмей, словно повинуясь чьему-то приказу, сделала странную вещь: расстегнула рукав и поднесла запястье к чаше.

Змейка на руке вдруг шевельнулась, но теперь Исмей не испугалась, ей вдруг стало радостно, как воину перед битвой.

Головка змейки свесилась в чашу и взболтала в ней жидкость, а потом она вновь обхватила руку кольцом и, ухватив зубами хвост, окаменела.

Нинкве поднималась по лестнице с подносом, на котором стояла чаша из рога. Когда она поставила ее на стол, Исмей отошла к сундуку. Мята мятой, но она прихватила щепоть и другой травы, с непринужденностью, о которой не могла бы прежде даже подумать. Но в свою чашу бросила только мяту, остальное отправилось в чашу Нинкве. Потом она взяла небольшую ложку и перемешала жидкость.

— По всем правилам, Нинкве, — улынулась Исмей, — нам, женщинам, следовало бы опустить на счастье в чашу ветку плюща, а потом кинуть ее в очаг, чтобы все зло сгорело вместе с ней. Господин мой должен был бы опустить ветку остролиста... плющ только для женщин. Веток у нас нет, так что удачи тебе.

Исмей выпила жидкость всю до дна, хоть ей и приходилось заставлять себя пить. Обезвредила змейка питье?.. Она не была уверена в этом. Но теперь она знала, что змейка защищает ее, ведь амулет Гунноры на нее не подействовал.

— Ну, как тебе мята? — она допила свою чашу и отставила в сторону.

— Вкус приятный и освежающий. Должно быть, у вас на юге сильные травы. А теперь, если вы не возражаете, я дам указания служанкам. Господин так расстроился, что позабыл о пире... Но завтра мы постараемся...

— Это весьма любезно с твоей стороны и свидетельствует о расположении ко мне нашего господина. Да, можешь идти, Нинкве. Я сегодня лягу пораньше. Что-то спать хочется...

Была ли она права, правильно ли ведет она себя, усыпить ли ее должен был напиток? Бесстрастное выражение на лице Нинкве ничего не подсказало Исмей.

Когда та ушла, Исмей вновь расстегнула рукав и заглянула змейке в глаза. На сей раз они безмолвствовали.

— Я не знаю, что делать, — шепотом сказала она резной фигурке. — В Квейсе столько тайн и опасностей. У меня нет меча, но я не из покорных, и что бы ни было мне суждено,

пусть все начнется прямо сейчас. Лучше глядеть в лицо опасности, чем трусить в ожидании ее прихода.

Она умолкла, и в наступившей тишине ей вдруг стало ясно, что делать. Исмей встала, сняла нарядное платье, отыскала юбку для верховой езды, в которой ей было свободнее, а сверху накинула серый плащ.

На лестнице она настороженно прислушалась, внизу было тихо, и она решилась. Исмей сумела высмотреть, что люди в капюшонах жили как раз между двух башен, и, если ей повезло, Нинкве и служанки уже разошлись по своим комнатам.

Тяжелую входную дверь пришлось открывать двумя руками. Остроугольная башня была совсем рядом, но перебежать через двор она не решилась. Окон было так много, и кто-нибудь мог невольно выглянуть во двор... Осторожно, вдоль стены, ометая сугробы плащом и юбкой, кралась она к двери обители Хилле. И протянула к ней руку, ту, что со змейкой.

Замка не было. Дверь распахнулась легко, даже слишком.

5 Остроугольная комната была едва освещена. Исмей вздрогнула: впереди возникла фигура в плаще. Исмей подняла вверх схваченную змейкой руку, фигура повторила ее жест. Перед ней было зеркало.

Только зеркала и две лампы в нишах высоко над полом, больше в зале не было ничего. Станные запахи клубились здесь, в поздрах пощипывало. Иногда пахло чем-то приятным, но тут же накатывала кислая вонь, природы которой она не знала.

Исмей медленно оглядывалась по сторонам. Теперь только она поняла, что странная остроугольная башня была построена в форме пятиконечной звезды. Она смутно припомнила, что в тайных науках с такой звездой нечто связано. Но ей нужно было идти дальше, в этой пустой темной комнате не было тех, кто ей нужен. Исмей заметила лестницу в одном из лучей, и стала подниматься. Каменные плиты были глубоко истерты за минувшие столетия. Впрочем, печать столетий была здесь на всем.

Теперь Исмей попала в комнату, где трудно было даже пройти из-за обилия всяких вещей. Столы в ней были завалены змеящимися металлическими трубками, ретортами, бутылками, флаконами, какие используются при перегонке травяных отваров. Многому здесь она не знала даже имени.

Она боялась случайно прикоснуться к чему-нибудь. Запахи сливались, смесь их таила в себе неясную угрозу. Исмей потерла пальцами браслет. Здесь было посветлее, по крайней мере она смогла в конце концов разглядеть лестницу. Осторожно пробиралась она к ней, стараясь не задеть уставленные столы, придерживая плащ, чтобы неловкими движениями не свалить что-нибудь на пол.

Так пришла она в привидевшуюся ей палату. Здесь колонны складывались сперва в большую звезду, внутри которой была другая, поменьше. У дальней стены стояли два стола. В вершинах лучей каждой звезды стояли высокие подсвечники, в них были свечи в кулак толщиной. Не привычным оранжево-красным огнем горели они, а синеватым — в этом свете собственное тело показалось ей неприятным и нездоровым.

Сама собой поднялась ее рука. Словно была привязана к запястью цепочка и кто-то потянул за нее, не предупредив Исмей. Меж двумя колоннами внешней звезды она прошла к центру.

Перед нею предстали узники из видения: женщина и Хилле, который не был Хилле. Из глубин янтарных столбов взгляды их кричали, приказывали что-то делать. Пусть и была у них сила — ведь не сама же собой она пришла сюда, — не хватало ее и не понимала Исмей, что надо делать. Одно было ей ясно, — свободы они жаждали. Но разве живого человека можно заточить в колонну? Про подобное волшебство слыхала она только в легендах.

— Что же мне делать? — молила она их; прикоснулась к столбу, в котором была заточена женщина... Твердый! Разбить его? Разрезать? Янтарь мягок, его нетрудно резать. Может быть, попробовать расковырять столб ножом?

Достав из-за пояса нож, Исмей с размаху рубанула по колонне. Добрая сталь, зазвенев, отскочила, словно удар пришелся по камню. Она ушибла руку, а на поверхности столба не осталось и царапины.

Узников можно было выпустить на свободу, она не сомневалась, но могла освободить их только магия. Исмей отступила на шаг и, повернувшись, попыталась рассмотреть остальные колонны обеих звезд. Голубоватый свет придавал кошмарный вид очертаниям тел и голов. Но она заставила себя все-таки разглядеть всех, кто был заточен в колоннах.

Во внешних столбах были заточены не люди — странные, непонятные существа. Существа в колоннах малой звезды напоминали людей: все они были небольшого роста,

приземистые и в туниках. Толстые, широкоплечие, длиннорукие, приземистые. Пальцы рук и ног заканчивались длинными изогнутыми когтями, более похожими на звериные или птичьи, чем на человеческие ногти, а лица... несомненно, они были в родстве с Нинкве!

Низкорослые, с когтями... Исмей вздрогнула, осознав это. Ей на память пришли люди Хилле в капюшонах и перчатках, державшиеся поодаль от народа Долин. Так вот, значит, какие они! Но по какой причине заточил их в колонны властитель замка? С облегчением вернулась она к безмолвным мужчине и женщине. Глаза их жгли ее, говорили что-то... Если бы она только могла понять!

И вдруг глаза обоих стали закрываться. Глубочайшая отрешенность появилась на лицах. Исмей непроизвольно отдернула руку, чтобы змейка оказалась на виду, и вновь заглянула в ее золотистые глаза.

Они росли... росли... наконец словно желтый шар возник перед ней, окруженный голубоватыми отблесками. На сей раз шар не показывал, он говорил, что-то шептал ей. Понимала она, как это важно, и пыталась уловить звуки, связать их в слова, но напрасно. Шепот смолк...

Она пошатнулась. Ноги и спина болели, голова разламывалась. Но не только усилия тела, утомила их непосильная духовная нагрузка. Исмей со вздохом уронила онемевшую руку.

Теперь глаза заточенной в столбах пары оставались открыты, но потускнели. Не было в них больше яростной устремленности. Казалось, все испробовали они и все тщетно.

Но оставить их Исмей не могла. Нож не помог, слова расслышать не удалось. Со смутной надеждой она вернулась назад, к столам, стоявшим у входа.

Не были они заставлены утварью, как внизу. Но на одном столе... То, что было на нем, вызвало в ней омерзение!

Там стояла чаша на янтарной ножке, потемневшей, потрескавшейся и потертой. Из чего-то серо-белого было тулово чаши. Внутренность ее была покрыта пятнами. Рядом с чашей острием вверх стоял нож с рукоятью из того же бело-серого материала, а лезвие... Исмей отшатнулась... По нему струйками алой крови скользили изменяясь какие-то руны, слагаясь в слова запретного языка... То появлялись они, то исчезали и вновь струились по клинку.

Рядом лежала открытая книга. Пожелтевшие страницы ее были густо испещрены жирными черными буквами, подобных которым она никогда не видала. Каждая страница начиналась

с заглавной буквы, но не веселые венки из цветов окружали эти буквы, как в старинных хрониках, а картинки, непристойные настолько, что краска залила ей лицо. Отвернувшись, она, но изгнать их из памяти не могла; торжествуя, насмехались над нею мерзкие рисунки. Рядом на изогнутой стойке поблескивал светлый колокольчик, а под ним лежал молоток. Был там еще подсвечник, но форма его опять заставила ее покраснеть. Из него торчала какая-то гнусная свеча, начинавшаяся как единое целое, а потом разделявшаяся на пять свечей разной длины.

Черным облаком опутывало этот стол зло. Исмей казалось, что к нему можно даже прикоснуться. С омерзением отступив назад, подошла она к другому столу. Там было другое: неровные куски янтаря, еще не совсем отмытые от глины. Показалось ей, что это те камни, которые видела она в руках брата в Верхней Долине у залежи. Их было очень немного. Что значили они рядом с колоссальным богатством колонн!

Эти мерзостные вещи — Исмей не сомневалась, что все на столе — принадлежности черного мага: необработанный янтарь... Понятно было, чем занимался здесь Хилле, и с ним-то связана она клятвой!

О подобных ему рассказывали недоброе. Кое-кто из людей, бывало, связывал себя с древними силами. Значит, и Квейс из тех страшных мест, где властвуют Древние.

В панике Исмей вытащила амулет Гунноры. Древние силы несли с собой разрушение и смерть, но Гуннора — это и свет и жизнь. Может ли талисман защитить ее здесь, в обители зла. Исмей не знала, но от прикосновения к доброму янтарию ей полегало.

Куски янтаря на столе, рядом гнусное капище зла, пленники в колоннах. И еще... Что теперь станет с ней, когда Хилле вернется? Она встревожилась, и на то были основания.

В эту ночь, таких четыре в году, даровалась свобода известным силам, а уж принесут они добро или зло — как распорядится судьба. Хилле отправился в путь в эту ночь. Что ищет он во мраке и холоде? Другую силу, помогущественнее тех, что вызывал он в этих стенах?

Исмей еще раз обернулась в двум звездчатым рядам колонн, к озарившим их синим цветом свечам. Здесь властвовали силы иного мира. Так почему же она свободно прошла сквозь все препоны, которые, конечно же, расставил повсюду Хилле? В таких местах всегда бывали стражи, и лучше было не связываться с ними людям.

Быть может, это ловушка, в которую ее заманили? Надо проверить! Взяв в руку амулет Гунноры, Исмей поспешила на лестницу, оставив таинственную пару в заточении. На первый этаж она слетела по лестнице без задержки... И замерла в ужасе. Теперь в зеркале отражалось нечто другое, не двигалось оно и не пыталось ни схватить ее, ни преградить ей путь к дверям.

Ужасен был вид этой твари, но теперь она видела, что не живое это существо, а высокая фигура демона, вырезанная из янтаря. Откуда только взялась она здесь? Ведь еще недавно ее не было.

Проскользнув мимо страшной фигуры, Исмей бросилась к двери, изо всех сил толкнула ее. К счастью, дверь легко подалась, холодный ночной воздух был подобен спасению.

Вновь вдоль стен прокралась она к двери собственной башни. Задышавшись, скользнула внутрь, высматривая Нинкве или слуганок. Никого... Тусклый отблеск углей в очаге слабо освещал пустую палату. Исмей взлетела по лестнице в свою спальню и бросилась к окну посмотреть на звездчатую башню. Сумел ли кто заметить ее следы? Едва ли, поземка уже замела все... Как вовремя началась метель!

Она села на постель и попыталась собраться с мыслями. Хилле говорил, что он астролог и алхимик. Комната в звездчатой башне с массой бутылей, труб и прочего свидетельствовала о занятиях алхимией. Эти познания были доступны людям, хотя в Долинах мало кто интересовался такими вещами.

Но иным занимался он в верхнем зале башни! Исмей яростно потерла глаза руками — все стоял перед ней первый столик: мерзкая книга и все остальное. Честными науками там и не пахло.

Прочие пленники в столбах казались безжизненными, она и не приглядывалась к ним. Но было ей ясно: женщину и мужчину сковали там грязным заклятьем. Следовало подумывать... Если Хилле способен на подобное, на что остается ей надеяться?

Убежать сейчас из Квейса она, пожалуй, сумела бы. Убежать — и умереть неподалеку в снегу, не имея припасов, не зная дороги... Разве могла она вернуться в Долины из Квейса? Побег сулил смерть... Но то, что грозило ей в Квейсе, было хуже смерти. И все же шанс оставался, а значит, придется рискнуть.

Повесив плащ, Исмей разделась, уложила одежду в ящик, чтобы не заметила Нинкве. Заползла в постель и задернула

полог, в темноте на секунду ощутив себя в безопасности. Змейка обнимала ее запястье, а на шее был амулет Гунноры.

Быть может, она заснула, потом она не могла этого вспомнить. И вдруг подскочила, словно слышав чей-то зов. Тьмы как не бывало, полог светился, фигурки на нем ожили.

Исмей прежде полагала, что они вышиты лишь с лицевой стороны и видны только снаружи. Но теперь было видно все, словно полустертые контуры высветил холодный и четкий свет звезд. Разное было там, но виднее всего было лицо той женщины, заточенной в колонне!

К удивлению и испугу Исмей, вышитые на ткани губы шевельнулись, слабые звуки сложились в слова:

— Змейка... ключ... ключ...

Свет померк, лицо женщины исчезло... Исмей сидела на кровати на скомканных одеялах, и змейка на запястье была горяча, словно от внутреннего огня.

— Ключ... — громко повторила Исмей. Но к чему? И где искать замок? Она отодвинула занавеску, Успеет ли она вернуться в звездчатую башню? Но за окном светало, близился рассвет, рассчитывать было не на что. Осмелиться снова вторгнуться в логово Хилле она могла только вечером.

Весь долгий день она изображала недомогание. Нинкве принесла праздничные кушанья и далеко не отходила. Исмей тщательно обдумывала план действий. Она не собиралась вновь подсыпать трав в чашу Нинкве, эту женщину нельзя было недооценивать. Она неминуемо заподозрила бы неладное. А может быть, предупредительная, как обычно, Нинкве просто следила за ней сегодня?

Планам Исмей не было суждено осуществиться: под вечер Хилле с людьми возвратился в замок. Она глядела на них из окна, пытаясь взять себя в руки и невозмутимой предстать перед этим слугой тьмы.

К ее облегчению, спешившись, он не пошел к ней, а сразу же направился в звездчатую башню. Но минутное облегчение тут же уступило место страху, как только представилось ей, сколько явных для Хилле следов могла она оставить в башне. Достаточно вспомнить янтарную тварь перед зеркалом... Как она оказалась там? Значит, Исмей могли видеть?

Она прикоснулась к змейке. Это ключ! Но к чему? Словно невидимым мечом была змейка под ищущей его рукой Исмей.

Изо всех сил она пыталась успокоиться. Ей надобно быть спокойной, все должно быть, как обычно. Она спустилась в нижнюю палату, где Нинкве расставляла ужин.

— Вернулся мой господин, — Исмей сама удивилась твердости своего голоса.

Нинкве подняла голову.

— Это так. Вы хотите пригласить его к своему столу, госпожа?

Исмей кивнула.

— Сегодня вечер праздничного пира. Если он не устал после путешествия, быть может, ему будет приятно провести вечер со мной. Пригласи его.

— Я сама схожу. Он захочет разделить ваш пир, — что-то властное послышалось в голосе Нинкве, словно могла она приказывать своему господину.

Стоя у очага лицом к двери, Исмей собирала силы для встречи. Станным он был всегда, и даже благоговение вызывал когда-то. А теперь... теперь, когда она знала, кто он, сумеет ли она встретить Хилле, ничем не выдав себя?

Долго, очень долго ходила Нинкве. Не сняв плаща, мягким и словно обвиняющим голосом она объявила:

— Госпожа моя, властитель наш приготовил пир по вашему вкусу...

Она не договорила. Быстрым шагом вошел Хилле. На его плечах серебрился легкий снежок, в руках была накидка из шелковой ткани сочного янтарного цвета.

Он взмахнул перед Исмей плащом с янтарными застежками на горле и запястьях:

— Подарок для моей госпожи, — и словно кнутом хлестнул плащом по Исмей. — А, пир уже готов... что ж, будем веселиться по обычаю вашего народа.

Она не могла вырваться из его цепких рук, плащом словно сетью поймал он ее. Холодом пронзил ее страх, пересохло во рту. Зачем понадобилась она ему?.. Сейчас она узнает все, и нет путей к спасению!

Но пока он вел ее через двор, слова его были приветливы. Со стороны они и в самом деле могли показаться мужем и женой — закончилась разлука, счастливы они и могут наконец побыть вместе. Изю всех сил сдерживала Исмей страх, чтобы не отнял он те силы, что потребуются ей для отчаянной попытки спастись.

Они вошли в комнату с зеркалом, там было светлее, но резная фигура чудовища теперь стояла лицом к двери.

Хилле стиснул ее руку. Неужели она выдала себя, вздрогнув? Но перед этим демоном дрогнет каждый. Обхватив ее за плечи, Хилле вытянул вторую руку к чудовищу. Тварь ше-

вельнулась, потянулась вперед, словно пошла к хозяйской руке, наконец пальцы его легли на иззубренный загривок. Но ведь это просто изваяние... не живое существо!

Хилле негромко рассмеялся.

— Вы не испугались, госпожа моя? Разве я не предупреждал вас, что искушен в странных науках? Теперь вы видите, что и мои слуги тоже не вполне обыкновенные. Но пока я не дам ему свободу, пусть подождет и покараулит. Вперед!

Страх одолевал ее. Она могла ожидать от него только худшего из зол — в этом она не сомневалась. Но ведь была она из рода воинов, привыкших биться, защищать свою землю и не просить пощады у врага даже перед лицом смерти.

Под покровом плаща, которым Хилле окутал ее, нащупала она змейку. Ключ... к чему?

Но отбросила она пустые надежды, ведь Хилле вел ее все выше и выше, через мастерскую в зал с колоннами. Со словами:

— Приветствую вас, госпожа моя, в сердце Квейса. Тайно хотели вы разведать его секреты, а теперь узнаете все сами. Только понравятся ли они вам?

Он втолкнул ее в зал, силой провел в центр и развернул лицом к тем двоим.

— Ты называешь себя госпожой Квейса, Исмей из Долин. Посмотри-ка на истинную властительницу Квейса, Яаль Далеко Замышляющую. Впрочем, где сейчас ее замыслы, сказать трудно, ведь только мысли ее могут теперь передвигаться. Из числа Великих она, и вы, выскочки, не можете даже в мыслях равняться с нею. Когда твои дикари-предки еще ковыряли корешки, она давно уже правила здесь.

И он поглядел на Яаль с ненавистью и уважением. Исмей никогда не видела его столь возбужденным.

— Яаль... Таких, как она, вы, невежды, не можете даже представить себе. Так же, как и Квейс, каким он был и каким станет вновь... Теперь у меня хватит на это воли и умения.

И ты помогла мне в этом, девка, и благодари за это жалкую силенку, перед которой ты преклоняешь голову. Иначе... Иначе словно блоху раздавил бы я тебя и бросил в огонь. Ты принесла мне семя, из которого вырастет многое. Слышите это, госпожа моя Яаль? Вы думали — конец моей силе придет, если кончится янтарь? Но вы недооценивали меня и жадность этих варваров из Долин!

У меня опять есть янтарь! И многими таинственными путями я умею использовать его. Слышите это, Яаль!

И он поднес руку к столбу, но не дотронулся до него.

Глаза Яаль были широко открыты, но Исмей не могла ничего прочесть в них, словно исчезла из глаз женщины искра жизни. Хилле расслабил руку. Подобрал плащ, Исмей склонилась в глубоком поклоне перед узницей в колонне.

— Что ты делаешь, девка? — заорал Хилле.

— Разве не сказали вы, господин мой, что женщина эта и есть госпожа этого замка? — Исмей сама не понимала, почему говорит эти слова, словно подсказывал их кто-то другой. — Тогда мне следует быть с ней почтительной. А он... — она кивнула в сторону другой колонны, — если она госпожа, значит, он — господин здесь?

С перекосившимся от злобы лицом Хилле ударил ее с такой силой, что она не сумела устоять на ногах. Удар отбросил ее на пол, к колонне; цепляясь за нее руками, Исмей стала подниматься.

В руке Хилле теперь поблескивала золотая веревка. Со словами, бессмысленными для Исмей, он бросил ее словно аркан. Петля скользнула на пол, окружив Исмей кольцом. Лицо Хилле вновь стало спокойным. Он взял себя в руки.

— Ну, а теперь, девка, я, пожалуй, получу удовольствие. Правда, это будет долгий процесс, теперь-то я позабочусь об этом.

Он вышел. Исмей была потрясена. Сверкающее кольцо вокруг нее, которое теперь она могла оглядеть, состояло из янтарных бусинок, нанизанных на цепочку. Зачем оно Хилле, непонятно.

Но Хилле вышел, а раз змейка — ключ, она сама укажет ей замок. Исмей сделала шаг вперед и поняла, что не в силах поднять ногу над янтарным кольцом. Как в клетке вдруг оказалась она.

На мгновение страх сковал ей уста, но потом вернулись к ней силы, и она заставила себя думать, а не чувствовать. Ясно было, что великие силы служили Хилле. Эти двое были его пленниками, врагами, а значит, союзниками для нее. Если бы только они могли помочь ей...

Змейка — это ключ. Но как применить его? Исмей поглядела на женщину, потом на мужчину. Теперь она была ближе к мужчине. Облизнув губы, она думала о ключах и замках...

Обычного замка нигде не было видно, по ведь и змейка не была обычным ключом. Замок... Неужели люди заперты в колонне?... Она отвернула рукав, протянула руку и головкой змейки прикоснулась к янтарной колонне.

Кольцо огня вдруг охватило ее руку, она вскрикнула от боли, но не отвела ее.

Янтарная колонна начала изменяться. Там, где ее коснулась головка змейки, она помутнела, потемнела, зазмеились трещины, посыпались на пол куски янтаря, становясь под ногами пылью.

Дрожь пробежала по телу освободившегося узника. Она увидела, как, задыхаясь в нахлынувшем воздухе, задышал он, трясущиеся руки потянулись к лицу, словно хотел он убедиться, что не изменилось оно.

Он не глядел на нее, только вышел из колонны и стоял, лишь головой вертел из стороны в сторону, будто бы зрение постепенно возвращалось к нему.

Если ему нужно было оружие, времени на поиски не было отпущено.

Отрывистое шипение раздалось с лестницы. Исмей закричала. Там стояло чудовище из нижнего зала, поводя ужасной головой, как змея перед броском.

Мужчина спокойно стоял перед чудовищем, и Исмей подумала, что ему не устоять. Но он поднял руки и что-то начертил в воздухе указательными пальцами.

В воздухе загорелись линии, они скрещивались, сливались в решетку, изменялись. А потом он поднес слегка сжатые кулаки ко рту, словно трубу, и пробормотал что-то.

Слов Исмей не разобрала, слышалось только повторяющееся бормотание. Чудовище топталось на месте, бронированный хвост беспомощно хлестал из стороны в сторону, шипы на загривке стояли дыбом. А мужчина вновь и вновь повторил три ноты.

Тогда...

В воздухе полыхнула синяя молния, столь же отталкивающая, как и свет свечой. Чудовище, ободрившись, двинулось вперед, мотая головой, словно под градом ударов.

Но не поколебался мужчина. Громче стал его шепот. У стены палаты что-то мелькнуло... Там, за свечами, кто-то крался вдоль стены.

Даже не разглядев черт бледного лица, Исмей поняла — Хилле! И крался он не к освободившемуся пленнику, а...

Стол! Стол, на котором лежали принадлежности черного мага. Похоже было, что бывший пленник еще не заметил его.

Исмей хотела крикнуть, но голос ей не повиновался. Должно быть, виной тому было кольцо вокруг ног. Но если раз она уже воспользовалась змейкой, то неужели не получит снова?

Она протянула руку и, естественно изогнувшись, попыта-

лась дотянуться до окружавшего ее кольца. Вспышка адского синего огня ослепила ее. Она закричала, закрывая руками лицо от яростного блеска. Не жаром веяло снизу — свирепый свет бил в глаза.

Она почти ничего не видела. Слезы текли по щекам, словно плотная вуаль легла на глаза. Хилле она более не могла разглядеть.

Поводя руками наугад, она нащупала гладкую поверхность второй колонны. Если змейка освободила мужчину, значит, она способна освободить и Яаль?.. Исмей прикоснулась браслетом к янтарной тюрьме.

На сей раз результата своих действий она не видела, только слышала треск и стук падающих обломков. Пыль запорошила ей руки и одежду. Кто-то шевельнулся рядом. Чьи-то руки подхватили ее, поддерживали, прислонили к чему-то. А потом руки исчезли. Яаль шла к столу, Исмей ковыляла следом. Постепенно зрение возвращалось к ней.

Полыхали синие молнии. Чудовище подошло уже к первому ряду колонн, оно раскачивалось из стороны в сторону, ядовитая слюна стекала из пасти. Рука Исмей сжала амулет Гунноры.

Яаль подошла к столу, Хилле был уже там. Они стояли лицом друг к другу. Ненависть и злоба мерзко исказили его лицо, губы расплющились в зверином оскале, словно бы за ними таились такие же ядовитые клыки.

Молниеносно рука его сомкнулась на рукоятке ножа. Он полоснул острым лезвием по ладони, кровь хлынула было из раны в подставленную чашу. Но Яаль повела пальцем, и рана тут же зарубцевалась. Лишь одна-две капли оказались в чаше.

— Не так, Хилле, — тихо сказала она, но голос этот заглушил и шипение чудовища, и удерживающее его на месте заклинание мужчины. — Даже с помощью твоей крови не смеешь ты...

— Мне лучше знать, что я могу, а что нет! — крикнул он. — Я — Хилле, повелитель!

Яаль покачала головой.

— По небрежности нашей стал ты повелителем. Кончилось твоё время, Хилле!

Не поворачивая головы к Исмей, она протянула к ней правую руку.

— Да грядет змей, — приказала она.

Словно бы понимая, что следует делать, Исмей подняла руку и почувствовала, что браслет ожил. Скользя по руке,

змейка взвилась в воздух, упала в подставленную ладонь Яаль и вновь молниеносно охватила ее руку браслетом.

Хилле дернулся, чтобы перехватить его, но опоздал.

— Теперь... — Яаль подняла руку, свернувшаяся в кольцо браслета змейка жила, голова ее качалась, глаза горели желтым огнем:

*Афар, проснись! Столла, явись!
Ворам, предстань! Чашу пролей!
Корни развеи! Чары рассей!
Именем грозным...*

Но если имя и было произнесено, оно потонуло в сотрясшем комнату страшном громе. Исмей съезжилась и крича зажала уши руками.

Чаша на столе бешено закружилась, завертелась, заскакала. Хилле с криком рванулся, чтобы схватить ее. Нож вырвался из его руки и повис прямо перед его носом. Хилле попытался схватить его — нож ускользнул. Вновь и вновь пытался поймать его Хилле, и каждый раз нож, словно бы дразня его, отлетал все дальше. И тут Исмей поняла, что синие молнии погасли, а в заклинании мужчины слышится торжество!

В погоне за ножом Хилле отошел от стола к обломкам двух колонн. И тут только очнулся от овладевших им чар. В резком прыжке, согнувшись, словно мечник в смертельном поединке, обернулся он к ним.

— Нет! — протестующе крикнул он. Словно бы отмахнувшись от болтавшихся над ним чаши и ножа, вытянув вперед руку, неслышно и мягко ступая, шел он вперед, и во взгляде его была столь непомерная злоба, что Исмей отшатнулась назад, за столы. В этот раз он не пытался овладеть своими орудиями зла.

Руки его сомкнулись на кусках необработанного янтара.

— Еще не все, — взвизгнул он. Схватив янтарь, он рванулся к лестнице. Никто не попытался остановить его. Напротив, Яаль направилась к мерзкому столу. Чаша как ни в чем не бывало оказалась на столе, и нож лежал рядом с нею.

Яаль внимательно смотрела, выставив руку со змейкой; головка той раскачивалась из стороны в сторону. Яаль словно бы вспоминала что-то бесконечно важное. А потом, как будто бы решив судьбу Хилле, она повернулась.

Шум в зале затихал. Исмей огляделась. Решетка, соткан-

ная из лучей, таяла. Чудовище шипело и сопело уже на лестнице. Яаль подошла к собрату по несчастью.

— Да будет ум его закрыт для меня. И конец может быть лишь один, мы знали его давно.

Он отвел руку от губ и кивнул:

— Он сделал выбор, и да будут они теперь вместе!

Но Яаль с видимым смущением оглядывалась по сторонам.

— Есть ведь еще кое-что, — медленно сказала она. — Не так ли, Брок?

Он поднял голову, словно приносясь, его ноздри жадно втянули воздух.

— Да, она! — Впервые он глянул на Исмей, как на что-то реальное, живое.

Теперь и Яаль смотрела на нее.

— Она не связана с ним, она носила змейку на руке. А это иная сила. Чары Хилле — это смерть или жизнь во смерти. А она принадлежит жизни. Что за амулет держишь ты, девушка?

Язык не повиновался Исмей, и она в ответ лишь разжала ладонь, на которой лежал амулет Гунноры. Яаль глянула на него и шепнула:

— Ох, как давно ничего подобного не видели стены Квейса. Покровительство Ратонны... Да, Хилле не хватало только этого. Речь вернулась к девушке:

— Почему же он просто не отобрал его у меня?

Яаль покачала головой.

— Такой знак власти можно только подарить. Если попытаться забрать его силой... Вся власть амулета обратится против насильника. С Ратонной нельзя шутить.

— Но мне незнакомо это имя. Это же амулет Гунноры!

— Что есть имя? — спросила Яаль. — Иначе называют одни и те же сущности разные народы. В старину не отворачивала она своего лика от нас и охотно помогала просившим... И если Хилле осмелился бы попытаться использовать ее...

Вмешался Брок.

— Ты знаешь Хилле, он или считает себя всесильным, или пытается перехитрить соперника. Сейчас он думает. Яаль, мы не должны давать ему время на это!

— Звезды совершили полный оборот, змей готов к броску. Сомневаюсь, чтобы он сумел сегодня что-то придумать. И все же пробил его час.

Они пошли на лестницу, Исмей увязалась следом: ни за что не осталась бы она в этом дьявольском месте без спутников.

Чудовище зашипело, припав к полу, кровавые глаза его были обращены на идущих. Брок поднял руку, и в ней оказался меч, темный, как ночь, ни одной искорки не отражалось от него.

Лезвия не было, красно-бурый клинок словно был вырезан из дерева. Но, увидев его, чудовище дрогнуло. Шипя и отплевываясь, отступало оно. Так пришли они в мастерскую Хилле. Ядовитый и отвратительный дым клубился в воздухе.

В центре в облицованной камнем яме пылал огонь. Над очагом на перекладине висел гигантский котел, в который Хилле что-то швырял горстями с ближайшей скамьи. Он читал нараспев заклинания и не обращал внимания на вошедших.

— Что у него, в голове помутилось? — спросил Брок. — Ведь должен бы знать он, что теперь ничего у него не получится.

— Нет, получится... — Яль подняла руку. Желтые глаза змеи загорелись, стали расти, расти, слились в огненно-желтый шар, солнцем заблиставший в темной комнате.

Чудовище жалобно забулькало, взвизгнуло...

И бросилось вперед... но не в сторону лестницы, где стояли трое вошедших, а к своему господину. Пламенем полыхал амулет в ладони Исмей, зеленый огонь потек к яме, затопил ее, но пламя не погасло, языки огня взвились к потолку... Пламя стало зеленым.

Голос Хилле прервался, он взвизгнул, увидев рядом чудовище, попытался отбросить его, но, схватившись в отчаянной схватке, оба они пошатнулись и упали в бурлящий котел.

Сразу же огненный шар погас, зеленое пламя потухло. Жидкость в котле поднялась вдруг до самых краев и спокойно застыла, и под ней ничего не было видно.

Светало. Близился новый день. Исмей привалилась к стене звездчатой башни. И надышаться не могла холодным зимним воздухом после всей мерзкой вони и дьявольской злобы, царившей в башне черного мага. Чудом перенесла она эту ночь. На какое-то мгновение эта мысль вытеснила все остальное.

Потом ладонь Яль легла на ее руку, оба они стояли рядом с Исмей во дворе замка в предутренних сумерках.

— Как печально изменился Квейс, — сказала Яль. — Таким он никогда не был и не мог быть раньше!

— Он может вновь измениться, — отрывисто сказал Брок. — Сгинул червь, поедавший его сердцевину. Теперь у нас есть будущее.

Что же теперь станет со мной? — подумала Исмей. Я не властительница Квейса и никогда не была ею. Возвращаться опять в Долину к новым, еще большим, унижениям?

— Я была женой Хилле, — медленно проговорила она. — И явилась сюда по своей воле, хоть и не знала, какой Хилле на самом деле, но не противилась я судьбе, приведшей меня сюда.

— Чтобы спасти и нас и себя, — глянул на нее Брок. Сходство его лица с Хилле чем-то глубоко тронуло ее, но чем — она не понимала. Нет... он не был похож на Хилле. Именно таким-то и казался Хилле неопытной девчонке. — И ты не была его женой, — продолжал он, — нет у тебя ничего общего с ним. Если бы это было не так, не смогла бы ты носить змея и встать в эту ночь рядом с нами.

— Не жена Хилле ты, а дочь Ратонны! — словно бы одернула ее Яаль. Причудливы бесчисленные нити судьбы. Мы, люди Квейса, — древний народ, и знания дают нам такие силы, что невежественный люд считает нас полубогами. Но мы во многом остались людьми. Потому-то изредка встречаются среди нас и такие, как Хилле. Увы, одной мы с ним крови. Хилле хотел повелевать силами, с которыми не следует и соприкасаться.

— Не только этого хотел он, — вступил в разговор Брок. — Он хотел и...

— Меня? Быть может, но более, чем меня, хотел он того, что думал узнать от меня, и тогда, давно, был он силен, очень силен, пусть и не думали мы, что...

— ...как подколюдная тварь затаился он? — перебила ее Исмей.

— Почти. Долгим было ожидание наше, дочь Ратонны, пока не пришла сюда ты. Ты говоришь, что не владычица ты в Квейсе, но это не так! Хилле хотел получить от тебя истинный янтарь, на который мог нарастить свой, поддельный, дьявольский! Ведь любая ложь растет из зернышка истины. Он хотел использовать тебя, но не сумел. Радуйся и гордись, дочь Ратонны!

— И добро пожаловать в Квейс, — добавил Брок, — на этот раз истинно добро пожаловать, не сомневайся!

И более не сомневалась в этом Исмей ни тогда, ни потом. Хоть и удивлялась иногда, осталась ли в ней хоть частичка той Исмей из Верхней Долины, в ней, преображенной волей судьбы. Так ли важно было это?... Ведь тепла в Квейсе теперь хватало и на нее.

Только никогда более не входила она в заброшенную башню, где в глыбе грубого янтара человек и чудовище сплелись в бесконечном объятии, как в ту страшную ночь.

ЛЯГУШКИ ГИБЛОГО ДОЛА

Перевод
К. Королева

© перевод на русский
язык, Королев К.М., 1992

Andre Norton
THE JOADS OF GRIMMERDALE
Flashing Swords, 2
1973

1 Заиндевевшие сугробы громоздились один на другой. Герта остановилась перевести дыхание. Концом копья, которое служило ей дорожным посохом, она потыкала сугроб впереди. Древко с трудом пробило наст. Герта нахмурилась.

Кроме этого копья, которое она крепко сжимала рукой в рукавице, вооружение девушки составлял висевший на поясе длинный кинжал. В складках одежды спрятан был крохотный узелок с теми немногими вещами, которые Герта забрала с собой, покидая крепость Хорлы. Но главную свою ношу она несла под сердцем, заставляя себя не отступать с намеченного Судьбою пути.

Губы ее плотно сжались. Она вскинула голову — и сплонула. Воздух с хрипом вырвался из груди. Чего ей стыдиться? Неужели Куно ждал, что она будет ползать перед ним на коленях, умоляя о прощении, чтобы он мог показать своим приспешникам, какой он благородный?

Герта оскалила зубы словно загнанная в угол лисица и снова с силой ткнула копьем в сугроб. Ей нечего стыдиться, она не какая-нибудь распутная девка. Война есть война, никуда не денешься. Куно сам, представься ему такая возможность, не удержался бы от того, чтобы не овладеть женщиной из вражеского поселения.

Все бы ничего, однако добросердечный братец выгнал ее из крепости Хорлы! Выгнал потому, что она отказалась выпить приготовленный его ведьмами-поварихами отвар, который, скорее всего, убил бы и плод и ее саму. Умри она — Куно наверняка, преклонив колена у алтаря Громовержца, сказал бы, что, дескать, такова воля Судьбы. И все закончилось бы тихо-мирно.

На какой-то миг Герте стало страшно собственных мрачных мыслей. Куно — Куно ведь был ее *братом*! Два года назад она ничуть в этом не сомневалась. Тогда она вообще всех людей считала своими братьями. А потом ее отправили в Сухой Лог, где молоденькой девушке быстро дали понять, что мир вовсе не таков, каким она его себе воображала.

Герта порадовалась, что так скоро усвоила урок. Тихая простушка, какой она некогда была, ни за что не осмелилась бы пережить Куно, не выбрала бы эту дорогу.

Она ощутила нарастающий гнев. Ей вдруг стало жарко, словно за пазухой у нее внезапно очутилась жаровня с горячими углями.

Герта двинулась дальше, твердо ступая по насту в своих

грубых башмаках. Она ни разу не оглянулась на каменные стены крепости, за которыми вот уже пять поколений обитали ее родичи. Солнце неуклонно двигалось к западу, и медлить было некогда. К тому же тропу начисто замело, и девушке то и дело приходилось нащупывать путь копьём. Но заблудиться опасности не было: Игла Мулмы и Драконье Крыло отчетливо проступали на фоне вечеревшего неба.

Куно убежден, что она вернется. Герта усмехнулась. Куно — он всегда такой уверенный! А с тех пор как отразил нападение шайки дезертиров вражеской армии, которые хотели пробиться к побережью, полагая, очевидно, что там безопаснее, он стал просто невыносим.

Да, Долины свободны. Но Куно ведет себя так, будто все победы одержал он один! На самом же деле лишь напряжением всех сил, укрепив свои рати диковинными союзниками из Пустыни, сумел Верхний Холлек одолеть врагов, разбить их и загнать в море, из-за которого они явились. И ушло на это не год и не два.

Пятнистый Дол война обошла стороной — по чистой случайности. Однако если по твоим землям не прошли огонь и мечом, это еще далеко не причина горделиво рассказывать по оставшимся неразрушенными стенам крепости. Хотя бы признал, что победил на три четверти обескровленного врага!

Герта добралась до водораздела и, не замедляя шага, устремилась дальше. Ветер поработал на славу — здесь, на тропе, совсем не было снега. Девушка подумала, что дорога эта столь старая, одно из немногих сохранившихся свидетельств того, что ее соплеменники — не первые обитатели Долин. В былые времена кто-то другой проложил все здешние дороги, тропы и тракты.

Впереди уже можно было различить очертания потрепанных погодой изваяний у подножия Драконьего Крыла. За долгие годы своего существования изваяния эти так выветрились, что теперь невозможно было сказать, кого они изображают. Тем не менее вытесавшие их когда-то существа явно преследовали определенную цель. И трудились они над скульптурами, по всей видимости, довольно долго.

Добравшись до статуй, Герта рукой в рукавице провела по боку одной из них. Вовсе не потому, что, подобно местным крестьянам, верила, будто изваяния обладают некой чудодейственной силой. Она лишь поблагодарила их за то, что так хорошо указывали дорогу.

Тропа пошла под уклон, и ветер стих. Опять начались

сугробы. До праздника Поворота Года остается всего-то дважды по десять дней. А потом на смену Году Шершня придет Год Единорога, который обещает быть более удачным.

Идти снова стало труднее. Хотя Герта как следует затянула ремни на голенищах, снег все равно набился ей в башмаки и насквозь промочил портянки. Однако девушка упорно шагала дальше.

Дорога скрылась в зарослях вечнозеленого кустарника. В свете заходящего солнца листва его казалась темной, почти черной. Тесно переплетенные между собой ветви не дали снегу засыпать тропу. Герта по ледяному мостику перешла через бежавший по кустарнику ручей и повернула на восток — к Святилищу Гунноры.

По пути она миновала рожицу зачахших от зимних холодов деревьев. В наружной стене святилища был проход в форме арки. Герта решительно ступила под его своды.

Оказавшись во внутреннем дворе, она увидела перед собой низенькое здание. У двери, по сторонам которой на девушку по-кошачьи сонно таращились два круглых оконца, висел тяжелый металлический колокольчик или дверной молоток — определить наверняка было трудно. Он имел форму символа Гунноры — спелый пшеничный колос, обвивающий усыпанную плодами ветвь.

Поставив копые у стены, чтобы не мешало, Герта позвонила. Раздался не звон колокольчика, а странный глухой звук, как будто кто-то произнес фразу на незнакомом девушке языке. Однако, хотя и была тут впервые, Герта почему-то не испугалась.

Створки двери разошлись. За ними никого не оказалось, но Герта поняла, что ее приглашают войти. Внутри дома было тепло, сладко пахло травами и цветами. Походило на то, что, сделав один только шаг, она как будто перенеслась из холодной, мертвенной зимы в полную жизни весну.

На сердце сразу полегчало. Морщины на лбу Герты разгладились, и даже спина вроде стала болеть поменьше.

Помещение освещали два фонаря. Они висели на колоннах справа и слева от входа.

Девушка стояла посреди узкого коридора. Изображенные на стенах цветы были нарисованы так искусно, что на мгновение ей показалось, будто она очутилась в саду. Внезапно цветочный ковер впереди зашевелился, и она поняла, что там занавесь, узор которой повторяет рисунок на стене. По-прежнему никто не спешил навстречу Герте; она протянула руку к занавеси.

Но прежде чем девушка коснулась ткани, та отдернулась сама собой, и перед Гертой открылась большая комната. Она увидела стол с придвинутым к нему стулом. Некоторые из стоявших на столе блюд накрыты были крышками — наверно, для того, чтобы их содержимое не остыло. Девушка заметила еще хрустальный бокал, наполненный какой-то зеленой жидкостью.

— Ешь... пей... — прошелестел голос.

Вздрогнув, Герта обернулась. Никого. И тут она поняла, что безумно голодна. Она бросила на пол копьё, положила рядом свой узелок, уронила с плеч плащ и опустилась на стул.

Она сказала, обращаясь неизвестно к кому:

— Благодарю тебя, податель еды. Спасибо за тепло и радушие. Хозяйка этого дома, желаю тебе удачи и ясного неба поутру.

Слова повисли в воздухе.

Герта улыбнулась неожиданной мысли. Ведь это — Святилище Гунноры. Неужто Великая нуждается в благодарениях смертных?

Тем не менее девушке показалось, что она поступила верно.

Ей никто не ответил, хотя она на это рассчитывала. Переборов смущение, Герта принялась разглядывать еду. Яства, которые ее пригласили отведать, были под стать праздничному столу Владыки Долин. Зеленый напиток, теплый и с привкусом трав, освежил ее. Она пила его маленькими глотками, пытаясь определить, на чем он настоен.

Перепробовав все, что было на столе, девушка подняла крышку с самого большого из блюд. Это оказался тазик с теплой водой, на поверхности которой плавали лепестки цветов. Цветы среди зимы! Герта вымыла руки, вытерла их лежавшим поблизости полотенцем и откинулась на спинку стула, гадая, какие еще чудеса уготовила ей Гуннора.

В комнате как будто стало тише. Герта пошевелилась. Разве в святилище нет жриц? Кто-то ведь приготовил еду и пригласил ее к столу.

Она пришла сюда не просто так! Она не может попусту терять время!

— Великая. — Герта встала. Девушка обращалась к пустой комнате. В дальнем конце помещения, правда, была дверь, но она оставалась закрытой.

— Великая, — повторила Герта. Она никогда не была особенно верующей, хотя соблюдала пост, приносила жертвы,

чтобы был богатым урожай, держалась советов оракула Астрона, которыми тот наделял прихожан на заутрене. Когда она была совсем еще маленькой девочкой, мачеха подарила ей яблоко Гунноры, наказав носить его как амулет. Однако вступив в брачный возраст, Герта вынуждена была положить это яблоко на домашний алтарь, ибо таков был обычай. О таинствах Гунноры она знала только то, чем делились с ней подружки, когда мужчины оставляли их одних. Гуннора покровительствовала женщинам: так что, если носишь в себе другую жизнь, поневоле станешь прислушиваться...

Опять молчание в ответ. Нетерпение сменилось иным чувством — благоговением, а быть может, и страхом. Но что Гунноре до законов, установленных людьми? Ее благосклонности может искать и порядочная женщина, и самая последняя шлюха.

Внезапно и бесшумно распахнулась та, другая дверь. Еще одно приглашение? Оставив лежать на полу под плащом копье и узелок, Герта подошла к дверному проему. Здесь аромат цветов и трав ощущался сильнее. У резной колонны возвышалась подобно алтарю кровать; в голове и в ногах ее стояли две жаровни, из которых клубами поднимался к потолку пахучий дымок. Резной узор на колонне был все тот же — колосья и ветви.

— Отдыхай, — вновь прошелестел голос. Герта, которой вдруг неудержимо захотелось спать, как некоторое время назад — есть, подошла к кровати и медлительно улеглась, вытянувшись во всю длину своего усталого тела. У нее болела каждая косточка. Загустевший дым накрыл ее точно одеялом. Она смежила веки.

Ей привиделась комната, большая часть которой тонула в полумраке. Герта ощущала присутствие других людей: они приходили и уходили, оживленно беседуя между собой. Однако никто из них не обращал на девушку ни малейшего внимания. Потом вдруг одна из фигур приблизилась, и она увидела хорошо знакомое, хотя и немного позабытое за годы разлуки, лицо.

— Элфреда! — воскликнула она. Или подумала? Трудно сказать. Мачеха улыбнулась Герте, сложив руки в древнем приветствии.

— Голубка моя, голубка, — слова успокаивали словно исцеляющая мазь, наложенная на свербящую рану.

Герте вспомнились вдруг все события прошедших лет, и она не смогла удержаться от слез. Выплакавшись, девушка

почувствовала, что ей стало легче. Тень Элфреды повлекла ее за собой мимо с головой ушедших в работу людей в залитую светом келью. Там их ждали. Герта невольно опустила глаза: таким ослепительно ярким было заполнявшее комнату сияние. Она услышала вопрос и ответила на него со всей искренностью:

— Нет, я не хочу лишиться того, что ношу в себе.

И прижала руки к животу.

Сияние сделалось еще ярче. Герта заговорила снова, отвечая уже на другой вопрос:

— У меня две просьбы. Чтобы этот ребенок был только моим, чтобы не унаследовал ни черточки от того, кто овладел мной. И чтобы тому, кто не будет его отцом, пришлось ответить за свои грехи.

Довольно долго ничего не происходило. Потом вдруг из самого центра сияния вырвался луч света. Хотя Герта не была искушена в тайнствах Гунноры, она поняла, что это означает.

Ее первая просьба услышана. Ребенок, который родится, будет только ее ребенком. И судьба его в надежных руках.

Герта подождала, но продолжения не последовало. Сияние померкло — Великая ушла. Но Элфреда осталась, и девушка обернулась к ней:

— А как же вторая просьба?

— Мечь — не для Великой, — покачала головой тень. — Она дарит жизнь, а не смерть. Ты избрана породить нового человека, и в этом она тебе поможет. Что же до остального... Нужно идти другой дорогой. Но заклинаю тебя, не ходи, — ибо тьма порождает мрак.

Произнеся эти слова, Элфреда исчезла. Герта осталась одна. И погрузилась в глубокий сон, который не нарушали никакие сновидения.

Проснувшись, она почувствовала себя отдохнувшей душой и телом, как будто, пока она спала, кто-то поставил ей пивавки, которые вытянули все болезни и напасти. Сколько прошло времени, она не знала. Уголья в жаровнях остыли, аромат цветов был едва ощутим.

Герта опустилась на колени у колонны и коснулась лбом пола в безмолвной благодарности.

Но ни целительный сон, ни предостережение Элфреды не смогли ничего поделать с пылавшей в ее груди жадой мести.

Выйдя в соседнюю комнату, Герта обнаружила, что стол накрыт. Она перекусила, раздумывая, куда направиться. Родичи — ни ближние, ни дальние — не дадут ей приюта. Изгнав ее, Куно тем самым объявил о ее позоре всему свету.

В пояс ее зашито несколько бриллиантов, отнюдь не чистой воды, да немного монет. Она умеет читать, писать, петь, но этим на жизнь не заработаешь. Умеет различать травы, готовить мази, вышивать — ну кому все это надо?

Герта расстроилась, но лишь чуть-чуть. С самого момента пробуждения девушка ощущала в своем сердце тихую радость и странную уверенность, что все будет в порядке. Она решила заглядывать в будущее не далее, чем на день.

Если идти прежней дорогой, то вскоре доберешься до двух крепостей. Сначала Северный Дол, маленькое поселение, скорее всего, пришедшее в упадок. Его правитель погиб в битве у Милосердного перевала вместе с сыном-наследником два года назад. И кто там теперь управляет — неизвестно. Быть может, крепость вообще заброшена. А дальше — Гиблый Дол.

Гиблый Дол! Герта поставила на стол пустой стакан. Гиблый... Дол...

Гиблый Дол был местом не менее таинственным, чем Святилище Гунноры. И если верить ходившим про него слухам, куда более опасным. Быть может, горная тропа, древностью не уступавшая этой крепости, изначально вела именно туда.

Герта стала вспоминать, что ей известно о Гиблом Доле. Там, где-то высоко в горах, есть Круг Лягушек. Люди поднимаются туда, чтобы попросить об исполнении своих желаний. По слухам, все просьбы выполняются. Что говорила Элфреда? У Гунноры требовать смерти бесполезно, надо избрать другой путь. Быть может, разгадка ее непонятной фразы — Гиблый Дол?

Герта с вызовом огляделась — не почувствует ли осуждение в самой атмосфере комнаты. Но ничего подобного не случилось.

— Благодарю за еду, — произнесла она, как полагалось по обычаю, — благословляю приют и, выходя в дорогу, желаю только добра.

Скрепив плащ застежкой у горла, она накинула на голову капюшон. И, держа в одной руке узелок, а другой сжимая копьё, вышла на солнечный свет. Взгляд ее устремлен был на далекие горы — за ними лежал Гиблый Дол.

К полудню она добралась до окружавших Северный Дол утесов и задержалась, чтобы получше разглядеть крохотное поселение внизу. Оно было обитаемым: из труб поднимался дым, на снегу виднелись следы санных полозьев и ямки,

оставленные ногами людей. Сама же крепость выглядела заброшенной и не подавала признаков жизни.

Сколько еще осталось пути до Гиблого Дола, Герта не знала, а зимой темнеет быстро. Один из домиков внизу был побольше других. Некогда Северный Дол постоянно служил привалом пастухам, тащившим тюки с овечьей шерстью на рынок в Комм Хай. Конечно, какой там нынче рынок, однако постоянный двор, быть может, еще существует и ей не откажут в приюте.

Дорогу вниз развезло, и Герта совсем запыхалась, пока добралась до замеченного с горы дома. Она не ошиблась: над дверью были прибита поблекшая от времени вывеска, которая извещала, что здесь находится постоянный двор. Навстречу девушке попались двое мужчин. Они так уставились на нее, словно она была не она, а какой-нибудь дракон. Видно, чужаки редко заглядывали в Северный Дол.

Едва Герта открыла дверь, в нос ей ударил запах пищи, крепкого деревенского эля и пота многих человеческих тел, долго пребывавших в непроветриваемом помещении.

В одном конце комнаты располагался камин, такой огромный, что в него легко поместилось бы приличных размеров бревно; в нем жарко пылал огонь.

Обстановка была небогатой: большой стол с лавками посреди залы да столик поменьше, заставленный посудой, у камина. Служанка в засаленном платье и двое сидевших возле камина мужчин воззрились на Герту, не пытаясь скрыть изумления.

Девушка откинула капюшон и, преисполненная веры в себя, улыбнулась им:

— Счастья вашему дому.

Какое-то время они молчали. Видно, их так ошеломило ее появление, что они утратили дар речи. Потом служанка, вытерев руки об и без того уже жирный фартук, сделала шаг вперед.

— И вам того же... — она помолчала, оценивая материал, из которого был сшит плащ Герты, и ее манеру держаться, — ...госпожа. Чем мы можем услужить вам?

— Мне нужна еда и постель — если она здесь есть.

— Еду-то мы найдем, но простую и грубую, госпожа, — пробормотала служанка. — Подождите, я позову хозяйку.

Она выбежала из залы, захлопнув за собой дверь с такой поспешностью, будто опасалась, что Герта пойдет следом.

Но девушка, отложив копье и узелок, расстегнула плащ и

подошла к камину. Зубами она стянула с замерзших рук рукавицы. Сидевшие на лавке мужчины молча подвинулись. Взгляды их по-прежнему выражали изумление.

Герта считала, что одета просто. Ее юбка-брюки для верховой езды, чуть укороченные, чтобы удобнее было карабкаться по холмам, уже изрядно пообтрепались. Шитье на куртке было ничуть не пышнее, чем у какой-нибудь крестьянской дочки. Туго стянутые в пучок волосы перехвачены самой обыкновенной шелковой ленточкой. Однако судя по тому, как разглядывали ее эти двое, им платье Герты представлялось праздничным нарядом.

Девушка попыталась принять безразличный вид.

В залу влетела дородная женщина. Чепец, шаль на покатых плечах, юбка немногим чище служанкиной.

— Милости просим, госпожа! Милости просим! Хенуин, Сим, а ну-ка вставайте! Пустите госпожу к огню!

Мужчины торопливо вскочили.

— Малка сказала, что вы нуждаетесь в ночлеге. Мы рады будем услужить вам.

— Благодарю.

— Ваш муж, он снаружи? У нас есть конюшня...

Герта покачала головой.

— Я одна и пришла пешком.

Заметив выражение лица хозяйки, она прибавила:

— В такое время нужно покорно принимать дары Судьбы.

— Увы, госпожа, как это верно! Садитесь же! — Женщина собственной шалью смахнула с лавки пыль.

Комната, которую ей выделили, похоже, довольно долго пустовала. Лежа на подогретом у камина белье, понимая, что лучшего ей никто здесь не предложит, Герта размышляла над тем, что ей удалось узнать у хозяйки.

Северный Дол в самом деле пришел в упадок. Вместе с правителем и его сыном погибло много достойных людей. Те, кто уцелел и вернулся, не способны были возродить некогда процветавшее поселение. Дорогой, по которой она пришла, пользуются теперь редко: если уж на то пошло, никто чужой здесь не появлялся с начала зимы. На востоке и на юге дела вроде бы обстоят получше, и потому словам Герты, что она, мол, идет к живущим там родичам, довольно легко поверили.

Кое-что удалось выведать и о Гиблом Доле. Там тоже имелся постоялый двор, побольше здешнего. Когда хозяйка упомянула про это, глаза ее завистливо блеснули. Мимо тамошнего постоялого двора бежала с запада на восток

дорога, по которой ныне возвращались домой рекруты. Жена хозяина двора, ревнивая по натуре, выгнала из дома всех слуганок.

Расспрашивать про Лягушек Герта не рискнула, да и хозяйка мимоходом заметила, что дальше Гиблого Дола по Старой Дороге лучше не ходить. А если уж так приспичило, куда спокойнее выйти на тракт и продолжать путь по нему, хотя там тоже не все гладко и разбойники прячутся чуть ли не за каждым кустом.

Как ей поступить, Герта еще не знала, но готова была ждать, сколько надо, чтобы решение созрело.

2 Потолок в зале трактира был низким: посетители почти касались головами поперечных балок. С них свешивались масляные лампы. Света от ламп было чуть, а коптели они нещадно. В дальнейшем конце комнаты резная перегородка скрывала за собой стол, на котором горели сальные свечи. Смерд от них мешался с множеством других малоприятных запахов.

Народу в зале сидело достаточно для того, чтобы у Улетки Рори развязался язык. Стоя у освещенного свечами стола и выказывая тем самым особое почтение своим гостям — о, уж благородную-то кровь она распознает с первого взгляда, будьте покойны — хозяйка успевала еще следить за двумя половыми, которые носились от стола к столу.

Однако Улетка обманулась, хотя и перевидала на своем веку немало путников. Да, конечно, один из троих — младший сын здешнего правителя. Но кровавая буря уничтожила его фамильную крепость, и в Узком Доле не осталось никого, кем бы он мог править. Другой — прежде служил командиром лучников в дружине какого-то там князя — вернее, был назначен на это место после того, как погибли трое его предшественников, куда лучше справлявшихся со своими обязанностями. А с третьим — вообще непонятно. Он мало говорил, предпочитая отмалчиваться, и собутыльники его не могли сказать, откуда он взялся.

Возрастом он был где-то между своими товарищами. По крайней мере так хозяйке показалось сначала, но потом она засомневалась, поскольку он принадлежал к числу тех худощавых, жилистых мужчин, которых, начини они отпускать бороду, легко принять и за юношу, и за человека средних лет. Правда, бороды у него не было — подбородок и щеки такие

гладкие, словно он побрился лишь час назад. Нижнюю челюсть, самую чуточку захватывая уголок рта, пересекал шрам.

Волосы его были острижены короче, чем полагалось по моде, — быть может, для того, чтобы удобнее было надевать тяжелый шлем, который лежал сейчас на столе по правую руку от рыцаря. Вид у шлема был достаточно потрепанный; гребень, некогда украшавший его сверху, снесенный мощным ударом, превратился в металлический обрубок.

Однако кольчуга, которая виднелась из-под поношенного плаща, прорех как будто не имела. Вложенный в ножны у пояса меч с простой рукоятью, прислоненный к стене боевой лук — все говорило о том, что человек этот сделал войну своим ремеслом. Но если он и был наемником, то явно не из тех, кому на войне повезло. Наметанный глаз хозяйки не заметил ни драгоценных запонок, ни искусной работы пряжек — вещей, которыми такие, как он, расплачивались обычно за ночлег. Однако когда рыцарь протянул руку, чтобы взять стакан, на запястье его сверкнул вдруг браслет — широкая полоска золота, усеянная разноцветными камнями и украшенная такой затейливой резьбой, что разобраться в ее хитросплетениях с первого взгляда было попросту невозможно.

Он сидел, прикрыв глаза, словно погруженный в размышления. Но на самом деле внимательно прислушивался — не столько к полупьяной болтовне товарищей, сколько к возникавшим тут и там в зале разговорами.

В трактире этим вечером собрались обычные посетители: крестьяне, пришедшие посидеть за кружкой домашнего ячменного пива и поболтать с соседями, бродячие вояки, потерявшие службу из-за того, что князья их погибли или разорились настолько, что не в состоянии были содержать наемные дружины... Война закончилась победой, но земля лежала выжженная, бесплодная. Потребуется немало времени и усилий, чтобы возродить Верхний Холлек.

То, что прибывшие из-за морей захватчики не успели утащить к себе на корабли, они уничтожили, когда стало ясно, что дело оборачивается против них.

Вместе с другими ратниками он оказался тогда в еще дымящемся порту, чтобы преградить дорогу тем из врагов, кто не успел вернуться на корабли и остался на прибрежном песке: с одной стороны — угрюмое море, а с другой — люди из Долин.

Порт дымился: горели облитые маслом и подожженные запасы провианта. Вонь стояла такая, что даже воины порой теряли сознание. Опустошив страну, враги устроили этот пожар, чтобы вызвать всеобщий голод — дело ведь происходило посреди зимы. От лета жителей Долин отделяла долгая череда холодных дней, да и лето — не спасение: придется дожидаться урожая. Если он будет, этот урожай, если найдется достаточно зерна для сева, если в верхних долинах сохранились овечьи отары, если стада одичавшего скота смогут найти себе пропитание на границах Пустыни и снова начать размножаться.

Многие долины совершенно обезлюдели. Мужчины погибли в боях; женщины, если повезло, бежали в глубь страны, попали в рабство к захватчикам — или тоже погибли. Быть может, погибшим повезло больше всех. Да, дела-делишки...

Он поставил стакан на стол. Другая его рука легла на рукоять меча, пальцы крепко сжались. Однако взгляд рыцаря был устремлен на перегородку.

В такое вот время человек, не обделенный умом и достаточно смелый, может начать новую жизнь. Именно эта мысль погнала его сюда, заставила отказаться от службы у Фритигена из Цветущего Дола. К чему командовать лучниками, когда можно добиться большего, гораздо большего?

До Гиблого Дола захватчики не добрались, зато дальше есть края, которые подобная удача обошла стороной. Он намерен отыскать один из них — такой, где вряд ли объявится соперник. А если там обнаружится княгиня, которая не покинула родовую крепость, — что ж, тем лучше. Он облизнул нижнюю губу, словно в предвкушении особенно вкусного блюда. Он не особенно верил всем этим рассказам насчет удачи или невезения. Он считал, что человек сам творит свою судьбу, зная, чего хочет, и не сворачивая ни на шаг с намеченного пути.

Однако сейчас он не мог отделаться от мысли, что если желает исполнения своей мальчишеской мечты, то должен действовать и пошустрее.

Он, Тристан ниоткуда, в конце концов станет князем Тристаном, правителем какой-нибудь не особенно захудалой долины. А чтобы так случилось, надо действовать — и немедленно.

— Наливай! — Молодой Урре, сидевший рядом с Тристаном, с такой силой ударил пустой кружкой по столу, что одна

из свечей покачнулась, брызнув вокруг каплями горячего жира. Выбравшись, Урре швырнул кружку через перегородку, и она со звоном запрыгала по каменному полу общей залы.

Хромой служка наклонился и подобрал ее, бросив испуганный взгляд на Урре и на хмурую хозяйку, которая уже спешила к знатым посетителям с подносом; на подносе в такт ее шагам позвякивали полные кружки. Тристан отодвинулся от стола. Все — как обычно, как бывало уже не раз. Урре напьется вдрызг, и его развезет, причем не столько от этого пошла, которое здесь, в горах, именуют вином, сколько от жалости к самому себе. Он начнет сокрушаться о том, что потерял, и ему вовсе не приходит в голову, что он мог бы кое-что и приобрести.

Онсвэй будет внимательно прислушиваться к его бормотанию, разыгрывая из себя вассала. Но как только у Урре кончатся деньги и его родственные связи перестанут доставлять им пропитание и крышу над головой, Онсвэй тут же сбежит.

Пожалуй, пришла нам пора расстаться, подумал Тристан. Толку от них никакого, да и попутчики они не из приятных.

Но трактир покидать еще рановато. Ведь постоянный двор этот расположен на большой дороге, и даже дня, проведенного тут в безделье, хватит, чтобы разжиться полезными сведениями. Кроме того, он уже присмотрел себе двоих товарищей на будущее.

Кошелек у него не такой пухлый, чтобы можно было повертеть золотой монетой перед носом лучника или копейщика и предложить им службу. Потому нужно искать людей наподобие его самого — перекати-поле, готовых поймать удачу за хвост, способных оценить преимущества службы у человека, который жаждет возвыситься.

Чтобы покорить оставшихся без хозяина крестьян, вовсе не обязательно иметь под началом армию. Долине без правителя, с полдюжины опытных, хорошо вооруженных бойцов за спиной — и дело в шляпе.

Его обуяло радостное волнение, как случалось всякий раз, когда он доходил до этого места в своих мысленных рассуждениях. Но он давно научился не выказывать открыто чувств, чем резко отличался от большинства товарищей-наемников, хотя всячески старался затушевать разницу. Он вовсе не был святым, он грабил, распутничал, убивал — но знал меру.

— Пойду спать. — Он поднялся и взял лук. — Дорога была долгая...

Урре его скорее всего не услышал; внимание юноши целиком поглотил приближавшийся поднос с кружками. Онсвэй с отсутствующим видом кивнул — он, как обычно, во все глаза следил за Урре. Однако хозяйка отреагировала немедленно:

— Спать, достойный господин? С вас три монеты. Камин в комнате разжечь?

— Да.

Хозяйка кликнула служку. Тот подковылял к Тристану, вытирая грязные руки о черные от копоти лохмотья фартука, обязанного вокруг талии.

Если помещения в нижнем этаже трактира были довольно просторными, то наверху картина была совершенно иной. Комната, в которую служка привел Тристана, походила скорее на конуру; единственное окошко закрывал ставень, удерживаемый тяжелым засовом. На полу валялись сухие стебли тростника. Прямо на них стояла грубо сколоченная кровать с грудой наваленных постельных принадлежностей. Обещанный камин начисто отсутствовал. Комнатку кое-как обогревала жаровня на ножках, в которой тлело несколько угольков. Стулом возле кривобокого сундука явно пользовались в качестве стола. Служка поставил на него свечу и хотел было уйти, но разглядывавший окно Тристан окликнул его.

— Эй, приятель, в какой осаде вы тут отсиживались? Посмотри, как заржавел засов!

Мальчишка прижался к дверному косяку. У него отвисла челюсть. Выглядит как полоумный, усмехнулся про себя Тристан. Но во взгляде служки, устремленном на окно, было не только слабоумие, — в нем отчетливо читался страх.

— Ляг-г-г... лягушки, — еле выговорил он. Подняв ладони на уровень груди, он так стиснул пальцы, что костяшки побелели.

Тристану довелось слышать разные прозвища врагов, но вот лягушками их еще никто не называл; и потом, насколько ему известно, до Гиблого Дола они не добрались.

— Лягушки? — переспросил он.

Мальчишка повернул голову так, чтобы не глядеть ни в окно, ни на Тристана. Он явно замышлял бегство. Мужчина легкими, бесшумными шагами пересек узенькую комнатку и взял служку за плечо.

— Что за лягушки такие? — потрянул он парня.

— Лягушки... те самые... — мальчишка, видно, думал, что

Тристан понимает, о чем речь. — Они... они сидят посреди Стоячих Камней... те, что делают зло людям...

Его тонкий голосок стал едва слышен.

— Все знают про Лягушек Гиблого Дола!

Внезапным движением, доказывавшим, что убегать ему не впервой, он вырвался и исчез за дверью. Мужчина не стал его преследовать.

Блики единственной свечи играли на его нахмуренном лице. Лягушки, Гиблый Дол — что-то смутно знакомое. Надо порыться в памяти. Что ему известно о лягушках и о Гиблом Доле?

Через долину эту вел один из торговых путей. Раньше им пользовались лишь пастухи, перегонявшие скот, но когда на южной, главной дороге в порт появились вражеские патрули, про него вспомнили и купцы. Три тропы с нагорий встречались у южной горловины Гиблого Дола и сливались в одну дорогу.

Постой-ка... Однажды ведь ему довелось услышать о четвертой тропе, которая вела напрямик через горы и которой почему-то остерегались. Тропа очень древняя, проложенная еще в незапамятные времена. Ну да...

Тристан кивнул словно в подтверждение собственных мыслей.

Лягушки Гиблого Дола! Одно из многих преданий о тех, кто прежде населял Долины, о существах, которые в большинстве своем вымерли задолго до того, как у берегов страны бросили якорь первые корабли с поселенцами.

Однако в некоторых местностях Долин еще сохранилось былое колдовство, а отдельные безумцы среди людей — ибо только безумный может осмелиться на такое — рисковали призывать к себе этих демонов из прошлого. Даже князья Верхнего Холлека вынуждены были сделать подобный шаг: ведь если бы они не заключили торжественный договор с Призрачными Конниками, вряд ли людям удалось бы одолеть вторгшихся из-за моря врагов.

Некоторые из тех демонов благоволили к людям, другие — держались от них в стороне, а вот третьи — третьи замыслили зло. Не то чтобы они преследовали людей, нападали на них и не давали житья, нет. Просто тот, кто отважился пройти через населенные демонами места, рисковал очень и очень многим.

К числу таких мест относились и Стоячие Камни Лягушек Гиблого Дола. По слухам, Лягушки охотно соглашаются

выполнять людские просьбы, но зачастую совсем не так, как того хотелось просителю.

Многие годы люди избегали появляться у Стоячих Камней.

Да, но зачем все-таки засов на окне? Может, ныне лягушки (а лягушки ли они на самом деле?) не сидят на месте, как уверяет предание, а шныряют по всей долине? И потому люди запираются на все замки? Но какая лягушка допрыгнет до окна на втором этаже?

Побуждаемый непонятным ему самому любопытством, Тристан обнажил нож и потыкал им крепления. Слой ржавчины был очень толстым: окно явно не открывали на протяжении многих лет. Тристан начал злиться. Наконец его упорство было вознаграждено: засов поддался.

Справившись с засовом, он вынужден был еще какое-то время провозиться со ставнем, который словно прирос к окну. В конце концов, просунув в щель меч, Тристан отодрал деревянный щит. Холод ночи проник в комнату. Только сейчас Тристан понял, каким спертым был воздух в помещениях трактира.

Он выглянул наружу: снег, темная кучка деревьев, уходящие вверх склоны холмов. Между постоянным двором и подножием холмов не было больше ни единого здания. Густая, припорошенная снегом растительность говорила о том, что землю здесь никто не обрабатывает. Деревья были невысокими — скорее кусты, чем деревья; и Тристану они не понравились.

Богатый военный опыт подсказывал ему, что кустарник этот представляет собой угрозу. Воспользовавшись им как прикрытием, враг мог бы подобраться к трактиру на расстояние броска копья, и никто бы его не заметил. Быть может, у них в Гиблом Доле такого никогда не случалось, и потому они не выжгли подозрительные кусты.

Склоны холмов были довольно пологими, и на них растительности было гораздо меньше. Хоть так, подумал Тристан, и то хлеб.

Дальше лежал снег, очень белый и гладкий. За ним проступали в темноте обломки скал. Опытный глаз Тристана сразу отметил, что это не естественные образования, а творения чьих-то рук.

Они вовсе не походили на единую стену. Нет, между ними виднелись широкие проемы, как будто они служили столбами для некой изгороди. Но уж слишком были массивными.

Подобных каменных рядов Тристан насчитал пять, и если

в первом ряду камни отстояли друг от друга на довольно большом расстоянии, то дальше эти промежутки постепенно сужались. Тристан отметил две вещи. Во-первых, даже очень яркой луне не под силу так осветить камни. Значит, светятся то ли они сами, то ли земля вокруг них. А во-вторых, снежное покрывало внезапно и резко обрывалось у первого ряда камней. И потом, камни укутывала легкая дымка, словно укрывая их от любопытных взглядов.

Тристан моргнул, потер глаза рукой, снова поглядел на камни. Дымка стала более отчетливой. И чем дальше он смотрел на нее, тем плотнее она ему казалась.

Вот так Гиблый Дол! Значит, он — одно из тех мест, где по-прежнему обитают древние силы. Наверняка эти камушки — убежище или логово «лягушек». Теперь Тристан понял, почему было закрыто на засов окно. Он установил на место ставень, но, как ни старался, не смог приладить засов.

Неторопливо снял он с себя кольчугу и другую одежду и положил ее на сундук. Расстелил на кровати выделанную шкуру какого-то животного, потом принялся разбирать постель. К его удивлению, грубые простыни и два плетеных одеяла оказались чистыми. От них даже исходил слабый аромат трав (теперь, когда свежий воздух очистил его легкие, он мог различать запахи).

Он вытянулся на постели, натянул одеяла на уши — и почти мгновенно заснул.

Разбудил его стук к двери. Спросонья он хмуро уставился на покрытые паутиной стропила. Что ему такое снилось? В душе его гнездилась смутная тревога, ощущение того, что он упустил нечто весьма важное. Помотав головой, чтобы отогнать эти неприятные мысли, он встал, прошлепал к двери, открыл ее и впустил в комнату старшего слугу, худого как скелет парня с угрюмой физиономией, менее, впрочем, грязного, чем вчерашний мальчишка. В руках слуга держал накрытый котелок. Поставив его на сундук, он произнес:

— Вода для мытья, господин. На завтрак каша со свипиной и эль.

— Ладно. — Тристан приподнял крышку с котелка. Повалил пар. На горячую воду он совсем не рассчитывал, а потому решил, что ее появление — залог удачного дня.

Общая зала была почти пустой. Хромой мальчишка протирает столы, при этом щедро поливая водой пол. Хозяйка, растопырив локти точно крылья и выставив вперед острый подбородок с двумя волосатыми бородавками, разговаривала

о чем-то с другой женщиной. Та была в плаще, но откинутый капюшон позволил Тристану увидеть ее лицо, лишенное какой бы то ни было привлекательности, испещренное коричневыми пятнами. Однако плащ женщины был из добротного материала, какой не по карману обычной деревенской девчонке. В одной руке она держала узелок, в другой — охотничье копье с коротким древком, конец его — был весь в царапинах, словно им чаще пользовались как посохом, нежели как оружием.

— Ну что же, девушка, пожалуй, я возьму тебя. Но учти, денег не получишь, только еду да одежду.

Хозяйка метнула быстрый взгляд на Тристана и снова повернулась к девушке.

А она молода, подумал Тристан. Но клянусь Волком-оборотнем, при взгляде на нее сразу хочется убежать куда подальше!

— Клади свои пожитки вон на ту полку, — махнула рукой хозяйка. — И принимайся за работу, коли ты и вправду того хочешь.

Не дожидаясь, пока девушка выполнит ее приказание, она поспешила к столу, за который уселся Тристан.

— Отведайте кашки, господин. С кусочком свиной щеки, со свежим элем...

Он кивнул. Поза его в точности напоминала ту, в какой он сидел тут накануне вечером. Пальцы его поглаживали браслет с затейливой резьбой, глаза были полуприкрыты, словно он еще досыпал.

Хозяйка удалилась.

Открыть глаза Тристана заставил стук поставленного на стол подноса. Его принесла та самая девушка. Она сняла свой плащ, под которым оказалась юбка в складку с тесным корсажем. Да, он был прав, одежда у нее не крестьянская. Пускай юбка укорочена так, что из-под нее видны стоптанные башмаки, из которых торчит солома, но эта юбка для верховой езды. Сама девчонка худюшая, но фигурка у нее ладненькая. Поневоле призадумался, почему при такой фигуре Судьба наградила ее столь ужасным лицом. Зачем ей копье? Стоит ей только открыть свое лицо, кто на нее польстится, и она будет ничуть не в меньшей безопасности, чем статуя Гунноры, которую крестьяне носят по полям в начале сева.

— Ваша еда, господин.

А она будет полнее хозяйки. Вон как проворно поставила перед ним тарелку с кашей и кружку.

— Благодарю, — услышал Тристан собственный голос и удивился: с чего бы это он ведет себя так, словно перед ним благородная дама?

Он потянулся за стаканом — и увидел, как широко раскрылись глаза девушки, когда она заметила браслет. И ему показалось, что во взгляде ее было нечто большее, нежели простое любопытство. Но она совлادала с собой, повернулась и пошла прочь от стола, опустив глаза долу, как и полагается прислуге.

— Еще чего-нибудь принести, господин? — спросила она вроде бы равнодушно. Но голос предал ее. Подобный акцент мог быть у девушки только из одной крепости.

Сейчас в долинах много случается всяких раздоров. Какое ему дело до того, что девчонку-замарашку выгнали из дома, отправили бродить по свету в поисках пропитания и крова? С таким лицом ей ни за что не найти себе мужчину — разве что слепой польстится на нее.

— Нет, отозвался он. Она ушла легким беззвучным шагом лесного охотника; в движениях ее чувствовалось изящество того, кто сиживал за высокими столами по праву крови.

Ничего, к концу будущего года он тоже сядет за высокий стол. Тристан был в этом так уверен, словно заручился клятвой одного из Властелинов Сил. Но своего он добьется собственными руками и умом, и потому возвысится над теми, у кого за душой — только право крови. Девушка катится по наклонной, а он пойдет в гору!

Встреча в трактире с бывшей благородной придала Тристану решимости.

3 После Северного Дола, как убедилась Герта, дорога стала еще хуже. Местами ее разрушили оползни, и потому приходилось перебираться через ямы. Однако девушка продолжала идти, уверенная, что только эта дорога приведет ее к желанной цели.

Карабкаясь по камням, съезжая в овраги, отваживаясь порой на прыжки и используя копье как шест, она думала о том, что ждет ее впереди. Разыскивая Гуннору, Герта знала, что соплеменники поймут ее. Но что касалось святилища Лягушек — такой уверенности у нее не было.

На шее девушки висел небольшой мешочек с зерном и сушеными травами, талисман Гунноры для домашнего очага. Второй такой же был зашит в подол юбки. А среди соломы,

торчавшей из башмаков, были стебельки других растений — из тех, что защищают путника. Прежде чем отправиться в дорогу, Герта основательно приготовилась.

Но вот помогут ли амулеты против чужеродного, не людского колдовства? У всякого народа свое собственное волшебство. Древние существа — не люди, и потому их верования и обычаи могут быть совсем иными. Не подвергает ли она себя великой опасности?

Когда она доходила в размышлениях до этого места, ей постоянно вспоминалось одно событие. И воспоминание рвало душу, точно шпора — конский бок.

Куно предложил ей отправиться в аббатство, в Дол Забвения. Да, Куно предложил сам, и, быть может, именно поэтому впоследствии отвернулся от сестры, ощущая долю своей вины в случившемся.

Герта отчетливо, до мельчайших подробностей, помнила поездку в Дол Забвения. Она вовсе не хотела забывать этого, ибо иначе она может лишиться ярости, той ярости, которая придает ей мужества. Сопровождал ее небольшой отряд ратников, поскольку Куно был уверен, что врагов опасаться нечего. Как оказалось потом, опасаться нужно было отнюдь не врагов.

Откуда ни возьмись дождем посыпались стрелы. В ушах девушки до сих пор стоял хрип молодого Джаннеска: стрела пронзила ему горло, и он рухнул на землю. Нападающих не было видно, а весь ее отряд перебили буквально за несколько секунд. Она пришпорила жеребца — и он на полном скаку влетел в расставленную на дороге сеть. Она перелетела через голову коня...

Очнулась Герта в темноте. Руки у нее были связаны. Прямо перед ней, на полянке между скал, горел костер. У костра, разрывая зубами полупрожаренное мясо, сидели несколько мужчин. *Эти* были из числа врагов. Она похолодела, поняв вдруг, что они с ней сделают, когда удовлетворят одно желание...

Поев, мужчины подошли к ней. Герта принялась отбиваться связанными руками. Они захохотали, начали швырять ее туда-сюда, тискать, срывать с нее одежду. Однако для последнего оскорбления, последнего унижения им не хватило времени. Нет, насилие над ней совершил другой — *кто-то из ее соплеменников!*

Мысль эта согрела Гертю и придала ей сил, что было очень кстати, поскольку солнце уже скрылось за склоном и поднялся холодный ветер.

Те, кто издевался над ней, тоже погибли, пали под ударами меча или сраженные копьем. А находившаяся в полуобморочном состоянии девушка вдруг ощутила на себе тяжелое тело; крепкие, сильные руки не давали ей шевельнуться.

Она не видела лица насильника, зато разглядела (и картина эта осталась в памяти, словно выжженная огнем) браслет на запястье, когда рука мужчины надавила ей на горло, чтобы лишить сознания.

Придя в себя, она обнаружила, что осталась одна.

Кто-то набросил на нее плащ. Неподалеку стояла лошадь. И кругом на снегу валялись трупы. Герта никак не могла понять, почему ее не убили тоже. Быть может, насильнику помешали его товарищи? Как бы то ни было, в первый момент она решила оставаться тут, пока не замерзнет. Но потом в девушке взыграла кровь предков и заставила ее подняться с земли. Где-то в Долинах живет человек, который сначала спас ее, а потом похитил то, что может быть отдано лишь по доброй воле. Ей надо выжить — хотя бы для того, чтобы погубить этого человека.

Потом, поняв, что носит под сердцем новую жизнь, Герта испытала еще одно искушение — поступить так, как ей настойчиво советовали, избавиться от плода. Но не осмелилась. Пускай ребенок зачат не по-доброму, но частью он принадлежит ей. Затем она вспомнила про Гуннору и про то, что волшебство может помочь. Именно поэтому удалось ей не поддаться Куно, не испугаться его животной ярости.

Она жила двумя мыслями, она цеплялась за них с упорством отчаяния: ребенок, которого она носит, должен принадлежать ей одной, а тот, кто никогда не станет его отцом, должен получить свое. И вот теперь, когда Гуннора дала ей первое, она идет за вторым.

Наступила ночь. Герта выбрала местечко среди камней, где можно было укрыться от ветра, и зарылась в сухие листья. Должно быть, она заснула, ибо открыв глаза, недоуменно огляделась, не понимая, где находится. А потом ощутила то, что ее пробудило. Сам воздух вокруг был каким-то не таким, в нем чувствовалось напряжение.

Герта встала и, опираясь на копьё, вышла на дорогу. В лунном свете перед собой она увидела гладкий, нетронутый снег. За спиной чернели ямки ее собственных следов. Девушка двинулась на огонек.

Вдалеке что-то слабо светилось, причем это явно был не костер и не факел. А вдруг это — конец ее исканий?

Старая Дорога сузилась, с нее исчезли всякие препятствия. Потыкав снег перед собой — нет ли под ним трещин, — Герта устремилась на огонек.

Внезапно из темноты поднялись высокие тени: длинными рядами поперек дороги выстроились камни. Между камнями внешних рядов зияли широкие проходы, тогда как камни внутренних рядов стояли очень близко друг от друга. Дорога уводила в один из проходов.

На верхушке каждого из камней покоился маленький конус света, как будто это были не скалы, а гигантские свечи. Свет их был холодным, голубым вместо оранжево-красного, какой бывает у настоящих свечей.

Луна куда-то пропала, хотя Герта вовсе не была уверена, что вошла под крышу или под навес.

Она миновала три ряда камней, затем еще четыре, и с каждым рядом промежутки становились все уже, так что седьмой ряд представлял собой стену. В стене были ворота, и к ним бежала дорога, превратившаяся теперь в тропинку.

Герте почудилось, будто ее влечет невидимая и непреодолимая сила. Ноги ее словно приклеились к тропинке, и это не она шла, а тропинка перемещалась вместе с ней.

Миновав последнюю стену, девушка очутилась на огороженной со всех сторон скалами площадке. Посреди площадки виднелось нечто вроде каменной изгороди, в каждом из углов которой на уровне земли горел огонек. Герта остановилась; она не могла ни идти дальше, ни вернуться назад.

За изгородью возвышались пять зеленых валунов. Они посверкивали в колдовском свете, точно громадные бриллианты. Верхушки валунов были плоскими, и на них сидели те, кто поджидал Герту.

Кого она надеялась встретить, Герта сама не знала. Но существа, представшие перед ней, были настолько чужеродными для человека, что она ничуть не испугалась, а только безмерно удивилась: как в том мире, где обитают люди, могут существовать этакие твари. Теперь-то она поняла, почему молва окрестила их лягушками, — это было самое близкое сравнение, доступное человеческому уму.

Они сидели нахохлившись на валунах, опираясь на поверхность камней всеми четырьмя лапами. От лягушек в них было одно название. Округлое брюшко, по сравнению с которым четыре ноги кажутся слишком худыми и тощими. Шея начисто отсутствует, и голова переходит прямо в узкие плечи. Сама голова — массивная, с большими золотистыми

глазами, расположенными высоко на лишенном волос черепе. Щелочка вместо носа; крупный рот над почти незаметным подбородком.

— Привет тебе, ищущая...

Слова эти прозвучали у Герты в голове. Которое из существ к ней обратилось, девушка не поняла.

Она дошла до цели — и растеряла по дороге все слова; ее смутил и поразил вид тех, кого она искала. Но, видимо, ответа от нее и не требовалось; беззвучный разговор продолжался:

— Ты пришла к нам за помощью. Чего ты хочешь, дочь людская, — избавиться от того, что тяготит твое тело?

Услышав такие слова, Герта обрела дар речи.

— Нет. Пускай семя вошло в меня не по закону, а через насилие и муку, я решила сохранить его. Я рожу ребенка, который будет только моим, ибо так обещала мне Гуннора.

— Тогда зачем ты пришла сюда?

— За мстью! За мстью тому, кто совершил надо мной насилие!

— Но почему ты, дочь людская, думаешь, будто ты и твои беды значат что-либо для нас, для тех, кто был велик, когда в здешних краях еще и слыхом не слыхивали о твоём худосочном племени, для тех, кто останется тут, даже если люди уйдут? Что нам до тебя?

— Не знаю. Я поверила легендам и потому пришла.

Она испытала странное ощущение: впечатление было такое, что кто-то мысленно рассмеялся. Демоны развеселились; осознав это, Герта утратила часть своей решимости.

Снова то же ощущение, а потом — чувство свободы, словно демоны покинули ее мозг, чтобы переговорить между собой. Герта убежала бы, если б могла. Ей было страшно, так страшно, как не бывало ни разу с того ужасного дня в Доле Забвения.

— Кому ты хочешь отомстить, дочь людская? Как его зовут, где он проводит нынешнюю ночь?

Она ответила искренне:

— Ничего не знаю. Я не разглядела его лица. Однако...

Она забыла про страх.

— Однако я помню одну вещь, которая поможет мне узнать его. Быть может, он тут, в Гиблом Доле, ведь сейчас, когда закончилась война, много людей ходит по этой дороге.

Снова чувство свободы. И новый вопрос:

— Тебе известно, что мы помогаем за плату? Что у тебя есть предложить нам, дочь людская?

Герта вздрогнула — она никогда не задумывалась, что будет после того, как она выскажет свою просьбу. Неужели она была такой глупой? Разумеется, придется платить. Руки ее сами собой бросили узелок и легли на живот, словно оберегая дитя.

Опять веселье.

— Не бойся, дочь людская. Эта жизнь обещана тебе Гуннорой, и нам она не нужна. Но твоя месть послужит и нам. Мы исполним твое желание, а ты приведешь к нам того человека. Согласна?

— Да, — ответила девушка, не совсем, впрочем, понимая.

— Смотри же!

Одно из существ приподняло ногу и указало куда-то ей за плечо. Герта обернулась. На поверхности валуна сверкало небольшое пятнышко. Она протянула руку, и от прикосновения человеческого тела из валуна вывалился маленький камешек и лег в ладонь Герты.

— Возьми его, дочь людская. Когда найдешь того, кого ищешь, положи камень в его постель перед тем, как он отправится спать. Тогда свершится возмездие — здесь! А чтобы ты не забыла и не передумала, мы дадим тебе с собой напоминание; ты увидишь его всякий раз, посмотревшись в зеркало.

Существо указало ногой на Герту. Из пальца его выползла тоненькая струйка дыма, приобрела форму мяча и устремилась на девушку. Герта попыталась увернуться, но мяч ударил ее по лицу. Она почувствовала жжение, но оно тут же прошло.

— Ты будешь носить наш знак, дочь людская, пока он не придет сюда. Так ты запомнишь наш уговор.

Что случилось потом, она не знала. Все было как в тумане. Когда же туман развеялся, девушка выбралась из-под сухих листьев и увидела, что начинает светать. Неужели это только сон? Нет, в пальцах у нее зажат какой-то предмет, да так, что пальцам больно. Она поглядела на руку: предмет оказался кусочком серо-зеленого камня. Значит, она в самом деле говорила с Лягушками Гиблого Дола!

А вон и сам Гиблый Дол, внизу, отчетливо виден в утреннем свете. Замок князя на дальнем склоне, деревня, постоянный двор у дороги. Вот туда-то она сейчас и направится.

Несмотря на ранний час, постоянный двор уже проснулся. Мужчина прошел в конюшню, не заметив вошедшую в ворота

Герту. Девушка зашагала к полуоткрытой двери дома, твердо решив наняться на работу, какой бы стервой хозяйка ни оказалась.

Когда она вошла в общую залу, та была пустой. Но через мгновение туда ворвалась женщина со злощим лицом. Герта направилась прямо к ней. Женщина поглядела на нее и злорадно ухмыльнулась.

— Да, девчонка, с такой физиономией ты бед не натворишь, — сказала она, когда Герта изложила свою просьбу. — Мне вообще-то как раз нужна пара рабочих рук. Кошелек, правда, у нас не такой пухлый, чтобы швыряться серебром...

Пока она все это говорила, по крутой внутренней лестнице в залу спустился мужчина. Он пересек комнату и уселся за стол, наполовину скрытый перегородкой от остальных. Герте показалось, что его появление помогло ей, ибо хозяйка вдруг приказала ей положить узелок и приниматься за работу. И первым ее поручением было отнести тому самому мужчине поднос с едой.

Он был высок ростом, выше Куно, хорошо сложен, широкоплеч. На поясе у него висел спрятанный в ножны меч с простой рукоятью. Лицо его было худым, словно ему частенько доводилось голодать. Черные волосы ниспадали на лоб. Возраст его она не смогла определить, однако почему-то подумала, что он довольно молод.

А когда она поставила поднос на стол и мужчина потянулся за ножом, чтобы разрезать мясо, мир как будто застыл на мгновение. Герта увидела на запястье незнакомца браслет. И этот браслет приковал к себе все ее внимание. Она во все глаза глядела на него, уверенная, что со стороны ее поведение никому не покажется странным.

Отходя от стола, она подумала: а не могущество ли Лягушек привело насильника в ее руки? Что они ей поручили — подложить камень в его постель? Но сейчас раннее утро, и он только что встал. А если он не собирается тут оставаться еще на одну ночь и скоро уедет? Как тогда ей выполнить поручение Лягушек? Придется, видно, последовать за ним, тайком подобраться к нему в ночи.

Ну да ладно, пока он вроде бы никуда не торопится. Тут, к немалому облегчению, она услышала, как мужчина договаривается с хозяйкой о ночлеге. Под благовидным предлогом она ускользнула наверх, прихватив с собой постельные принадлежности в одну из комнат. Спускаясь по узкому коридору, она размышляла, как бы ей половчее узнать, какая из комнат — его.

Глубоко погрузившись в раздумья, Герта не слышала, что кто-то крадется за ней по пятам. Вдруг на ее плечо легла тяжелая рука.

— Ну-ка, поглядим, что за новенькая...

Голос был молодым и дерзким. Герта поглядела на оставившего ее мужчину: в его облике было нечто от несформировавшегося еще юнца. Густые нерасчесанные волосы соломенного цвета, щетина на подбородке, налитые кровью глаза.

Когда он как следует разглядел девушку, лицо его исказила гримаса отвращения. Он с силой оттолкнул Герту от себя; она потеряла равновесие и упала на пол.

— Иди целуйся в лягушками!

Он плюнул, но плевок его до нее не долетел. Юнец внезапно оказался прижатым к стене коридора. На него внимательно смотрел человек с браслетом на запястье.

— Ты что? — закричал юнец, вырываясь. — Пусти меня, приятель.

— Приятель? — повторил владелец браслета. — Я не вассал тебе, Урре. И здесь не Черный Дол. Что же до девчонки, то лицо — не ее вина. Пожалуй, ей бы надо поставить свечку тем силам, которые сотворили с ней такое. Ведь иначе ей не дали бы проходу кобели вроде тебя.

— Жаба! У нее лягушачья рожа!

Урре хотел было еще раз плюнуть, но выражение глаз другого мужчины остановило его.

— Пусти меня! — он дернулся. Человек с браслетом отступил. Бранясь, Урре направился к лестнице; его шатало из стороны в сторону.

Герта поднялась, нагнулась, чтобы подобрать уроненные одежды...

— Он не обидел тебя?

Она молча покачала головой. Все произошло так внезапно; особенно девушку смутило то, что *этот* человек защитил ее. Она торопливо пошла прочь, но дойдя до конца коридора, оглянулась. Он как раз входил в дверь, расположенную по соседству с той, где Герту остановил тип по имени Урре. Что ж, теперь она знает его комнату. Но почему «лягушачья рожа»? Тот мокрый мяч, который ударил ей в лицо прошлой ночью, — что он с ней сотворил?

Герта оцупала пальцами лицо. Вроде все как обычно. Зеркало, надо разыскать зеркало! Не похоже, однако, чтобы здесь имелся такой предмет роскоши.

В конце концов она обнаружила зеркало на кухне. Им оказался поднос, который ее отправили начищать. Отражение в нем было не акти, но все же отвратительные коричневые пятна проступали весьма отчетливо. Неужели они останутся навсегда, открывая всем и каждому, что она связалась с темными силами, или исчезнут, когда дело будет сделано? Смутное воспоминание о ночном разговоре дало ей надежду, что верно последнее.

Если так, то чем быстрее она выполнит поручение Лягушек, тем лучше для нее. Однако пока возможности еще раз подняться наверх не представилось. Мужчину зовут Тристан. Хромой служака, который перед ним преклонялся, многое о нем знал. В свое время Тристан был командиром лучников и воеводой. Теперь он остался без службы и идет в глубь страны, — наверно, чтобы найти себе нового князя. А быть может, он хочет создать собственную дружину; он уже говорил об этом кое с кем из других ветеранов, остановившихся на постоялом дворе. Пьет он немного, тогда как его спутники, Урре, сын местного князя, и его вассал, заказывают столько вина, что хватит потопить корабль.

Герта с жадностью слушала эти отрывочные сведения, решив узнать все, что только можно про наемного солдата Тристана, которого она рассчитывала поймать в свои сети. Когда ей удавалось, она исподтишка следила за ним. Странно было глядеть на мужчину, который совершил над ней насилие и даже не догадывается, что она так близко от него.

Если бы не браслет на запястье, она, наверно, обратила бы на него внимание в последнюю очередь. Урре и двое или трое других пытались притиснуть ее где-нибудь в углу, не разглядев сперва как следует ее лица. А Тристан, когда она проходила мимо, оказывал ей маленькие знаки внимания, как будто ее уродство ничего для него не значило. Он вел себя не так, как она вправе была ожидать, и это ее беспокоило.

Но она не изменила своего решения. И когда наконец ей удалось ускользнуть наверх, она пробралась к нему в комнату. На постели в беспорядке свалены были одеяла. Она не сталаправлять их, а сунула камень глубоко под подушку и поспешила в залу, где уже собирались посетители. На нее обрушился поток приказаний; она то бежала на кухню, то возвращалась обратно, неся полные кружки вина и тарелки с едой.

Начала сказываться усталость после целого дня непривычного труда. И потом, среди посетителей нашлись любители

грубых потех, которым хотелось повеселить сотрапезников. Герте приходилось глядеть во все глаза, чтобы вовремя заметить подставленную ногу, стараться изо всех сил, чтобы не уронить поднос с кружками после внезапного толчка под локоть. Дважды у нее это не получалось, и дважды хозяйка отнекивалась ей затрепанные за испорченную еду.

Но в конце концов та же хозяйка отправила ее из залы — вовсе не по доброте душевной, а для того, чтобы меньше проливалось вина и ронялось тарелок — мыть посуду в крохотную клетушку, где стояла такая вонь, что Герта едва не потеряла сознание. Кое-как она дотянула до того момента, когда пришла хозяйка и отвела ее в залу. Там она указала девушке на скамью-ларь у камина и пробурчала, что, дескать, это лучшая постель, на которую та может рассчитывать. Уставшая до полусмерти Герта улеглась на скамью. Остальные слуги тоже разбрелись по своим углам и конурам — комнаты в трактире были только для постояльцев.

Огонь на ночь прикрыли колпаком, но от камина еще исходило тепло. Герта осталась в зале одна. Все косточки у нее болели, но она гнала прочь мысль о сне и ждала. Если все пойдет как надо, камень наверняка сделает свое дело нынешней ночью. Она должна увидеть это. А что дальше — там поглядим.

Герта нетерпеливо ерзала на жесткой скамье. Плащ и копье — вот они, под рукой; набитые свежей соломой башмаки она даже не стала снимать.

Вдруг наверху лестницы появилась тень. Герта напряглась. Да, она оказалась права. Мужчина по имени Тристан прошел мимо нее к двери. Завернувшись в плащ, Герта последовала за ним.

Опасаясь, что он обернется, она держалась в тени дома. Однако он шел решительным шагом человека, посланного куда-то по важному делу, не обращая внимания на то, что делается вокруг. Обогнув трактир с задней стороны, он направился к холмам.

Луна светила довольно ярко, но очертания ее казались размытыми из-за легкой дымки на небе. Герта все больше и больше отставала от Тристана, потому что кусты шипами цеплялись за ее плащ, потому что юбка намокла от снега и стала страшно тяжелой, потому что каждый новый шаг давался ей много труднее предыдущего. Но ее гнала вперед мысль, что она должна быть рядом с Тристаном, когда он доберется до места. Зачем, чтобы увидеть, как Лягушки

отомстят ему? Не знаю, не знаю, подумала она, напрягая все силы, чтобы нагнать его.

Тем временем Тристан достиг уже первого ряда камней. Он ни разу не оглянулся. Герта давно перестала прятаться. Он скоро совсем пропадет из вида! Она подобрала юбку и, тяжело дыша, побежала за ним.

Ага, вон он снова; но как до него далеко! Ладно, когда он доберется до последнего ряда камней, до стены, ему придется пройти вдоль нее до прохода. Поэтому ей удастся выиграть несколько драгоценных секунд, если она выберется на Старую Дорогу прямо сейчас. Сказано — сделано: проваливаясь в сугробы, Герта кинулась в направлении дороги. Дыхание со свистом вырывалось из ее груди.

Копье она оставила в зале и нащупывать дорогу теперь было нечем; кроме того, вдруг сильно заболел бок. Но, стиснув зубы, она продолжала свой путь. Уже видны впереди ворота. Тристан все-таки немного опережает ее.

Внезапно наверху одной из колонн вспыхнул холодный свет. В голубом сиянии собственные руки, которые она раскинула в сторону, чтобы не потерять равновесие, показались Герте изъеденными болезнью.

Тристан ступил в проход и остановился. Он словно в упор разглядывал то, что его поджидало внутри. На поясе у него висел меч, через плечо перекинут был лук. Он вышел из трактира во всеоружии, но до сих пор почему-то не обнажил меча и не наложил стрелу на тетиву.

Герта подковыляла к воротам. Подъем по склону окончательно лишил ее сил. Но она чувствовала, что должна быть на площадке. Совсем рядом — протяни руку и дотронешься — стоял Тристан. Он стоял с непокрытой головой, свободный капюшон плаща был отброшен на плечи. Руки мужчины безвольно повисли по бокам. Герта посмотрела в ту сторону, куда устремлен был его взгляд.

Знакомые зеленые валуны. Но никаких лягушек на них. Над камнями кружились голубые огоньки всех оттенков — от бледно-бледно-голубого до ослепительного густо-синего.

Герта ощутила, как влекут к себе эти огоньки. С трудом удалось ей поднять к глазам отяжелевшие ладони, чтобы заслониться от пляски огоньков. И сразу девушка почувствовала облегчение. Однако спутник ее явно находился под властью чар.

Стараясь не замечать огоньки, Герта поглядела на Тристана. Почему он стоит неподвижно, почему не идет к каменной

ограде у зеленых валунов? Может, он превратился в камень, пойманный заклятьем, которое наложили на него Вечные Скалы? Стоит — глазом не моргнет и даже вроде бы и не дышит!

Неужто таково их наказание: превратить человека в извращение? Почему-то Герта была уверена, что месть Лягушек мужчине, которого она сюда завлекла, будет куда страшнее. В сердце у нее вдруг шевельнулась жалость. Девушка с ожесточением отогнала непрошеную гостью. Она призвала на подмогу память, стараясь припомнить все вплоть до самых отвратительных, самых унижительных подробностей. Вот что он сделал с ней, вот что, вот что! Это из-за него ее выгнали из дома, из родной долины, лишили всего, а наделили взамен лягушачьей рожей! Что бы с ним сейчас ни сотворили, он полностью того заслуживает. Она подождет и полюбуется, а потом пойдет прочь отсюда и в назначенный срок, как и обещала Гуннора, родит сына или дочку, в которых не будет ничего от отца — ничего!

Наблюдая за Тристаном и прикрываясь одновременно от голубых огоньков сложенными ладонями, Герта заметила вдруг, что пальцы рук мужчины шевельнулись и медленно сжались в кулаки. Она заметила усилие, которого потребовало это движение, и поняла, что он, стоя неподвижно, ведет отчаянный бой с околдовавшей его силой.

Отогнанное было чувство жалости возвратилось. Герта рассердилась на себя. Он не заслуживает иной доли, кроме мести, которую она выпросила для него у Лягушек!

Медленно-медленно, словно тот был прикован цепью к тяжелой гире, Тристан поднял один кулак. По лицу его Герта увидела, чего ему это стоило. Она вжалась в скалу. Имей девушка веревку, она привязала бы себя к камню — лишь бы только не поддаться жалости.

Странный свет впереди, свет и что-то еще, пока бесформенное, но таящее в себе угрозу, холодную угрозу, которая страшной запада самой жаркой схватки. Порождение ужаса, которому не найти равного во всей истории его народа. Как он попал сюда, во сне или не во сне, Тристан сказать не мог. Ему некогда было ломать над этим голову.

Чтобы противостоять тому, что пленило его, надо собрать действительно все силы. Нечто чужеродное хочет проникнуть в него, чего никак нельзя позволить, — пока не ослабела воля.

Откуда-то он знал, что, сохрани он контроль над телом,

ему удастся изгнать чужака из мозга. Нельзя, нельзя повиноваться!

Тристан устремил все внимание на пальцы рук. Сперва было такое ощущение, что плоть онемела... Однако он все же сжал ладонь в кулак. Потом медленно поднял руку — еле-еле, ни на миг не позволяя себе расслабиться. Оружие... Что его меч, его лук против тех, кто обитает в здешних скалах? Он смутно сознавал, что демоны от души посмеются над людским оружием, направленным против них.

Оружие... меч... сталь... Подождите-ка, подождите-ка... Память не подвела. Сталь! Тот парень из пограничной с Пустыней долины: ложась спать, он положил в изголовье меч, а в ногах у себя воткнул в землю на глубину лезвия кинжал. Они тогда оставили его около каких-то весьма древних развалин стережь лошадей. Он сказал, что между холодным железом человек может спать спокойно. Кое-кто, помнится, посмеялся над его суеверностью, но другие одобрили его поступок. Железо... вот чего опасаются древние Силы!

У него на поясе висит меч... и кинжал... железо... Спасение?.. Но схватка за кулак, за руку настолько обессилела Тристана, что ему подумалось: вряд ли я сумею проверить истинность верований предков.

Что им от него надо, тем, кто обитает тут? Им, им, — он давно уже понял, что этих тварей тут несколько. Чего ради они привели его сюда? Тристан отмахнулся от вопроса. Думай о руке, приказал он себе, только о руке!

Безумно медленно рука его подползла к поясу; пальцы коснулись рукояти меча.

Да, меч у него простой, не какой-нибудь там княжеский клинок с рукояткой из серебра, отделанной бриллиантами, — боевой меч, испещренный царапинами от множества схваток. И рукоять у меча железная, обмотанная толстой проволокой, чтобы не соскользнула вспотевшая ладонь. Кончики пальцев коснулись проволоки... Рука свободна!

Он немедленно крепче ухватил рукоять, привычным движением выдернул меч из ножен, выставил его перед собой, лезвием к сумятице голубых огоньков. Пришло облегчение, но через какой-то миг Тристан понял, что передышка — временная. Затаявшееся в этих горах зло победить совсем не так просто. Чужая воля обрушилась на руку воина. Меч задрожал в руке, он не в силах был держать его твердо. Скоро он вообще выронит его!

Тристан попытался сделать хотя бы шаг назад. Но ноги

как будто погрузились в трясину, которая вцепилась в них мертвой хваткой. Значит, ему повинуются только слабеющая рука и меч, который становится тяжелее с каждой секундой. Тристан обнаружил, что уже держит меч рукоятку вперед, словно намереваясь пронзить себя самого!

Из суety голубых огней выросло слабо светящееся щупальце, поднялось в воздух, изогнулось и застыло. Кончик его устремлен был на человека. Следом за ним, колыхаясь, поднялось другое. Потом третье, четвертое...

Кончик первого щупальца, который был тонким, как палец, начал утолщаться. Затем из него устремились во все стороны маленькие отростки. Внезапно Тристан обнаружил перед собой воплощенное зло, гротескную копию человеческой руки, большой палец которой был слишком длинным и тонким.

Тварь начала опускаться к Тристану. Неимоверным усилием воли человек перевернул меч, утаив его лезвие на приближающуюся руку.

И снова ощутил мимолетный восторг триумфа. Ибо движение руки замедлилось. Потом она качнулась влево, вправо, словно отыскивая прорехи в его защите. Но каким-то чудом Тристану удалось удержать меч, и он отразил все атаки демонов.

Герта широко раскрытыми глазами следила за диковинной дуэлью. Лицо ее врага было мокрым, ручейки пота сбегали со лба на подбородок. Рот его кривила гримаса, зубы были крепко стиснуты.

Но меч по-прежнему был в его руке, преграждая путь эманации Лягушек.

— Ты!

Слово звоном отдалось у нее в голове, оглушительным, пронзительным звоном.

— Забери у него меч!

Если она хочет, чтобы отмщение свершилось, надо повиноваться. Но хочет ли она? Герта распростерлась под скалой, наблюдая за колдовской битвой. Лезвие меча перемещалось умопомрачительно медленно, но тем не менее всякий раз успевало отразить выпад голубой руки. Тристан еле двигается; почему же Лягушки бессильны поразить его в быстрой атаке? Может, порождение этого щупальца стоило им слишком многого?

— Меч!

Снова боль в голове.

Герта не шевельнулась.

— Я не могу!

Выкрикнула ли она эти слова, прошептала или только подумала? Девушка не знала, как не знала и того, почему месьте уже не кажется ей приятной.

Темнота... связанные руки... шум сражения... один из воинов падает со стрелой в горле... победный клич... чья-то тень приближается к ней из мрака... видна лишь кольчуга... и меч...

Тяжелая рука повергает ее наземь... она слышит смех, грубый смех, который обжигает, хотя тело ее, лишенное последней одежды, дрожит от холода... Еще раз...

Нет! Она не хочет вспоминать! Не хочет! Им не удастся ее заставить!

Герта пришла в себя. Увидела Тристана, продолжавшего свою отчаянную битву. Этот человек оскорбил ее.

— Меч! Отними у него меч!

Герта кое-как поднялась. Она должна забрать меч. Тогда он на собственной шкуре узнает, что такое чувствовать себя беспомощным, униженным и... И? Каким еще? Мертвым? Лягушки намерены убить его?

— Вы убьете его? — спросила она. Она никогда не думала, что расплата будет именно такой.

— Меч!

Лягушки не ответили. Они просто подхлестнули ее к действию. Смерть? Нет, Герта была уверена, что смерти он избежит, — по крайней мере такой, которая известна роду человеческого. Да, но...

— Меч!

Девушку как будто ударили кнутом, требуя от нее бездумного повиновения приказу. Но получилось наоборот — боль пробудила в ней чувство опасности. Она вызвала к жизни силы настолько темные, настолько чужие, что с ними, пожалуй, не совладает и самый могущественный колдун из числа ее соплеменников. Да, Тристан заслуживает наихудшей участи. Но наихудшей по человеческим меркам, а вовсе не этого!

Левой рукой Герта коснулась мешочка с травами Гунноры, который притаился меж ее бурно вздымающихся грудей. Пальцы правой руки пошарили по земле, нащупали камень. Прикосновение к мешочку с травами как будто изгнало из ее головы тот голос. Он затих, точно отдаленный крик. Девушка подобрала камень...

Тристан неотрывно следил за щупальцем. Рука воющая, которой он держал меч, болела от кисти до плеча. Он чувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль.

Герта нагнулась, разорвала подол юбки. На ладонь ей выпал второй мешочек с травами. Ожесточенно девушка принялась натирать им камень. Мелочь, конечно, но что еще она может сделать...

Она швырнула камень в голубую руку. Та извернулась, уклоняясь. Понимая, что это единственный шанс, Тристан со всей силой обрушил меч на щупальце, которое поддерживало руку.

Клинок прошел сквозь него, как будто оно не имело субстанции, как будто оно было всего лишь порождением собственных страхов Тристана. Вспыхнул бледный свет. И вдруг — жадно разверстая рука исчезла вместе со щупальцем.

В тот же самый миг Тристан понял, что обрел способность двигаться, и отступил на несколько шагов. Чья-то рука ухватила его, словно помогая идти. Он рванулся в полной уверенности, что это новая проделка врага, сбросил с себя руку. Раздался крик; Тристан повернулся в ту сторону.

Рядом с проходом, у подножия скалы лежала какая-то темная куча. Тристан выставил меч, готовый отразить нападение, чувствуя, как возвращаются к нему силы. Куча зашевелилась. Из нее высунулась белая рука, ухватилась за колонну...

Его затуманенный рассудок прояснился. Женщина! И, значит, та штука, которая пролетела мимо мгновение назад, была направлена не в него, а в призрачную руку! Она на его стороне, она друг.

Внезапно послышался новый звук, похожий на шипение потревоженной змеи. Причем не одной. Прижавшись спиной к скале возле женщины, Тристан бросил взгляд на середину площадки.

Щупальце, пораженное ударом меча, исчезло, но остались другие. Они больше не переплетались между собой; на концах их появились отвратительные подобию змеиных голов. И их было столько, что глупо было даже мечтать выстоять против них... Но ему не остается ничего другого.

Осудив тяжесть на своем плече, он оглянулся. Женщина встала; одну руку она прижимала к груди, другой держалась за него. Тристан не мог разглядеть ее лица, скрытого тенью капюшона. Но за шипением змей он слышал ее голос. Слов он не разбирал, но по ритму догадался, что она поет какую-то песню.

Одна из змей бросилась на него. Он воздел меч. Коснувшись клинка, тварь исчезла. Первая из дюжины. Сжимавшая меч рука снова отяжелела, все движения его опять замедлились.

Тристан попытался стряхнуть с себя женщину. Будь у него возможность хотя бы на мгновение выпустить меч из рук, он бы просто оттолкнул ее.

— Отпусти меня! — крикнул он, извиваясь всем телом.

Она не ответила и вообще никак не отреагировала на его требование. Она продолжала петь. Тристану показалось, он слышит в ее пении жалобные ноты, как будто она умоляет кого-то помочь им обоим.

Внезапно из ее пальцев перетекло в его плечо и устремилось дальше по руке, по спине, к ногам, к животу, живительное тепло и чувство свободы — свободы не от ее объятий, а от тех уз, которые приковали его к этому месту. А посредине площадки яростно задергались змеиные головы. Они парами сталкивались в воздухе, мгновенно образуя единое целое.

Теперь на людей нападали уже не маленькие головенки, но здоровенныеловищи, однако Тристан успевал отражать их выпады. А они двигались все быстрее и быстрее. Пасти их были разверсты, но там не видно было ни ядовитых, ни вообще каких-либо зубов. Тем не менее Тристан знал, что если хоть одна пасть коснется его или женщины, — пиши пропало.

Развернувшись вполоборота, он отразил атаку с фланга. Нога его поскользнулась, он упал на колено, едва не выпустив меч. Ухватив клинок крепче, он услышал крик. Оставаясь в прежней позе, Тристан повернул голову.

Нападение последней змеиной головы оказалось хитрой уловкой, ибо отражая его, он немного отдалился от женщины. Две другие головы накинулись на нее и полонили. К своему ужасу, Тристан увидел, что одна из змей почти проглотила голову женщины. Вторая тварь кольцом обвилась вокруг ее талии. Если женщина и кричала, то голос ее заглушал мерзкий колпак на голове. Бледно светящиеся червяки во локли ее к своему логову; она не сопротивлялась. Навстречу им вытянулись еще два отростка. На Тристана они уже не обращали внимания.

Хрипло вскрикнув, он в мгновение ока вскочил и набросился на державшие женщину щупальца. И вдруг в голове его раздался голос:

— Отойди, сын людской, не мешайся в наши дела. Тебя это не касается.

— Отпустите ее! — Тристан полоснул мечом по щупальцу на талии женщины. Оно вспыхнуло, но другое тут же заняло его место.

— Она привела тебя к нам, а ты хочешь ее спасти?

— Отпустите ее! — Ему некогда было думать о правдивости услышанного; он знал, что не должен позволить им увлечь женщину за собой, что иначе он — не мужчина. И потому ударил снова.

Змеи задвигались быстрее, стремясь укрыться за изгородью. Тристан не уверен был, жива ли еще его помощница, голову которой по-прежнему скрывал отвратительный колпак. Тело ее бесильно обвисло.

— Она наша! Иди — пока не раздражил наш аппетит!

Не тратя дыхания на никчемные переговоры, Тристан вскочил на изгородь. Оттуда он принялся крушить щупальца, тащившие женщину. Руки его были слабыми, даже ухватив ими обеими меч, он с трудом поднимал и опускал его. Но упрямо продолжал битву. Мало-помалу ему начало казаться, что он побеждает.

Он заметил, что твари, которые обвилились вокруг женщины, не тронули ее руки, прижатой к груди. Поэтому Тристан обрушился на нижние кольца змеиных тел; он срубил последнее из них в тот момент, когда голова и плечи женщины оказались уже за оградой.

Впечатление было такое, что, как щупальца ни стараются, им не под силу втащить свою жертву к себе в логово целиком. Пока они заняты были этим, Тристан напал на них. Он перерубил тех змей, которые обвилились вокруг головы и плеч женщины. На смену им поднялись новые. Но женщина упала на землю так, что щупальцам, чтобы схватить ее, нужно было проползти по ее груди, а этого они почему-то сделать явно не могли.

Усталое Тристан поднял меч и снова опустил его, чувствуя, что руки его вот-вот откажут. И тут, буквально на миг, все до единого щупальца отступили. Лево́й рукой Тристан ухватился за руки женщины, которые она сложила на груди, и поволок ее прочь.

Змеи злобно зашипели. Тела их заколыхались, задержались. Они все больше пригибались, прижимались к земле, освещая ее бледным светом. Тристан взвалил женщину на плечо и, держась к врагу лицом, попятился дальше, готовый в любой момент отразить новую атаку.

4 Похоже было, что враги выдохлись. По крайней мере змеи так и остались за оградой. Внимательно следя за ними, Тристан отошел на некоторое расстояние и рискнул остановиться и передохнуть. Положив женщину на землю, он притронулся к ее щеке. Пальцы его ощутили холод и влагу. Мертва? Неужто ее задушили?

Он сунул руку ей под капюшон, нащупывая пульс на горле. Ничего. Его ладонь опустилась ниже, туда, где сердце. Чтобы сделать это, ему пришлось разомкнуть ее сложенные на груди руки. Когда он коснулся маленького мешочка, лежавшего меж ее грудей, то ощутил тепло и торопливо отдернул руку — прежде чем успел сообразить, что в том мешочке не опасность, а источник жизненных сил.

Сердце ее билось. Лучше утащить ее подальше, пока твари за оградой утихомирились. Вряд ли они отступят.

Подумав немного, Тристан сунул меч в ножны, чтобы обхватить женщину обеими руками. Тело ее было куда более легким, чем он ожидал по внешнему виду незнакомки.

Его походка напоминала движения морского краба; одним глазом он следил за скопищем голубых огней позади, другим — высматривал путь. Лишь миновав два ряда камней, он облегченно вздохнул.

Тристан чувствовал, как нечто пытается задержать его, силится вернуть обратно. Но, напрягая волю, стиснув зубы, он все дальше и дальше уходил от проклятого места.

Одна за другой оставались за спиной каменные гряды. Колдовской свет становился слабее. Вскоре темнота сгустилась до такой степени, что Тристан начал опасаться, как бы им не сбиться с пути. Дважды он терял дорогу; приходилось обходить внезапно выраставший из тьмы валун и тем самым возвращаться туда, откуда они бежали.

Зрение обманывало его, некий внутренний голос звал обратно. Он приноровился делать так: замечал какой-нибудь ориентир впереди, в нескольких шагах, смотрел на него, пока он не оказывался рядом, а затем выискивал следующий.

Наконец он миновал последний ряд камней. Женщина лежала у него на плече. Он чувствовал себя таким слабым, таким усталым, как будто целые сутки шагал без передышки да еще участвовал в кратковременной стычке в конце пути. Опустившись на колени, он положил свою ношу на Старую Дорогу, которую ветер совсем очистил от снега.

Небо покрыто было облаками. Луна, видно, пряталась за ними. Лежавшая на дороге женщина выглядела темной кучей тряпья. Тристан присел на корточки, пропустив руки между колен, и задумался.

Каким образом он попал туда, наверх, он не имел ни малейшего представления. Накануне вечером он, как обычно, лег в постель, а проснулся, только заведя тот мертвенный свет за оградой. Он ничуть не сомневался, что выдержал бой с древними Силами. Но что завлекло его туда?

Ему вспомнилось, как он открыл окошко в своей комнате, чтобы поглядеть на пейзаж. Неужто причина происшедшего с ним кроется в невинном любопытстве? А как же тогда слуги и хозяева постоянного двора? Не верится, что они спокойно живут тут, зная о столь грозной опасности. А может, будучи потомками первопоселенцев Гиблого Дола, они нечувствительны к зову темных сил?

Подожди, подожди. Что там говорила эта тварь? Она сказала, будто его привела к ним та самая женщина, что лежит сейчас на дороге. Но если так, то зачем?

Тристан, подавшись вперед, отогнул край капюшона и нагнул голову, всматриваясь в лицо женщины. Однако во мраке ночи невозможно было разглядеть что-либо, кроме общих контуров лица.

Вдруг ее тело откатилось в сторону. Женщина вскрикнула. В голосе ее был такой ужас, что Тристан вздрогнул и застыл как изваяние. Оттолкнувшись от дороги, она кое-как поднялась. Руки ее что-то искали в складках плаща. Она больше не кричала. Тоненький лучик луны пробился сквозь облачную завесу, высветив то, что женщина сжимала в руке.

Сверкнула сталь, Тристан успел перехватить ее руку прежде, чем кинжал вонзился в его тело. Женщина словно обезумела, она извивалась, вырывалась, пиналась, пробовала даже кусаться. Наконец он грубо обלאпил ее, как обошелся бы с мужчиной, и ударил кулаком в подбородок. Тело ее обмякло и опустилось на дорогу.

Придется тащить ее до трактира. Может, пребывание в логове демонов помutilo ее рассудок и она теперь всех вокруг принимает за врагов? Оторвав от плаща полоску ткани, Тристан связал ей руки. Поднялся, взвалил женщину на спину и пошел вниз, то и дело оскальзываясь, с трудом продираясь сквозь заросли кустарника. Дыхание женщины было еле слышным.

Который сейчас час, Тристан не знал. Однако над дверью трактира висел еще ночной фонарь. Спотыкаясь на каждом шагу, воин подковылял к камину, опустил на пол свою ношу и потянулся за дровами. Больше всего на свете ему хотелось согреться.

Голова болела. Герте показалось, что источник боли — где-то в нижней части лица. Она открыла глаза. Свет, слабый, но не тот, не голубой. Да, это блики пламени. У камина на короточках сидит какой-то человек и подкладывает в огонь дрова. Тепло уже чувствуется. Она попыталась сесть. И только теперь заметила, что запястья ее крепко связаны. Она напряглась, пристально следя за человеком у камина.

Голова его повернута была так, что Герта не могла видеть лица, но она ни капельки не сомневалась в том, что это Тристан. И последнее воспоминание: он нависает над ней, протягивает руки... чтобы еще раз овладеть ею! От отвращения ее едва не стошнило, и она торопливо сглотнула.

Осторожно Герта огляделась. Общая зала трактира. Значит, он принес ее сюда. Чтобы взять свое в тепле, а не на холодном ветру на Старой Дороге! Пускай только попробует подойти — она закричит, будет драться, пока кто-нибудь не прибежит...

Он глядел на нее, глядел так внимательно, что девушка поняла: он без труда угадал ее смятенные мысли.

— Я убью тебя, — проговорила она.

— Как уже пыталась? — спросил он. В голосе его было равнодушие, словно он задал вопрос из праздного любопытства.

— В следующий раз я не промахнусь.

Он засмеялся. А засмеявшись, стал на мгновение как будто иным человеком — моложе и менее суровым.

— Ты вовсе не промахнулась, госпожа. Я перехватил твою руку.

Улыбка сошла с его лица, глаза сузились, губы плотно сжались.

Чтобы доказать, что он ее не запугает, Герта вызывающе поглядела на него.

Он сказал:

— Или ты, госпожа, имела в виду другое? То, что случилось перед тем, как ты обнажила кинжал? Та — та тварь говорила правду? Я в самом деле очутился в их логове по твоей милости?

Наверно, в выражении ее лица прочитал Тристан ответ. Нагнувшись, он схватил девушку за плечи; как она ни отбивалась, он привлек ее к себе, так что ее глаза оказались на одном уровне с его глазами.

— Но почему? Во имя Боевой Руки Картера Справедливого, почему? Что я такого сделал тебе, девчонка, что ты затащила меня в горы на верную гибель? Или тебе все равно было, кого затащить? Кто тебе эти твари — ручные животные или хозяева? И как вообще человек мог связаться с ними? Но если ты связалась с Лягушками, зачем тебе потребовалось помогать мне? Почему, почему, почему?!

Он затряс ее, сначала несильно, а потом, с каждым новым вопросом, все грубее и грубее, так что голова ее болталась из стороны в сторону. Тело ее обмякло, и это как будто отрезвило его. Он вроде бы понял, что девушка не может ему ответить, а потому снова привлек ее к себе, словно стремясь разглядеть ответ в ее глазах.

— У меня нет родичей, которые согласились бы вызвать тебя на бой, — сказала Герта устало. — Потому мне пришлось делать все самой. Я искала тех, кто сможет отомстить...

— Отомстит! Так, значит, я не случайный прохожий, выбранный в жертву твоим приятелям! Клянусь Девятью Мирами Мира, мне незнакомо твое лицо! Быть может, в какой-нибудь схватке от моей руки пал твой родич — отец, брат, возлюбленный? Но как такое могло случиться? Те, с кем я сражался, были врагами. Женщин у них не было — только рабыни, которых они захватили в долинах. Неужели женщина Долин способна мстить за того, чьей рабыней она была? А, девчонка? Они захватили тебя в плен, и ты нашла себе среди них господина, забыв про кровь в своих жилах, так?

Будь у нее силы, она плюнула бы ему в лицо за такое оскорбление. Он, видно, заметил ее ярость.

— Значит, не так. Что же тогда? Я не из тех мерзавцев, которые шастают по округе, завязывая ссоры с товарищами. И нет такой женщины, которой я овладел бы силой, без ее согласия...

— Да? — Герта наконец-то обрела дар речи; слова полились сплошным потоком. — Нет, стало быть, такой женщины? А помнишь ли ты, brave солдат, что случилось три месяца тому назад на дороге в Дол Забвения? Видно, ты частенько так поступаешь, раз память тебя подводит!

Несмотря на обуревавшие ее гнев и страх, Герта

заметила, как вытянулось его лицо в гримасе безмерного удивления.

— Дол Забвения? — повторил он. — Три месяца тому назад? Послушай, девушка, я никогда не забирался так далеко к северу. А три месяца назад я командовал дружиной князя Ингрима — он погиб при осаде порта.

В голосе его было столько искренности, что она едва не поверила — но вовремя вспомнила про браслет.

— Ты лжешь! Разумеется, ты не запомнил моего лица. Ты ведь овладел мной в темноте, перебив перед тем врагов, которые пленили меня. Все люди моего брата тоже погибли. А со мной враги рассчитывали позабавиться. Но пришел ты — и овладел мной, воевода!

Последнее слово она точно выплюнула.

— Говорю тебе, я был в порту! — Тристан отпустил девушку. Она отползла к скамье. Теперь их разделяло довольно большое расстояние.

— Готова ли ты поклясться на Камне Истины, что то был я? Ты видела меня в лицо?

— Да, готова! А что до твоего лица, так оно мне ни к чему. Ты овладел мной в темноте, но я заметила одну вещь, заметила и запомнила ее!

Он поднес руку к подбородку, потер застарелый шрам; браслет сверкнул в бликах пламени. Украшение это так разительно отличалось от простой одежды воина; ну как, скажите на милость, можно его забыть, увидев хотя бы раз?

— Что еще за вещь?

— Ты носишь ее на запястье! Вон он, сверкает, как и тогда. Твой браслет, лгун!

Он поглядел на золотую полоску.

— Браслет! Вот оно что. Вот почему ты привела меня к Лягушкам...

Он улыбнулся, но улыбка вышла жестокой, и глаза остались холодными.

— Ты привела меня к ним, так?

Он резким движением вытянул руку и прежде, чем девушка успела увернуться, сорвал с ее головы капюшон.

— Что ты сделала со своим лягушачьим лицом? Что это было, краска или очередное колдовство? Крепко же, видно, хотела ты мне отомстить, если ради того так изуродовала себя.

Герта ошупала холодные щеки. Жаль, нет зеркала. Но раз

он говорит, что мерзкие пятна пропали, значит, так оно и есть.

— Они сдержали слово... — пробормотала девушка, отказываясь что-либо понимать. Она много раз воображала себе встречу с ним, представляла, как он будет отпираться. Богатый, видно, у него опыт в подобных делах, если на все ее обвинения единственная его реакция — веселое любопытство.

— Они? Ты имеешь в виду Лягушек? Объясни-ка мне, почему, предав сначала меня в их руки, ты потом пришла мне на выручку? Не понимаю. По-моему, связываться с теми, кто обитает там, наверху, настолько рискованно, что отважиться на это может лишь отчаявшийся человек. А отчаяние скоро не проходит... Почему ты спасла меня, девушка?

Она ответила искренне:

— Не знаю. Быть может, потому, что обидели меня, а значит, и отомстить должна тоже я. Наверно, так. А еще...

Она молчала так долго, что Тристан не выдержал:

— Что еще?

— Я не могла допустить, чтобы им достался человек, пускай даже отребье вроде тебя!

— Отлично, вот это мне уже понятно. Ненависть, страх, отчаяние толкают нас на заключение таких сделок, о которых мы потом горько сожалеем. Значит, ты не смогла принести соплеменника в жертву чужакам. Зато на дороге ты попыталась убить меня собственной рукой...

— Ты... ты хотел овладеть мной... снова! — выкрикнула Герта. Щеки ее пылали — не от жара камина, а от давнего стыда.

— Ты так подумала? Что ж, с твоими воспоминаниями это вполне естественно, — кивнул Тристан. — Но послушай меня, девочка. Первое: нога моя никогда не ступала в Дол Забвения, три ли месяца, три ли года назад, — никогда! Второе: вещь, по которой ты меня узнала, — он посмотрел на браслет, постучал по нему пальцами. — Три месяца назад у меня ее не было. Во время последней осады порта к нам на подмогу пришло много рекрутов из отдаленных долин. Они занимались тем, что вылавливали бродячие шайки врагов.

Осада в основном — пора безделья, а если человеку нечего делать, он ищет развлечений. В нашу задачу входило только следить за тем, чтобы враги не бежали из крепости, пока не подойдут корабли из Гэнделсбурга и Веннеспорта и не атаку-

ют их с моря. Ожидая эти корабли, мы забавлялись азартными играми. Даже я, за кем сложилась репутация осторожного человека, не увлекающегося подобными забавами, порой принимал в них участие.

В одну из игр я его и выиграл. Тот, кто поставил его на кон, похож был на Урре — сын убитого князя, наследник разоренного поместья. Два дня спустя он погиб, отражая вылазку врагов. Он просил меня не продавать браслет, надеясь отыграться, если повезет, потому что украшение принадлежало к числу семейных драгоценностей. В битве я открыл, что оно не только красиво, но и полезно. Поскольку парень все равно погиб, я решил оставить браслет у себя — как видно, себе же на горе. Имени его я не знаю, все звали его каким-то прозвищем. Будучи ходячим мертвецом, он половину времени пребывал вдребезги пьяным...

— Ходячим мертвецом?

Рассказ Тристана был очень убедителен, и Герта верила ему.

— Так я их называю. В Верхнем Холлеке их много. Одни — совсем юнцы, вроде Урре или владельца браслета, — он погладил украшение. — Другие годятся им в отцы. По долинам прошили огнем и мечом. Уцелевшие же края лишились людей и провианта: все забрала та либо другая рать. У страны сейчас два выбора. Либо она превратится от истощения в пустое место, либо появятся новые вожди, смелые, решительные, которые отстроят ее заново.

Герте показалось, что Тристан разговаривает не с ней, а отвечает своим собственным мыслям. Внутри себя она ощущала пустоту, как будто ее лишили чего-то важного. Руки ее инстинктивно легли на живот.

Дитя, которое она носит, — кто был его отец? Несчастный паренек, который лишился всего и потому еще при жизни стал мертвецом, который без надежды смотрел в будущее, ни в грош не ставя всякие моральные установления. Он жил одним днем и стремился за этот короткий день познать, что только можно. Девушка снова почувствовала странное облегчение. Она не потеряла ребенка, ребенка, который, как обещала Гуннора, будет только ее. Она утратила лишь желание отомстить, которое погнало ее в Гиблый Дол, к Лягушкам...

Герта вздрогнула. Несмотря на плащ и огонь в камине, холод пронизал ее до самых костей. Что она наделала, ослепленная гневом и страхом! Едва не отдала невинного

человека существом, о которых теперь и думать не осмеливалась! Что спасло ее, что толкнуло ее бросить тот камень, натертый мешочком с травами Гунноры? Что удержало ее совершить столь ужасное преступление?

И что она скажет этому мужчине, который сейчас отвернулся от нее и глядит на огонь, словно надеясь прочесть в нем таинственные руны? Герта подняла было связанные руки. Тристан повернулся к ней с улыбкой, с настоящей улыбкой, от которой она съежилась точно от удара.

— Пожалуй, надо бы тебя развязать. Или ты все еще жаждешь моей крови? — Он взял ее руки, потянул державшую их веревку.

— Нет, — тихим голосом ответила Герта. — Я верю тебе. Тот, кого я искала, мертв.

— Жалеешь, что смерть настигла его не от твоей руки?

Она поглядела на свои руки, снова прижатые к животу. Что теперь с ней будет? Остаться ли ей прислугой в трактире или приползти на коленях к Куно? Нет уж! Она подняла голову, обретая утраченную гордость.

— Я спросил, жалеешь ли ты, что не прикончила сама моего бывшего товарища?

— Нет.

— Но тебя тревожат мрачные мысли, я же вижу...

— Они тебя не касаются.

Девушка хотела встать, но Тристан положил ей руку на плечо.

— Есть такой древний обычай. Если мужчина спас девушку от страшной опасности, он имеет право...

Сначала она не поняла, потом с вызовом поглядела ему в глаза:

— Так то девушки — а я не из их числа.

Он тихонько присвистнул, но в наступившей тишине звук вышел очень громким.

— Вот оно что! Значит, я не ошибся — ты не трактирная девка. Потому ты не смогла перенести того, что он сделал с тобой. Но разве у тебя нет родича, который защитил бы твою честь?

Герта хрипло рассмеялась.

— Воевода, у моего родича было одно желание: чтобы я выпила древний женский отвар и отвела бы позор ото всей семьи. Согласись я на это, он позволил бы мне из милости остаться в доме, а вдобавок не меньше трех раз в день похвалялся бы своей добротой.

— Понимаю. Но если ты так ненавидишь того, кто был отцом твоего ребенка...

— Нет! — Ее руки потянулись к амулету Гунноры. — Я была в святилище Гунноры. Она обещала мне исполнить мое желание: дитя, которое я ношу, будет только моим и ничегошеньки не возьмет от него!

— Это она послала тебя к Лягушкам?

Герта покачала головой.

— Гуннора охраняет жизнь. Про Лягушек я узнала из старых сказок. В ослеплении пришла я к ним, и они дали мне то, что я подложила тебе в постель, чтобы зачаровать тебя. Еще они изменили мое лицо. Но... с ним уже все в порядке, правда?

— Правда. Не zapomни я твоего плаща, я бы тебя не узнал. Однако та штука в моей постели... Подожди здесь. И обещай мне, если я вернусь сам не свой, что запрешь дверь и удержишь меня тут любой ценой.

— Обещаю.

Легкой походкой человека, привыкшего ступать неслышно, ибо от этого зависит его жизнь, Тристан поднялся по лестнице вверх. Оставшись наедине с собой, Герта вновь задумалась о будущем. Кто приютит ее? Мудрые женщины из Дола Забвения? Может, попросить воина, чтобы он проводил ее туда? Но чем он обязан ей, кроме опасности, о которой и вспоминать-то не хочется? Да, пожалуй, Дол Забвения — единственное, что ей остается. Вдруг Куно как-нибудь соберется... Нет! Про это надо забыть!

Тристан возвратился, держа в руках две палочки, какими обычно разжигают огонь в жаровне. Между палочками зажат был камень, который она принесла из логова Лягушек. Подойдя к камину, Тристан кинул камешек в пламя.

Впечатление было такое, будто он подлил масла в огонь: пламя полыхнуло так, что они оба отшатнулись.

— Западни больше нет, — сказал Тристан. — Я не мог позволить, чтобы в нее угодил кто-нибудь еще.

Герта напряглась, почувствовав, что слова эти относятся и к ней.

— Извиняться будет пустой тратой слов, однако...

— Не надо, госпожа, я все понимаю. Когда человека погоняют кнутом, он всеми силами рвется на свободу. И потом, я ведь остался цел.

— Ну да, сперва я завлекла тебя в ловушку, а уж потом было «потом». Почему ты не отдал меня им? Это было бы только справедливо.

— Хватит! — Он стукнул кулаком по лавке, рядом с которой стоял на коленях. — Что было, то прошло. Кончилось. Что толку предаваться воспоминаниям, терзать и себя и другого? Итак, госпожа, — Герта невольно отетила церемонность в его голосе, — куда вы направитесь, если не в крепость своего брата? Я так понял, что туда вы возвращаться не собираетесь.

Она повертела в руках амулет.

— Вы правы. Радужно меня встретят только в одном месте — у Мудрых Женщин из Дола Забвения. Я попрошу у них приюта.

Интересно, подумалось ей, не вызовется ли он сопровождать меня: я ведь не решусь попросить его об этом. Однако следующий вопрос Тристана поверг ее в крайнее изумление.

— Госпожа, пробираясь сюда, вы по Старой Дороге переправили хребет, правильно?

— Да. Мне показалось, что так оно безопаснее, чем по тракту. Легенда говорит, что у Старой Дороги есть свои демоны, но их я боялась меньше, чем соплеменников.

— Вы должны были миновать Северный Дол. Какая там обстановка?

Не понимая, что он задумал, она тем не менее поведала Тристану о том, что увидела в Северном Доле: лишившаяся князя долина, немногочисленные жители, погруженные в сожаления о былом великолепии. Он жадно слушал.

— У вас зоркий глаз, госпожа, если вы за столь короткое время успели увидеть так много. Послушайте меня, мне кажется, вам тоже будет интересно. По-моему, Северному Долу нужен князь, такой, который расшевелит людей и отстроит разрушенное войной и временем. Я пришел на север, чтобы подыскать себе крепостцу. Я не Урре, который рожден был в благородном семействе, а теперь пьет и распутничает, не в силах оправиться от злых шуточек фортуны.

Кем был мой отец? — Тристан пожал плечами. — Мать никогда мне о том не говорила. Что не из простых, это точно; тем не менее в годы перед вторжением матери пришлось наняться на работу в купеческий дом, чтобы одеть и прокормить нас. Еще мальчишкой я знал, что возвыситься смогу только благодаря ему, — он похлопал по рукояти меча. — В купеческую гильдию безвестному пареньку путь заказан, а вот для лука с мечом всегда найдется дело. Так что я начал учиться владеть оружием. Потом в Долины

вторглись враги; я служил то одному князю, то другому и в конце концов дослужился до воеводы. И постоянно меня преследовала мысль, что в нынешнее суматошное время, когда погибают древние семейства, передо мной открываются все возможности.

В стране сейчас сколько угодно оставшихся без предводителя людей; годы войны разбередили им душу, и они не в состоянии, как раньше, сонно тащиться за плугом. Некоторые из них уже стали преступниками. Так вот, с полудюжиной честных, но неприкаянных людей за спиной я смогу захватить лишенную правителя долину вроде Северного Дола. Тамешним жителям нужен князь. Я не нарушу ни единого закона и стану охранять поселение от преступников — их теперь разведется много. Через Гиблый Дол проходит множество ветеранов, и среди них попадаются люди, которые годятся для моих целей. Причем попадаются довольно часто.

Он сделал паузу; Герта увидела по выражению его лица, что таково на самом деле желание всей его жизни. Поскольку он молчал, девушка рискнула спросить:

— Мне понятно, что решительный человек может этого добиться. Но причем же тут я?

Он пристально поглядел на нее. Она не совсем разобрала, что таилось в его взгляде.

— По-моему, госпожа, у нас много общего. Так много, что нам лучше идти по одной дороге. Нет, я не прошу ответа прямо сейчас. Завтра, — он встал и потянулся, — нет, сегодня, я переговорю с теми, кто мне показался. Если они согласятся принести мне клятву вассалов, то мы отправимся в Дол Забвения, где ты на время останешься. Тут близко...

— Два дня пути на лошади, — ответила она с облегчением, — отсюда на запад.

— Неплохо. Оставив тебя там, я поскачу в Северный Дол. Хватит ему прохлаждаться без хозяина! А через, ну, скажем, тридцать по двадцать дней я вернусь за тобой в Дол Забвения. Тогда ты мне и ответишь насчет дороги.

— Ты забыл, — руки ее легли на живот. — Я не девица, не вдова, и ношу...

— Разве Гуннора ничего тебе не обещала? Дитя будет только твоим. И да пусть счастье сопутствует вам обоим.

Она взглянула ему в лицо, желая узнать, искренне ли он говорит это. То, что она увидела... У нее перехватило

дыхание, она прижала руки к груди, сдавила в ладонях амулет.

— Приезжай в Дол Забвения, — сказала Герта тихо. — Тебя там радушно встретят и ответом не огорчат.

Содержание

ВЕДЬМЫ ИЗ ЭСТКАРПА	
<i>Перевод Ю.Соколова.....</i>	9
ДРАКОНЬЯ ЧАША	
<i>Перевод Ю.Соколова.....</i>	201
КУЗНЕЦ ВИДЕНИЙ	
<i>Перевод Ю.Соколова.....</i>	265
ЯНТАРЬ ИЗ КВЕЙСА	
<i>Перевод Ю.Соколова.....</i>	283
ЛЯГУШКИ ГИБЛОГО ДОЛА	
<i>Перевод К.Королева.....</i>	331

Литературно-художественное издание

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Андре Нортон

ВЕДЬМЫ ИЗ ЭСТКАРПА

Составитель Ариадна Георгиевна Белевцева

Ведущий редактор Е.В.Умнякова

Редактор М.А.Харузина

Художники Н.Е.Иванова, Н.В.Любешкина

Технический редактор Л.П.Бирюкова

Корректор В.Н.Николаева

Подписано к печати 16.04.92. Формат 60×88 1/16. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Объем 24 п. л. Уч.-изд. л. 19,8. Усл. - печ. л. 20,16. Тираж 50.000 экз. Заказ 1886. С11.

Издание подготовлено совместно

с МП «Бином» и АО «Эгос»

ООО «ФЕЯ». 125493. 121351. Москва, а/я 236.

**Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии № 4
Министерства печати и информации РФ 129041 Москва,
Б. Переяславская, 46**

